

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 71/1
Сборник статей

**LEGAL ISSUES
OF STRENGTHENING RUSSIAN
STATEHOOD**

Vol. 71/1
Collection of papers

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2017

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Уткин, д-р юрид. наук, проф. (председатель); **М.К. Свиридов**, д-р юрид. наук, проф. (зам. председателя); **О.И. Андреева**, д-р юрид. наук, доц. (отв. секретарь); **В.А. Азаров**, д-р юрид. наук, проф.; **Л.В. Головко**, д-р юрид. наук, проф.; **В.Н. Григорьев**, д-р юрид. наук, проф.; **О.А. Зайцев**, д-р юрид. наук, проф.; **В.В. Николук**, д-р юрид. наук, проф.; **Т.Е. Сарсенбаев**, д-р юрид. наук, проф., зам. руководителя Канцелярии Премьер-министра Республики Казахстан; **Холм Пугтке**, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой уголовного права и процесса Университета Пассау (Федеративная Республика Германия); **Уве Хельман**, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой уголовного экономического права Потсдамского университета (Федеративная Республика Германия); **Бруно Холыст**, д-р юрид. наук, проф., профессор Пултуской академии гуманитарных наук им.А.Гейштора (Республика Польша)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Научные редакторы:

О.И. Андреева, д-р юрид. наук, доц.;
Т.В. Трубникова, канд. юрид. наук, доц.;
Ответственный секретарь –
И.В. Чаднова, канд. юрид. наук

EDITORIAL COUNCIL

V.A. Utkin, Dr. of Law, Professor (Chairman); **M.K. Sviridov**, Dr. of Law, Professor (Vice Chairman); **O.I. Andreeva**, Dr. of Law, Associate Professor (Executive Editor); **V.A. Azarov**, Dr. of Law, Professor; **L.V. Golovko**, Dr. of Law, Professor; **V.N. Grigoriev**, Dr. of Law, Professor; **O.A. Zaitsev**, Dr. of Law, Professor; **V.V. Nikoluk**, Dr. of Law, Professor; **T.Ye. Sarsenbayev**, Dr. of Law, Professor, Deputy Head of the Chancellery of the Prime Minister of the Republic of Kazakhstan; **H. Puttske**, Dr. of Law, Professor, the Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the University of Passau (Federal Republic of Germany); **U. Hellman**, Dr. of Law, Professor, the Head of the Department of Criminal and Economic Law of The University of Potsdam (Federal Republic of Germany); **B. Holyst**, Dr. of Law, Professor of the Geishtor Pultusk Academy of Humanities (Republic of Poland)

EDITORIAL BOARD

Scientific Editors:

Olga I. Andreeva, Doctor of Law, Associate Professor;
Tatiana V. Trubnikova, PhD in Law, Associate Professor
Executive Editor
Irina V. Chadnova, PhD in Law, Associate Professor

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408
П68

П68 Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей / науч. ред.: О.И. Андреева, Т.В. Трубникова; отв. секретарь И.В. Чаднова. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. – Ч. 71/1. – 330 с.

Andreeva, O.I., Trubnikova, T.V. & Chadnova, I.V. (eds) (2017) Legal Issues of Strengthening Russian Statehood: Collection of Papers. Vol. 71/1. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University. 330 p.

ISBN 978-5-94621-611-1

В сборник включены статьи участников Всероссийского форума «Правовые проблемы укрепления российской государственности: уголовный процесс, правоохранительная деятельность и прокурорский надзор» (Томск, 29-30 января 2016), посвященные актуальным теоретическим и практическим вопросам уголовного процесса, теории и практики прокурорского надзора и деятельности по расследованию преступлений.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших юридических учебных заведений, а также практических работников правоохранительных органов.

The collection includes papers of the participants of the All-Russian Forum “Legal Issues of Strengthening Russian Statehood: Criminal Procedure, Law Enforcement and Prosecutor’s Supervision” (Tomsk, 29-30 January 2016) on topical theoretical and practical aspects of criminal procedure, the theory and practice of prosecutor's supervision and crime investigation.

The book is intended for faculty, graduate students and students of higher educational law institutions, as well as for practitioners of law enforcement agencies.

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Томского регионального отделения Общероссийской общественной
организации «Ассоциация юристов России»*

ISBN 978-5-94621-611-1

© Томский государственный университет, 2017

ОБЩАЯ ЧАСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

DOI: 10.17223/9785946216111/1

О.И. Андреева

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16–03–00413
«Злоупотребление правом в уголовном процессе: системные и несистемные проявления,
их предотвращение и пресечение».

Рассматриваются проблемные аспекты использования психофизиологического исследования в уголовном процессе. Автор приходит к выводу о том, что результаты психофизиологического исследования можно использовать в уголовном судопроизводстве в качестве ориентирующей информации при планировании расследования, выдвижении и проверке следственных версий, осуществления оперативно-розыскной деятельности, но не в качестве доказательства по делу. Формулируются предложения, направленные на защиту прав и законных интересов участников психофизиологического исследования.

Ключевые слова: психофизиологическое исследование, доказательства, защита прав и законных интересов, злоупотребительное поведение.

Следствием развития науки, искусства, техники и ремесла является возникновение новых направлений исследования, направленных на выявление идеальных следов преступления. Разработка и внедрение в практику новых исследований порождает ряд проблем, связанных с их осуществлением. Одним из таких исследований является психофизиологическое исследование с использованием полиграфа.

Несмотря на длительный срок и повсеместное использование психофизиологического исследования для получения имеющей значение для уголовного дела информации, остаются нерешенными вопросы о юридической природе психофизиологического исследования, его роли в уголовном судопроизводстве, его значении для расследования преступлений. По мнению Ю.И. Холодного, с использованием поли-

графа осуществляется судебно-психофизиологическая экспертиза [1. С. 26]. На взгляд А.Р. Белкина, психофизиологическое исследование на полиграфе не может считаться экспертизой [2. С. 16]. К такому же выводу пришел Экспертно-консультативный совет при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества, согласно заключению которого использование полиграфа в качестве средства получения доказательств в уголовном судопроизводстве недопустимо и противоречит Конституции РФ [3].

В научной литературе можно встретить предложение об использовании полиграфа в качестве технического средства фиксации психофизиологии лица, дающего показание. По мнению Н.Н. Апостоловой, «полиграф если и может использоваться в уголовном судопроизводстве, то только в качестве технического средства фиксации психофизиологического состояния дающего показания лица, аналогично фонограмме, аудио- или видеозаписи допроса. И ни в коем случае – как научно-техническое средство для проведения экспертного исследования» [4. С. 65]. В.А. Семенцов предлагает предусмотреть новое следственное действие – проверку показаний на полиграфе [5. С. 136–138]. Различна и практика использования в уголовном судопроизводстве результатов психофизиологического исследования на полиграфе. Так, в соответствии с апелляционным определением Верховного Суда РФ от 29.01.2014 г. № 66-АПУ13-85СП «психофизиологическое исследование (проверка на полиграфе) уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено, не является доказательством факта и не может представляться в качестве такового коллегии присяжных заседателей» [6]. В кассационном определении Верховного Суда РФ от 26.05.2011 г. № 81-О11-49 указано, что «имеющиеся в деле заключения “специалиста с правом работы с полиграфными устройствами при опросе граждан” К., которые судом расценены как “заключения эксперта”, не могут быть признаны таковыми, поскольку не отвечают требованиям, предъявляемым законом к заключению эксперта» [7].

В то же время кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 08.02.2011 г. № 72-011-3 психофизиологическое исследование (в определении – экспертиза) с использованием полиграфа фактически было признано допустимым доказательством по делу, при этом в кассационном определении суд указал, что «как следует из материалов дела, психофизиологическая

экспертиза осуществлялась на основе постановления следователя квалифицированным и опытным экспертом, которым являлся заведующий лабораторией специальных психофизиологических исследований Сибирской академии права, экономики и управления, кандидат юридических наук, доцент Я., имеющий свидетельство на право опроса граждан с использованием полиграфа и общий стаж экспертной работы 15 лет. Психофизиологическая экспертиза... проводилась в соответствии с Методическими рекомендациями по проведению психофизиологических исследований с использованием полиграфа. Оснований не доверять выводам эксперта у судебной коллегии не имеется» [8].

Для того чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо рассмотреть особенности проведения психофизиологического исследования на полиграфе. При производстве психофизиологического исследования полиграфолог интерпретирует психофизиологические реакции опрашиваемого лица на те или иные воздействия и выносит суждение о наличии в памяти человека идеальных следов какого-либо события или его фрагментов. Как следствие, применение полиграфа возможно только с добровольного согласия допрашиваемого. Участие в психофизиологическом исследовании должно быть только правом допрашиваемого, в противном случае результаты нельзя будет использовать ни с тактической, ни с оперативно-розыскной целью. Кроме того, с целью обеспечения прав и свобод допрашиваемого лица участие в психофизиологическом исследовании возможно только после предварительной консультации его с адвокатом, что обязательно должно быть отражено в постановлении о назначении психофизиологического исследования.

Наличие права на консультацию с адвокатом перед участием в психофизиологическом исследовании не предусмотрено УПК РФ, как следствие, его реализация зависит от ничем не ограниченного усмотрения должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, соответственно, не исключает возможности злоупотребительного поведения. Кроме того, подвергнуться психофизиологическому исследованию может не только лицо подозреваемое, обвиняемое в совершении преступления, но и по заявленному ходатайству – свидетель, потерпевший, которым право на назначение адвоката УПК РФ вообще не предусматривает.

Особенностью психофизиологического исследования является то, что передача информации от полиграфолога должна вызывать наибо-

лее сильную эмоциональную реакцию испытуемого на определенные вопросы, подлежащие однозначному объяснению. С точки зрения достоверности и надежности результатов применения полиграфа этот тактический аспект оказывается решающим. По своей природе, как указывает О.В. Белюшина, такое воздействие могут оказывать не только слова или изображения, но и схожие с воздействием действия следователя (например, его приближение к тому или иному предмету во время следственного действия) [9. С. 28].

Проблема в данном случае состоит в правильной формулировке вопросов и точном анализе психофизиологических реакций на них. При этом является важным строгое соблюдение методик проведения психофизиологического исследования и правил оценки полученных результатов. В этой связи стоит сказать, что в литературе отмечается отсутствие «единого научно-методического подхода к практике проведения психофизиологических исследований и экспертиз с применением полиграфа, профессиональной подготовке и специализации полиграфологов» [10. С. 11].

Кроме постановки вопросов полиграфологом, большое значение имеет и сама процедура исследования, так как достоверность результатов психофизиологического исследования в значительной степени зависит от созданных оператором конкретных условий. В связи с этим психофизиологическое исследование с использованием полиграфа состоит из нескольких этапов.

Первый этап – это предтестовая беседа, которая считается обязательным компонентом процедуры проверки на полиграфе. Во время беседы опрашиваемого знакомят с деталями предстоящего исследования, с ним обсуждаются вопросы, правила его поведения во время тестирования, одновременно создается необходимая атмосфера психологического контакта. Беседа призвана успокоить невиновного или вызвать напряженность у человека, собирающегося скрыть правду. В методических рекомендациях по использованию полиграфа в качестве одной из задач отмечается убеждение проверяемого, что полиграф обмануть нельзя. Необходимо учитывать психологическое состояние лица, подлежащего опросу, особенности его поведения. Наблюдение за поведенческими реакциями опрашиваемого перед началом опроса на полиграфе и в момент его проведения могут в значительной мере способствовать успешному выявлению скрываемой информации. Следует учитывать отмеченные в практике случаи, ко-

гда из-за психического перевозбуждения, вызванного длительными допросами, необоснованными обвинениями или иными негативными воздействиями, лица, подвергнутые исследованию с помощью полиграфа, оговаривали себя, а позднее выяснялась их непричастность к преступлениям [1. С. 28]. Кроме того, в литературе отмечается, что «помимо специально подготовленных лиц, полиграф с легкостью “обходят” социопаты, в ряде случаев несовершеннолетние и пожилые лица, патологические лгуны, профессиональные актеры, лица с признаками маниакально-депрессивного синдрома или шизофрении» [11. С. 14].

Второй этап заключается в проведении стимулирующего теста, необходимого для демонстрации опрашиваемому работы полиграфа и возможности с помощью него определить скрываемую информацию. Цель стимулирующего теста – убедить проверяемого в точности показаний прибора, дифференцировать его реакции на различные вопросы во время испытания.

Третий этап – непосредственное проведение тестирования в строго определенной последовательности и в соответствии с научно обоснованными методиками, описанными в научной литературе и апробированными в исследовательской практике. В то же время правы авторы, отмечающие в качестве слабой стороны психофизиологического исследования на полиграфе то, что «наше сознание работает по определенным четким принципам, но закономерности его функционирования не познаны, а следовательно, у нас нет объективной возможности исследования психических процессов напрямую при помощи полиграфа. Поэтому основные положения проблемы полиграфа основываются на идее о сведении сознания к поведению и гипотезе о его отражении через мануальные, вербальные и висцеральные реакции... Отсутствуют достаточные основания для утверждения, что реакция... вызвана ложью или утаиванием информации» [12. С. 82].

Завершающий этап состоит в оглашении результатов исследования опрашиваемому. При этом следователь может провести последующий допрос и, по возможности, очную ставку, направленную на его признание или сообщение дополнительной информации. Во многом теоретическое осмысление тактической и уголовно-процессуальной сторон методики психофизиологического исследования и ее результатов должно строиться на учете природы идеальных следов. При этом следует иметь в виду вероятностную взаимосвязь между психическими и физиологическими явлениями.

На основании изложенного следует поддержать вывод А.Р. Белкина о том, что «нет нужды отрицать возможности полиграфа в деле получения ориентирующей информации. Пусть не являющейся доказательством, однако способной принести пользу при планировании расследования, выдвигении и проверке следственных версий и т.п.» [2. С. 18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Холодный Ю.И. Методические средства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Юридическая психология. 2014. № 2. С. 26–33.
2. Белкин А.Р. Допустимость, достоверность, процессуальная пригодность, или Еще раз о роли полиграфа в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2013. № 2. С. 14–20.
3. О конституционно-правовых аспектах применения полиграфа в качестве доказательства в уголовном процессе. URL: http://expert-council.narod.ru/older-files/1/Zakljuchenie_skan.pdf
4. Апостолова Н.Н. Применение полиграфа в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2012. № 6. С. 64–66.
5. Семенцов В.А. Новое следственное действие – проверка показаний на полиграфе // Российский юридический журнал. 2010. № 5. С. 132–137.
6. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 29.01.2014 № 66-АПУ13-85СП. URL: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=577858
7. Определение Верховного Суда РФ от 26.05.2011 № 81-О11-49 (документ опубликован не был).
8. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 08.02.2011 № 72-011-3. URL: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=423614
9. Белюшина О.В. Психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа // Вестник полиграфолога. 2008. № 5. С. 24–29.
10. Холодный Ю.И. Совершенствование методического обеспечения криминалистических исследований с применением полиграфа // Юридическая психология. 2014. № 1. С. 10–12.
11. Кубанцев С.П. Полиграф: законодательная регламентация и перспективы использования // Адвокат. 2013. № 9. С. 33–38.
12. Зотов Д.В., Панюшкин В.А. Обман в уголовном судопроизводстве: сущность, допустимость, формы // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 79–82.

THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS OF PSYCHOPHYSIOLOGICAL EXAMINATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Olga I. Andreeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: univer_tgu@rambler.ru

Keywords: psychophysiological examination, evidence, protection of rights and legal interests, abusive behavior.

DOI: 10.17223/9785946216111/1

The consequence of the development of science, art, technology and craft is the emergence of new studies aimed at identifying the ideal traces of the crime. The development and introduction of new studies raise a number of problems connected with their implementation. One of these studies is a psychophysiological examination using polygraphs.

Analysis of legal literature led to a conclusion that there is no unity in the legal nature of a psychophysiological examination, its role in criminal proceedings, its importance for the investigation of crimes. Some authors believe it possible to consider a psycho-physiological examination as an expert study, others deny this possibility. The use of the polygraph as a technical means of fixing the psychophysiology of the testifying person is also considered. An original idea is of the need to introduce a new investigative action – polygraph testimony. The practice of the use of the results of a psychophysiological examination on the polygraph in criminal proceedings is diverse.

The paper discusses the features of a psychophysiological examination on the polygraph. There are problematic aspects of the use of a psycho-physiological examination on the polygraph in criminal proceedings, namely the ability to intentionally or unintentionally influence the reliability of the data the polygraph fixes, the subjectivity of their interpretation: these do not exclude the possibility of error or abuse in deciphering examination data.

A conclusion is drawn that the results of a psychophysiological examination can be used in criminal proceedings as guiding information when planning an investigation, advancing and verifying investigative leads, when implementing operational and investigative activities rather than as evidence in the case.

Meanwhile, even in this perspective there is a problem of protecting the rights and legitimate interests of psychophysiological examination participants. As a result, proposals are formulated for their support.

It is noted that participation in a psychophysiological examination should only be the right of the interrogated person; otherwise, the results cannot be used for any tactical or operational and investigative purposes. In addition, to ensure the rights and freedoms of the interrogated person, participation in a psychophysiological examination is possible only after their prior consultation with a lawyer. However, the right to consult with a lawyer prior to participation in a psychophysiological examination is not enshrined in the RF Code of Criminal Procedure; as a result, its exercise depends on an unfettered discretion of the officer in charge of the criminal case, which, respectively, does not exclude the possibility of abusive behavior. Attention is drawn to the fact that not only the suspect or the accused can undergo a psychophysiological examination, but also, by request, a witness, a victim, who is not granted the right to be appointed a lawyer by the RF Code of Criminal Procedure.

REFERENCES

1. Kholodnyy, Y. (2014) Methodical remedies of court psychophysiological expertise using a polygraph. *Yuridicheskaya psikhologiya = Legal psychology*. no. 2, pp. 26-32. (In Russian).

2. Belkin, A. (2013) Validity, reliability, procedural suitability, or again about the role of the polygraph in criminal process. *Ugolovnoye sudoproizvodstvo = Criminal justice*. no.2, pp. 14-20. (In Russian).
3. *O konstitutsionno-pravovykh aspektakh primeneniya poligrafa v kachestve dokazatel'stva v ugolovnom protsesse* [On the constitutional and legal aspects of the use of the polygraph as evidence in a criminal trial] [Online]. Available from: http://expert-council.narod.ru/olderfiles/1/Zakljuchenie_skan.pdf
4. Apostolova, N. (2012) The use of polygraph in criminal justice. *Rossiyskaya yustitsiya = The Russian justice*. no. 6, pp. 64-66. (In Russian).
5. Sementsov, V. (2010) New investigation activity – examination of evidence using polygraph. *Ros. jurid. zhurnal. = Russian Legal Journal*. no. 5, pp. 132-137. (In Russian).
6. *Apellyatsionnoye opredeleniye Verkhovnogo Suda RF ot 29.01.2014 № 66-APU13-85SP* [The appeal decision of the Supreme Court of Russian Federation on 29.1.2014 № 66 APU13-85SP] [Online]. Available from: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=577858
7. *Opredeleniye Verkhovnogo Suda RF ot 26.05.2011 № 81-O11-49* [The decision of Supreme Court of Russian Federation]
8. *Kassatsionnoye opredeleniye Sudebnoy kollegii po ugolovnym delam Verkhovnogo Suda RF ot 8 fevralya 2011 g. № 72-011-3* [The cassation decision of the Judicial Board of Criminal Cases of the Supreme Court of Russian Federation on February 8, 2011 № 72-011-3] [Online]. Available from: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=423614
9. Belyushina, O. (2008) The psychophysiological expertise using a polygraph. *Vestnik poligrafologa = The Bulletin of the polygraph*. no.5, pp. 24-29. (In Russian).
10. Kholodnyy, Y. (2014) Improvement of methods support of forensic science studies with application of polygraph. *Yuridicheskaya psikhologiya = The legal psychology*. no. 1, pp. 10-12. (In Russian).
11. Kubantsev, S. (2013) Polygraph: legal regulation and prospects of use. *Advokat = The lawyer*. no. 9, pp. 33-38. (In Russian).
12. Zotov, D., Panyushkin, V. (2015) The deception in criminal proceedings: the essence, admissibility, forms. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyy protsess = The judiciary and criminal procedure*. no. 4, pp. 79-82. (In Russian).

А.В. Быкова

ГРАЖДАНСКИЙ ИСК В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье речь идет о гражданском иске в уголовном судопроизводстве. Автор приходит к выводу о том, что гражданский иск является комплексным и при этом самостоятельным уголовно-процессуальным институтом; представляется необходимым все вопросы, связанные с его применением, все же урегулировать в УПК РФ.

Ключевые слова: гражданский иск, уголовное судопроизводство, защита прав потерпевшего, классификация гражданских исков.

Актуальность темы обусловлена тем, что гражданский иск находится на рубеже смежных наук, в связи с этим возникает проблема совмещения исковой формы защиты права с уголовным процессом.

Исторически гражданский иск как способ защиты права возник в цивилистической доктрине. Однако, применяясь в уголовном процессе как способ защиты имущественных прав лиц, потерпевших от преступлений, гражданский иск со временем приобрел определенную специфику. Придерживаясь мнения Ю.Ф. Беспалова и Д.В. Гордеюка, сегодня гражданский иск в уголовном процессе следует понимать как требование лица о возмещении вреда, причиненного преступлением, гражданскому истцу, предъявляемое по правилам уголовного судопроизводства в период возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия в суде первой инстанции.

Двойственная природа гражданского иска обусловила дискуссии о правовой сущности и обоснованности применения гражданского иска в современном уголовном процессе.

Думается, следует согласиться со сторонниками применения гражданского иска в уголовном процессе С. Милициным, Е. Попковой, которые считают, что он необходим и гарантирует защиту прав потерпевшего [1. С. 22–23]. Кроме того, гражданский иск не противоречит уголовному процессу и уместен для рассмотрения в нём, так как деяния виновной стороны нарушают нормы материального права, как уголовного, так и гражданского. Рассмотрение гражданского иска обеспечивает наиболее быстрое восстановление нарушенных прав

потерпевшего, способствует недопущению противоречивых выводов по одним и тем же вопросам.

В качестве гражданского истца могут выступать физические и юридические лица, а также прокурор в защиту интересов государства. В качестве гражданского ответчика может быть привлечено физическое или юридическое лицо, которое несет ответственность за вред, причиненный преступлением. Решение о признании гражданским истцом и гражданским ответчиком оформляется определением суда или постановлением судьи, следователя, дознавателя.

Помимо указанных лиц при рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе могут принимать участие и представители ранее названных сторон.

В УПК не предусмотрена возможность заявления и рассмотрения совместно с уголовным делом иска неимущественного характера, например исков о лишении обвиняемого родительских прав, о признании ограниченно дееспособным; такие иски подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства.

В уголовном процессе виды гражданских исков классифицируют исходя из их особенностей:

- 1) особенности возмещения вреда здоровью или жизни;
- 2) особенности возмещения имущественного вреда;
- 3) компенсация морального вреда.

На мой взгляд, учитывая то, что гражданский иск является комплексным и при этом самостоятельным уголовно-процессуальным институтом, представляется необходимым все вопросы, связанные с его применением, все же урегулировать в УПК РФ.

В целом существование института гражданского иска в уголовном процессе представляется обоснованным и необходимым, и именно по этому пути, невзирая на неоднозначность восприятия и трактовки данного института в уголовно-процессуальной науке, пошел российский законодатель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милицин С., Попкова Е. Уголовное дело и гражданский иск: вместе или порознь? // Российская юстиция. 2001. № 7. С. 46–48.

CIVIL SUIT IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Anastasia V. Bykova, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).
E-mail: AVBuckova@yandex.ru

Keywords: civil suit, criminal proceedings, protection of rights of victim, classification of civil suits.

DOI: 10.17223/9785946216111/2

The topic is relevant because a civil suit is the subject of several related sciences; thus, the problem arises of combining the claim form of protection of rights and the criminal procedure.

It is noted that historically a civil suit as a way to protect rights originated in the civil doctrine. However, being applied in the criminal procedure as a way to protect the property rights of individuals, victims of crimes, a civil suit acquired certain specific features with time. The dual nature of a civil suit has led to discussions about the legal nature and validity of the application of a civil suit in the modern criminal procedure.

The author concludes that a civil suit is a complex yet independent criminal procedure institute, and it is necessary to regulate all the issues connected with its application in the RF Code of Criminal Procedure.

It is proposed to consider a civil suit in the criminal procedure as a requirement of a person to compensate for damages caused by the offence to the civil claimant. This requirement is to be made according to the rules of criminal proceedings within the initiation of a criminal case, before the end of the trial in the court of first instance.

A conclusion is made that a civil suit in the criminal procedure is required; it guarantees the protection of the rights of the victim, it does not contradict the criminal procedure. It is also appropriate to consider a civil suit in the criminal procedure as the guilty party actions violate the substantive law, both criminal and civil. Consideration of a civil suit provides the most rapid restoration of the violated rights of the victim; it helps prevent contradictory conclusions on the same issues.

Attention is drawn to the fact that the civil party can be both natural and legal persons, as well as the public prosecutor in the protection of state interests. The civil defendant can be natural or legal persons responsible for the harm the crime caused. The decision on the recognition of the civil plaintiff and the civil defendant is issued by the order of the court or decision of a judge, an investigator, an inquiry officer.

In addition to these individuals, representatives of the mentioned parties can participate in the consideration of a civil suit in the criminal procedure.

It is noted that the RF Code of Criminal Procedure does not provide for the filing and consideration of a suit of non-property nature together with the criminal case, for example, claims to terminate parental rights of the accused, to deem the accused partially incapacitated. Such suits are considered in civil proceedings.

The author offers a classification of types of civil suits in the criminal procedure, based on their features: 1) features of compensation for the harm caused to health or life; 2) features of compensation for property damage; 3) compensation for non-pecuniary damage.

In general, the existence of the institute of a civil suit in the criminal procedure is reasonable and necessary, and, despite the ambiguity of the perception and interpretation of this institute in the criminal procedure science, the Russian legislator uses it.

REFERENCES

1. Militsin, S., Popkova, E. (2001). The criminal case and civil action: together or separately? *Rossiyskaya yustitsiya*. = *The Russian Justice*. no. 7.

DOI: 10.17223/9785946216111/3

И.И. Власов

ОТВОД СЛЕДОВАТЕЛЯ-КРИМИНАЛИСТА

Рассматриваются проблемные аспекты отвода следователя-криминалиста в уголовном процессе. Формулируется вывод о необходимости произвести более детальное урегулирование деятельности следователя-криминалиста. Подчеркиваются необходимость проработки процедуры отвода следователя-криминалиста, фиксация конкретного перечня оснований и определение «процессуальной судьбы» доказательств, полученных следователем-криминалистом, которому был заявлен отвод.

Ключевые слова: следователь-криминалист, процессуальное положение, отвод, основания отвода следователя-криминалиста.

Согласно ст. 62 УПК РФ при наличии оснований для отвода судья, прокурор, следователь, дознаватель, секретарь судебного заседания, переводчик, эксперт, специалист, защитник, а также представители потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика обязаны устраниваться от участия в производстве по уголовному делу. В случае если перечисленные лица не устранились от участия в производстве по уголовному делу, отвод им может быть заявлен подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, защитником, а также государственным обвинителем, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком или их представителями.

В силу занимаемого ими процессуального положения они могут оказать значительное влияние на ход и результаты производства по уголовному делу. Поэтому право заявить отвод указанным должностным лицам по мотиву их заинтересованности в деле является важной процессуальной гарантией законности расследования и всего уголовного судопроизводства в целом. При этом заявление об отводе обязательно должно найти отражение в материалах уголовного дела.

Несколько обособленным участником уголовного судопроизводства в настоящее время видится следователь-криминалист. В соответствии со ст. 38 УПК РФ, следователь – это должностное лицо органов предварительного следствия, уполномоченное осуществлять предварительное следствие, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ. Независимо от ведомственной принадлежности процессуальные полномочия следователей одинаковы. Различия имеются только в компетенции с учетом подследственности уголовных дел.

Процессуальный статус такого участника уголовного процесса, как «криминалист», в УПК РФ не закрепляется, однако ст. 57 УПК РФ содержит понятие «эксперт». Эксперт – лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном настоящим Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения.

В свою очередь следователь-криминалист – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству.

В контексте данного содержания процессуальной нормы непонятно, какими процессуальными полномочиями данный субъект обладает: он следователь, или все же криминалист, или специалист-криминалист? К сожалению, процессуальный статус и профессиональные функции следователя-криминалиста не определены и в разделе 2 (Участники уголовного судопроизводства) УПК РФ не отражены.

В настоящее время следователь-криминалист, согласно штатному расписанию, входит в состав отдела криминалистики следственных подразделений Следственного комитета России. Следователь-криминалист фактически выполняет функции, которые ранее выполнял прокурор-криминалист, согласно приказу генерального прокурора РФ от 27.01.1997 г. № 4 «Положение о прокурорах-криминалистах». Процессуальная регламентация деятельности прокурора-криминалиста также отсутствовала и в УПК РСФСР, и в УПК РФ [1. С. 25].

В соответствии с приказом председателя Следственного комитета РФ от 11.08.2011 г. № 124 «Об организации работы следователей-криминалистов в системе следственного комитета РФ» [2] были поставлены следующие задачи: осуществление криминалистической

деятельности; внедрение в деятельность следственного комитета России достижений науки, техники и положительного опыта расследования и раскрытия преступлений; разработка методики и тактики расследования преступлений отдельных видов; организация практики использования следственными органами банков данных криминалистической информации, практики криминалистического сопровождения предварительного следствия, организации надлежащего хранения вещественных доказательств; организации стажировки назначенных сотрудников; разработка информационно-методических документов; формирование и ведение учета нераскрытых убийств, иных баз данных криминалистической информации; внедрение в следственную практику новых технико-криминалистических средств и средств программного обеспечения предварительного расследования, иных средств и методов криминалистики; применение при производстве следственных действий криминалистической и специальной техники; обеспечение надлежащего функционирования передвижных криминалистических лабораторий и многое другое.

Таким образом, с позиции руководства Следственного комитета России деятельность следователя-криминалиста рассматривается как совершенствование уровня профессионального мастерства следователей в целях раскрытия и расследования преступлений, а также выполнения некоторых функций криминалистических подразделений по аналогии с ЭКЦ МВД РФ и НИЛ судебных экспертиз Минюста России.

Вместе с тем п. 40 (1) ст. 5 УПК РФ наделяет следователя-криминалиста рядом функций: осуществлять предварительное следствие по уголовному делу; участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий; производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству.

При этом открытым остается вопрос об отводе следователя-криминалиста, а также об основаниях данной процедуры для данного участника уголовного судопроизводства, деятельность которого в настоящий момент недостаточно регламентирована.

В соответствии со ст. 67 УПК РФ, решение об отводе следователя принимает руководитель следственного органа, а решение об отводе начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя принимает прокурор.

В свою очередь ст. 70, предусматривающая основания для отвода эксперта, отсылает нас к положению ч. 1 ст. 69. В данной статье закрепляется, что решение об отводе переводчика в ходе досудебного производства по уголовному делу принимает дознаватель, следователь, а также суд в случаях, предусмотренных ст. 165 УПК РФ. В ходе судебного производства указанное решение принимает суд, рассматривающий данное уголовное дело, или судья, председательствующий в суде с участием присяжных заседателей.

Кроме того, ст. 70 закрепляет несколько дополнительных положений об отводе эксперта, в частности эксперт не может принимать участие в производстве по уголовному делу:

- при наличии обстоятельств, предусмотренных ст. 61 настоящего Кодекса. Предыдущее его участие в производстве по уголовному делу в качестве эксперта или специалиста не является основанием для отвода;

- если он находился или находится в служебной или иной зависимости от сторон или их представителей;

- если обнаружится его некомпетентность.

Существующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит отдельных положений, посвященных основаниям для отвода следователя-криминалиста, а также последствиям данного процессуального действия. При наличии оснований, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством для отвода эксперта, возможно ли применить данную процедуру к следователю-криминалисту?

Одним из оснований для отвода эксперта является нахождение или бывшее нахождение последнего в служебной или иной зависимости от сторон или их представителей. В данном случае в ч. 40.1 ст. 5 УПК РФ прямо предусматривается не просто зависимость следователя-криминалиста от одной из сторон, а его прямое подчинение руководителю следственного органа. В случае если считать применимыми к следователю-криминалисту основания для отвода, предусмотренные ст. 70 УПК РФ, прослеживается явная коллизия в нормах законодательства, требующая скорейшего разрешения.

Другим основанием для отвода эксперта является его некомпетентность. В случае если считать и это основание применимым к следователю-криминалисту, то неразрешенным остается вопрос – подпадает ли в таком случае указанное лицо «полному» отводу, исключаяющему его из расследования отдельно взятого дела, или же необходимо исключить только те доказательства, которые были получены

в результате одной лишь «экспертной» деятельности следователя-криминалиста.

Кроме того, наиболее значимым и актуальным является вопрос о процессуальном статусе полученных следователем-криминалистом доказательств в случае заявления ему отвода сторонами.

Абзац 3 п. 2 Приказа Следственного комитета России от 11.08.2011 г. № 124 «Об организации работы следователей-криминалистов в системе Следственного комитета Российской Федерации» [2] закрепляет, что следователь-криминалист по письменному поручению руководителя следственного органа имеет право участвовать в производстве осмотров (или производить осмотры): неопознанного трупа; места жительства (последнего места пребывания) пропавшего без вести лица; места происшествия по сообщениям о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных в условиях неочевидности, получивших общественный резонанс или требующих применения специальных навыков при проведении указанного следственного действия в целях обнаружения и закрепления следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для расследования уголовного дела или рассмотрения сообщения о преступлении.

При наличии одного из оснований, предусмотренных ст. 61 УПК РФ, например родственных связей, лицо должно быть исключено из процесса расследования. Однако как в таком случае следует поступить с доказательствами, если указанные родственные связи между следователем-криминалистом и иным участником производства были обнаружены уже после проведения им следственных и экспертных действий?

При разрешении вопроса о полном признании доказательств недопустимыми может встать иной вопрос – оказали ли влияние на объективность следователя-криминалиста сведения о наличии родственных связей? Однозначно нет. При этом УПК РФ четко и неоднозначно говорит о том, что в таком случае следователь, а значит и следователь-криминалист, в производстве по уголовному делу участвовать не может. Вопрос о том, как поступить в подобной ситуации, не нашел своего отражения в законодательных и подзаконных актах и в настоящий момент остается открытым.

На основании вышеизложенного считается необходимым произвести более детальное урегулирование деятельности следователя-криминалиста. Его процессуальное положение, функции, а также

полномочия необходимо закрепить в соответствующих статьях Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Особо подчеркиваются необходимость проработки процедуры отвода следователя-криминалиста, фиксация конкретного перечня оснований и определение «процессуальной судьбы» доказательств, полученных следователем-криминалистом, которому был заявлен отвод.

ЛИТЕРАТУРА

1. Темираев О.П. Процессуальные полномочия следователя-криминалиста // Российский следователь. 2012. № 18. С. 24–27.
2. Об организации работы следователей-криминалистов в системе следственного комитета РФ : приказ Следственного комитета России от 11.08.2011 № 124 (документ опубликован не был).

CHALLENGE OF A FORENSIC INVESTIGATOR

Igor I. Vlasov, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation).
E-mail: ellenarr@mail.ru

Keywords: forensic investigator, procedural status, challenge, grounds for challenge of forensic investigator.

DOI: 10.17223/9785946216111/3

The right to challenge officials in charge of preliminary investigation or trial based on their interest in the case is an important procedural guarantee of the legality of an investigation and criminal proceedings as a whole. Currently, a forensic investigator is a separate participant of criminal proceedings.

The author examines the differences in the consolidation of the procedural status of an investigator, a forensic expert, an expert and a forensic investigator. It is noted that the content of the procedural rules does not specify the procedural powers of a forensic investigator, as well as their functions in the criminal procedure.

Analysis of the RF Investigative Committee Order 124 of August 11, 2011 has led the author to a conclusion that the activities of a forensic investigator are considered as perfection of the professional skills of investigators to disclose and investigate crimes, and to perform some functions of forensic units. However, Paragraph 40.1 of Art. 5 of the RF Code of Criminal Procedure endows a forensic investigator with some procedural powers.

This leaves open the question of the challenge of a forensic investigator, as well as of the grounds for this procedure.

The author analyses the grounds for the challenge of an expert and the possibility of applying the law on the challenge of an expert by analogy to a forensic investigator. One of the grounds for the challenge of an expert is that the latter was or is dependent (employed, etc.) on the parties or their representatives. In this case, Part 40.1 of Art.

5 of the RF Code of Criminal Procedure expressly fixes the forensic investigator's dependence on one of the parties or, rather, their direct subordination to the head of an investigative body. If to consider grounds for the challenge of a forensic investigator under Art. 70 of the RF Code of Criminal Procedure applicable, there is a clear conflict in the legislation that requires an urgent resolution. Another ground for the challenge of an expert is their incompetence. If to consider this ground applicable to a forensic investigator, there is an unresolved question of whether in this case the person is "completely" removed, which excludes them from the investigation of a case, or whether it is the evidence that has been obtained by the forensic investigator's "expert" activities that shall only be excluded.

In addition, most important and relevant is the question of the procedural status of the evidence a forensic investigator has received in the event of their challenge by the parties.

The author draws a conclusion on the need to produce a more detailed regulation of the forensic investigator's activities. Their procedural status, functions and powers should be fixed in the relevant articles of the RF Code of Criminal Procedure. The author particularly emphasises the need to develop the procedure for challenging a forensic investigator, to fix the specific list of grounds for it and to determine the "procedural destiny" of evidence a challenged forensic investigator has obtained.

REFERENCES

1. Temiraev, O. (2012) The procedural powers of the investigator-criminalist. *Rossiyskiy sledovatel' = The Russian investigator*. no. 18, pp. 24-27.
2. *Prikaz Sledstvennogo komiteta Rossii ot 11 avgusta 2011 goda № 124 «Ob organizatsii raboty sledovateley – kriminalistov v sisteme sledstvennogo komiteta RF»* [The order of the Investigative Committee of Russia on August 11, 2011 № 124 [«On the organization of action of the investigators - criminalists in the system of Investigative Committee of the Russian Federation»].

DOI: 10.17223/9785946216111/4

Г.Г. Гаврилин

К ВОПРОСУ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье речь идет о необходимости учитывать возможность наличия у потерпевших противоположных интересов, целей, которые они преследуют, что может оказать влияние не только на расследование преступления, но и на восстановление нарушенных имущественных прав одного из потерпевших. Предлагается ввести в УПК РФ понятие «солидарные потер-

певшие», предусмотреть оговорку в процессуальном законе, предусматривающую пределы нераспространения (в силу положений ст. 90 УПК РФ) преюдиции приговора в части установления нарушения прав солидарных потерпевших.

Ключевые слова: потерпевший, защита имущественных прав потерпевшего, солидарные потерпевшие, преюдиция.

Процессуальный закон (ч. 1 ст. 6 УПК РФ) одной из основных задач уголовного судопроизводства ставит защиту прав и законных интересов потерпевших, в числе которых может быть и организация.

С момента принятия в ноябре 2001 г. УПК РФ в положения ст. 42 УПК РФ неоднократно вносились дополнения по расширению и совершенствованию механизма реализации прав на участие потерпевшего как в уголовном преследовании лица, совершившего в отношении него преступление, так и в защиту имущественных прав вследствие нанесения ущерба потерпевшему совершенным преступлением.

Однако, несмотря на достаточно длительное с момента принятия УПК РФ время, ряд вопросов в уголовном судопроизводстве остается неурегулированным. К числу таких вопросов следует отнести случаи, когда сталкиваются интересы не только общества и лица, привлекаемого к уголовной ответственности, но и лиц, которые пострадали от преступления, а также лиц, которым может быть нанесен ущерб от наступления последствий совершенного преступления, или наоборот – нарушенные права могут быть восстановлены лишь в случае разрешения в ходе следствия или суда конфликта интересов прав потерпевших. Причем интересы потерпевших или способы их удовлетворения могут не совпадать с общественными интересами. И более того, даже признание лица потерпевшим ставится порой в зависимость от целей и действий, которые преследует потенциальный потерпевший.

Тема конфликта интересов в уголовном процессе поднималась рядом исследователей. При этом, как указала исследователь Н.А. Власова, «признание обстоятельств, об установлении которых просит в ходатайстве участник процесса, имеющими значение для дела, зависит от того, насколько правильно оценило их и какой сделало вывод лицо, производящее расследование. Разрешение должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело, вопроса о том, кому отдать предпочтение среди претендентов в потерпевшие, а также кто имеет больше оснований для того, чтобы быть признанным потерпевшим – не единственная сторона проблемы. Тем более что

процессуальный закон (п. 1 ст. 42 УПК РФ) позволяет следствию практически не ограничивать круг потерпевших, которым нанесен имущественный или иной вред совершенным преступлением. Другая сторона – наличие у потерпевших противоположных интересов, целей, которые они преследуют» [1. С. 42].

Отсюда, соответственно, возникают мотивации в поступках и действиях потерпевших, интересы которых разнятся или вступают в скрытое противоречие с мотивами следствия по обнаружению, фиксации и закреплению доказательств в ходе расследования уголовного дела. Причем этот конфликт порой не влияет на объем и пределы доказывания по уголовному делу и не влечет за собой изменений по возможным последствиям объема обвинения для подследственного или подсудимого, но влечет за собой изменения в возможностях для одного из потерпевших по восстановлению нарушенных его имущественных прав.

По-разному исследователями видятся пути разрешения конфликта интересов потерпевших. В частности, О.С. Почечуева, аспирантка Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, предлагает: «Должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, в случае конфликта интересов между потерпевшими по одному и тому же уголовному делу должно убедиться в добровольности решений потерпевших, их представителей, реальности возмещения потерпевшим материального ущерба и компенсации морального вреда, мотивах, послуживших к возникновению противоположных интересов, и дать письменные пояснения или разъяснения вышестоящему должностному лицу с информацией о конфликте и принять меры по их урегулированию» [2].

Однако указанная позиция исследователя представляется нам ущербной, так как вступает в противоречие с правами, закрепленными в ст. 42 УПК РФ, и с положениями ст. 1 федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», не допускающей подмену осуществления функций суда каким-либо иным должностным лицом.

Следовательно, в случае несогласия или уклонения какой-либо стороны от предложенных следствием мер по урегулированию, возникший конфликт интересов у потерпевших сохраняется. Потерпевшие при этом в ходе расследования уголовного дела продолжают преследовать абсолютно противоположные цели, в том числе и по появлению в уголовном деле круга доказательств, по сути не изменяющих

объем и пределы доказывания вины подсудимого по уголовному делу, но на деле влекущие для одного из субъектов, признанных потерпевшим, разные гражданско-правовые последствия.

При этом вообще возникает проблема невозможности разрешения такого конфликта интересов потерпевших в рамках расследования и судебного разбирательства по уголовному делу. Потерпевшие в силу положений ст. 44 УПК РФ могут предъявить подсудимому гражданский иск для восстановления своих имущественных прав или имущественной компенсации морального вреда или компенсации репутационного вреда, если это касается нарушенных прав юридического лица. УПК РФ допускает возможность выделения гражданского иска и рассмотрения его в гражданском процессе.

Однако дальнейшее разрешение гражданского иска потерпевших в рамках гражданского судопроизводства может вступить в противоречие с интересами отдельных потерпевших, если только конфликт интересов потерпевших не находит своего разрешения в ходе рассмотрения уголовного дела. Указанное объясняется положениями ст. 90 УПК РФ, закрепляющей преюдициальное значение фактических обстоятельств, установленных в ходе рассмотрения уголовного дела для судов общей юрисдикции (п. 4 ст. 61 ГПК РФ) и арбитражных судов (п. 4 ст. 69 АПК РФ).

Возникает вопрос – как поступить, если в ходе расследования уголовного дела следствие в рамках стоящих перед ним задач ограничивается только установлением, поиском, сбором и закреплением доказательств с соответствующей их проверкой в рамках процессуальных действий, регламентированных УПК РФ. На возможные при этом возражения со ссылкой на положения ст. 6 УПК РФ, предусматривающей в качестве одной из задач уголовного судопроизводства защиту прав и законных интересов потерпевших от преступления, следует ответить, что главная цель стадии расследования заключается в установлении оснований для постановки перед судом вопроса о виновности определенного лица в совершении конкретного преступления и применения к нему наказания, предусмотренного УК РФ. В ходе судебного разбирательства в суде рассматривается обвинение, сформулированное при расследовании, а также подтверждающие его доказательства. Задача суда – проверить выводы, к которым пришел орган расследования, и версии защиты, которые отвергнуты следствием. Соответственно, предоставление суду доказательств вины подсудимого охватывается целью стадии расследования. Таким образом, век-

тор направленности всех процессуальных действий на следствии и в суде ориентирован на подсудимого.

Действующий УПК РФ не содержит норм, предписывающих следствию или суду разрешать спор, касающийся первоосновы возникновения конфликта интересов прав потерпевших, и устанавливать обстоятельства, выходящие за необходимые пределы доказывания состава преступления. Наиболее показательными являются экономические преступления и преступления в сфере компьютерной информации, при расследовании которых выявляется конфликт интересов потерпевших. XXI век – это век информации и техногенной инженерии. И количество профильных преступлений увеличивается с каждым днем.

К примеру, в настоящее время в одном из районов Алтайского края расследуется уголовное дело, связанное с хищением бюджетных денежных средств, поступивших на счет организации, являющейся застройщиком одного из социальных объектов. Неправомерный доступ был осуществлен хакером через систему Интернет к банковской компьютерной информации о состоянии лицевых счетов клиентов с последующим списанием хакером денежных средств со счета клиента в банке. Преступление совершено, как усматривается, вследствие несовершенства системы «Банк–Клиент» и при нарушениях работниками банка определенных положений по ведению корреспондирующих счетов банка и расчетных счетов клиентов, регламентированных как внутренними инструкциями, так и банковским законодательством.

Соответственно, уже на стадии расследования возникла правовая дилемма усматриваемого конфликта интересов потерпевших. Пока следствием признан потерпевшим лишь клиент банка. При установлении лица, совершившего преступление в расследуемой цепи «бюджет – банк – преступник – клиент банка – банк получателя платежа» возможно установление лица, совершившего преступление. Следовательно, возможно будет определить гражданского ответчика. Но при этом возникла проблема определения на этапе возбуждения и расследования уголовного дела лица, которого следует действительно признать потерпевшим. При этом, в схожих по субъектному составу ситуациях, когда потерпевшими являются граждане, при разрешении спора в судах общей юрисдикции суды, применяя закон «О защите прав потребителей», разрешают иск в пользу граждан.

В арбитражных же судах при разрешении спора между субъектами предпринимательской деятельности судебная практика складывается

не в пользу клиентов кредитных учреждений. Одна из причин – наличие ограничений в возможностях получения доказательств, объем и появление которых в суде практически полностью зависит от противной стороны – кредитных учреждений.

При этом общеизвестно, что кредитные учреждения, как правило, ограничиваются в регионах России лишь созданием филиалов и представительств, а вся обработка информации клиентов производится по месту расположения головного филиала. Положения ст. 42 УПК РФ закрепляют права потерпевшего заявлять ходатайства о проведении экспертизы. Но компьютерная экспертиза – одна из самых сложных экспертиз. Она требует прежде всего надлежащего сбора и закрепления объектов обследования, как информационных, на бумажных и электронных носителях, так и технических. Соответственно, на практике следователи для выполнения процессуальных действий и совершения манипуляций по снятию информации с электронных носителей и изъятия необходимых документов привлекают компетентных специалистов.

Отсюда возникают трудности и для следственных органов – каким образом осуществить выемку и изъятие необходимых документов в банке. Причем в объемах, достаточных для доказывания преступления конкретным лицом, но не достаточных порой для определения круга потерпевших и разрешения в последующем гражданского иска. При этом реально возникает угроза ошибок следствия и суда в определении лица, которое должно быть признано потерпевшим по уголовному делу. Следовательно, указанное следует отнести к объективным трудностям, которые ограничивают реализацию прав потерпевших клиентов в полном объеме и реально делают невозможными сбор и закрепление доказательств, необходимых для правильного определения субъекта гражданской ответственности, восстановления имущественных потерь потерпевшими и иных необходимых для разрешения гражданского иска вопросов.

Какой же выход из создавшейся ситуации нам видится. Считаем, что необходимо в действующий УПК РФ ввести новое понятие, назовем его условно «*солидарные потерпевшие*». Указанным термином должны охватываться лица, у которых, по мнению следователя, органа дознания или прокурора, возникает конфликт интересов. Более того, при этом должна быть введена оговорка в процессуальный закон, предусматривающая пределы нераспространения (в силу поло-

жений ст. 90 УПК РФ) преюдиции приговора в части установления нарушения прав солидарных потерпевших. Считаем, в действующий УПК РФ необходимо ввести новую статью, которую мы выше условно назвали «солидарные потерпевшие» в следующей редакции: *«Солидарные потерпевшие – лица, указанные в п. 1 ст. 42 УПК РФ, при возникновении у них конфликта интересов по целям, способам, размерам определения денежного возмещения причиненного им преступлением имущественного ущерба, а также возможных убытков вследствие наступления последствий для них от совершенного преступления и установлению при этом субъекта гражданской ответственности».*

При этом, вынося приговор подсудимому, суд должен оставлять право за потерпевшими, при наличии между ними конфликта интересов, разрешить спор в рамках гражданского судопроизводства, предоставляя им право на использование доказательств, добытых в рамках уголовного судопроизводства.

В рассматриваемом случае потерпевшие, разрешая спор в рамках гражданского судопроизводства, будут иметь возможность предоставить суду также новые доказательства, которые не были предметом их поиска, установления и закрепления в ходе уголовного судопроизводства и которые изначально выходили за предмет доказывания по уголовному делу. При этом представляется целесообразным ввести норму, закрепляющую право следствия и суда ограничиться сбором и закреплением доказательств исключительно в пределах, необходимых для доказывания предъявленного обвинения лицу, совершившему преступление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова Н.А. Заявление и разрешение ходатайств в ходе предварительного расследования // Государство и право. 2006. № 4. С. 41–47.
2. Почечуева О.С. Нерешенные проблемы представительства интересов потерпевших в уголовном процессе // Адвокат. 2009. № 10. – С. 76–81.

ON SETTLING THE CONFLICT OF INTEREST OF THE RIGHTS OF VICTIMS IN A CRIMINAL PROCEDURE

Gennadiy G. Gavrilin, Chamber of Advocates of Altai (Barnaul, Russian Federation).
E-mail: gavrilin.barnaul@mail.ru

Keywords: victim, protection of property rights of victim, joint victims, prejudice.

DOI: 10.17223/9785946216111/4

With the adoption of the RF Code of Criminal Procedure, the provisions of its Article 42 have repeatedly been amended to improve the implementation of the rights of the victim to participate in the prosecution of a person who committed a crime against them and in the protection of property rights as a result of damage to the victim by the committed crime.

It has been rather long since the Criminal Procedure Code of the Russian Federation was adopted, yet a number of issues in criminal proceedings remain unresolved. Such issues should include conflicts of interests, not only of society and the indicted, but also of persons who have suffered from the crime, of those who may be harmed by the consequences of the crime or, vice versa, of persons whose violated rights may be restored only if the conflict of interest of the rights of victims has been settled during the investigation or trial. The interests of victims and ways to meet them may not coincide with the public interest.

The author notes that the fact that the officer in charge of the criminal case solves the questions of whom to give preference as a victim among the candidates and of who has more reason to be recognised as a victim is not the only aspect of the problem. The other aspect is the opposing interests and goals of victims that they pursue. Hence, there is motivation in the actions of victims whose interests are different from or conflicting with the hidden motives of the investigation for detecting, fixing and securing evidence in a criminal case investigation. And this conflict entails changes in the opportunities for one of the victims to restore their violated property rights.

The author has analysed the practice and comes to the following conclusions. 1. There is a need to introduce a new concept “joint victims” in the current RF Code of Criminal Procedure. This term should refer to persons who, in the opinion of the investigator, body of inquiry or the prosecutor, have a conflict of interest.

2. There is a need to introduce a clause in the procedural law that limits the non-proliferation (by virtue of the provisions of Article 90 of the RF Code of Criminal Procedure) of prejudice of the sentence regarding the violation of the rights of joint victims.

3. Imposing a sentence on the defendant, the court shall give the victims, if there is a conflict of interest between them, the right to resolve the dispute in civil proceedings, granting them the right to use evidence obtained in criminal proceedings.

In this case, the victims, resolving the dispute in civil proceedings, will be able to provide the court with new evidence that has not been the subject of their search, establishment and preservation in the course of criminal proceedings and that initially has been out of the subject of proof in the criminal case. It seems appropriate to introduce a rule that establishes the right of the investigation and the court to limit the collection and preservation of evidence only to the extent necessary for the proof of the accusation against the person who committed the crime.

REFERENCES

1. Vlasova, N.A. (2006) Statements of claim and settlement of applications in the cause of preliminary investigation. *Gosudarstvo i pravo = The state and law*. no. 4, pp. 41-47 (In Russian).

В.Н. Григорьев

СТАТУС ПОДОЗРЕВАЕМОГО: БЛАГО С НЕБЛАГОПРИЯТНЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16–03–00413
«Злоупотребление правом в уголовном процессе: системные и
несистемные проявления, их предотвращение и пресечение».

Проблема обеспечения прав лица, чьи интересы затрагиваются в ходе уголовного производства, традиционно связывается с наделением его статусом подозреваемого. Автор предлагает использовать альтернативный правовой механизм, который позволял бы достигать этой цели не в связи с наделением лица статусом подозреваемого, а путем предоставления такому лицу необходимых правовых возможностей по факту допущенных ограничений его прав или свобод.

Ключевые слова: статус подозреваемого, обеспечение прав подозреваемого, механизм обеспечения прав подозреваемого, уголовное преследование, злоупотребление правом.

Лицо обретает статус подозреваемого с того момента, с которого он признается за ним по закону (ч. 1 ст. 46 УПК РФ), когда, в частности, в отношении него возбуждено уголовное дело или же оно задержано по подозрению в совершении преступления. А как быть в ситуации, когда в отношении него предпринимаются уличающие действия, выражающие подозрение в совершении преступления, но не создающие законных оснований для признания его подозреваемым по уголовному делу: производство обыска, освидетельствования, предъявление для опознания, наложение ареста на имущество, принудительное доставление, допрос по обстоятельствам, свидетельствующим об участии лица в совершении преступления, и т.д.

В результате подобных действий лицо ставится в двусмысленное положение: с одной стороны, они объективно свидетельствуют о существовании подозрения о причастности лица к совершенному преступлению, с другой – это лицо, не будучи поименованным в постановлении о возбуждении уголовного дела либо задержанным или арестованным, не имеет формально статуса подозреваемого, в силу чего лишено возможности защитить себя, воспользовавшись предоставленными носителю этого статуса правами. Между тем применение

указанных выше мер также должно быть обеспечено особыми гарантиями прав лиц, в отношении которых они допускаются.

Один из вариантов решения подобной проблемы состоит в расширении нормативных оснований для признания лица подозреваемым и максимальном облегчении этой процедуры в системе реального производства по уголовному делу с тем, чтобы всем участникам уголовного процесса, интересы которых так или иначе затрагивают принимаемые действия должностных лиц правоохранительных органов, автоматически присваивать статус подозреваемого.

Подобная позиция является логичной и в основе своей формально безупречна. Однако она вызывает возражения по существу. Ее практическая реализация приведет к неоправданному расширению круга лиц, поставленных в положение подозреваемых. Это само по себе не положительный факт. Далее. Это, конечно, предоставит им дополнительные права и возможности защитить себя. Однако в такой ситуации возникает конкуренция ценностей. Статус подозреваемого привлекателен тем, что по действующему уголовно-процессуальному законодательству предоставляет его обладателю широкие возможности для защиты от уголовного преследования. Это касается прежде всего сферы уголовного судопроизводства. Однако данный правовой статус проявляется и в иных сферах жизни гражданского общества, где он воспринимается негативно и является препятствием для реализации прав в выборе профессии и сферы занятий, в сфере государственной и правоохранительной службы, педагогической деятельности, места жительства и свободы передвижения, получения почетных званий и других государственных наград, приобретения вида на жительство и т.д. Причем многие такие ограничения действуют если не бессрочно, то, по крайней мере, значительное время после прекращения уголовного преследования.

В этой связи, с пониманием относясь к гражданскому пафосу сторонников расширения оснований для признания лица подозреваемым и максимального облегчения этой процедуры, я хочу обратить внимание на то, что это не награда и не почетное звание, а своеобразное юридическое клеймо с конкретными неблагоприятными последствиями для гражданина и его близких родственников. Поэтому, заботясь о защите прав преследуемых в уголовном порядке, я предлагаю выработать иной правовой механизм, который позволял бы достигать этой цели без использования такого правового инструмента, как институт подозреваемого в уголовном процессе.

Проблема обеспечения прав лица, чьи интересы так или иначе затрагиваются в ходе уголовного производства, почему-то традиционно связывается с наделением его статусом подозреваемого: тогда он получает соответствующие права и сможет защитить самостоятельно или с помощью защитника свои интересы. Однако нетрудно заметить, что целью является не наделение лица статусом подозреваемого, а обеспечение его соответствующими правами.

В этой связи решение проблемы обеспечения прав лица, в отношении которого предпринимаются изобличающие меры, видится в смене постановки научной задачи: необходимо расширять не основания для признания лица подозреваемым, а реальную возможность воспользоваться правами для защиты своих законных интересов в связи с предпринимаемыми изобличающими действиями без наделения специальным статусом подозреваемого, только в рамках процедуры предпринимаемых действий.

Суть его состоит в предметном обеспечении прав и законных интересов применительно к конкретным изобличающим действиям. Процедура каждого такого действия должна содержать достаточный механизм защиты интересов лица без того, чтобы прибегать к официальному признанию его подозреваемым по делу. Среди элементов такого механизма – неразглашение обстоятельств личной жизни, тайна следствия, запрет домогаться показаний путем насилия, угроз и иных незаконных мер, профессиональная помощь адвоката, вручение копий соответствующих документов, уведомление о предпринимаемых действиях и их документальное оформление, предоставление права на их обжалование и т.д. Лицо занимает статус по фактически выполняемым в отношении него официальным действиям: в случае доставления – доставляемого, при освидетельствовании – освидетельствуемого, обыске – обыскиваемого, допросе – свидетеля, наложении ареста на имущество – собственника или владельца имущества и т.д. Соответственно, он имеет права и несет обязанности сообразно занимаемому статусу.

Такой подход, обоснованный нами ранее [1] и получивший поддержку среди исследователей [2], оказался реальным уже в условиях прежде действовавшего уголовно-процессуального законодательства, бесспорно в значительно меньшей мере заточенного на решение обостренных нами проблем. Это тем более возможно в условиях современных тенденций развития законодательства, имеющих ярко выраженную гуманитарную направленность.

К числу характерных примеров подтверждения таких тенденций относится законодательное закрепление права гражданина в любой ситуации воспользоваться услугами адвоката и соответствующая обязанность должностных лиц правоохранительных органов не препятствовать этому.

В частности, с принятием УПК РФ 2001 г. в него была включена норма, предусматривающая, что если свидетель явился на допрос с адвокатом, приглашенным им для оказания юридической помощи, то адвокат присутствует при допросе и пользуется при этом соответствующими правами (ч. 5 ст. 189 УПК РФ). С принятием УПК РФ 2001 г. действует также норма, в соответствии с которой защитник участвует в уголовном деле, помимо того что он участвует с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, при задержании его в качестве подозреваемого либо применении меры пресечения до предъявления обвинения, также с момента начала осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления (п. 5 ч. 3 ст. 49 УПК РФ).

Федеральным законом от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [3] в ст. 144 УПК РФ введена ч. 1.1, предусматривающая для лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, право пользоваться услугами адвоката. В этом случае в соответствии с п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник участвует в уголовном деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ.

При этом обращаем внимание на тот факт, что во всех приведенных случаях лицо получает возможность пользоваться услугами защитника, не обретая формально статуса подозреваемого.

Сегодня мы располагаем ярким опытом создания правового механизма защиты прав и законных интересов лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или гражданскими ответчиками по уголовному делу, в частной ситуации – при наложении на имущество ареста. Этот опыт отражен прежде всего в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21.10.2014 г. № 25-П «По

делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена» [4]. В этом постановлении отчетливо прослеживается позиция, согласно которой защита в судебном порядке прав и законных интересов лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или гражданскими ответчиками по уголовному делу, право собственности которых ограничено наложением ареста на принадлежащее им имущество, должна осуществляться не приданием им какого-то из указанных правовых статусов (с наделением соответствующими правами), а путем создания надлежащего правового механизма применительно к конкретной проблемной ситуации, предполагающей деятельность «в процедурах, обеспечивающих собственников арестованного имущества процессуальными правами, необходимыми для защиты их права собственности от необоснованного или чрезмерно длительного ограничения» (ч. 2 п. 4).

В целях реализации правовых позиций указанного Постановления Конституционного Суда Федеральным законом от 29.06.2015 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] в УПК РФ, а также в Федеральный закон от 30.04.2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [6] и в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [7] внесены многочисленные изменения, направленные на отражение конституционно-правового смысла правовых положений, сформулированных Конституционным Судом, и совершенствование законодательного регулирования применения наложения ареста на имущество в качестве меры процессуального принуждения.

Не оставляя сомнений в необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования отношений, складывающихся при наложении ареста на имущество, полагаю, что уже существующие приведенные выше нормы в своей совокупности представляют собой своеобразный правовой механизм защиты прав и законных интересов лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или гражданскими ответчиками по уголовному делу, в данной конкретной ситуации.

Мы убеждены, что подобный правовой механизм гораздо эффективнее будет обеспечивать права лиц, заподозренных в совершении

преступления, чем официальное признание их подозреваемыми по делу путем вынесения следователем или органом дознания особого процессуального акта об этом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. М. : Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1999.
2. Богацкий Ф.А. Понятие подозреваемого в уголовном судопроизводстве России. URL: <http://superinf.ru>
3. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 9. Ст. 875.
4. По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйслена : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 44. Ст. 6128.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 29.06.2015 № 190-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 27. Ст. 3981.
6. О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 18. Ст. 2144, 2014; № 23. Ст. 2928; № 30. Ст. 4274.
7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.

THE STATUS OF THE SUSPECT: A BENEFIT WITH ADVERSE EFFECTS

Victor N. Grigoriev, Moscow Psychological and Social University (Moscow, Russian Federation). E-mail: grigoriev.viktor@gmail.com

Keywords: status of suspect, enforcement of rights of suspect, mechanism to ensure rights of suspect, prosecution, abuse of rights.

DOI: 10.17223/9785946216111/5

The problem of ensuring the rights of persons whose interests are affected in the course of criminal proceedings is traditionally connected with giving them the status of the suspect. This status is attractive because it provides its holder with broad opportunities for protection from prosecution. This primarily concerns criminal proceedings. However, the legal status is used in other spheres of civil society, where it is perceived negatively, and is an obstacle

when realising the rights to choose a profession and a place of residence, to work in public and law enforcement services, to engage in educational activities, to receive honorary titles and other state awards, to move freely, to acquire a residence permit, etc. Moreover, many of these restrictions are valid if not permanently, yet a significant amount of time after the termination of the criminal prosecution.

The paper proves the need to develop an appropriate legal mechanism that would ensure protection of persons' rights and freedoms limited during a criminal procedure without using the legal instrument of the institute of the suspect in each case. The essence of the mechanism is in a substantive enforcement of the rights and legitimate interests of the person in relation to specific incriminating acts. The procedure for each act must contain a sufficient mechanism to protect the interests of the person without their official recognition as a suspect in the case. The elements of such a mechanism are non-disclosure of the circumstances of personal life; secrecy of the investigation, prohibition of testimony by violence, threats or other illegal means; professional assistance of a lawyer; provision of copies of relevant documents; notification of actions taken; granting the right to appeal, etc. The person acquires a status depending on the type of official action: in case of delivery they have the status of the delivered, in case of examination the examined, in case of search the searched, in case of interrogation the witness, in case of the seizure of property the owner or possessor of the property, etc. Accordingly, the person has rights and obligations in accordance with their actual status. This legal mechanism is consistent with the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation. It is proved that this mechanism is much more efficient in ensuring the rights of persons suspected of committing a crime than their official recognition as suspects in a case by a special procedural act of an investigator or a body of inquiry.

REFERENCES

1. Grigoriev, V.N. (1999) *Zaderzhaniye podozrevayemogo* [Suspect's detention]. Moscow: Uchebno-konsultatsionnyy tsentr «YurInfoR».
2. Bogatskiy, F.A. *Ponyatiye podozrevayemogo v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii* [The concept of suspect in Russian criminal proceedings] [Online]. Available from: <http://superinf.ru>.
3. Russian Federation. (2013) *O vnesenii izmeneniy v stat'i 62 i 303 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: Fede-ral'nyy zakon ot 4 marta 2013 g. № 23-FZ* [On the Introduction of Amendments to Articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: the Federal Law of 04.03.2013, 23-FZ]. *Sobraniye zakonodatel'stva Ros-siyskoy Federatsii* [Code of Laws of Russian Federation]. 9. Art. 875.
4. Russian Federation. (2014) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 21 oktyabrya 2014 g. № 25-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy chastey tret'ey i devyatoy stat'i 115 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhalobami obshchestva s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Avrora maloetazhnoe stroitel'stvo" i grazhdan V.A. Shevchenko i M.P. Eydlena"* [Ruling of the Constitutional Court of October 21, 2014 No. 25-P

- “On the case on the constitutionality of the provisions of Parts of 3 and 9 of Article 115 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure in connection with the complaints of the limited liability company “Avrora maloetazhnoe stroitel'stvo” and citizens V.A. Shevchenko and M.P. Eydlena”]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Code of Laws of the Russian Federation]. 44. Art. 6128.
5. Russian Federation. (2015) *Federal'nyy zakon ot 29 iyunya 2015 goda № 190-FZ “O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii”* [Federal Law of June 29, 2015 No. 190-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Code of Laws of the Russian Federation]. 27. Art. 3981.
 6. Russian Federation. (2014) *O kompensatsii za narusheniye prava na sudoproizvodstvo v razumnyy srok ili prava na ispolneniye sudebnogo akta v razumnyy srok: Federal'nyy zakon ot 30 aprelya 2010 goda № 68-FZ* [On compensation for violation of the right to trial within reasonable term, or right to perform of a judicial act within a reasonable term: The Federal Law of 30.04.2010 number 68-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Code of Laws of the Russian Federation]. 18. Art. 2144; 23. Art. 2928; 30. Art. 4274.
 7. Russian Federation. (2015) *Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii* [The Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Code of Laws of the Russian Federation]. 10. Art. 1391.

DOI: 10.17223/9785946216111/6

М.Г. Данилюк

ПОКАЗАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ И УКРАИНЫ

Рассматривается каждый из видов показаний, предусмотренных в УПК РФ и Украины, как имеющих общую историческую базу формирования доказательственного права с целью выделения их особенностей, определения их места в процессе доказывания, установления различий, формулирования предложений, направленных на совершенствование механизма доказывания и защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Ключевые слова: показание как источник доказательств, недопустимость доказательств, защита прав и законных интересов лиц, дающих показания.

Показания – наиболее распространенный источник доказательств по уголовным делам, и зачастую именно на их основе осуществляется

достоверное установление обстоятельств, являющихся предметом исследования при расследовании.

В ст. 75–80 УПК РФ определено, что является показаниями различных участников уголовного производства. В ст. 95 УПК Украины дается следующее обобщенное понятие показаний, которыми являются «сведения, которые даются в устной или письменной форме во время допроса подозреваемым, обвиняемым, свидетелем, потерпевшим, экспертом по известным им обстоятельствам в уголовном производстве, которые имеют значение для этого уголовного производства». Таким образом, украинский законодатель уточняет, что показания могут даваться в устной или письменной форме, однако такое уточнение не является, на наш взгляд, обязательным.

В науке уголовного процесса нет единого подхода к решению вопроса о форме показаний, однако в силу различных причин показания могут даваться как в устной, так и в письменной форме. В норме о порядке проведения допроса ч. 7 ст. 224 УПК Украины прямо предусмотрено право допрашиваемого лица по его желанию изложить показания собственноручно. По мнению автора, право записывать показания собственноручно является необходимым правом, так как многие люди способны более логично излагать факты именно в письменной форме. Считаю логичным предусмотреть подобную норму и в УПК РФ.

В УПК Украины, как и в российском законодательстве, закреплены показания потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого (ч. 2 ст. 95 УПК Украины), свидетеля и эксперта (ч. 2 ст. 95 УПК Украины), отсутствует такой вид доказательств, как показания специалиста, и закреплен такой вид показаний, как показания с чужих слов (ст. 97 УПК Украины).

Такой подход указывает на существенную черту показаний – формальное определение процессуального статуса лица, дающего показания. Отметим, что логично наделение лица конкретным процессуальным статусом в случае наличия у него сведений, имеющих значение для уголовного дела. Ведь он вовлекается в сферу уголовно-процессуальных отношений, а значит, должен иметь соответствующие права и обязанности.

Рассмотрим каждый из видов показаний с целью выделения их особенностей, определения места в процессе доказывания и установления различия в УПК РФ и Украины.

Показания подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. В ст. 76, 77 УПК РФ, раскрывающих понятие показаний подозреваемого и обви-

няемого, говорится, что это сведения, сообщенные ими на допросе. Такая формулировка вызывает некоторые сомнения относительно ее полноты, ведь подозреваемый, обвиняемый может давать показания и при проведении иных следственных действий. В первую очередь – при проведении очной ставки. Кроме того, показания подозреваемый, обвиняемый (хоть и повторно) даёт и при проверке показаний на месте, и при предъявлении для опознания. Хотя сведения, даваемые при проведении вышеуказанных следственных действий, носят производный характер по отношению к допросу, они могут иметь не меньшее доказательственное значение.

Дискуссионными считаются вопросы оговора, самоговора обвиняемого и их влияния на правдивость-ложность, признательность показаний.

УПК Украины предусматривает возможность признания доказательствами только тех показаний, которые воспринимались непосредственно во время судебного заседания, независимо от участия в деле защитника. В ч. 4 ст. 95 УПК Украины чётко указан запрет: «Суд не вправе обосновывать судебные решения показаниями, которые даны следователю, прокурору или ссылаться на них».

В свою очередь ст. 240 УПК РФ регламентирует, что приговор должен быть основан лишь на тех доказательствах, которые были непосредственно исследованы в судебном заседании. Ссылка в приговоре на показания подсудимого, данные при производстве предварительного расследования или в ином судебном заседании, допустима только при оглашении судом этих показаний в порядке, предусмотренном ст. 276 УПК РФ. Данное положение имеет принципиальное отличие от норм, регламентированных УПК Украины.

Имея общую историческую базу формирования доказательственного права (Устав уголовного судопроизводства 1864 г.), стоит отметить, что УПК РФ и УПК Украины признают показания подозреваемого, обвиняемого источниками доказательств, однако в данных странах различным является подход к вопросу допустимости таких показаний.

Кроме того, недопустимыми в соответствии с п. 6 ч. 2 ст. 87 УПК Украины признаются доказательства, полученные от свидетеля, который в дальнейшем будет признан подозреваемым или обвиняемым в этом уголовном производстве. Данное положение весьма логично отвечает требованию о праве не свидетельствовать против себя и своих близких и праву подозреваемого, обвиняемого отказаться давать показания либо давать неправдивые показания.

Следующим видом показаний являются *показания свидетеля и потерпевшего*. Предметом допроса свидетеля являются любые обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. В обеих странах дача показаний для свидетеля является обязанностью, за отказ от дачи показаний и дачу заведомо неправдивых показаний предусмотрена ответственность.

В отличие от свидетеля, потерпевший может воспользоваться правом не свидетельствовать в отношении себя и отказаться давать показания. В то же время он предупреждается об ответственности за дачу неправдивых показаний [1].

Стоит отличать неправдивые показания от добросовестного заблуждения, учитывая факторы, способствовавшие формированию показаний свидетеля и потерпевшего. Процесс формирования их показаний складывается из восприятия, запоминания и воспроизведения на допросе фактов (явлений), связанных с событием преступления.

Говоря о допустимости свидетельских показаний, следует отметить, что УПК РФ и УПК Украины освобождают от обязанности давать показания отдельные категории свидетелей. Данное правило в процессуальной литературе называется свидетельским иммунитетом [2, 3]. К лицам, которые не могут быть допрошены как свидетели, отнесены те граждане, в чью обязанность входит сохранение профессиональной тайны, сведений, охраняемых законом (ч. 2 ст. 56 УПК РФ, ч. 2 ст. 65 УПК Украины).

Данные действия дают возможность установить достоверность показаний свидетеля, избежав как добросовестных заблуждений, так и определив ложные показания.

Следующим видом являются *показания специалиста и эксперта*. Ст. 80 УПК РФ «Заключение и показания эксперта и специалиста» указывает, что показаниями эксперта являются сведения, сообщенные им на допросе, проведенном после получения его заключения, в целях разъяснения или уточнения данного заключения. Таким образом, предметом допроса эксперта являются исключительно сведения о проведенном исследовании.

Относительно же показаний специалиста в ч. 4 ст. 80 УПК РФ сказано, что это сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснения своего мнения в соответствии с требованиями УПК. То есть если показания эксперта непосредственно касаются исследования, то показания специалиста

могут состоять в предоставлении ответов, касающихся отрасли специальных знаний, даже если им письменно не было предоставлено суждение по интересующим стороны вопросам.

УПК Украины не предусматривает такого вида доказательств, как показания специалиста. Ст. 356 УПК Украины предусматривает возможность допросить эксперта в суде. При этом эксперт может быть допрошен на предмет наличия у него специальных знаний и квалификации по исследуемым вопросам, касающимся предмета его экспертизы, и другим вопросам, касающимся достоверности заключения. То есть предмет допроса эксперта по законодательству Украины аналогичен предмету допроса по УПК РФ.

Подводя итог вышесказанному, следует сделать следующие выводы:

1. Показания являются одним из видов доказательств и представляют собой сведения, сообщенные участником уголовного процесса (подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, специалистом, экспертом) на допросе либо ином следственном действии, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями УПК РФ.

2. Определение показаний в УПК Украины отличается от показаний в УПК РФ тем, что они отнесены к источникам доказательств, уточнено, что они могут даваться в устной либо письменной форме, а среди лиц, которые могут быть допрошены, отсутствует такой субъект, как специалист.

3. Показания подозреваемого, обвиняемого играют важную роль как в установлении обстоятельств совершенного преступления, так и для характеристики самого обвиняемого. УПК РФ и Украины предусмотрены гарантии допустимости показаний подозреваемого, обвиняемого в производстве.

4. Показания свидетеля и потерпевшего в ходе доказывания подлежат тщательной проверке и оценке, так как в них могут содержаться не только неправдивые показания, но и добросовестное заблуждение, полученное вследствие искажения восприятия либо воспроизведения субъектом обстоятельств события.

5. В УПК РФ и Украины предусмотрены свидетельские иммунитеты, благодаря чему отдельные лица освобождаются от обязанности давать показания.

6. УПК РФ предусматривает возможность использования показаний эксперта по вопросам проведенного им исследования и специалиста по предмету предоставленных им консультаций. В УПК Украины

предусматривается лишь возможность допроса эксперта в суде по вопросам, касающимся проведения экспертизы. Полагаем, что целесообразно внести изменения в данную норму УПК Украины, так как предметом допроса эксперта может быть не только методика проведения экспертизы, но и другие данные относительно предоставленного им заключения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чекулаев Д.П. Потерпевший в уголовном судопроизводстве: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 233 с.
2. Уголовный процесс / под общ. ред. В.И. Радченко. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2006. 784 с.
3. Вельш И.В. Свидетельский иммунитет в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 209 с.

TESTIMONY AS A SOURCE OF EVIDENCE IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF RUSSIA AND UKRAINE

Marina G. Danilyuk, practicing lawyer (Moscow, Russian Federation). E-mail: maridanylyuk@gmail.com

Keywords: testimony as source of evidence, inadmissibility of evidence, protection of rights and legitimate interests of witnesses.

DOI: 10.17223/9785946216111/6

Testimony is the most common source of evidence in criminal cases, and is often the basis for the fair determination of the circumstances that are the subject of the investigation. The paper notes that the criminal procedure science lacks a single approach to the question of the form of testimony, of the possibility of presenting testimony with one's own hand.

The author indicates an essential feature of testimony: the formal determination of the procedural status of the person giving testimony; as a consequence, there is a need to give a person a specific procedural status, if they have information relevant to the criminal procedure, in order to establish their procedural rights and obligations.

The paper discusses each type of testimony provided for in the Criminal Procedure Codes of the Russian Federation and of Ukraine as having a common historical background of the evidence law formation. It aims to present their features, to determine their role in evidence, to establish their differences and to formulate proposals to improve the evidence mechanism and protect the rights and legitimate interests of parties in the criminal procedure.

The author comes to the following conclusions.

Testimony is a type of evidence. It is information provided by a party in the criminal procedure (the suspect, the accused, the victim, the specialist, the expert) during an

interrogation or another investigative action held in pre-trial criminal proceedings or in court in accordance with the requirements of the RF Code of Criminal Procedure. It is noted that the suspect (the accused) can testify not only during their interrogation, but also during other investigative actions; as a consequence, amendments should be made in the RF Code of Criminal Procedure.

The definition of testimony in the Criminal Procedure Code of Ukraine is different from that of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. In the former, testimony is classified as a source of evidence; it can be given in oral or written form; the list of persons that can be interrogated lacks the specialist.

The testimony of the suspect (the accused) is important for establishing the circumstances of the crime and for characterising the accused. The Criminal Procedure Codes of the Russian Federation and of Ukraine provide guarantees of admissibility of the testimony of the suspect, the accused in the case.

The author positively evaluates the rule in the Criminal Procedure Code of Ukraine that establishes the inadmissibility of evidence obtained from a witness who will further be recognised as a suspect or the accused in the case.

The testimony of the witness and the victim are subject to scrutiny and evaluation in the course of proof, as it may contain both untrue testimony and an honest mistake, a result of the person's distorted perception or reproduction of the circumstances of the event.

The Criminal Procedure Codes of the Russian Federation and of Ukraine introduce witness immunities that exempt certain persons from the obligation to testify.

The RF Code of Criminal Procedure provides for the use of expert testimony on the questions of their examination and of specialist testimony on the subject of their consultations. The Criminal Procedure Code of Ukraine provides for the possibility of questioning the expert in court on matters related to their examination. The author considers it appropriate to amend this provision of the Criminal Procedure Code of Ukraine, as the expert may be questioned not only on the method of examination, but also on other data concerning their conclusions.

References

1. Chekulaev, D.P. (2005) *Poterpevshiy v ugovnom sudoproizvodstve: dostup k pravosudiyu i kompensatsiya prichinnogo ushcherba* [The victim in criminal proceedings: access to justice and compensation for the caused damage]. Law Cand. Diss. Moscow.
2. Radchenko, V.I. (ed.) *Ugolovnyy protsess* [The criminal procedure]. Moscow, Yustitsinform, 2006. 784 p.
3. Welsh, I.V. (2000). *Svidetel'skiy immunitet v ugovnom protsesse Rossii*. [Witness immunity in Russian criminal proceedings]. Law Cand. Diss. Moscow.

В.Е. Дейко

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА ПО ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Анализируется уголовно-процессуальная форма производства по делам несовершеннолетних. Дается определение уголовно-процессуальной формы по делам в отношении несовершеннолетних. Обосновываются необходимость усложнения уголовно-процессуальной формы в отношении несовершеннолетних и недопустимость двойной дифференциации уголовно-процессуальной формы в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная форма, производство по делам несовершеннолетних, дифференциация уголовного процесса.

Первый особый суд по делам малолетних в России стал действовать 8 января 1910 г. в Санкт-Петербурге. Он был создан в результате инициатив Санкт-Петербургского общества патроната, сформировавшего специальную комиссию по вопросу о введении в России особого суда по делам о несовершеннолетних, руководил которой профессор И.Я. Фойницкий. Инициатива родилась после доклада П.И. Люблинского о детских судах в США и Западной Европе, сделанного на заседании Петербургского юридического общества весной 1908 г. [1].

С точки зрения уголовного процесса, первый российский суд по делам несовершеннолетних функционировал по следующим процессуальным правилам:

- 1) рассмотрение дел несовершеннолетних осуществлялось единоличным судьей, который избирался и действовал как мировой судья;
- 2) профессиональные знания судьи включали сведения из области психологии и медицины;
- 3) формальная судебная процедура в таком суде отсутствовала;
- 4) судопроизводство было упрощенным и сводилось фактически к беседе судьи с подростком в присутствии его попечителя;
- 5) отсутствовали формальное обвинение и защита, поэтому и не было прений сторон в их юридическом понимании;
- 6) действовал принцип конфиденциальности судебного процесса;
- 7) в основном в качестве меры воздействия поменялся попечительский надзор (по данным статистики – примерно в 70% случаев) [2. С. 210–211].

Значимая информация по поводу уголовно-процессуальной формы по делам несовершеннолетних и ее предназначения содержится в «Курсе уголовного судопроизводства» И.Я. Фойницкого, который указывает: «Многими существенными особенностями отличаются дела, в которых в качестве обвиняемых участвуют лица несовершеннолетние. Опыт показал, что для таких лиц с недоразвившимся сознанием и нежной восприимчивостью, неокрепшие характером и быстро увлекающихся примером, обыкновенное судебное производство сопряжено со многими опасностями. Торжественность процесса в их глазах служит к возвеличению преступления и возбуждает стремление к ложной славе между преступниками; гласность разбора знакомит их с такими сторонами преступной жизни, которые от юноши должны быть сокрыты как можно далее, и превращает зал суда как бы в школу преступлений. Иногда же под влиянием возраста сами меры, государством к виновникам применяемые, изменяются и вместо мер карательных определяются меры воспитательные для установления которых, обыкновенный уголовный суд не вполне пригоден» [3. С. 505].

И.Я. Фойницкий, по нашему глубокому убеждению, создал основания первичной дифференциации уголовно-процессуальной формы по делам несовершеннолетних.

Российская ювенальная юстиция (как автономное образование) перестало существовать по Декрету Совнаркома России от 17 января 1918 г. и была заменена на другую систему, которая, по мнению ее создателей, мыслилась более гуманной, более приспособленной к обращению с детьми и подростками. Преобразования в судебной системе были продолжены в марте 1920 г. Речь идет о двух декретах Советской власти – от 17 января 1918 г. «О комиссиях о несовершеннолетних» и от 4 марта 1920 г. «О суде над несовершеннолетними» [4].

Декретом Совнаркома России «О комиссиях для несовершеннолетних» судебное рассмотрение дел несовершеннолетних было отменено и учреждены специальные комиссии по делам несовершеннолетних. Дела о преступлениях несовершеннолетних стали рассматриваться этими комиссиями, отменено тюремное заключение, применялись меры медико-педагогического характера. Этот шаг рассматривался как дальнейшая гуманизация в обращении с детьми, совершивших правонарушение. Однако Декретом 1920 г. было установлено, что дела о тяжких преступлениях несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет передаются в народный суд.

УК РСФСР 1922 г. определил возраст уголовной ответственности – 14 лет. При этом, согласно ст. 18 УК РСФСР, к лицам от 14 до 16 лет наказания не применялись, если в отношении их признано возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия. Что касается лиц от 16 до 17 лет, то первоначально на них распространялись те же наказания, что и на взрослых. Однако вскоре появилось примечание к ст. 33 о невозможности применения к лицам, совершившим преступление до 18 лет, высшей меры наказания – смертной казни. Кроме того, осенью 1922 г. в УК РСФСР внесены ст.ст. 18.а и 18.б, которые устанавливали обязательное смягчение наказания несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет на половину от наивысшего предела, от 16 до 18 лет – на 1/3. Невозможность применения уголовного наказания (в те годы наказание именовалось «меры социальной защиты») к детям до 14 лет, приоритет мер медико-педагогического характера для лиц от 14 до 16 лет и запрет на смертный приговор для лиц до 18 лет были сохранены и в УК 1926 г. (ст. 12, 22 УК РСФСР).

В УПК РСФСР 1960 г. была выделена специальная глава «Производство по делам несовершеннолетних». В главе имелось 14 статей, отражающих, по мнению законодателя, особенность уголовного процесса по делам несовершеннолетних. УПК РСФСР устанавливал по всем делам несовершеннолетних единую форму расследования – предварительное следствие, усиленное дополнительными процессуальными гарантиями.

В ходе исторического развития рассматриваемая нами уголовно-процессуальная форма значительно эволюционировала и сформировалась позиция, согласно которой «лучше – имея в виду будущее ребенка – проигнорировать факт его право нарушающего поведения, чем пускать в ход “тяжелую артиллерию” уголовного преследования». Эта позиция и сегодня находит свое отражение в международных документах, где она сформулирована как необходимость минимизации контактов несовершеннолетнего с уголовной юстицией [5].

Итак, мы провели небольшой исторический экскурс и можем констатировать, что уголовно-процессуальная форма по делам несовершеннолетних постоянно подвергалась изменению в зависимости от определенного исторического периода времени. Это связано прежде всего, по нашему мнению, с существовавшими различиями в подходе к решению проблемы детской преступности и порядку привлечения

несовершеннолетнего к уголовной ответственности. Так, при более гуманном подходе к решению проблемы детской преступности задействовались целый комплекс правовых механизмов, направленных не только на борьбу с детской преступностью, но и на предупреждение совершения несовершеннолетними преступлений, ограждение их от влияния преступной среды, действовали «детские суды».

Данная проблема решалась не в одностороннем порядке и не имела цель как можно быстрее привлечь несовершеннолетнего к уголовной ответственности, а в комплексном порядке. Иной подход мы можем наблюдать при изменении политического режима, возникновении диктатуры, а также всеобщего упрощения уголовно-процессуальной формы, в том числе по тяжким и особо тяжким делам.

Данная тенденция всеобщего упрощения процессуальной формы не обошла стороной и уголовно-процессуальную форму по делам несовершеннолетних: ликвидировались комиссии по делам несовершеннолетних, уменьшился возраст привлечения к уголовной ответственности, увеличились сроки наказания, применялись все меры уголовного наказания.

Таким образом, под уголовно-процессуальной формой по делам в отношении несовершеннолетних следует понимать установленный уголовно-процессуальным законом правовой режим, включающий в себя совокупность процессуальных институтов (стадии уголовного процесса, уголовно-процессуальные сроки, меры пресечения, доказательства и т.д.), применяемых органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (субъектами процессуальной деятельности) в рамках осуществления своих функций в области расследования и разрешения уголовных дел в отношении несовершеннолетних, и для совершения гражданами, в том числе и несовершеннолетними, участвующими в производстве по уголовному делу (обвиняемый, потерпевший, свидетели и др.), тех действий, которыми они осуществляют свои права и выполняют свои обязанности, обеспечивающих наиболее быстрое и рациональное достижение задач уголовного судопроизводства и позволяющих наряду с общими задачами судопроизводства решать специфические ювенальные задачи.

Подводя итог нашей работы, мы можем заключить, что производство по делам в отношении несовершеннолетних содержит в себе все элементы уголовно-процессуальной формы. Данная форма не должна

подвергаться двойной дифференциации, а должна функционировать только в качестве усложненной дополнительными правами и гарантиями несовершеннолетним, опираясь на положительный отечественный и мировой опыт привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности. Любое упрощение уголовно-процессуальной формы в отношении несовершеннолетних недопустимо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Люблинский П.И. Особые суды для юношества в Северной Америке и Западной Европе. СПб., 1908.
2. Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России : лекции-очерки / под ред. проф. В.М. Савицкого. М., 1997.
3. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб. : Альфа, 1996. Т. 2.
4. Солнечная С.В. Возродим ювенальную юстицию в России! // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 1 (15). С. 30–31.
5. Резолюция 40/33 от 29 ноября 1985 года; Эр-Риядские принципы; Конвенция ООН о правах ребенка; Рекомендация № R (87) 20 Комитета министров Совета Европы по проблеме общественной реакции на преступность среди несовершеннолетних; Рекомендация № R (2003) 20 Комитета министров Совета Европы.

THE CRIMINAL PROCEDURAL FORM IN CASES ON MINORS

Victor E. Deiko, Department of Internal Affairs of the North-East Administrative District of the Main Directorate of the Ministry of the Interior of Russia in Moscow, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: dejkov@yandex.ru

Keywords: criminal procedural form, proceedings in cases on minors, differentiation of criminal procedure.

DOI: 10.17223/9785946216111/7

Based on the available literature, normative and legal acts in the historical aspect, the author has reviewed the history of criminal proceedings in cases on minors in Russia and has come to a conclusion that the criminal procedural form in cases on minors has constantly been subject to change, depending on the specific historical period. This is primarily due to the existing differences in the approach to the problem of juvenile delinquency and to the order of minors' prosecution. Thus, a more humane approach to solving the problem of juvenile delinquency involved a whole range of legal mechanisms aimed not only at combating juvenile crime, but also at preventing it, at protecting minors from the influence of criminal environment. "Juvenile courts" functioned at the time.

The solving of the problem of juvenile delinquency and the order of minors' prosecution had no purpose of the fastest minor's prosecution; it was carried out comprehensively.

The approach changed with the change of the political regime. The dictatorship was established, the criminal procedural form, including cases of grave or especially grave crimes, was generally simplified. This trend of general simplification also influenced the criminal procedural form in cases on minors.

The author formulates the definition of the criminal procedural form in cases on minors as a legal regime, established by the criminal procedural law, that includes a set of procedural institutes (stage of the criminal procedure, criminal procedural terms, preventive measures, evidence, etc.) that the bodies of inquiry, preliminary investigation, prosecution and trial (subjects of remedial activity) use in the implementation of their functions in the investigation and resolution of criminal cases involving minors. The regime allows citizens, including minors, involved in criminal proceedings (the accused, the victim, witnesses, etc.) to act in order to exercise their rights, fulfill their responsibilities and ensure the most rapid and efficient solution of criminal justice problems. Together with the overall objectives of criminal proceedings, it also allows solving specific juvenile problems.

A conclusion is made that proceedings in cases on minors contain all the elements of the criminal procedural form. This form must not be subjected to a double differentiation, and shall operate only as a form complicated by the additional rights and guarantees of minors, based on the positive domestic and international experience in minors' prosecution. Any simplification of the criminal procedural form in relation to minors is unacceptable.

REFERENCES

1. Lyublinskiy, P.I. (1908) *Osobyye sudy dlya yunoshestva v Severnoy Amerike i Zapadnoy Yevrope* [The especial courts for juvenile in North America and Western Europe]. SPb.
2. Larin, A.M., Melnikova, E.B., Savitskiy, V.M. (1997) *Ugolovnyy protsess Rossii: Lektsii – ocherki* [The Russian Criminal procedure: Lectures – Essays]. Moscow.
3. Foinitsky, I.J. (1996) *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [The course of the criminal trial]. SPb.: Alpha.
4. Solnechnaya, S.V. (2008) Revive the juvenile justice in Russia! *Voprosy yuvenal'noy yustitsii = The Questions of Juvenile Justice*. no.1 (15). pp. 30-31. (In Russian).
5. *Rezolyutsiya 40/33 ot 29 noyabrya 1985 goda; Er – Riyadskiye printsipy; Konventsiya OON o pravakh rebenka; Rekomendatsiya № R (87)20 Komiteta ministrov Soveta Yevropy po probleme obshchestvennoy reaktzii na prestupnost' sredi nesovershennoletnikh; Rekomendatsiya № R (2003) 20 Komiteta ministrov Soveta Yevropy* [Resolution 40/33 of 29 November 1985; Riyadh - Riyadh principles; The UN Convention on the Rights of the Child; Recommendation № R (87) 20 of the Council of Europe Committee of Ministers on the issue of public response to juvenile delinquency; Recommendation № R (2003) 20 Council of Europe Committee of Ministers].

А.Б. Диваев

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ФОРМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Отмечается, что в последнее время помимо основного привычного порядка осуществления доказывания по уголовным делам законодатель предусмотрел целый ряд альтернативных форм доказывания. Дается оценка этим изменениям, которые являются показателем некоей долговременной стратегии законодателя, условно направленной на максимальную дифференциацию уголовно-процессуальной формы в целом.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное доказывание, дифференциация формы доказывание, упрощение уголовного судопроизводства.

Приблизительно до 2013 г. существовала прямая преемственность в подходах к уголовно-процессуальному доказыванию, которые лежали в основе положений доказательственного права, отраженных как в нормах советского УПК РСФСР 1960 г., так и в нормах УПК РФ, что само по себе вполне логично и даже полезно – зачем менять и модернизировать то, что и так нормально работает.

Что же произошло за последние пару лет в этом вопросе? А произошло, без преувеличения, «тихая» революция. Можно утверждать, что в настоящий период взял отсчет совершенно новый этап в уголовно-процессуальной регламентации доказывания по уголовному делу, и проходит он под девизом дифференциации формы уголовно-процессуального доказывания, что означает: помимо основного привычного порядка осуществления доказывания по уголовным делам, законодатель предусмотрел целый ряд альтернативных форм доказывания. Причем произошло это действительно «тихим» путем, так как в этот период ничего существенного в самом разделе УПК РФ, посвященном доказательству и доказыванию по уголовному делу, не произошло.

Для начала продемонстрируем, о чем идет речь, а потом попытаемся дать оценку этим изменениям, которые, думается, не стали сиюминутной прихотью законодателя, а являются показателем некоей долговременной стратегии законодателя, условно направленной на максимальную дифференциацию уголовно-процессуальной формы в целом.

Так, Федеральным законом от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ в УПК РФ были внесены существенные изменения. В частности, этими изменениями в первую очередь были затронуты положения ст. 144 УПК РФ, регламентирующей порядок рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях, а также включена в закон новая глава 32.1, предусматривающая, по сути, новую форму предварительного расследования (хотя закон прямо об этом и не говорит) – дознание в сокращенной форме. Не боясь ошибиться, можно прямо заявить, что эти новеллы уголовно-процессуального закона в свое время произвели очень серьезный эффект в научной среде и подверглись широчайшему обсуждению. Однако обсуждение, к сожалению, велось по очень частным вопросам. Так, в частности, дискутировался вопрос о расширении способов проверки заявлений и сообщений о преступлениях, целесообразности допуска производства судебной экспертизы в стадию возбуждения уголовного дела, теперешнем соотношении задач стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, месте сокращенного дознания в системе предварительного расследования уголовных дел и т.д. Несомненно, эти обсуждаемые и до сих пор вопросы важны, и я ни в коем случае не хочу умалить их значимости, однако позволю себе все-таки утверждать, что за частоколом более частных вопросов скрылся самый важный вывод – в современном состоянии порядок проверки заявлений и сообщений о преступлениях представляет собой еще одну, альтернативную форму доказывания по уголовным делам, которая конкурирует с привычной процессуальной формой доказывания, предусмотренной уголовно-процессуальным законом для предварительного расследования.

Обосновать это достаточно просто. Действительно, законодатель существеннейшим образом расширил перечень возможных средств проверки заявлений и сообщений о преступлениях, указав в ч. 1 ст. 144 УПК РФ на то, что помимо традиционного осмотра места происшествия в этой стадии можно производить также другие виды осмотров (предметов, документов, трупов), освидетельствование и судебную экспертизу, получать образцы для сравнительного исследования. Повторюсь, можно спорить о целесообразности такого подхода законодателя, но сам по себе факт включения перечисленных следственных действий в число способов проверки заявлений и сообщений о преступлениях мало относится к рассматриваемой теме, так как порядок производства этих действий (т.е. форма доказывания) одина-

ков и в стадии возбуждения уголовного дела, и в стадии предварительного расследования.

Гораздо более интересны в этой связи те действия, не относящиеся к числу следственных, которые допустимо производить при проверке заявлений и сообщений о преступлениях – получение объяснений, истребование документов и предметов, их изъятие в порядке, установленном УПК РФ, производство документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, в том числе и с участием специалистов, проведение оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками соответствующих оперативных подразделений по поручению руководителя следственного органа, следователя, органа дознания или дознавателя. Особый интерес эти действия приобретают в контексте норм, закрепленных в ч. 1.1 и 1.2. ст. 144 УПК РФ.

Согласно первой из них, лицам, участвующим в производстве процессуальных действий, при проверке сообщения о преступлении разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном УПК РФ. При необходимости участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства, а также обеспечена безопасность в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ, в том числе при приеме сообщения о преступлении. В соответствии с положениями второй, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 (Недопустимые доказательства) и ст. 89 (Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности) УПК РФ.

Установив эти положения, законодатель, по сути, сформулировал альтернативный порядок легализации сведений, полученных в ходе проверки заявлений и сообщений о преступлениях до возбуждения

уголовного дела, когда о производстве по уголовному делу еще речи не идет.

Приведем пример. В обычном порядке устные сведения о преступлении можно получить исключительно в результате допроса, в виде показаний. Порядок производства допроса, состав его участников, их статус, права и обязанности, гарантии при производстве допроса, средства фиксации показаний закреплены в целом ряде уголовно-процессуальных норм, регламентирующих различные виды допросов – следственного действия, являющегося средством доказывания по уголовному делу. Однако теперь допрос нельзя рассматривать как единственное средство получения устных сведений. У него появилась альтернатива – объяснения, полученные в стадии возбуждения уголовного дела. Если, допустим, следователь получает их от лица, в отношении которого подано заявление о преступлении, и при этом разъясняет ему все права, которые предусмотрены законом в случае допроса подозреваемого, а также положения ст. 51 Конституции РФ, обеспечивает их использование, допускает в качестве участника получения объяснений адвоката, т.е. выполняет требования ч. 1.1 УПК РФ, – полученные объяснения вполне могут рассматриваться как доказательство и приниматься судом, по-видимому, как иной документ.

Таким образом, законодатель закрепил в законе все необходимые предпосылки для применения иной, отличной от основной формы осуществления доказывания. Мной приведен лишь один пример. Но по такой схеме можно легализовать результаты любого действия, произведенного до возбуждения уголовного дела при проверке заявления или сообщения о преступлении, что еще несколько лет назад было совершенно невозможно.

Как можно оценить такие новшества закона? Естественно, как все новое, и эти новеллы нельзя оценить ни однозначно положительно, ни разгромно. В принципе, природа этих положений понятна – недаром изменения ст. 144 УПК РФ были осуществлены одновременно с введением в действие сокращенной формы дознания. Законодатель, и это очевидно, предусмотрел альтернативную основной, назовем ее условно сокращенной, форму доказывания именно для использования в сокращенном дознании. Однако сделал это, как представляется, противоречиво.

Можно смело поддержать законодателя в его попытке модернизировать морально устаревшее предварительное расследование. Оно уже давно нуждается в этом. Имеющееся сейчас в арсенале дознание

общей формы перестало выполнять свою роль – более эффективного и быстрого способа расследовать преступление, если для этого имеются предпосылки (очевидность преступления, небольшая тяжесть преступления, отсутствие противодействия со стороны подозреваемого, признание им вины и др.). Дознание общей формы сейчас практически ничем с точки зрения насыщенности процессуальной процедуры не отличается от предварительного следствия, а поэтому введение сокращенного дознания и сокращенной же формы доказывания по нему вполне обоснованно.

Однако вполне закономерен вопрос – почему законодатель не ограничил применение сокращенной формы доказывания только сокращенным дознанием. Положения ст. 144 УПК РФ являются универсальными и вполне применимы к любым сведениям, которые могут использоваться как при расследовании уголовных дел в форме сокращенного дознания, так и при осуществлении предварительного расследования в привычных формах – предварительном следствии или дознании общей формы.

Думается, такая непоследовательность законодателя – существенное препятствие для реального воплощения в общем верной задумки – повысить эффективность предварительного расследования за счет сокращения процедуры доказывания без ущерба для прав и законных интересов участников судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (с внесенными поправками от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (с изменениями, внесенными Федеральными законами от 30.12.2015 № 441-ФЗ, № 440-ФЗ, № 437-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР с приложениями / сост. Н.М. Кипнис. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юриспруденция, 2001. 672 с.

DIFFERENTIATION OF THE FORM OF CRIMINAL PROCEDURE PROVING

Aleksandr B. Divaev, Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: divalex09@mail.ru

Keywords: criminal procedure proving, differentiation of form of proving, simplification of criminal proceedings.

DOI: 10.17223/9785946216111/8

The author analyses the changes in the RF Code of Criminal Procedure, introduced by the Federal Law 23-FZ of March 04, 2013 to improve the processing of statements and reports of crimes. These changes, in fact, introduced a new form of preliminary investigation – a simplified inquiry. These new elements of the criminal procedure law at the time were broadly discussed in the academic community. However, the discussion concerned private matters, and the most important conclusion was that in the present state the order of statement and report checks is a different, alternative form of proving in criminal cases that competes with the usual procedural form of proof the criminal procedure law provides for the preliminary investigation.

Of both theoretical and practical interest are those actions that do not belong to investigative, but can be performed when checking statements and reports of crimes. Such actions are receiving explanations, requesting documents and items, their seizure in the manner prescribed by the RF Code of Criminal Procedure, document checks, audits, examination of documents, objects, bodies, conducting search operations by the staff of the respective operating units at the request of the head of the investigating body, the investigator, the body of inquiry or the inquiry officer. The nature of these provisions is clear: no wonder amendments to Art. 144 of the RF Code of Criminal Procedure were made simultaneously with the introduction of a simplified form of inquiry. The legislator has provided an alternative, the so-called “reduced”, form of proving to be used in a simplified inquiry. However, it has some inconsistencies.

The author supports the legislator in their attempt to modernise the long obsolete preliminary investigation. Inquiry of the general form is virtually no different from preliminary investigation in terms of the scope of remedial procedures now; therefore, the introduction of a reduced inquiry and simplified forms of proof is quite reasonable.

When answering the question of why the legislator has limited the application of the simplified form of proof only to a simplified inquiry, the author comes to a conclusion that the provisions of Art. 144 of the RF Code of Criminal Procedure are universal and entirely applicable to any information that can be used in the investigation of criminal cases in the form of a reduced inquiry and in the preliminary investigation in its usual forms: preliminary inquiry or inquiry of the general form.

The author formulates a conclusion that the legislator’s lack of consistency is a significant obstacle to actually implement a generally correct idea of increasing the effectiveness of preliminary investigation by simplifying the evidentiary procedure, without violating the rights and legitimate interests of participants of the proceedings.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2014) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (s vnesennymi popravkami ot 21.07.2014)* [The Constitution of the Russian Federation (as amended on 21.07.2014)]. *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Code of Laws of Russian Federation], 31. Art. 4398.
2. Russian Federation (2015) *Ugolovno–protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (s izmeneniyami, vnesennymi Federal'nymi zakonami ot 30.12.2015 № 441–FZ, № 440–FZ, № 437–FZ)* [The Code of Criminal Procedure of the Russian Federa-

- tion (rev. and ext., in force since 30.12.2015: The Federal Law of 30.12.2015 number 441-FZ, 440-FZ, 437-FZ)]. *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Code of Laws of Russian Federation], 52:1. Art. 4921.
3. Kipnis, N.M. (2001) *Ugolovno–protseessual'nyy kodeks RSFSR s prilozheniyami* [The Code of Criminal Procedure of the RSFSR with applications]. Moscow: Yurisprudentsiya.

DOI: 10.17223/9785946216111/9

О.В. Желева

ФОРМЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ НА ОБЖАЛОВАНИЕ В СУД ДЕЙСТВИЙ (БЕЗДЕЙСТВИЯ) И РЕШЕНИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16–03–00413
«Злоупотребление правом в уголовном процессе: системные и
несистемные проявления, их предотвращение и пресечение».

Рассматриваются особенности реализации права на подачу жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ с учетом возможностей злоупотребления субъективными правами участниками уголовного судопроизводства. На основе анализа литературы, российской судебной практики и решений Европейского суда по правам человека в статье предложены классификация форм злоупотреблений правом на обжалование, а также механизм предупреждения и пресечения данного поведения.

Ключевые слова: досудебное производство, принципы уголовного процесса, право на обжалование, предмет обжалования, злоупотребление правом, критерии неприемлемости жалобы.

Охрана и защита прав, свобод человека и гражданина является приоритетной задачей государства, закрепленной в Конституции РФ и ряде международно-правовых актов. В целях ее реализации законодатель предусмотрел различные средства, одним из которых стала предоставляемая личности возможность обращения за защитой своих прав и свобод в суд посредством подачи жалобы на действия (бездействие) и решения органов государственной власти, органов местного

самоуправления, общественных объединений и должностных лиц (п. 2 ст. 46 Конституции РФ).

Свое отражение институт обжалования нашел и в уголовно-процессуальном законодательстве России. Ныне действующий УПК РФ впервые закрепил право на обжалование процессуальных действий и решений в качестве принципа уголовного судопроизводства (ст. 19 УПК РФ), тесно связанного с иными конституционными и отраслевыми положениями. При этом на этапе досудебного производства предусмотрены два порядка обжалования действий и решений органов, должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, применительно к субъекту разрешения жалобы: общий (путем подачи жалобы прокурору, руководителю следственного органа) и судебный (посредством подачи жалобы в суд).

Роль института судебного обжалования трудно переоценить. Являясь одной из правовых гарантий обеспечения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, он не только выполняет восстановительную, регулятивную функции, но и способствует устранению, предупреждению будущих нарушений закона при производстве по уголовному делу со стороны государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование.

Между тем указанный определенно положительный результат не всегда может быть достигнут. Это вызвано тем, что участники уголовного процесса, руководствуясь собственными интересами, могут использовать предоставленное им право судебного обжалования в противоречии с его назначением, тем самым причиняя вред правам, интересам других субъектов, а также интересам правосудия в целом. В таком случае указанное поведение лица стоит расценивать как злоупотребление правом.

Следует отметить, что современное уголовно-процессуальное законодательство не содержит понятия и признаков данного феномена, что затрудняет возможность верной квалификации деяний как злоупотребительных. Кроме того, ввиду разнообразия способов реализации правовых возможностей участниками уголовного судопроизводства невозможно предусмотреть абсолютно все случаи злоупотребления правом, и правом на обжалование в частности. Вместе с тем выявление наиболее часто встречающихся форм данной категории поведения позволит выработать эффективный механизм его предупреждения и пресечения.

На основе анализа судебной практики и литературы можно выделить следующие формы злоупотребления правом на обжалование.

Во-первых, недобросовестная подача заведомо неосновательной жалобы. В этом случае лицо, злоупотребляющее правом, осознает законность и обоснованность действия (бездействия), решения государственного органа или должностного лица, но, тем не менее, обжалует их с целью затянуть следствие, втянуть должностное лицо, осуществляющее расследование, в бесконечную тяжбу по второстепенным вопросам процесса, что, несомненно, становится препятствием для достижения назначения уголовного судопроизводства.

Стоит заметить, что данное злоупотребление правом на обращение с жалобой совершается различными способами. В качестве первого можно назвать подачу жалобы, в которой указывается на мнимое, надуманное причинение вреда субъективным правам и законным интересам. При этом для обращающегося лица должно быть очевидно, что действительного нарушения не произошло. Такое обращение можно назвать жалобой с пороком повода, т.е. с недействительным юридическим фактом, порождающим уголовно-процессуальные отношения по обжалованию.

Вторым способом совершения злоупотребления можно считать подачу жалобы, основанной на недоброкачественных доказательствах или юридически несостоятельных фактах, о чем субъекту было заранее известно. Основание жалобы бывает фактическим (конкретные жизненные обстоятельства) и юридическим (их правовая квалификация). Каждое из указанных оснований равнозначно: жалоба, не содержащая реальные жизненные факты или базирующаяся на искаженных, ложных категориях, равно как и жалоба, не имеющая нормативного обоснования, не подлежит судебной защите, поскольку исходит из мнимого нарушения права. Отсюда обращение, содержащее перечисленные дефекты фактической и / или юридической стороны, можно назвать жалобой с пороком основания. Злоупотребление таким способом может осуществляться посредством подачи обращения от чужого имени, подделки документов, направляемых в суд, сокрытия ключевой информации по своему делу и т.д.

Во-вторых, заявление беспредметной жалобы, в которой не называется, какое именно решение, действие (бездействие) должностного лица следует признать незаконным. Например, адвокат М. в интересах С. три раза подавал жалобу в Можайский городской суд Московской области на решения, действия (бездействия) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, не указывая

ни конкретное действие (бездействие), которое причинило ущерб конституционным правам и свободам его подзащитной С., ни конкретное должностное лицо, которое допустило предполагаемые нарушения [1]. В такой ситуации право на судебное обжалование использовалось лицом не с целью защиты прав и законных интересов, а с целью затруднить ход предварительного расследования, нарушить его установленный порядок.

К беспредметным жалобам также можно отнести обращения, носящие оскорбительный характер, содержащие заявления о преступности действий следователя, дознавателя, прокурора, их коррумпированности, причастности к деятельности преступного сообщества, и требования привлечения их к дисциплинарной ответственности, возбуждении в отношении них уголовного дела в силу отсутствия в них указания на действие или решение должностного лица, в действительности нарушившее права заявителя, т.е. на повод и основание обжалования [2].

В-третьих, подача повторной жалобы, то есть обращения, аналогичного по содержанию тому, которое уже находится в производстве суда или было рассмотрено ранее. При этом повторность означает неизменность одного из следующих обстоятельств: наименование и вид органа, в который подается жалоба; повод и основание обжалования; обстоятельства, которые ранее исследовались по существу дела. Для признания подачи такой жалобы в качестве злоупотребления правом помимо установления судом перечисленных фактов необходимо определить недобросовестность мотивов и злой умысел заявителя, направленный на создание препятствий для нормального хода уголовного процесса.

Сущность перечисленных злоупотреблений состоит в том, что доводы лиц, обжалующих действия (бездействие), решения государственных органов и должностных лиц, носят искусственный, не соответствующий действительности характер, тем самым суд лишается возможности вынести решение по жалобе с учетом всех обстоятельств дела. Такое поведение лица по своей природе и целевой направленности представляет собой уже не реализацию участником процесса права на защиту, а дискредитацию посредством обжалования деятельности органов уголовного преследования.

Следующей формой злоупотребления является чрезмерно поздняя подача жалобы, когда оценка законности и обоснованности процессуальных действий (бездействия) и решений органов и лиц, осуществ-

являвшихся досудебное производство, проводится или уже проведена в ходе разрешения дела по существу.

Верховный Суд РФ в п. 9 постановления Пленума от 10.02.2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ» [3] определил пресекательный срок на подачу жалобы на действия и решения лиц, осуществляющих уголовное преследование, моментом окончания предварительного расследования по уголовному делу. Кроме того, Пленум отметил, что в случае, если уголовное дело, по которому поступила жалоба, направлено в суд для рассмотрения по существу либо по делу постановлен приговор или иное окончательное решение, то судья принимает к производству и рассматривает лишь жалобы на решения и действия (бездействие) должностных лиц, затрагивающие права и законные интересы заявителей, не являющихся участниками судебного разбирательства по данному делу. В остальных случаях судья принимает решение либо об отказе в принятии жалобы к рассмотрению, либо о прекращении производства по жалобе в зависимости от стадии, на которой находится данное производство.

Однако отсутствие прямого законодательного закрепления сроков обжалования и рекомендательный характер указанного выше положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. № 1 создает трудности на практике и возможность появления таких ситуаций, как обжалование осужденными постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела в момент, когда дело рассматривается в суде или приговор уже вынесен, обжалование постановления о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, когда уничтожены, возвращены, утрачены вещественные доказательства и др. Такая широкая свобода усмотрения заявителя создает для других заинтересованных лиц, в отношении которых уже вынесено решение, опасность необоснованно долго находиться под угрозой воздействия уголовной юрисдикции [4. С. 62], когда интересы указанных лиц ставятся в зависимость от потребностей, целей субъектов, которые могут в любой момент обратиться с жалобой.

Представляется, что сокращению числа вышеуказанных случаев злоупотребления правом способствовало бы ограничение правомочия на обжалование в заранее установленных пределах [5. С. 11]. Такое ограничение может выражаться в нормативном закреплении требований, предъявляемых к срокам обжалования, форме и содержанию жалобы, в частности наличие в ней ссылки на обжалуемое действие (бездействие)

либо решение, указание на те конституционные права, которые, по мнению заявителя, были нарушены, перечисление доводов, обосновывающих существо жалобы, а также закрепление видов процессуальных решений, которые принимались судом по существу данной жалобы ранее.

Помимо этого, в случае выявления признаков злоупотребления правом необходимо предусмотреть ряд мер воздействия, которые будут применяться судом в отношении недобросовестного заявителя. Так, при обращении с аналогичной жалобой в целях экономии процессуальных и временных средств суду следует предоставить право отказать заявителю в ее удовлетворении и рассмотрении в дальнейшем. Дополнительной меры реагирования требует подача беспредметной жалобы. Думается, что при первоначальном обращении с ней суду следует отказать в принятии заявления и возратить ее лицу для устранения недостатков. И только в случае последующей подачи такой жалобы без учета замечаний суда можно будет применить меры, используемые при повторном обращении.

Таким образом, перечисленные меры определяют требования к поведению управомоченного лица, порядку использования права на обжалование, которое в силу своего назначения обеспечивает защиту прав заявителя исключительно в условиях его социальной и юридической ответственности перед иными участниками уголовного судопроизводства, обществом и государством. Именно такой подход к реализации указанного правомочия будет способствовать снижению числа злоупотреблений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Можайского городского суда Московской области. Производство по материалам, разрешаемым в порядке досудебного производства 3/10–3/2014. URL: <http://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html>
2. Например, Постановление ЕСПЧ от 04.02.2003 г. по делу «Дюранже и Грюнже против Франции» (*Duringer and Grunge v. France*), жалобы № 61164/00 и 18589/02. URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng/##{“dmdocnumber”:\[“681973”\], “itemid”:\[“001–44059”\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng/##{“dmdocnumber”:[“681973”], “itemid”:[“001–44059”]})
3. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ : постановление Пленума ВС РФ от 10.02.2009 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4, апрель.
4. Судебный контроль в уголовном процессе / под ред. Н.А. Колоколова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
5. Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их

использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2007. 49 с.

FORMS OF ABUSE OF THE RIGHT TO APPEAL IN COURT AGAINST ACTIONS (INACTION) AND DECISIONS OF PROSECUTING OFFICIALS AND STATE AUTHORITIES

Olga V. Zheleva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zheleva.olga@gmail.com

Keywords: pre-trial proceedings, principles of criminal procedure, right to appeal, subject of appeal, abuse of law, criteria for claim inadmissibility.

DOI: 10.17223/9785946216111/9

The right to appeal against actions (inaction) and decisions of state authorities, local self-government bodies, public associations and officials is an important constitutional provision reflected in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The legislator has provided two orders of appeal: general and judicial. The role of the institute of judicial appeal cannot be overestimated. As one of the legal safeguards for the rights, freedoms and legitimate interests of man and citizen, it not only performs the recovery, regulatory function, but also helps to eliminate and prevent future violations of law in criminal proceedings on the part of state prosecution bodies and officials. However, this positive result cannot always be achieved. Sometimes parties in the criminal procedure may use rights granted to them in their personal interests, thus causing harm to other subjects and to justice. This behaviour should be regarded as an abuse of law. Therefore, the objectives of this study were to give a definition to the legal phenomenon of the abuse of the right to appeal, to identify and classify its forms, to determine means of preventing and combating abusive behaviour.

The paper states that a prerequisite for the abuse of the right to appeal was the lack in legislation of clear criteria imposed on the topic and content of the appeal, on its subjects and terms. With regard to the subject of the appeal the author singles out the following forms of the right abuse: filing a pointless complaint, complaints with an indication of an alleged violation, with defect of cause, defect of the basis. The latter, in turn, includes an appeal on behalf of others; forgery of documents sent to the court; concealment of key information by the applicant on their case and others. It is stated that the number of the above-mentioned cases of abuse of law would be reduced by the restriction of the right to appeal within pre-established limits. This restriction may be expressed in the regulatory requirements for the deadline, form and content of the appeal. In particular, the appeal should contain a reference to the appealed action (inaction) or a decision, an indication of the constitutional rights that, according to the applicant, have been infringed, a list of arguments justifying the merits of the appeal. The restriction may also be expressed in the consolidation of types of procedural decisions the court made on the merits of the appeal earlier.

In addition, the paper presents a mechanism for preventing and suppressing the abuse of the right to appeal. The components of the mechanism will be the replenish-

ment of the identified legislative gaps on the regulation of the institute of appeal, granting power to the court to dismiss an appeal, to deny considering it as liability actions against unfair applicants. The proposed mechanism will not allow arbitrary restrictions on the rights of the subject of appeal, even in the interests of justice.

REFERENCES

1. *Arkhiv Mozhayskogo gorodskogo suda Moskovskoy oblasti. – Proizvodstvo po materialam, razreshayemym v poryadke dosudebnogo proizvodstva 3/10–3/2014.* [Archive of Mozhaisk City Court of Moscow region. – Materials is permitted in pre-trial procedure 1 3 / 10-3 / 2014]. [Online]. Available from: <http://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html>.
2. *The ECHR judgment of 04.02.2003 on Durringer and Grunze v. France case, complaints 61164/00 and 18589/02.* [Online]. Available from: [http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"dmdocnumber":\["681973"\], "itemid": \[001-44059\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{).
3. Russian Federation. (2009) *Postanovleniye Plenuma VS RF ot 10.02.2009 g. № 1 «O praktike rassmotreniya sudami zhalob v poryadke stat'i 125 UPK RF»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.02.2009 number 1 «On the practice of considering of complaints by the courts under Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation»]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [The Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 4. April.
4. Kolokolov, N.A. (2009) *Sudebnyy kontrol' v ugovnom protsesse* [Judicial control in criminal proceedings]. Moscow: YUNITI–DANA.
5. Andreeva, O.I. (2007) *Kontseptual'nye osnovy sootnosheniya prav i obyazannostey gosudarstva i lichnosti v ugovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii i ikh ispol'zovanie dlya pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti po rasporyazheniyu predmetom ugovnogo protsessa* [Conceptual bases of the relation of rights and obligations of the state and the individual in the criminal trial of the Russian Federation and their use for the legal regulation of activity by the order of the subject of criminal proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. Tomsk.

DOI: 10.17223/9785946216111/10

В.К. Зникин

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ: ДИАГНОЗ, ПРОГНОЗ, РАЗВИТИЕ

В статье речь идет о профессиональной сыскной деятельности в России. Автор сопоставляет оперативно-розыскную и частно-детективную деятельность, приходит к выводу о том, что сыск должен быть профессио-

нальным, но иметь обоснованные запреты на его занятие. При этом допускается конкуренция между государственным и негосударственным профессиональным сыском.

Ключевые слова: профессиональная сыскная деятельность, государственный профессиональный сыск, негосударственный профессиональный сыск.

Профессиональная сыскная деятельность есть юридически значимая работа (труд, дело), которая осуществляется гласно и негласно на основе общих принципов (использование конфиденциальных возможностей и др.) уполномоченными на то федеральным законом субъектами (представителями государства и др.) и которая заключается в получении (собрании и добывании) полезной информации для достижения определенных законодателем социально значимых целей, не противоречащих Конституции Российской Федерации.

Она, как и любой другой общественно полезный и государственно значимый вид деятельности, имеет свою историю, драматургию, литературу и науку. И здесь, конечно, не обойтись без сыскологии.

Сыскология как наука представляет собой межотраслевую систему научных взглядов о профессиональной сыскной деятельности в России, ее сущности, принципах, закономерностях, становлении и перспективах развития государственной и негосударственной сыскной деятельности, соотношении со смежными объектами научного исследования, в том числе и зарубежными аналогами.

Эта статья про реальные проблемы защиты участников уголовного судопроизводства от преступных посягательств, про измерение результатов сыскного труда и равенство возможностей государственного и частного сыска в этом процессе, про социально терпимый уровень преступности и негативно-ценностные ориентации этих двух ветвей профессионального сыска в противодействии криминалу, про реальные возможности частного сыска и частной охраны, про то, почему в государстве и обществе, где приоритет частной собственности объективно выше любой другой формы собственности, необходимо пояснять прописные истины приоритета частных форм охраны и сыска над государственной монополией на эти виды деятельности человека.

Мы искренне поддерживаем настойчивое стремление руководства государства добиться от российских правоохранительных органов кардинальных изменений в их функционировании, придать им

новый облик и содержание. Власть предпринимает серьезную попытку по совершенствованию игроков на поле противодействия преступности. При этом коррупция и терроризм обозначаются наиболее отчетливо. Многочисленные выступления высших чиновников на тему высоких требований к профессионалам и негативного отношения к оценке их труда по количественным показателям, тому наглядное подтверждение.

Поддерживая проводимую политику, полагаем целесообразным вначале усовершенствовать не игроков, а правила игры. Федеральное законодательство, регулирующее оперативно-розыскную деятельность как наиболее острое и эффективное средство предупреждения и противодействия преступным проявлениям, конечно, устарело. В новых политических и экономических условиях латание и засорение данного закона сиюминутными нормами стали тормозом профессиональной сыскной деятельности. Основные недостатки современного оперативно-розыскного закона лежат на поверхности:

- 1) это «темный» закон, не имеющий расшифровки даже основных его понятий и определений;
- 2) он не имеет запрета на занятие этой деятельностью без специального профессионального образования;
- 3) до сих пор результаты оперативно-розыскного труда оцениваются по количественным показателям;
- 4) провокация как метод стала главной негативно-ценностной ориентацией в деятельности многих оперативных работников.

Частная детективная деятельность как самостоятельный социально полезный вид человеческой деятельности появилась в России после принятия 11 марта 1992 г. Закона «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». Ее возникновение было обусловлено экономическими и политическими изменениями, которые происходили в России в конце 1980-х – начале 1990-х гг., потребностями в обеспечении безопасных условий развития российского бизнеса, защите прав и законных интересов участников гражданского, уголовного, административного и арбитражного производств.

Как показывает анализ практики, к настоящему времени частная сыскная деятельность успешно прошла этап становления и развивается в направлении активного формирования цивилизованного рынка сыскных услуг. Идет поступательный процесс ее превращения в самостоятельную отрасль, претендующую на достойное место в

обеспечении безопасности бизнеса и имеющую свои корпоративные интересы.

Конкуренция как движущая сила выдвигает на рынок информационных сыскных услуг новых участников, которые сдерживаются устаревшим законодательством. Проводимая реформа в правоохранительной системе и армии также высвобождает значительное количество офицеров, поставляя их на рынок труда. Чем они должны заниматься в гражданской жизни, если всю сознательную жизнь являлись представителями разведки, контрразведки и уголовного сыска? Ответ до банальности прост. Конечно же, сыском. А здесь барьер!

Почему мы так остерегаемся негосударственного профессионального сыска? Что сдерживает власть от принятия разумных решений в данном направлении? Думается, боязнь конкуренции, и не только. И это обоснованно. Взятчикам и коррупционерам, в каком бы они ни были обличии, неразумно пилить сук, на который они взгромоздились. Но тогда к чему все старания власти по противодействию коррупции? Давайте опять вернемся в другой социально-экономический строй. Ведь в сфере образования, где отрицательные последствия могут быть гораздо серьезнее, мы допускаем к участию в образовательном процессе негосударственные образовательные учреждения.

Промедление в реформе правоохранительной деятельности гораздо пагубнее, чем реформа в ЖКХ. Если мы не сможем заинтересовать профессионалов после ухода со службы играть на стороне человека, общества и государства, то кого мы сможем им противопоставить, если они окажутся в лагере преступности? Новые борцы с преступностью, усвоив печальный опыт своих предшественников, заранее «начнут сами о себе заботиться», и не всегда законным образом. Профессиональный сыск имеет простую и понятную цель – получение упреждающей информации для принятия оптимального управленческого решения. Власть – потребитель этой информации.

Проводя исследование по оперативно-розыскному обеспечению раскрытия и расследования преступлений, мы пришли к выводу, что оперативно-розыскная деятельность является всего лишь небольшой частью профессиональной сыскной деятельности, которая существует вне зависимости чьего-либо желания или указания, т.е. объективна.

Классифицируя эту деятельность по двум критериям – *целевому признаку* и *кругу участников*, автор открыл элементарную истину.

Законная сыскная деятельность по своей сути подразделяется на разведку, контрразведку, уголовный сыск и частную детективную деятельность. Незаконная, но реально существующая в нашей жизни деятельность представлена в классификации в соответствии с целевым признаком как сыск на бытовом, коммерческом уровне, в средствах массовой информации и в криминальных проявлениях с использованием тайных приемов и методов. Участниками этого вида деятельности соответственно могут являться граждане, конкретные службы экономической безопасности фирм, журналисты, члены и участники организованных преступных групп.

При рассмотрении каждого из указанных выше видов деятельности становится ясно, что законная деятельность отличается от незаконной: целями и задачами (*целевой признак*), силами и средствами (*по кругу участников*).

Результатом как для той, так и для другой деятельности будет *информация*, которая при ее высоком качестве и удовлетворении всем предъявляемым к этой категории требованиям позволит создать для одного из соперников (конкурентов) по единоборству более выгодную и выигрышную ситуацию в каждом конкретном случае. Соперника (конкурента) по ситуации необходимо знать, так как «...проще всего побеждать тех, кто не воспринял Вас всерьез!» [1. С. 5]. Считаем важным отметить, что незаконная сыскная деятельность, совершаемая не уполномоченными на то законом субъектами, имеет, к сожалению, достаточную открытую учебно-методическую базу.

А теперь главный сущностный постулат. Профессиональная сыскная деятельность не первична по сути и нужна только для чего-то более важного и главенствующего в жизнедеятельности человека, хозяйствующего субъекта, общества и государства. Сыск для сыска – это вред! При этом важно осознать, что совокупность условий существования любого из ранее перечисленных субъектов, которыми они овладели (постигли, усвоили, создали) в процессе их самореализации и которые они, таким образом, в состоянии контролировать, есть безопасность субъекта, безопасность его деятельности.

Отсюда следует важный вывод: безопасность не есть состояние защищенности интересов субъекта, безопасность вообще не есть чье бы то ни было состояние. Безопасность есть условия существования этого субъекта, контролируемые им. Находиться в безопасности – значит находиться в безопасных условиях, т.е. в таких, которые субъект в состо-

янии контролировать в процессе своей деятельности, своей самореализации. Отсюда становится ясно, что профессиональная сыскная деятельность выступает средством обеспечения безопасности субъекта, способным получить (собрать или добыть) упреждающую информацию для принятия оптимального управленческого решения этим субъектом.

Поэтому мы с надеждой рассматриваем сыскологию как науку о профессиональном сыске, науку, способную переработать этот пласт на первый взгляд несовместимых видов поисково-познавательной, консультативно-исследовательской и информационно-аналитической деятельности. Науку, которая доступно и логически обоснованно наконец-то докажет, что разведка и контрразведка, по сути, не являются прерогативой государственных образований, а представляют собой сложные классические процессы проникновения в круг интересов партнера по ситуации или защищают свой круг интересов от бесконтрольного проникновения в него кого-либо.

Развитие науки о профессиональной сыскной деятельности, безусловно, будет приветствоваться и бизнесом. Диагностирование и прогнозирование состояния исследуемого объекта корпоративной безопасности позволяют определить вектор его дальнейшего развития. Часто происходит, что любым неожиданностям в бизнесе всегда предшествуют ранние сигналы, но проблема заключается в том, что субъективизм собственника или топ-менеджера не позволяет объективно воспринимать выявленную реальность. Поэтому полученные сведения также часто отвергаются ими.

Практика проводимых нами исследований показывает, что в ситуациях противостояния реальной действительности и личных убеждений капитанов бизнеса побеждают личные убеждения последних.

Серьезной проблемой для бизнеса является и отраслевой диссонанс, выражающийся в риске того, что отрасль меняется, а компания нет. К сожалению, глухота и слепота руководителей в бизнесе – вещь достаточно распространенная! Сущность системы раннего предупреждения нежелательных последствий в бизнесе состоит в осуществлении системной консолидации стратегического планирования, разведки и оптимального управленческого решения-действия. Можно констатировать, что значение конкурентной разведки постоянно растет. С одной стороны, это связано с рыночными процессами и ростом конкуренции во всех областях бизнеса, а с другой – с бурным развитием информационных технологий. Кроме того, законодательные ак-

ты многих стран мира все более адаптируются к проблемам свободы доступа и использования любой информации, в том числе и коммерческой. Как правило, ограничения в законодательствах развитых стран касаются лишь материалов, имеющих отношение к обороне, документов правоохранительных органов, личных и финансовых документов.

Именно для решения данной проблемы предлагаются системы управления и порталы знаний, представляющие среду для эффективного поиска и обмена знаниями. В настоящее время даже малобюджетные варианты конкурентной разведки в сети Интернет обеспечивают доступность, огромный охват информации и высокую оперативность. Но такой подход не может заменить другие виды и инструментальные средства разведки. Для принятия серьезных решений необходимо использование комплексных систем, которые позволяют компоновать и обобщать информацию об объекте исследований, полученную из разных источников с применением разных технологий. Территория считается занятой, когда на нее вступила нога солдата! Информация считается достоверной, если подтверждена хотя бы одним людским источником!

«Умом Россию не понять...» – одно из самых известных и наиболее часто цитируемых произведений Федора Тютчева. Это стихотворение, написанное в 1866 г., является, к тому же, и самым коротким, так как состоит всего из четырех строчек. Однако глубинный смысл, заложенный в нем, заставляет каждое новое поколение обращаться к этим бессмертным словам, так образно и метко характеризующим Россию. Действительно, «умом Россию не понять», так как в этой стране испокон веков царит хаос, который, как это ни странно, является национальной особенностью россиян.

Следует отметить, что слова Тютчева в этом отношении оказались пророческими, так как все последующие события, которые на протяжении полутора веков происходили в России, постоянно шокировали мировую общественность. Поэтому неудивительно, что даже немецкий канцлер Отто фон Бисмарк в середине XIX в. предостерегал своих соотечественников от войны с Россией, утверждая, что на каждую военную хитрость она ответит невероятной глупостью и при этом окажется в победителях. И так во всем... Негосударственная сыскная деятельность не исключение. Давайте вспомним, как она зарождалась. Все произошло после принятия законов «О кооперации в

СССР», «Об общественных объединениях» и докладной записки от 26 января 1991 г. на имя Президента Союза ССР М. Горбачева «О необходимости правового регулирования деятельности негосударственных организаций, занимающихся сыскной и охранной работой», представленной Председателем КГБ СССР В. Крючковым и министром внутренних дел Б. Пуго. Президент выразил согласие по существу предложений, высказанных в документе.

В марте 1992 г., уже после распада СССР, был принят закон «О частной детективной и охранной деятельности в РФ». Начало было положено. Россия как раз вступала в зону рыночной экономики, в стране расцветал дикий капитализм со всеми присущими ему оттенками и темными пятнами организованной и не очень преступности. По образному выражению выдающегося советского криминолога, доктора юридических наук, профессора, начальника ГУУР и в последующем начальника ВНИИ МВД СССР Игоря Ивановича Карпеца, рыночная экономика изначально беременна преступностью, так как она основана:

- на конкуренции, а значит, на подавлении конкурентов, и отнюдь не всегда джентльменскими способами;

- на запрограммированной избыточности рабочей силы, а следовательно, на безработице, которая является мощным криминогенным фактором;

- на выжимании прибыли в возможно больших размерах, в том числе криминальным путем;

- на запрограммированном имущественном и социальном расслоении людей, которое является мощным криминогенным фактором [2].

Он считал что те, кто придумал рыночную экономику, лучше нас знают, как с произведенной ей преступностью бороться. Этот опыт и нужно взять на вооружение. Зачем изобретать велосипед?

Поначалу так и было. Мы стали учиться у западных коллег новому сыскному ремеслу настоящим образом. Но хватило этого задора ненадолго. К 2008 г. государство созрело на принятие таких законодательных шагов, которые, по сути дела, загубили частный сыск и деморализовали частную детективную деятельность. Мы опять все сделали как-то по-русски. А ведь у мирового сообщества в этом плане есть существенные отличия.

Гражданские частные службы безопасности (ГЧСБ) – так называются данные формирования. Их роль и вклад в предупреждение преступности, повышение общественной безопасности и надзор за

их деятельностью постоянно изучаются и исследуются группами экспертов под эгидой ООН. Гражданские частные службы безопасности включают службы, осуществляющие свою деятельность в следующих широких областях: службы охраны (охранники в униформе); монтаж, продажа или распространение и производство технических средств охраны; частный сыск и консультирование по вопросам безопасности. Услуги, прямо или косвенно допускающие *осуществление наступательных действий*, не относятся к категории услуг данных служб. Конкурентная разведка как одна из форм поисково-познавательной деятельности входит в сферу интересов профессиональной сыскной деятельности и, по сути, сама является таковой.

И это положение нужно как можно быстрее узаконить. Необходим главный для всех сыщиков закон – о профессиональной сыскной деятельности в Российской Федерации. В новом законе должно быть четкое разграничение на государственную и негосударственную профессиональную сыскную деятельность. Именно сыскную! Только тогда работа конкурентного разведчика получит надлежащий официальный статус. Но проект этого закона должен базироваться на научном подходе и положениях сыскологии. Что же касается участия сыщиков в уголовном, гражданском, арбитражном, административном процессах, то из всех участников негосударственной профессиональной сыскной деятельности это прерогатива останется за частным детективом. Отсюда частные детективы всегда будут востребованы на данном рынке услуг и, конечно же, никогда «не вымрут».

Исходя из сказанного, можно сделать следующие выводы:

1. Сыск должен быть профессиональным, но иметь обоснованные запреты на его занятие.

2. Допускается конкуренция между государственным и негосударственным профессиональным сыском на основе ФЗ «О защите конкуренции».

3. Результат профессиональной сыскной деятельности – информационный продукт.

4. Негосударственная профессиональная сыскная деятельность – это предпринимательская деятельность юридического характера, подлежащая лицензированию.

5. Допускается профессиональное объединение сыщиков в малые предприятия и т.п.

6. Цели и задачи негосударственной профессиональной сыскной деятельности не противоречат целям и задачам государственной профессиональной сыскной деятельности, плюс извлечение прибыли.

7. Принципы негосударственной профессиональной сыскной деятельности аналогичны принципам государственной профессиональной сыскной деятельности.

8. Перечень сыскных действий для всех субъектов профессионального сыска одинаков, за исключением тех, которые ограничивают конституционные права граждан.

9. Надзор за негосударственной профессиональной сыскной деятельностью осуществляет прокуратура в лице уполномоченных лиц.

10. Контроль осуществляется разрешительными лицензионными структурами Министерства юстиции.

В российской истории все часто случается неожиданно. Незыблемые постулаты меняются мгновенно. Именно поэтому задаться вопросами эффективного и системного реформирования профессионального сыска стоит именно сейчас, когда видимых причин для потрясений нет. Насколько жизнеспособны альтернативы существующей правоохранительной системе сегодня? Что и как менять, когда в неведомый пока «час икс» возможности для политических перемен вдруг появятся?

ЛИТЕРАТУРА

1. Ронин Р. Своя разведка: способы вербовки агентуры, методы проникновения в психику, форсированное воздействие на личность, технические средства скрытого наблюдения и съема информации: практическое пособие. Минск : Харвест, 1999.
2. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992.

PROFESSIONAL DETECTIVE ACTIVITIES IN RUSSIA: DIAGNOSIS, PROGNOSIS, DEVELOPMENT

Valeriy K. Znikin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: koloss2@mail.ru

Keywords: professional detective activities, state professional detective activities, non-governmental professional detective activities.

DOI: 10.17223/9785946216111/10

Professional detective activities are considered as legally important work that is carried out publicly and privately on the basis of general principles (use of confidential

capacities, etc.) by subjects authorised by federal law (representatives of the state and others) and that consists in the acquisition (collection) of useful information for certain socially important purposes, determined by law, that do not contradict the RF Constitution.

Federal laws that govern operative investigative activities as the most efficient means of countering and preventing criminal manifestations are definitely out of date. The basic disadvantages of modern operative investigative law have been identified, such as the lack of many definitions in the law, the lack of prohibition to engage in operative investigative activities without a special professional education. Law enforcement deficiencies have also been identified; they include quantitative assessment of the results of operative investigative work, the use of provocation as a method that has become the main negative value orientation in the work of many officers.

Competition as the driving force brings new participants to the market of information detective services. Their work is constrained by outdated laws. Operative investigative activities are only a small part of professional detective activities. The result of professional detective activities is an information product.

Detective activities should be professional, but have reasonable restrictions on engaging in them. The main requirements for non-governmental professional detective activities have been formulated. Non-governmental professional detective activities are classified as entrepreneurial activities of a legal nature, subject to licensing. The aims and objectives of non-state professional detective activities do not contradict those of state professional detective activities, and they bring a profit. The principles of non-governmental professional detective activities are similar to those of state of professional detective activities. The list of detective activities for all professional subjects is the same, except for those that restrict the constitutional rights of citizens. The Prosecutor's Office represented by authorised persons supervises non-governmental professional detective activities. The permissive licensing structures of the Ministry of Justice monitor these activities.

As a consequence, a law is required on professional detective activities in the Russian Federation. The new law should make a clear distinction between state and non-governmental professional detective activities.

REFERENCES

1. Ronin, R. (1999) *Svoya razvedka: sposoby verbovki agentury, metody proniknoveniya v psikhiku, forsirovannoye vozdeystviye na lichnost', tekhnicheskiye sredstva skrytogo nablyudeniya i s"yema informatsii: prakticheskoye posobiye* [Its reconnaissance: methods of recruitment agents, methods of penetration into the mentality, forced effects on a person, the technical means of covert observation and eavesdropping: a practical guide]. Mn.: Harvest.
2. Karpets, I.I. (1992) *Prestupnost': illyuzii i real'nost'* [The Crime: illusion and reality]. Moscow.

В.К. Зникин

ЧАСТНЫЙ СЫЩИК В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

На основе анализа действующего законодательства, юридической литературы, рекомендаций ООН сформулирован вывод о необходимости закрепления порядка получения частным детективом информации, значимой для уголовного процесса на ее первоначальной стадии (доследственная проверка), а также порядка передачи получаемой частным детективом информации должностным лицам, осуществляющим предварительное расследование и разрешение уголовного дела.

Ключевые слова: частный детектив, частный сыщик, использование информации, полученной частным детективом, в уголовном процессе.

Частная детективная деятельность как самостоятельный социально полезный вид человеческой деятельности появилась в России после принятия 11 марта 1992 года Закона «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». Ее возникновение было обусловлено экономическими и политическими изменениями, которые происходили в стране в конце 1980-х – начале 1990-х гг., потребностями в обеспечении безопасных условий развития российского бизнеса, защите прав и законных интересов участников гражданского, уголовного, административного и арбитражного производств.

В марте 1992 г., уже после распада СССР, был принят Закон «О частной детективной и охранной деятельности в РФ». Начало было положено.

Россия как раз вступала в зону рыночной экономики, в стране расцветал дикий капитализм со всеми присущими ему оттенками и темными пятнами организованной и не очень организованной преступности. По мнению начальника ГУУР и в последующем начальника ВНИИ МВД СССР И.И. Карпеца, те, кто стоял у истоков рыночной экономики, лучше всех знают, как бороться с явно проявившейся преступностью [1. С. 152]. Этот опыт и нужно взять на вооружение.

Российский законодатель ввёл понятие «частный детектив» в правовой оборот с марта 1992 г., наделяя его, в том числе, правом осуществлять сбор сведений по уголовным делам (п. 7 ч. 2 ст. 3 Закона РФ о частной детективной и охранной деятельности в РФ). Более

того, Модельным УПК (ст. 142) для государств-участников СНГ предусмотрен допуск в качестве доказательств в уголовный процесс материалов, полученных с использованием услуг частного детектива. Например, в УПК Республики Кыргызстан (ч. 4 ст. 91) записано, что защитник вправе прибегать к услугам частных детективов или частных детективных организаций для получения относящихся к делу сведений в порядке, определяемом законом, регулирующим адвокатскую деятельность. Однако УПК РФ, изданный в 2001 г., не имеет ни единого указания о частном детективе, его месте и роли в уголовном процессе.

Тем не менее заметим: научно-правовое сообщество все это время не оставляло без внимания деятельность частных детективов. Один из первых ученых, заявивших о необходимости допуска частного детектива в уголовный процесс, был А.В. Агутин, который в своих научных исследованиях обосновал концепцию участия частных детективов в уголовно-процессуальной деятельности, попытался определить их место в уголовном судопроизводстве и установить конкретные условия взаимодействия с правоохранительными органами и средой функционирования [2].

Этого задора, однако, надолго не хватило. К 2008 г. государство созрело на принятие таких законодательных шагов, которые, по сути дела, загубили частный сыск и деморализовали частную детективную деятельность. Участие частного детектива в уголовном процессе по-прежнему не эффективно.

Вопреки теоретическим рекомендациям о расширении полномочий детектива, включения его в состав участников уголовно-процессуальных правоотношений, законодатель взял в жесткие рамки как частные сыскные структуры (детективные организации, агентства), так и смешанные охранно-сыскные организации, а также службы безопасности, чья деятельность регулировалась законом. Предполагалось, что именно эти структуры станут ближайшими соратниками государственных правоохранительных органов и возьмут на себя решение ряда проблем в борьбе с преступностью, в основном экономического характера. Но с 01.01.2010 г., согласно внесенным изменениям (№ 272 от 22.12.2008 г.) в закон РФ «О частной детективной деятельности в Российской Федерации», эти организации просто перестали существовать.

Применительно к частному сыску остались лишь сыщики – индивидуальные предприниматели, деятельность которых государство не

рассматривает даже в качестве правозащитной, правоохранительной: их деятельность рассматривалась исключительно в предпринимательском аспекте, направленном на извлечение прибыли.

На сегодняшний день эйфория от теоретических взглядов 1990–2000-х гг., рассматривающих деятельность частного детектива как вспомогательную и чуть ли не равноправную с правоохранительными органами, исчезла. Каков он, частный детектив сегодня? Частный детектив (*здесь понятие дается исключительно в разделе процессуальной деятельности детектива*) – это одиночка, наемник, профессионал в сфере поиска, сыска, добычи того или иного вида информации, сведений. Он представляет интерес для ключевых соперников, участвующих в уголовном процессе (*потерпевший / преступник*), и делает то, чему был обучен 10–30 лет назад. Любящий свою профессию частный сыщик зачастую пользуется своими связями в правоохранительных органах, оказывает на возмездной основе помощь отдельным участникам уголовного процесса в защите их прав и интересов на стадиях уголовного процесса.

Перспектива его существования и тем более дальнейшего развития при подобном отношении государства видится очень туманной. Поэтому у многих частных сыщиков появилось убеждение: теория детективной деятельности должна быть не плодом кабинетной, научной работы и беспристрастного философского рассуждения, но результатом суровой тяжелой борьбы носителей практики за свое самосохранение и самоутверждение [3].

Вызывает определенный интерес работа В.Г. Семенова «Деятельность частного детектива по защите интересов участников уголовного судопроизводства». Автор наиболее подробно изучил вопросы участия частного детектива в уголовном процессе. В работе конструктивно описаны процедуры принятия от частного сыщика информации, т.е. *«порядок получения и использования результатов частной детективной деятельности при расследовании уголовных дел»* [4. С. 3]. Но вопросы о порядке *получения* частным детективом информации, значимой для уголовного процесса на ее первоначальной стадии (доследственной проверке), и порядке *передачи* получаемой частным детективом информации в уголовный процесс остались, на наш взгляд, не раскрытыми до конца. Практически никак не отражены данные вопросы и в научных работах иных авторов.

Заслуживает всяческой поддержки настойчивое стремление к разрешению данной проблемы в части предоставления участникам уголовного судопроизводства права пользоваться услугами частного детектива на сбор сведений по уголовному делу и использовать полученные от него сведения для защиты прав и законных интересов (речь идет об обращении депутатов Государственной Думы А.С. Кропачева и В.С. Золочевского к председателю Государственной Думы РФ С.Е. Нарышкину «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части предоставления участникам уголовного судопроизводства права пользоваться услугами частного детектива на сбор сведений по уголовному делу и использовать полученные от него сведения для защиты прав и законных интересов» от 24.09.2014 г.). Согласно данному обращению, предлагается внести изменения в следующие статьи УПК РФ: ст.ст. 5, 42, 46, 47, 53, 54, 86 и 89.

Как показывает анализ практики, к настоящему времени частная сыскная деятельность успешно прошла этап становления и развивается в направлении активного формирования цивилизованного рынка сыскных услуг [5. С. 303–304]. Частный сыск имеет простую и понятную цель – получение упреждающей информации для принятия оптимального управленческого решения. Власть в лице правоохранительных органов должна быть потребителем этой информации.

В российской истории многое случается неожиданно. Незыблемые постулаты меняются мгновенно. Именно поэтому задаться вопросами эффективного и системного реформирования и использования частного сыска стоит именно сейчас, когда видимых причин для потрясений нет. Если не привлекать частного сыщика к участию в уголовном процессе, то зачем тогда вообще нужна детективная деятельность как таковая?!

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992.
2. Агутин А.В. Правовые и тактические аспекты частной сыскной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1996. 221 с.
3. Криони А.Е. Особенности оформления договорных отношений между адвокатом и частным детективом // Советник юриста. 2010. № 1. С. 25–30.
4. Семенов В.Г. Деятельность частного детектива по защите интересов участников уголовного судопроизводства. М. : Юрлитинформ, 2008. 288 с.

5. Агутин А.В. Роль и место частного детектива в уголовно-процессуальном доказывании // Черные дыры в российском законодательстве. 2004. № 4. С. 303–315.

PRIVATE INVESTIGATORS IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Valeriy K. Znikin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: koloss2@mail.ru

Keywords: private detective, private investigator, use of information private detective obtained in criminal procedure.

DOI: 10.17223/9785946216111/11

The Russian legislator introduced the concept “private detective” in the legal use in March 1992. The private detective was given, inter alia, the right to collect information on criminal cases. The Model Criminal Procedure Code for the CIS member states allows using materials obtained by a private detective as evidence in the criminal procedure. However, the RF Code of Criminal Procedure has no mention of the private detective, their place and role in the criminal procedure.

The academic and legal community has not neglected activities of private detectives in their research, proving the concept of private detectives’ participation in the criminal procedure, making efforts to determine their place in criminal proceedings and to establish the specific conditions of their cooperation with law enforcement agencies. Attention was drawn to the need to learn the new detective craft from Western colleagues. Civilian private security services, as they are referred to in the UN documents, carry out their activities, private detective services and participation in crime investigation among them.

Contrary to theoretical recommendations to expand detectives’ powers, to make them participants of criminal procedure relations, the legislator set a rigid framework for private detective structures (detective organisations, agencies), for mixed security-detective organisations and for security services, whose activities were regulated by law. It was assumed that these structures would be closest associates of government and law enforcement agencies and would resolve a number of issues in the fight against crime, mainly of economic nature. But on January 1, 2010, according to the amendment (272 of December 22, 2008) to the RF Law “On Private Detective and Security Activities in the Russian Federation”, these organisations simply ceased to exist.

With regard to private detective services, only investigators that are individual entrepreneurs remained, as the state does not classify their activities as law protection and enforcement: their activities are considered exclusively in the business aspect, aimed at gaining a profit.

The paper positively evaluates proposals to enshrine in the criminal procedure law the order of receiving and using private detective activity results in the investigation of criminal cases.

It is significant not only to enshrine the order of how private detectives receive information relevant to the criminal procedure at its initial stage (pre-investigation

check), but also the order of how private detectives give the received information to officials conducting preliminary investigation and resolution of the criminal case.

A conclusion is drawn that today is the right time to resolve the issues of efficient system reforms and use of private detective services.

REFERENCES

1. Karpets, I.I. (1992) *Prestupnost': illyuzii i real'nost'* [The crime: illusion and reality]. Moscow.
2. Agutin, A.V. (1996) *Pravovyye i takticheskiye aspekty chastnoy sysknoy deyatel'nosti* [The legal and tactical aspects of private detective activity]. Law Cand. Diss. Nizhniy Novgorod.
3. Krioni, A.E. (2010) The features of the contractual relationship between the lawyer and private detective. *Sovetnik yurista = The consuler of lawyer*. no.1. pp. 25-30 (In Russian).
4. Semenov, V.G. (2008) *Deyatel'nost' chasnogo detektiva po zashchite interesov uchastnikov ugolovnoogo sudoproizvodstva* [The activity of private detective for the protection of the interests of participants in criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform.
5. Agutin, A.V. (2004) The role and place of a private detective in the criminal procedural proving. *Chernyye dyry v rossiyskom zakonodatel'stve = Black holes in Russian legislation*. no. 4. pp. 303-315 (In Russian).

DOI: 10.17223/9785946216111/12

С.Б. Исаченков

РОЛЬ АДВОКАТА ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Рассматривается вопрос о роли адвоката (защитника) в уголовном процессе. Формулируется вывод о том, что фигура адвоката подозреваемого и обвиняемого в современном российском уголовном процессе существует для обеспечения реализации органами предварительного расследования, прокуратуры и суда в полном объеме их публичного предназначения, а не для противодействия последним и, без сомнений, гармонично вписывается в форму российского процесса, основанную на публичном начале.

Ключевые слова: роль защитника, публичность уголовного процесса, обеспечение публичного интереса.

Вопрос о роли защитника в современном российском уголовном процессе исследовался многими авторами. На данный момент в науке распространена позиция о том, что роль защитника в соответствии с положениями УПК РФ – это защита подозреваемого и обвиняемого от уголовного преследования. К приверженцам данной позиции относятся Н.Н. Поплавская [1], В.А. Лазарева [2], В.П. Божьев [3], Ю.П. Гармаев [4], Ю.В. Корневский [5], Г.П. Падва [5], Г.И. Сибирцев [6], М.А. Михеенкова [7], С.А. Соловьев [8], В.Ю. Мельников [9]. Резюмируя работы данных авторов, можно сказать, что свой вывод они основывают на состязательных началах российского уголовного процесса и необходимости защитника вступать в конфронтацию с властными субъектами, отнесёнными законодателем к стороне обвинения, а также на положениях УПК РФ, закрепляющих необходимость устанавливать при производстве по делу обстоятельства, влекущие за собой улучшение положения обвиняемого, чему, в свою очередь, должен способствовать защитник.

На наш взгляд, позиции приведённых авторов заслуживают критики, поскольку ни одним из них глубинно не исследован вопрос о начале российского уголовного процесса, а также не раскрыто с доктринальной точки зрения содержание ч. 1 ст. 49 УПК РФ, дающей легальную дефиницию термина «защитник» и являющейся отправной точкой при анализе положений законодательства в данной части.

Говоря о начале российского уголовного процесса, следует сказать, что таковым является публичность, которая проявляется в следующем. Во-первых, цель субъектов, производящих предварительное расследование, – объективно установить подлежащие доказыванию обстоятельства, а не только собрать доказательства виновности лица. Об этом свидетельствуют положения ч. 1 ст. 74 УПК РФ, гласящей, что на основе доказательств устанавливается как наличие, так и отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, к коим ст. 73 УПК РФ относит виновность лица в совершении преступления.

Во-вторых, прокурор до начала судебного разбирательства получает информацию по уголовному делу исключительно посредством изучения его материалов, которые служат базой для оценки логичности выводов следователя (дознателя), однако без проверки достоверности доказательств по уголовному делу и их непосредственного исследования. Последнее возможно лишь в рамках судебного следствия. А значит, позиция прокурора полностью складывается только

по окончании судебного следствия, целью же его участия в суде является не донесение обвинительной позиции до суда, а познание при обеспечении всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела судом.

В-третьих, УПК РФ не предусматривает обязанность защитника по осуществлению параллельного расследования дела и иные механизмы, которые могли бы гарантировать его надлежащую подготовку к выступлению в суде с позицией в пользу обвиняемого. Ч. 3 ст. 86 УПК РФ лишь наделяет его правом собирать информацию по уголовному делу, но не обязывает. А значит, ничто не гарантирует формирование у защитника позиции в пользу обвиняемого, которую он в силах подтвердить в ходе судебного разбирательства, опровергнув позицию прокурора. Условий для спора между «сторонами» в ходе судебного разбирательства нет [10].

Для определения роли защитника в рамках российского уголовного процесса, имеющего публичное начало, следует обратиться к уже упомянутой ч. 1 ст. 49 УПК РФ. В соответствии с ней защитник – это лицо, осуществляющее в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу.

Необходимо раскрыть содержание понятий, используемых в указанной норме закона. Право – это нормативно закреплённая субъективная мера возможного поведения, которой корреспондирует обязанность противостоящих субъектов по обеспечению реализации первым субъектом такой меры [11. С. 356]. Законный интерес заключается в возможности требовать от противостоящего субъекта действий в целях обеспечения реализации права [12. С. 12]. С учётом имеющихся в российском уголовном законодательстве положений о неотвратимости уголовной ответственности за совершение преступления (ст. 4 УК РФ) можно сделать вывод о том, что право на безосновательное освобождение от уголовного преследования при доказанности вины и законные интересы в данной части в нашем государстве не предусмотрены, и свободу от обвинения лица, чья виновность доказана, вряд ли можно считать его законным интересом. Под юридической помощью понимается «осуществляемое средствами юридического характера адресное невластное профессиональное и организованное содействие реализации правовых возможностей субъекта права в целях преобразования проблемной правовой ситуации и максимально благоприят-

ного удовлетворения его индивидуальных интересов» [13. С. 133–134]. Под проблемными правовыми ситуациями понимаются «круг или система проблем, на разрешение которых направлена профессиональная юридическая деятельность», «совокупность фактических обстоятельств, нуждающихся в изменении и порождающих необходимость использования права, правовых норм и правовых действий для изменения создавшегося положения и достижения определённого результата». Индивидуальные интересы могут быть исключительно законными [14. С. 76], к коим, как мы уже определили, нельзя отнести интерес обвиняемого в освобождении от законного и обоснованного обвинения.

Таким образом, из ч. 1 ст. 49 УПК РФ не следует, что ролью защитника в соответствии с УПК РФ является характерная для состязательного процесса защита от обвинения.

Да и сложно представить себе необъективные действия защитника по освобождению лица от законного и обоснованного подозрения или обвинения, в которых будут отсутствовать состав преступления или нарушения норм адвокатской этики.

Ю.П. Гармаев, несмотря на приводимые положения о роли защитника, характерные для состязательного процесса, совершенно справедливо утверждает, что, исходя из положений ст.ст. 300, 302, 303, 305, 309 УК РФ, защитник входит в число субъектов, подлежащих уголовной ответственности за совершение соответствующих преступлений против правосудия, связанных со способствованием незаконному освобождению от уголовной ответственности, а его иные недобросовестные действия (например, подстрекательство подзащитного ко лжи) будут противоречить п. 1 ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и ч. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, закрепляющих требования честности, разумности и справедливости в адвокатской деятельности [15. С. 212].

В.Н. Карагодин, говоря о непроступных методах противодействия предварительному расследованию, называет среди них умышленный срыв, затягивание процессуальных действий [16. С. 18].

Из сказанного следует, что роль защитника в современном российском уголовном процессе – это оказание подозреваемому и обвиняемому юридической помощи при наличии у него *действительных* правовых проблем, защита его от *реального* нарушения его прав и законных интересов, которое теоретически может быть допущено на любой стадии уголовного судопроизводства.

Механизмы для такой защиты предусмотрены УПК РФ. К ним можно отнести заявление защитником ходатайства в соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 248 УПК РФ следовательно, дознавателю или в суд о производстве следственного действия в целях проверки определённой версии по делу, подачу жалобы в соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 53 и ст.ст. 123–125 УПК РФ на действие (бездействие) или решение властного субъекта, могущее негативным образом сказаться на процессе доказывания, выступление в судебных прениях в соответствии со ст. 292 УПК РФ, обжалование в порядке, установленном главами 43–45 УПК РФ, решений суда, когда вопрос факта решён неверно и не в пользу подзащитного (в соответствии с положениями УПК РФ возможно обжалование защитником указанных решений и по другим основаниям, но в данном контексте, так как речь идёт о доказывании, вопрос факта является определяющим).

Реализуя свои полномочия, защитник взаимодействует с властными субъектами и указывает последним на отсутствие доказательств виновности лица, необъективность познавательного процесса, тем самым помогая этим субъектам не сформировать ошибочное убеждение о виновности, стимулируя их обеспечить более объективное и тщательное разрешение уголовного дела, и установить действительно виновного.

Из всего изложенного следует вывод о том, что фигура адвоката подозреваемого и обвиняемого в современном российском уголовном процессе существует для обеспечения реализации органами предварительного расследования, прокуратуры и суда в полном объеме их публичного предназначения, а не для противодействия последним, и, без сомнений, гармонично вписывается в форму российского процесса, основанную на публичном начале.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поплавская Н.Н. Состязательность в уголовном процесса России: закон и реальность // Российская юстиция. 2008. № 6. С. 42–43.
2. Лазарева В.А. Состязательность и доказывание в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2007. № 3. С. 98–102.
3. Божьев В.П. Состязательность на предварительном следствии // Законность. 2004. № 1. С. 3–7.

4. Гармаев Ю.П. Может ли адвокат быть соучастником в незаконном освобождении от уголовной ответственности? // Юридический мир. 2003. № 4. С. 43–47.
5. Корневский Ю.В., Падва Г.П. Участие защитника в доказывании. М., 2004. 159 с.
6. Сибирцев Г.И. Развитие представлений о защитительной деятельности в уголовном процессе // Адвокатская практика. Юрист. 2015. № 3. С. 33–38.
7. Михеенкова М.А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*) и его проявление в современном уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. URL: <http://www.iuaj.net/node/1122>
8. Соловьев С.А. Право защитника на собирание доказательств через призму гносеологии защитительной деятельности: борьба здравого смысла с невежеством // Адвокатская практика. 2015. № 5. URL: <http://www.soslovie-ab.ru/read/detail.php?id=86>
9. Мельников В.Ю. Участие защитника в ходе досудебного производства // Евразийская адвокатура. 2013. № 2 (3). С. 35–41.
10. Барабаш А. С. Публичное начало российского уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2006. 414 с.
11. Алексеев С.С. Общая теория права : учебник. М. : Проспект, 2008.
12. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты : учебник. М. : Волтерс Клувер, 2008. 696 с.
13. Панченко В.Ю. Юридическая помощь (вопросы общей теории). Красноярск : ИПК СФУ, 2011. 279 с.
14. Жалинский А.Э. Основы профессиональной деятельности юриста. Смоленск : БЕК, 1995.
15. Гармаев Ю.П. Пределы прав и полномочий защитника в уголовном судопроизводстве и типичные нарушения. Иркутск : ИПКПР ГП РФ, 2004.
16. Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1992. 175 с.

THE ROLE OF LAWYERS OF THE SUSPECT AND THE ACCUSED IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Semyon B. Isachenkov, Investigation Department of the Sovetskiy District of Krasnoyarsk, Central Investigation Department of the Investigative Committee of Russia in Krasnoyarsk Krai (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: semen-isachenkov@mail.ru

Keywords: role of defence lawyer, publicity of criminal trial, ensuring public interest.

DOI: 10.17223/9785946216111/12

In science, a common position is that the role of the defence lawyer, in accordance with the provisions of the RF Code of Criminal Procedure, is to protect the suspect and the accused from prosecution. The authors base their conclusion on the principle of controversy of the Russian criminal procedure, on the need for the defence lawyer to confront with the prosecution and on the provisions of the RF Code of Criminal Proce-

ture that enshrine the need to establish circumstances in the case that would improve the position of the accused.

The author comes to a conclusion that this position can be criticized, because it does not affect the question of the principle of the Russian criminal procedure and does not consider the legal definition of the term “defence lawyer”.

The principle of the Russian criminal procedure is publicity that manifests in the following. Firstly, the aim of the subjects that conduct preliminary investigation is to objectively establish facts to be proven. Secondly, before the trial, the public prosecutor receives information on a criminal case exclusively by means of studying materials on the case, without checking the reliability of the evidence in a criminal case and their direct examination. The latter is possible only within a judicial investigation. This means that the prosecutor’s position is fully formed only at the end of the judicial investigation, and the purpose of the prosecutor’s participation in the trial is not to report an accusatory position to the court, but to learn the case via a comprehensive, complete and objective investigation of the case by the court. Thirdly, the RF Code of Criminal Procedure does not provide for the duty of the defence lawyer to conduct a parallel investigation of the case, it only gives them the right to collect information on a criminal case, but does not oblige to do it. Accordingly, there is nothing to guarantee that the defence lawyer will have a position in favor of the accused that they will be able to prove at trial, overturning the position of the prosecutor.

According to Part 1 of Art. 49 of the RF Code of Criminal Procedure, the defence lawyer is a person that defends the rights and interests of suspects and of the accused persons in the order established by the RF Code of Criminal Procedure, and provides them with legal assistance in a criminal case.

Realizing their rights, defence lawyers interact with government entities and informs them on the absence of evidence of the person’s guilt, on the lack of objectivity of the cognitive process, thus helping these entities not to form a mistaken belief of guilt, encouraging them to provide a more objective and thorough resolution of the criminal case and to establish the truly guilty person.

REFERENCES

1. Poplavskaya, N.N. (2008) Contentiousness in Russian criminal process: law and reality. *Rossiyskaya yustitsiya = The Russian justice*. no. 6. pp. 42-43. (In Russian).
2. Lazareva, V.A. (2007) Contentiousness and proving in criminal process. *Ugolovnyy protsess = The criminal process*. no.3. pp. 98-102. (In Russian).
3. Bozhyev, V.P. (2004) Contentiousness on preliminary investigation. *Zakonnost' = The legality*. no. 1. pp. 3-7. (In Russian).
4. Garmaev, Y.P. (2003) Can a lawyer be complicit in an illegal exemption from criminal liability? *Yuridicheskiy mir = The Legal world*. no. 4. pp. 43-47. (In Russian).
5. Korenevsky, J.V, Padva, G.P (2004) *Uchastiye zashchitnika v dokazyvaniü* [The participation of the defender in proving]. Moscow.
6. Sibirtsev, G.I. (2015) The development of the concepts of defensive activity in the criminal process. *Yurist = The lawyer*. no. 3. pp. 33-38. (In Russian).

7. Miheenkova, M.A. (2012) *Blagopriyatstvovaniye zashchite (favor defensionis) i yego proyavleniye v sovremennom ugolovnom protsessе* [The Favouring Protection (favor defensionis) and its manifestation in the modern criminal process]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow. [Online]. Available from: <http://www.iaaj.net/node/1122>.
8. Solovyev, S.A. (2015) Defence Attorney's Right to Collect Evidence in Terms of Gnoseology of Protective Activities: Common Sense Combating Ignorance. *Advokatskaya praktika = The lawyer practice*. no. 5. [Online]. Available from: <http://www.soslovie-ab.ru/read/detail.php?id=86>.
9. Melnikov, V.Y. (2013) The defender's participation in the pre-trial proceedings. *Yevraziyskaya advokatura = The Eurasian advocacy*. no 2 (3). pp. 35-41. (In Russian).
10. Barabash, A.S. (2006) *Publichnoye nachalo rossiyskogo ugolovnogo protsessа* [The public principle of the Russian criminal process]. Law Doctor Diss. Krasnoyarsk.
11. Alekseev, S.S. (2008) *Obshchaya teoriya prava: uchebnik* [The general Theory of Law: a textbook]. Moscow: Prospekt.
12. Sahnova, T.V. (2008) *Kurs grazhdanskogo protsessа: teoreticheskiye nachala i osnovnyye instituty: ucheb* [The course of civil proceedings: theoretical principles and basic institutions: textbook]. Moscow: Volters Kluver.
13. Panchenko, V.Y. (2011) *Yuridicheskaya pomoshch' (voprosy obshchey teorii)* [The Legal aid (questions of the general theory)]. Krasnoyarsk: IPK SFU.
14. Zhalinsky, A.E. (1995) *Osnovy professional'noy deyatel'nosti yurista* [The Fundamentals of professional lawyer's activity]. Smolensk: BEK.
15. Garmaev, Y.P. (2004) *Predely prav i polnomochiy zashchitnika v ugolovnom sudoproduktse i tipichnyye narusheniya* [The limits of defender's rights and powers in criminal proceedings and the typical violations]. Irkutsk: IPKPR GP RF.
16. Karagodin, V.N. (1992). *Preodoleniye protivodeystviya predvaritel'nomu rassledovaniyu* [The overcoming of counteraction to a preliminary investigation]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo un-ta.

DOI: 10.17223/9785946216111/13

В.И. Козырев

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ОБЕСПЕЧЕНИЕМ РАЗУМНОГО СРОКА ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Отмечается, что в решении проблемы разумности срока досудебного уголовного производства основное бремя должно лечь именно на проку-

рора, поскольку этот участник уголовного процесса независим, что не свойственно сотрудникам отделов процессуального контроля следственных аппаратов. Предлагается расширить полномочия прокурора, предоставив ему более широкие возможности осуществления надзора за обеспечением разумного срока досудебного уголовного производства.

Ключевые слова: разумный срок уголовного судопроизводства, прокурорский надзор, защита прав и законных интересов.

Прокуратура Российской Федерации – централизованная система органов, основная задача которой состоит в надзоре за соблюдением и исполнением действующего на территории РФ законодательства. Она является независимой от органов государственной власти и не относится ни к одной из ее ветвей.

Прокуратура РФ выполняет широкий спектр задач, в том числе и в сфере надзора за соблюдением законодательства, касающегося уголовного судопроизводства. В настоящий момент данная часть российского законодательства переживает переходный период. Связано это в первую очередь с фундаментальными изменениями, которые вводятся в правоохранительную систему Российской Федерации. Здесь имеется в виду, конечно же, относительно новый орган в данной системе – Следственный комитет Российской Федерации, который начал свою деятельность в 2011 г. Введение в систему указанной новой структуры (наряду с МВД, ФСБ и т.д., которые имеют свои собственные следственные подразделения и наделены правом вести предварительное следствие по преступлениям, относящимся к их подследственности) направлено на создание независимого следственного аппарата, свободного от прямого влияния прокуратуры. В этой связи появилась необходимость в пересмотре с новых позиций ряда функций, которые осуществлял прокурор в отношении следствия. Однако новое соотношение полномочий прокурора и следователя (с его руководителем) не избавило практику от ряда проблем, которые присутствовали ранее. Одной из них является осуществление надзора за соблюдением следственными органами положений ст. 6.1 УПК РФ, т.е. за обеспечением разумного срока досудебного уголовного производства.

Говоря о разумном сроке, отметим, что дополнив УПК РФ упомянутой статьей, законодатель не привел определения того, что надлежит понимать под разумным сроком, а лишь представил отдельные характеристики этой категории. Так, например, согласно ч. 3.1 ст. 6.1

УПК РФ разумный срок досудебного судопроизводства включает в себя период со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня принятия решения о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Вместо понятия разумного срока в законе лишь даются некоторые его признаки: сложность уголовного дела, поведение участников досудебного производства по уголовному делу, достаточность, эффективность действий должностных лиц, в том числе прокурора, общая продолжительность досудебного производства по уголовному делу. В данном определении прослеживается попытка законодателя реформировать этот сегмент судопроизводства Российской Федерации в соответствии с принципами европейского права. Однако можно ли назвать ее успешной? Скорее нет, чем да.

Проблема, как всегда, кроется в формулировках, использованных законодателем в анализируемой статье. Например, отсутствие однозначности понятий, их «обтекаемость» позволяют трактовать введенную категорию разумного срока по-разному, зачастую интерпретируя ее в зависимости от определённой следственной ситуации. Правила же определения именно разумности конкретного срока лишены необходимой ясности, четкости, часть вышеуказанных критериев вообще не раскрывается, предоставляя возможность фактически любой срок судопроизводства считать разумным [1].

В научном сообществе неоднократно говорилось о потребности введения ст. 6.1 в УПК РФ в силу необходимости выполнения предписаний Европейского Суда по правам человека. Вместе с тем С.С. Семченко указывал, что проблема разумности сроков в российском праве появилась из-за механического введения данной нормы. Непродуманность варианта реализации решения, по мнению С.С. Семченко, заключалась в том, что норма не получила своего правильного наполнения, не была гармонично введена в законодательство Российской Федерации с учетом его специфики, т.е. не была к нему адаптирована [2], что не вызывает у нас сомнений. Тем не менее нельзя не учитывать, что дополнение УПК РФ указанной статьей все же принципиально оправдано, поскольку является не только требованием ратифицированной в 1998 г. Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее ЕКПЧ), но и элементарной попыткой избавиться от волокиты, которая допускается практикой, в том числе и на стадиях досудебного уголовного производства.

Отметим, что введение ст. 6.1 УПК РФ серьезно актуализировало значимость положений УПК РФ, регламентировавших уголовно-процессуальные сроки, в том числе досудебного судопроизводства. Говоря о последних, надо иметь в виду, что сроки являются временными ограничителями продолжительности процессуальных действий, которые совершает следователь, дознаватель. Их цель – оптимизировать процесс расследования, т.е. исключить волокиту, обеспечить темп выполнения процессуальных действий для быстрого раскрытия преступлений и расследования уголовных дел. Традиционно именно процессуальные сроки являлись основным фактором, предопределяющим организацию работы следователей и дознавателей [3. С. 117]. Однако на практике довольно часто возникают ситуации, когда следователь или дознаватель, выполнив необходимые первоначальные действия, вынужден откладывать принятие итогового процессуального решения до истечения всех возможных установленных сроков. В основном это касается вопросов проведения работы по материалам предварительных проверок и вопросов продления срока предварительного следствия, когда должностное лицо испытывает потребность в установлении дополнительных фактов и обстоятельств. Такая ситуация может возникнуть из-за необходимости приобщения результатов долгосрочных экспертиз (например, бухгалтерской) по неочевидным составам преступлений или когда имеющихся сведений явно недостаточно для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, т.е. нельзя судить о наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Решение данной проблемы было предложено практикой. Так, скажем, должностное лицо (следователь, дознаватель) по истечении срока проверки принимает решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Впоследствии данное решение отменяется вышестоящим должностным лицом (например, заместителем руководителя следственного отдела), а материал возвращается для дополнительной проверки. Зачастую действия повторяются до тех пор, пока не будет установлено бесспорное наличие либо отсутствие признаков конкретного преступления. В одном случае, когда такой «обход» закона вызван объективными причинами, это оправдано (поскольку показатели работы следственного органа напрямую связаны с числом направленных в суд уголовных дел с утвержденным обвинительным заключением, а оправдательный приговор по делу – это

всегда недоработка следствия), однако в большинстве случаев ситуация возникает из-за халатного отношения должностных лиц к своим обязанностям, а также в связи загруженностью следователя, дознавателя. Таким образом, лицо, чьи права и интересы были нарушены, де-факто может ожидать законного процессуального решения неопределенный промежуток времени.

Как уйти от этого? Представляется целесообразным довести до логичного конца изменения, начатые законодателем при принятии ЕКПЧ. Необходимо признать, что процессуальные сроки, введенные для обеспечения законности в работе следствия, в настоящее время не выполняют в полной мере своего предназначения, а обеспечивают лишь «темп сдачи» уголовных дел прокурору для утверждения обвинительного заключения, при этом дополнительно снижая качество расследования уголовных дел. Итоговое решение требует ужесточения контроля за деятельностью следователя, необходимого для того, чтобы не допустить чрезмерного затягивания проведения проверок, расследования уголовных дел и т.д. Здесь в работу следователя и включается такой инструмент, как прокурорский надзор за обеспечением разумного срока досудебного уголовного производства. В настоящее время именно прокурор в основном является гарантом соблюдения положений ст. 6.1 УПК РФ. В рамках вышеизложенного представляется целесообразными расширить полномочия прокурора, предоставив ему более широкие возможности осуществления контроля в данном направлении. Так, необходимо расширить перечень процессуальных документов, касающихся именно процессуальных сроков, которые должны быть предоставлены в надзорные производства. В их число целесообразно включить:

1) постановления о продлении сроков предварительного следствия – указанные ходатайства на сегодняшний день прокурору не представляются, а утверждаются на уровне руководства следственного органа. В связи с этим необходимо дополнить ч. 4, 5 ст. 162 УПК РФ предложением: «Копия постановления о продлении срока предварительного следствия должна быть представлена прокурору с момента его утверждения». Целесообразно также с этой же целью обязать прокурора утверждать статистические карточки формы 3.0 о продлении срока предварительного следствия;

2) постановления о продлении срока по материалу проверки до 30 суток, для чего дополнить ч. 3 ст. 144 УПК РФ словами «с обяза-

тельным уведомлением прокурора округа о принятом процессуальном решении».

По нашему мнению, в случае обнаружения нарушений установленных законом сроков прокурор должен вносить мотивированное представление об отмене принятого процессуального решения, основываясь на предписаниях ст. 6.1 УПК РФ. Критерии для предлагаемого прокурорского решения законодателем в основном уже выработаны.

Как указывалось ранее, в решении проблемы разумности срока досудебного уголовного производства основное бремя должно лечь именно на прокурора, поскольку этот участник уголовного процесса независим, что не свойственно сотрудникам отделов процессуального контроля следственных аппаратов. Именно острая потребность повышения эффективности применения предписаний о разумности сроков досудебного производства должна предопределять дальнейшие действия законодателя, которые необходимо направить на расширение полномочий прокуратуры Российской Федерации в сфере надзора за соблюдением процессуальных сроков органами предварительного расследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грель Я.В. Новации о разумном сроке в контексте эффективности судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 1. С. 20–23.
2. Семченко С.С. Принцип разумного срока в уголовном судопроизводстве с точки зрения решений Европейского Суда по правам человека и практики судов РФ // Вестник КемГУ. 2013. № 4. С. 206–211.
3. Карнеева Л.М., Ключанский В.И. Организация работы следователя. М. : Госюриздат, 1961.

PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE REASONABLE TIME OF PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS

Vladimir I. Kozyrev, F.M. Dostoevsky Omsk State University. (Omsk, Russian Federation). E-mail: nelisvel@mail.ru

Keywords: reasonable time of criminal proceedings, prosecutor's supervision, protection of rights and legal interests.

DOI: 10.17223/9785946216111/13

Amendments to the RF Code of Criminal Procedure introduced a new balance of powers of the prosecutor and the investigator, yet did not solve some problems, one of

which is the supervision over the compliance by the investigating authorities with the provisions of Art. 6.1 of the RF Code of Criminal Procedure, i.e. over the provision of a reasonable time of pre-trial criminal proceedings.

Time in this context is a temporal limitation of the duration of the procedural actions of the investigator and the inquiry officer. Time limitation aims to optimise the process of investigation, i.e. eliminate red tape, speed up procedural actions for a quick crime detection and criminal case investigation. However, in practice, quite often there are situations when the investigator or the inquiry officer, having performed the necessary initial steps, has to postpone the adoption of the final procedural decision until the expiry of all possible deadlines. This applies mainly to issues of work on materials of preliminary checks and issues of extending the terms of the preliminary investigation, when the officer feels the need to establish additional facts and circumstances.

The solution to this problem comes from practice. For instance, an official (investigator, inquiry officer) makes a decision not to institute criminal proceedings upon the expiration of the verification period. Subsequently, this decision is cancelled by a higher official (e.g., deputy head of the investigation department), and the material is returned for additional verification. Often the action is repeated until an undeniable presence or absence of signs of a specific crime has been established. Thus, the person whose rights and interests have been infringed can de facto wait for the legal procedural decision for an indefinite period of time.

In this regard, it is necessary to admit that procedural deadlines introduced to ensure legality in the investigation do not fully perform their function today, they only provide the “pace of sending” of criminal cases to the prosecutor to confirm the indictment, thus further reducing the quality of criminal case investigation.

In addressing the problem of the reasonableness of time of pre-trial criminal proceedings, the prosecutor should take the lead, as this participant of the criminal procedure is independent, which is not a feature of employees of procedural monitoring departments of investigative bodies. It is the urgent need for better implementation of the requirements of reasonable time of pre-trial proceedings that should predetermine the further actions of the legislator. These actions should be directed to the empowerment of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation in the field of supervision over the observance of procedural deadlines by preliminary investigation bodies.

Thus, it seems appropriate to extend the powers of the prosecutor by giving them more opportunities for control in this area.

REFERENCES

1. Grel, Y.V. (2011) Innovations about reasonable term in the context of legal proceedings efficiency. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bulletin of the Tomsk State University*. no. 1. pp. 20-23. (In Russian).
2. Semchenko S.S. (2013) Principle of reasonable term in the Russian criminal procedure according to decisions of the European court of human rights and the Russian Federation jurisdiction. *Vestnik KemGU = The Bulletin of the Kemerovo State University*. no. 4. pp. 206-211. (In Russian).

3. Karneeva, L.M., Klyuchansky, V.I. *Organizatsiya raboty sledovatelya* [The Organization of the investigator's activity]. Moscow: Gosyurizdat.

DOI: 10.17223/9785946216111/14

Т.С. Краснолуцкая, Н.В. Комкова

ИЗМЕНЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОСТОЯНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье речь идет об изменениях в законодательстве, относящихся к деятельности органов дознания. Показаны проблемы правоприменения. Сформулированы предложения, направленные на совершенствование деятельности органов дознания.

Ключевые слова: дознание, проблемы правоприменения, совершенствование деятельности органов дознания.

Регулярно дополняются и изменяются нормы, направленные на совершенствование дознания как формы предварительного расследования. С 2011 г. Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен более чем двадцатью пятью составами, относящимися к компетенции дознания: п. «з» ч. 2 ст. 112, п. «в» ч. 2 ст. 115; ст.ст. 128.1, 151.1, 159.1–159.6, 171.1, 191.1, 222.1, 223.1, 243.1, 243.2, 258.1, 314.1, ч. 2 ст. 314.1, ст.ст. 322.2, 322.3, 325.1, 327.1, 215.4 (Незаконное проникновение на охраняемый объект (введена Федеральным законом от 30.12.2015 г. № 441-ФЗ)). В связи с вводимыми новеллами в законодательстве подразделения дознания встречаются с проблемами в их правоприменении.

С июля 2015 г. вступила в законную силу ст. 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутому административному наказанию». За 2015 г. зарегистрировано 366 преступлений, предусмотренных вышеуказанной статьей. Так, в ходе правоприменительной практики возникал спорный момент по поводу того, кто является субъектом преступления: лицо, подвергнутое административному наказанию, до момента

окончания исполнения постановления об административном правонарушении либо лицо, подвергнутое административному наказанию, по которому срок действия истек, но не закончился срок погашения административного наказания – 1 год; также аналогичный вопрос возникал в случае, когда субъект преступления отказывался от прохождения медицинского освидетельствования.

В настоящий момент все спорные моменты устранены, приобретен опыт сбора доказательств, имеется судебно-следственная практика в нашем субъекте Российской Федерации, а так же в других регионах России. Согласно сложившейся судебной практике в Томской области суды принимают решения о наложении штрафа до 300 тыс. рублей. В случае если подсудимый не выполняет решение суда, может использоваться механизм, предусмотренный п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УПК РФ – конфискация имущества, принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора орудий, оборудования или иных средств совершения преступления (в данном случае автомобиль), принадлежащих обвиняемому.

Часть 2 ст. 314.1 УК РФ введена Федеральным законом от 31.12.2014 г. № 514-ФЗ и вступила в действие с 01.01.2015 г. Данная статья предусматривает уголовную ответственность на неоднократное несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничений или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, сопряженное с совершением данным лицом административного правонарушения против порядка управления (за исключением административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.24 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), либо административного правонарушения, посягающего на общественный порядок и общественную безопасность, либо административного правонарушения, посягающего на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность. За 12 месяцев 2015 г. дознавателями УМВД России по Томской области возбуждено 28 уголовных дел по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ.

Отсутствие судебно-следственной практики по данному виду преступлений было причиной того, в что фабулах предъявленного обвинения не был раскрыт обязательный признак данного преступления – сопряженность несоблюдения административного ограничения с со-

вершением административного правонарушения, посягающего на общественный порядок и общественную безопасность, предполагающий одновременное их совершение, то есть в один день.

Так, при рассмотрении уголовного дела в отношении гр-на С. районный суд установил, что гр-н С. допустил нарушение установленного в отношении него административного ограничения в виде запрета пребывать вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства, ежедневно с 23.00 до 6.00 часов, установленного решением З. городского суда, а именно 16.04.2015 г. в 23 часа 55 минут не находился по избранному им месту жительства: с. П., ул. З., д. 0, совершив при этом административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.21 КоАП РФ, посягающее на общественный порядок, за которое был привлечен к административной ответственности с назначением административного наказания в виде административного штрафа в размере 500 рублей. Гр-н С. продолжая реализовывать свой преступный умысел, направленный на игнорирование установленного судом административного ограничения в виде запрета пребывать вне жилого помещения, в ночь с 17 на 18 июня 2015 г. на момент проверки отсутствовал, при этом совершил административные правонарушения, посягающие на общественный порядок, предусмотренные ч. 1 ст. 20.1 и ст. 20.21 КоАП РФ, за которые был привлечен к административной ответственности. В отношении гр-на С. вынесен обвинительный приговор.

Полагаем, что в рамках действующего законодательства правоприменительная практика по данной статье должна складываться по указанному примеру, в котором имеется признак сопряженности, неоднократности совершения административных преступлений, указанных в диспозиции статьи.

Федеральным законом от 29.06.2015 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» положения ч. 1 ст. 46 Жилищного кодекса Российской Федерации дополнены нормой, определяющей решение и протокол общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме как официальные документы. Таким образом, законодатель формально дает возможность квалифицировать указанные противоправные деяния по ст. 327 УК РФ.

Однако в диспозиции ч. 1 ст. 327 УК РФ установлена ответственность за подделку официального документа, в качестве которого

в соответствии с федеральным законом от 29.12.1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» определены документы, принятые органами законодательной, исполнительной и судебной власти, носящие обязательный, рекомендательный или информационный характер (предоставляющие права или освобождающие от обязанностей, например удостоверение, свидетельство о праве собственности, праве наследования, лицензия, исполнительный документ и др.).

Получается, что в рамках применения уголовного законодательства при выявлении фактов подделок решения и протокола общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме отсутствуют предмет и объективная сторона преступления, предусмотренные ст. 327 УК РФ. В настоящий момент данные противоречия в законодательстве не устранены.

Таким образом, в рамках изменений законодательства дознаватели адаптируются к меняющимся условиям профессиональной деятельности, приобретают новые знания и умения, повышают свой интеллектуальный и общекультурный уровень.

CHANGES IN THE LAWS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THEIR INFLUENCE ON THE STATE AND RESULTS OF LAW ENFORCEMENT

Tatiana S. Krasnolutskaya, Inquiry Department of Tomsk Regional Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Tomsk, Russian Federation). E-mail: komkova78@mail.ru

Natalia V. Komkova, Inquiry Department of Tomsk Regional Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Tomsk, Russian Federation). E-mail: komkova78@mail.ru

Keywords: inquiry, enforcement issues, improvement of activities of inquiry units.

DOI: 10.17223/9785946216111/14

Norms aimed at improving inquiry as a form of pre-trial investigation are regularly supplemented and modified. Since 2011, the RF Criminal Code has been amended with more than twenty-five elements relating to inquiry. In connection with the new elements in laws, inquiry units face problems with their enforcement.

Part 2 of Article 314.1 of the RF Criminal Code criminalises the repeated non-compliance by a person under administrative supervision with administrative limitations or limitations established by the court in accordance with federal law, combined with the commission by the person of an administrative offence against control schemes (except administrative offence under Article 19.24 of the RF Code of Administrative Offences), administrative offences against public order and public security, an administrative offence infringing health or sanitary-epidemiological welfare of the population

and public morals. There is no forensic investigative practice for this type of crime. The reason for this is the absence in the accusation of a compulsory indication of the crime: the combination of non-compliance with an administrative limitation and an administrative offence infringing public order and safety, with an assumption of their simultaneous commission.

Federal Law 176-FZ of June 29, 2015 amends the provisions of Part 1 of Art. 46 of the Housing Code of the Russian Federation with a norm that defines the decision and protocol of the general meeting of premises owners in an apartment house as an official document. Thus the legislator allows qualifying the mentioned wrongful acts under Article 327 of the RF Criminal Code. However, the disposition of Part 1 of Article 327 of the RF Criminal Code establishes liability for forgery of an official document. In accordance with Federal Law 77-FZ "On Obligatory Copy of Documents" of December 29, 1994, an official document is a document adopted by legislative, executive and judicial bodies. It has an obligatory, recommendatory or informative nature (granting rights or releasing from responsibilities, e.g., certificates of ownership, the right of inheritance, a license, an executive document, etc.).

Thus, within criminal law enforcement, when identifying facts of counterfeiting solutions and protocols of general meetings of premises owners in apartment buildings, there is no subject and objective side of crime under Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation. At the moment, these contradictions are not eliminated in the legislation.

DOI: 10.17223/9785946216111/15

С.Л. Лось

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ПРЕДЕЛОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Обращается внимание на направленность и возможности правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса. Отмечается, что пределы правового регулирования подчеркивают ограниченность формального государственного вмешательства в социальные отношения.

Ключевые слова: пределы правового регулирования, сфера уголовного процесса, уголовно-процессуальные отношения.

Правовое регулирование отношений, возникающих в сфере уголовного процесса, как и любое динамичное явление в обществе, имеет

свои характеристики и развивающиеся в пространстве и во времени элементы и условия, к числу которых могут быть отнесены более или менее стабильные элементы: закон – УПК РФ, суд – государственный орган, приговор – юридически значимый документ и т.д. В определенном аспекте можно говорить о динамических составляющих: законодательной инициативе и принятии закона, толковании положений закона, проведении следственного действия, принятии решения и др. Однако в статье хотелось бы обратить внимание *на направленность и возможности правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса*. Если предмет правового регулирования определяет направленность (уголовно-процессуальная деятельность, уголовно-процессуальные отношения), то *пределы* правового регулирования подчеркивают *ограниченность* формального государственного вмешательства в социальные отношения. При определенных условиях может проявляться *противоречивость* или даже *безрезультативность нормативных предписаний* в неучтенных социальных условиях территории, национальных особенностей, возможностей государственного аппарата и его служащих, восприятия населением законодательных положений.

Пределы правового регулирования не существуют сами по себе, так как они всегда *привязаны к чему-либо: предмету регулирования*, отношениям, определенным сферам отношений и действий, субъектам, территории проживания, условиям деятельности или результатам действий и решений и т.д. Например, Т.В. Трубникова и Ю.К. Якимович рассматривают вопросы о необходимости и пределах использования упрощенных судебных производств в уголовном процессе России и переходят к более широкому вопросу дифференциации уголовного процесса и соответствующей проработке пределов использования различных производств в уголовном процессе России [1, 2]. О.И. Андреева рассматривает пределы вмешательства государственных органов и должностных лиц в частную жизнь граждан и пределы свободы личности в уголовном процессе [3, 4].

Социальное, политическое, идеологическое, экономическое, технологическое *многообразие общественных отношений*, в рамках которых могут совершаться преступления и храниться необходимая информация, *предполагает рамки*, границы возможного поведения и его законодательного закрепления.

Соответственно, *социальная и правовая категория «пределы правового регулирования»* становится производной и дополнительной, в

частности к предмету правового регулирования. Вместе с тем при определенных условиях поиска информации, неопределенности предмета рассмотрения, комплексности, сложности, межотраслевой правовой принадлежности явления, социального многообразия проявления схожих отношений и действий предмет либо уже не выполняет свою роль, или уже выполнил, определив направленность правового регулирования. В такой ситуации появляется *потребность в дополнительных категориях*, критериях выделения, дифференциации, систематизации изучаемых, разрабатываемых, регулируемых явлений, отношений, действий, решений, к одному из которых можно отнести *пределы правового регулирования*. В данном случае нас интересуют пределы правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса.

В самом общем плане пределы правового регулирования к выбранному нами предмету могут быть определены *в различных аспектах* как правового регулирования, так и развития формализованного явления или действия. Первое и основное, от чего отталкивается действие и реализация любого закона, – это действие его во времени, пространстве и по кругу лиц. Для правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса, эти положения переходят на другой уровень *конкретизации и специфики уголовно-процессуальной деятельности и отношений*.

Временные пределы правового регулирования связаны с развитием и изменением во времени каждого из составляющих правовое регулирование этапов: правотворчества – правоизучения – правоприменения – правоисследования, применительно к отношениям, возникающим в сфере уголовного процесса – это *первое*. *Второе* – временные рамки осуществления уголовно-процессуальной деятельности связаны с развитием уголовного процесса по стадиям во времени. *Третье* – временные пределы и временные рамки могут быть связаны с конкретизацией и детализацией уголовного процесса: развитие отдельной стадии, например предварительного расследования, динамика специализированного вида деятельности, например дознания, проведение отдельного следственного действия и его организационно-временные элементы, например допрос во времени, и так далее.

Территориальные пределы правового регулирования связаны с федеральным законодательством, которое преломляется к определенной территории с дополнительным или измененным статусом, например республик, входящих в состав России. В частности, положения принципа наци-

онального языка уголовного судопроизводства, реализуемого на уровне субъектов РФ в соответствии с законодательством по этому вопросу.

Субъектные пределы правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса, связаны как с субъектами законодательства (нормотворчества) – Российская Федерация, субъект РФ, Конституционный Суд РФ, так и с положениями, направленными на конкретных субъектов (военнослужащий, депутат и т.д.), обобщенный круг определенных субъектов (следователи, дознаватели), широкий неопределенный круг лиц, граждан, участников уголовного процесса (подозреваемый, гражданский истец, переводчик и другие).

Пределы правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса, могут быть связаны с *профессионально-специализированным характером* принадлежности к определенным государственным органам или их структурным подразделениям, профессиональным объединениям (Следственный департамент МВД РФ, Адвокатская палата Томской области и др.), с узко определенным кругом действий профессиональных субъектов (следственные действия, проводимые следователем) или с определенным специализированным правовым положением процессуального лица (государственный обвинитель-прокурор).

Эти наиболее *общие положения о пределах* правового регулирования *дополняются* определенным кругом материальных уголовно-правовых отношений, подлежащих установлению в рамках существующих социальных и государственно-правовых отношений, с использованием предусмотренных уголовно-процессуальных средств.

Одним из исследуемых нами объектов является *сфера уголовного процесса*, с которой связаны самые *широкие и многообразные отношения*, возникающие в государстве, порожденные совершенными преступлениями. К ним добавляются отношения, связанные с деятельностью по их предупреждению и пресечению, а также организацией публичной деятельности по ограничению их распространения и оценке наступивших результатов. *Специфика материальных уголовно-правовых отношений в различных сферах жизнедеятельности* граждан и государства создает особенности получения необходимой информации для восстановления события преступления в условиях *очевидности, скрытости, фальсификации обстоятельств, подмены информации*.

Говоря о правовом регулировании отношений, возникающих в сфере уголовного процесса, у нас уже *определен предмет регулирования* –

отношения, возникающие в сфере уголовного процесса в самом широком смысле. В то же время они должны увязываться с узко специализированным видом деятельности выделенных государственных органов и специальных должностных лиц: рассмотрением уголовного дела судом, поддержанием государственного обвинения прокурором, ведением предварительного следствия следователем. Как же свести широчайший круг социальных отношений, задействованный в сфере уголовного процесса, с узкими организационно-процессуальными юридически значимыми действиями и решениями органов, должностных лиц и граждан в конкретном возбуждении, расследовании, рассмотрении и разрешении уголовного дела, а также при проверке и оценке принятых итоговых или промежуточных решений?

В этой ситуации определяющее значение приобретает *категория «пределов», в данном случае, правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса.*

1. *Сфера уголовного процесса* – что это? Как категория, как понятие она тесно связана с социальными, государственными, правовыми отношениями, которые могут быть использованы для разрешения уголовно-правовых вопросов, раскрытия содержания организационно-процессуальных действий профессиональных субъектов и принятия уголовно-процессуально-значимых определенных решений с установленными формальными требованиями.

Сферу уголовного процесса лучше рассматривать как самостоятельную научную категорию, развивающую общее системное представление об уголовном процессе в обществе и межотраслевых социальных связях в государстве для решения уголовных и уголовно-процессуальных вопросов. Подобный подход был характерен системной схеме советского периода, направленной на борьбу с преступностью, которая, в частности, предполагала выделение соответствующих направлений деятельности и объединение всех задействованных в этом органов государства единой задачей. Сфера уголовного процесса представляет интерес не только по ширине задействованных государственно-правовых отношений, но по глубине отраслевой проработки пределов правового регулирования. Технологической схемой иллюстрации служит взаимосвязь таких категорий, как социальные конфликты – преступления, практическая уголовно-процессуальная деятельность, УПК РФ или источники уголовно-процессуально права, базовая учебная дисциплина «Уголов-

но-процес-суальное право», направление научных исследований – 12.00.09 уголовный процесс.

2. В качестве одного из аспектов, формирующего и раскрывающего «пределы», является *словарный запас русского языка, используемый в описании регулируемых явлений*, отношений, действий, решений в сфере уголовного процесса. Общеупотребляемый социальный язык формирует определенные рамки возможного законопроекта или закона (кодекса) и создает условия и проблемы описания узко специализированной профессиональной деятельности, понимания положений закона, их толкования и применения.

3. Еще одним элементом пределов правового регулирования, отношений, возникающих в сфере уголовного процесса, является *словарно-теоретическая разработанность и наполняемость смысловым содержанием специальных терминов*, определяющих специализированные понятия уголовного процесса или увязывающих их смысловое содержание с понятиями других отраслей права: алиби, вердикт, избрание меры пресечения, государственный обвинитель, апелляционная инстанция, жилище, имущество, близкие родственники и т.д. Они создают сложности и проблемы понимания в общем или в конкретных условиях гражданами, участниками уголовного судопроизводства и даже специализированными профессиональными субъектами специальной государственно-правовой терминологии.

4. В качестве пределов правового регулирования может рассматриваться *возможность и способность увязать* смысловое и словесное описание положениями закона с использованием специальных терминов в нормативных предписаниях в системе УПК РФ (структуре закона) с существующими или прогнозируемыми *реальными социальными отношениями*, государственным, политическим и гражданским устройством общества.

Этот элемент, определяющий пределы, предполагает наличие общего и узко специализированного знания источников уголовно-процессуального права, умелого толкования уголовно-процессуального законодательства и правильного его использования в профессиональной деятельности специальных субъектов в общесоциальных и специализированных отношениях в сфере уголовного процесса.

Таким образом, *учебная база для понимания нормативной основы и идеальной или упрощенной схемы* представления о возможном социальном поведении в этой сфере и *правосознание профессиональных субъек-*

тов и иных участников уголовного процесса предстают в качестве критериев, позволяющих определять пределы правового регулирования отношений, возникающих в этой сфере. Несмотря на то что правосознание есть абстрактная, идеальная, оценочная категория, обойтись без него при рассмотрении вопросов пределов правового регулирования нельзя.

Названные аспекты и положения, конечно, не исчерпывают, но в определенной мере раскрывают желаемое и возможности правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубникова Т.В. Необходимость и пределы использования упрощенных производств в Российском уголовном процессе // Новое российское законодательство и практика его применения. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 1997. С. 24–26.
2. Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса / под ред. М.К. Свиридова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 300 с.
3. Андреева О.И. Пределы уголовно-процессуального вмешательства государственных органов и должностных лиц в частную жизнь граждан // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. / под ред. М.К. Свиридова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. Ч. 29. С. 20–23.
4. Андреева О.И. Пределы свободы поведения личности в российском уголовном процессе // Вестник Алтайского государственного университета. 2006. № 2. С. 39–44.

ON CERTAIN ASPECTS OF THE LIMITS OF LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN THE SPHERE OF CRIMINAL PROCEDURE

Sergey L. Lon, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lonsl@mail.ru

Keywords: limits of legal regulation, criminal procedure, criminal procedure relations.

DOI: 10.17223/9785946216111/15

The paper draws attention to the direction and opportunities of legal regulation of relations arising in the sphere of criminal procedure. If the subject of legal regulation determines the direction: criminal procedure, criminal procedure relations, the limits of legal regulation emphasize the limitations of the formal state intervention in social relations.

The limits of legal regulation do not exist by themselves; they are always connected with something: the subject of regulation, relations, specific areas of relations and actions. Accordingly, the social and legal category “limits of legal regulation” becomes derivative and supplementary to the subject of legal regulation.

In the most general terms, “limits of legal regulation” to the subject under study may be defined in various aspects of legal regulation and of development of formalised events or actions. The most important factor the action and implementation of any law

rests on its validity in time, in space and for the scope of persons. For the legal regulation of relations arising in the sphere of criminal procedure, these provisions must be specified for criminal procedure activities and relations.

Discussion on the legal regulation of relations arising in criminal procedures determines the subject of regulation: relations arising in the sphere of criminal procedure in the broadest sense. At the same time, they must correlate with the highly specific activities of selected government agencies and special officials.

In this regard, the author states that the category “sphere of criminal procedure” as a concept is closely connected with social, governmental and legal relations that can be used to resolve criminal issues, disclose the content of organisational and procedural actions of professional subjects and adopt significant criminal procedure specific decisions in compliance with established formal requirements.

An aspect that forms and explains the “limits” is the vocabulary of the Russian language used in descriptions of regulated phenomena, relations, actions, decisions in criminal procedures, as well as special terms, theoretically elaborated and semantically described, that define specialised concepts of the criminal procedure or link their meaning with the concepts of other branches of law. The ability to link the semantic and verbal description of the provisions of the law, using special terms in regulatory requirements in the system of the RF Code of Criminal Procedure (in the structure of the law) with the existing or projected real social relations, governmental, political and civil society structures may be considered as a limit of legal regulation.

The above aspects and provisions are certainly not exhaustive, but, to a certain extent, they show the desired and the opportunities of legal regulation of relations arising in the sphere of criminal procedure.

REFERENCES

1. Trubnikova, T.V. (1997) The necessity and limits of the use of the simplified court proceedings in the Russian criminal procedure. *Novoye rossiyskoye zakonodatel'stvo i praktika yego primeneniya*. Barnaul: *Izd-vo Altayskogo un-ta = The New Russian legislation and practice*. pp. 24-26. (In Russian).
2. Yakimovich, Y.K., Lenskiy, A.V., Trubnikova, T.V. (2001) *Differentsiatsiya ugolovnogo protsessa* [The differentiation of the criminal proceedings]. Tomsk: *Izd-vo Tom. un-ta*.
3. Andreeva, O.I. (2005) The Limits of Criminal Procedural interference of state bodies and officials in the private life of citizens. *Pravovyye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti: sb. st. / pod red. M.K. Sviridova*. Tomsk: *Izd-vo Tom. un-ta = The Legal issues of strengthening of Russian statehood*. no. 29. pp. 20-23. (In Russian).
4. Andreeva, O.I. (2006) The limits of individual behavior's freedom in the Russian criminal procedure. *Vestnik Altayskogo gos. un-ta = The Bulletin of the Altai State University*. no. 2. pp. 39-44. (In Russian).

Д.А. Мезинов

О КЛАССИФИКАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ

Уточняется, что основанием классификации доказательств на прямые и косвенные следует рассматривать место факта, устанавливаемого доказательством, в структуре предмета доказывания по конкретному уголовному делу. Приведены аргументы в обоснование правильности указанной позиции.

Ключевые слова: классификация доказательств, прямые доказательства, косвенные доказательства.

Классификация доказательств на прямые и косвенные традиционна в науке уголовного процесса. Между тем, как долгое время в советский период, так и в дореволюционный период времени, применительно к данной классификации доказательств среди ученых-процессуалистов имел место ряд дискуссий. Причем часть дореволюционных ученых обосновывала мнение об утрате актуальности и устаревании данной классификации доказательств в условиях отказа отечественного уголовного процесса от формальной теории доказательств и перехода к доказыванию, основанному на свободной оценке доказательств по внутреннему убеждению [1. С. 197–202].

В то же время большинством дореволюционных ученых [2–4], а затем, по сути, всеми советскими процессуалистами признавалось, а ныне российскими процессуалистами признается значение этой классификации уголовно-процессуальных доказательств ввиду очевидно осознаваемого отличия использования в доказательственном процессе (прежде всего в его мыслительной части) прямых доказательств от использования в нем доказательств косвенных. Так, особые этапы работы с косвенными доказательствами традиционно достаточно подробно описывались и описываются в разделах уголовно-процессуальной литературы, посвященных теории доказывания [5–10].

Одним из дискуссионных вопросов применительно к рассматриваемой классификации уголовно-процессуальных доказательств выступает вопрос о её основании (критерии деления), поскольку ответ на

данный вопрос определяет, какие именно доказательства относить к прямым, а какие – к косвенным. Думается, наиболее удачно ответил на данный вопрос М.С. Строгович, указав в качестве такого основания отношение доказательства (его содержания, содержащихся в нем сведений) к главному факту предмета доказывания по уголовному делу. «Доказательства делятся на прямые и косвенные в зависимости от того, – пишет он, – устанавливает ли доказательство главный факт – совершение обвиняемым инкриминируемого ему преступления – или доказательственный факт... Прямое доказательство устанавливает главный факт... Косвенное доказательство устанавливает не главный факт, а доказательственный факт, который в свою очередь является доказательством главного факта» [5. С. 376]. И далее: «Значит, разница между прямым и косвенным доказательством состоит в том, что именно, какой факт устанавливается этим доказательством и как он относится к главному факту. Каждое косвенное доказательство является прямым по отношению к тому факту, который оно непосредственно устанавливает, и отличие его от прямого доказательства заключается именно в том, что этот факт, устанавливаемый косвенным доказательством, не есть главный факт (т.е. совершение обвиняемым преступления), а есть факт доказательственный, побочный, через который устанавливается главный факт» [5. С. 377]. Используя приведенные суждения, можно уточнить, что основанием классификации доказательств на прямые и косвенные следует рассматривать место факта, устанавливаемого доказательством, в структуре предмета доказывания по конкретному уголовному делу. При учете, что предмет доказывания по конкретному уголовному делу (индивидуальный или отдельный, единичный [11] предмет доказывания) включает в себя как главный факт, так и вспомогательные (промежуточные, доказательственные) факты [5, 11].

В то же время само выделение в структуре предмета доказывания главного факта было подвергнуто критике. Пожалуй, главный аргумент критиков заключался в ссылке на появление специальной нормы ст. 68 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. [12] (далее – УПК РСФСР) об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, охватившей, по их мнению, весь круг обстоятельств, который принято называть главным фактом, в связи с чем обозначаемая понятием «главный факт» теоретическая конструкция «превратилась в бессодержательный термин, ничего не дающий ни теории уголовного про-

цесса, ни практике» [13. С. 68]. Такое понимание привело к использованию в уголовно-процессуальной литературе вместо термина «главный факт» термина «предмет доказывания», под которым подразумевается закрепленный в ст. 68 УПК РСФСР (1960 г.), а с 2002 г. – в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по всем уголовным делам, который правильнее называть общим предметом доказывания [11. С. 81]. Аналогично в качестве основания классификации доказательств на прямые и косвенные стало указываться отношение доказательства (его содержания, содержащихся в нем сведений) к предмету доказывания [6, 9, 10, 14] (более правильно говорить об отношении к общему предмету доказывания, как отмечалось выше).

Считаю необходимым привести ряд аргументов в возражение приведенному пониманию основания рассматриваемой классификации и в обоснование правильности выделять в качестве такого основания именно место устанавливаемого доказательством факта в структуре предмета доказывания по конкретному уголовному делу с отнесением к прямым тех доказательств, которые устанавливают (содержат информацию непосредственно об этом) главный факт (т.е. виновность определенного лица в совершении конкретного преступления), а к косвенным – доказательств, устанавливающих (содержащих информацию непосредственно об этом) только вспомогательные (промежуточные, доказательственные) факты, с помощью которых в дальнейшем необходимо делать умозаключения о главном факте.

Во-первых, не затрагивая мнение о тождественности обстоятельств, включаемых в главный факт, кругу обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам, закрепленному в прежде действовавшей ст. 68 УПК РСФСР, можно констатировать отсутствие подобного тождества между тем, что принято относить к главному факту, и кругом обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам, закрепленному в ныне действующей ст. 73 УПК РФ. Так, под главным фактом принято понимать совокупность фактов, из которых складывается уголовно-наказуемое деяние, содержащее объективные и субъективные элементы состава преступления. Главный факт включает в себя такие элементы, как событие преступления, факт совершения деяния конкретным лицом, форма вины и мотивы совершения преступления, иные факты, соответствующие признакам состава преступления, предусмотренного статьей уголовного закона [5. С. 363–

365]. Можно сказать, что под главным фактом понимается совокупность фактов, охватываемых выражением «виновность определенного лица в совершении конкретного преступления, соответствующего признакам состава преступления, закрепленного в уголовном законе». Установление обстоятельств, составляющих главный факт в изложенном понимании, необходимо для правильной квалификации совершенного лицом преступления, и, думается, в любом случае именно на их установление должны в первую очередь и в основном направляться усилия уполномоченных субъектов в доказывании по уголовному делу.

Особая роль главного факта в изложенном понимании среди других обстоятельств, устанавливаемых по уголовному делу, предопределила и признание особого значения тех доказательств, каждым из которых совокупность фактов, составляющих главный факт, может быть установлена непосредственно (с точки зрения сведений, содержащихся в таких доказательствах) и полно. Именно возможность непосредственного и полного установления главного факта (т.е. виновности определенного лица в совершении конкретного преступления) с помощью даже одного отдельного из таких доказательств (разумеется, после его тщательной проверки с использованием в том числе косвенных доказательств) определяет наименование их прямыми, с признанием их преимущественного доказательственного значения, по сравнению с доказательствами косвенными. Думается, что и в формальной теории доказательств преимущественная ценность прямых доказательств определялась именно их свойством непосредственно (прямо) и полно указывать на виновность определенного лица в совершении конкретного преступления. Так, в период господства этой теории судья «обязан был постановлять приговор исключительно на основании прямых доказательств, не оставлявших места судейскому размышлению» [1. С. 197].

Сравнивая главный факт в изложенном понимании с кругом обстоятельств, закрепленных в ст. 73 УПК РФ (взятой в редакции ФЗ от 27.07.2006 г. № 153-ФЗ [15], ФЗ от 28.06.2014 г. № 179-ФЗ [16], ФЗ от 31.12.2014 г. № 530-ФЗ [17]), мы видим среди последних обстоятельства, выходящие за пределы главного факта. Так, обстоятельства, закрепленные в п. 6 и 8 ч. 1 этой статьи, вообще не требуются при решении вопросов квалификации деяния, а обстоятельства, указанные в её п. 3 и 4, используются исходно для решения вопросов назначения наказания, а для решения вопросов квалификации деяния использу-

ются лишь в случаях прямого указания их в качестве признаков конкретных составов преступлений в Особенной части УК РФ. Аналогично в основном для решения вопросов определения ответственности и наказания используются обстоятельства, указанные в п. 7 ч. 2 ст. 73 УПК РФ. Лишь криминологическое значение имеют обстоятельства, указанные в ч. 2 этой статьи.

Как видно, все отмеченные обстоятельства используются в основном для решения задач, вторичных по отношению к первичной задаче правильной квалификации преступления. Это качественно иного уровня обстоятельства, чем обстоятельства главного факта, и отнесение отмеченных обстоятельств к главному факту, как это следует из мнения об отождествлении всего предмета доказывания, закрепленного в ст. 73 УПК РФ, с главным фактом представляется принципиально неверным подходом.

Во-вторых, как следствие предыдущих рассуждений, неверной представляется и привязка прямых доказательств ко всему предмету доказывания, закрепленному в ст. 73 УПК РФ. Прежде всего, невозможно представить себе существование доказательства, устанавливающего своим содержанием этот предмет доказывания в полном объеме, с соответствующим названием такого доказательства прямым. В то же время прямые доказательства, устанавливающие напрямую своим содержанием в полном объеме, именно виновность определенного лица в совершении конкретного преступления, т.е. главный факт, общеизвестны. Как общеизвестно, причем, как отмечалось выше, ещё со времен господства формальной теории доказательств, и очевидно их особое (разумеется, после тщательной проверки) и непосредственное доказательственное значение для разрешения уголовного дела. Их немного: это, прежде всего, показания свидетеля-очевидца, воспринимавшего процесс совершения преступления и способного уверенно опознать его совершителя, аналогичные показания потерпевшего и признательные показания самого обвиняемого (подозреваемого), а в настоящее время к прямым доказательствам можно добавить и видеозаписи процесса совершения преступления (при возможности опознания преступника), сделанные с различных камер наблюдения. Следует отметить, что именно перечисленные доказательства приводятся в качестве примера прямых доказательств в работах процессуалистов, посвященных изложению рассматриваемой классификации доказательств, в том числе тех авторов, которые

указывают основанием классификации отношение доказательства к предмету доказывания, а не к главному факту [14. С. 147; 18. С. 176]. То, что последние авторы не приводят иные примеры прямых доказательств, свидетельствует о внутреннем (возможно неосознанном) признании ими традиции привязки прямых доказательств именно к виновности определенного лица в совершении конкретного преступления (главному факту), а не ко всему предмету доказывания, несмотря на внешне провозглашаемую ими, вопреки такому признанию, привязку прямых доказательств ко всему предмету доказывания.

В-третьих, нецелесообразным и не соответствующим исходному представлению о прямых доказательствах полагаю считать и название прямыми тех доказательств, которые устанавливают своим содержанием (пусть даже непосредственно) отдельные обстоятельства предмета доказывания, закрепленного в ст. 73 УПК РФ, например доказательство, содержание которого указывает только на место совершения преступления, или лишь на его время, или только на его мотивы и т.п.

Следует согласиться с М.С. Строговичем, заметившим, что «доказательства, которые устанавливают различные обстоятельства совершенного преступления безотносительно к виновности или невиновности обвиняемого, лежат за пределами деления доказательств на прямые и косвенные... если доказательство просто устанавливает какую-то черту самого факта преступления безотносительно к совершившему его – это доказательство будет находиться вне классификации доказательств на прямые и косвенные, т.е. не будет ни прямым, ни косвенным» [5. С. 384]. И вообще представляется неуместной привязка рассматриваемой классификации доказательств к тем ранее отмеченным обстоятельствам, закрепленным в ст. 73 УПК РФ, которые не используются для решения задач квалификации преступления, с попыткой назвать прямыми доказательства, указывающие своим содержанием отдельно на какое-либо из этих обстоятельств, например характеристику личности обвиняемого с места работы (пусть даже правдиво данную лично наблюдавшим поведение обвиняемого работодателем).

Таким образом, указание в качестве основания рассматриваемой классификации отношения доказательства (его содержания, содержащихся в нем сведений) к общему предмету доказывания, закрепленному в настоящее время в ст. 73 УПК РФ, а равно только к отдельным обстоятельствам, в него входящим, нельзя признать удач-

ным и соответствующим сложившемуся в отечественной уголовно-процессуальной науке исходному (по сути, традиционному) представлению о прямых и косвенных доказательствах.

Более правильно и целесообразно понимать в качестве основания классификации доказательств на прямые и косвенные место устанавливаемого доказательством факта в структуре предмета доказывания по конкретному уголовному делу с отнесением к прямым тех доказательств, которые устанавливают непосредственно своим содержанием главный факт, а к косвенным – доказательств, устанавливающих также непосредственно своим содержанием только вспомогательные (промежуточные, доказательственные) факты, с помощью которых в дальнейшем необходимо делать умозаключения о главном факте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб., 1910. Т. 2.
2. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1912.
3. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913.
4. Случевский Вл. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913.
5. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. 470 с.
6. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р.С. Белкин и др. ; редкол.: Н.В. Жогин (отв. ред.) и др. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрид. лит., 1973. 736 с.
7. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / В.Б. Алексеев, Л.Б. Алексеева, В.П. Божьев и др. ; под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М. : Юрид. лит., 1989. 640 с.
8. Уголовный процесс : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М. : Спарк, 2002. 704 с.
9. Уголовный процесс : учебник для бакалавриата юридических вузов / О.И. Андреева [и др.] ; под ред. О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко, А.Г. Тузова. Ростов н/Д : Феникс, 2015. 445 с.
10. Якимович Ю.К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 80 с.
11. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М. : Норма, 2009. 240 с.
12. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. Законом РСФСР от 27.10.1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
13. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1993. 178 с.

14. Советский уголовный процесс / И.В. Тыричев, П.А. Лупинская, Ф.Н. Фаткуллин и др. ; под ред. Л.М. Карнеевой и др. М. : Юрид. лит., 1980. 568 с.
15. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» : федеральный закон от 27.07.2006 № 153–ФЗ // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3452.
16. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 28.06.2014 № 179–ФЗ // Собрание законодательства РФ. 30.06.2014. № 26 (ч. 1). Ст. 3385.
17. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий : федеральный закон от 31.12.2014 № 530–ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.01.2015. № 1 (ч. 1). Ст. 83.
18. Советский уголовный процесс. Общая часть : учебник / В.П. Божьев и др. ; под общ. ред. Б.А. Викторова, В.Е. Чугунова. М. : Изд-во ВШ МВД СССР, 1973. 253 с.

CLASSIFICATION OF CRIMINAL PROCEDURE EVIDENCE AS DIRECT AND INDIRECT

Dmitry A. Mezinov, Tomsk State University Law Institute (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mez_da@mail.ru

Keywords: classification of evidence, direct evidence, indirect evidence.

DOI: 10.17223/9785946216111/16

The classification of evidence as direct and indirect is traditional in the criminal procedure science. Most scholars recognize the importance of this classification of criminal procedure evidence because of obvious differences in the use of direct and indirect evidence in the evidentiary process (primarily, in its mental part).

The paper states that the classification of evidence into direct and indirect should be based on the place of the fact the evidence establishes in the structure of the subject of proof in a particular criminal case. Arguments in support of the correctness of this position are given.

By comparing the main fact with the circumstances enshrined in Article 73 of the RF Code of Criminal Procedure, the author comes to a conclusion that the latter include circumstances beyond the main fact.

The author notes that linking direct evidence to the whole subject of proof enshrined in Article 73 of the Code of Criminal Procedure is incorrect. He concludes that it is impossible to imagine evidence whose content establishes the subject of proof in its entirety, with the appropriate referring to such evidence as direct. At the same time, direct evidence whose content establishes the entire guilt of a certain person in the commission of a particular crime is common. It is offered to consider inappropriate and

irrelevant to the original concept of direct evidence such direct evidence whose content establishes (even instantly) certain circumstances of the subject of proof enshrined in Article 73 of the RF Code of Criminal Procedure.

The linking of the considered classification of evidence with those previously noted circumstances set in Article 73 of the RF Code of Criminal Procedure that are not used for the solution of the crime qualification tasks and of the attempt to refer to evidence as direct when the evidence content establishes only some of these circumstances is critically evaluated.

A conclusion is made that the choice of the relation of evidence (its content, information it contains) to the general subject of proof, enshrined currently in Article 73 of the RF Code of Criminal Procedure, as well as to only separate circumstances within, as a basis for the classification of evidence cannot be thought successful and relevant to the original (in fact, traditional) notion of direct and indirect evidence developed in the domestic criminal procedure science.

It is more correct and advisable to understand the place of the fact the evidence establishes in the structure of the subject of proof in a particular criminal case as the basis for the classification of evidence as direct and indirect. Direct evidence establishes the main fact, and indirect evidence establishes only secondary (intermediate, evidentiary) facts that further help infer about the main fact.

REFERENCES

1. Foinitskiy, I.Ya. (1910) *Kurs ugolovnoy sudoproizvodstva. V 2-kh tt.* [Criminal proceedings. In 2 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: The Senate Typograpy.
2. Viktorskiy, S.I. (1912) *Russkiy ugolovnyy protsess* [Russian criminal trial]. Moscow: A.A. Kartsev.
3. Poznyshhev, S.V. (1913) *Elementarnyy uchebnik russkogo ugolovnoy protsessy* [An elementary textbook of Russian criminal trial]. Moscow: G.A. Leman.
4. Sluchevskiy, Vl. (1913) *Uchebnik russkogo ugolovnoy protsessy* [The Russian criminal trial]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
5. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugolovnoy protsessy* [The Soviet criminal trial], Vol. 1. Moscow: Nauka.
6. Zhogin, N.V. (ed.) *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [The theory of evidence in the Soviet criminal trial]. 2nd ed. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
7. Boykov, A.D. & Karpets, I.I. (ed) (1989) *Kurs sovetskogo ugolovnoy protsessy: Obshchaya chast'* [The Soviet criminal trial: General Part]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
8. Bozhiev, V.P. (ed.) (2004) *Ugolovnyy protsess* [Criminal Procedure]. Moscow: Spark.
9. Andreeva, O.I., Nazarov, A.D., Stoyko, N.G. & Tuzov, A.G. (ed) (2015) *Ugolovnyy protsess* [Criminal Procedure]. Rostov n/D: Feniks.
10. Yakimovich, Yu.K. (2015) *Dokazatel'stva i dokazyvaniye v ugolovnom protsesse Rossii* [Evidence and proof in the Russian criminal trial]. Tomsk: Tomsk State University.

11. Sheyfer, S.A. (2009) *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovolnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proof in criminal cases: Problems of theory and legal regulation]. Moscow: Norma.
12. The Supreme Soviet of the RSFSR. (1960) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks RSFSR. Utverzhen Zakonom RSFSR ot 27.10.1960g.* [The Code of Criminal Procedure of the RSFSR. Approved by the Law of the RSFSR of October 27, 1960]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR*. 40. Art. 592.
13. Zinatullin, Z.Z. (1993) *Ugolovno-protsessual'noe dokazyvanie* [Proof in the Criminal Procedure]. Izhevsk: Udmurt University.
14. Russian Federation. (2001) The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated by December 18, 2001, Federal Law № 174-FZ. *Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 52(1). Art. 4921. (In Russian).
15. Karneeva, L.M., Lupinskaya, P.A. & Tyrichev, I.V. (ed) (1980) *Sovetskiy ugovolnyy protsess* [The Soviet criminal trial]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
16. Gutsenko, K.F. (ed.) (1997) *Ugolovnyy protsess* [Criminal Trial]. Moscow: Zertsalo.
17. Ministry of Internal Affairs of the USSR. (1973) *Sovetskiy ugovolnyy protsess. Obshchaya chast'* [The Soviet criminal trial. General Part]. Moscow: Ministry of Internal Affairs of the USSR.
18. Bozhiev, V.P. (ed.) (2000) *Ugolovnyy protsess* [Criminal Procedure]. Moscow: Spark.

DOI: 10.17223/9785946216111/17

А.И. Петрушин

ВОЗРАСТ КАК КРИТЕРИЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ЧАСТНОГО ОБВИНИТЕЛЯ

Рассматриваются обстоятельства, ограничивающие уголовно-процессуальную дееспособность частного обвинителя. Указывается, что возраст как критерий уголовно-процессуальной дееспособности имеет и собственное содержание. Приводятся доводы в обоснование этого тезиса.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная дееспособность, возраст, частный обвинитель.

Действующее законодательство приводит ряд обстоятельств, ограничивающих уголовно-процессуальную дееспособность частного обвинителя. Согласно ч. 4 ст. 20 УПК РФ к таким обстоятельствам относятся: беспомощное состояние, нахождение лица в зависимости и

иные причины. Вместе с тем возраст также должен рассматриваться как самостоятельный критерий процессуальной дееспособности частного обвинителя. Несмотря на то что беспомощное состояние пострадавшего в ряде случаев обусловлено именно возрастными особенностями, возраст как критерий уголовно-процессуальной дееспособности имеет и собственное содержание.

В действующем УПК РФ нет указаний на возраст, с достижением которого связывается наличие полной уголовно-процессуальной дееспособности частного обвинителя, что справедливо воспринимается в научной литературе как недопустимый пробел действующего законодательства [1]. Согласно результатам исследования (в рамках которого были изучены материалы 243 уголовных дел частного обвинения, рассмотренных мировыми судьями в период с 2009 по 2012 г. в городах Томск, Кемерово, Новосибирск) участие пострадавшего в качестве частного обвинителя по уголовному делу допускается только с момента достижения им 18 лет, что следует из нормы ст. 60 Конституции РФ, согласно которой «гражданин может самостоятельно осуществлять свои права и исполнять обязанности по достижению восемнадцати лет».

Некоторые авторы предлагают снизить возраст возникновения полной уголовно-процессуальной дееспособности частного обвинителя до возраста 16 лет [2]. Например, О.С. Головачук обосновывает такой вывод тем, что именно с достижением возраста 16 лет лицо может являться субъектом большинства уголовных преступлений [3. С. 48–49].

Представляется, что рассматриваемый вопрос не может решаться на основании предлагаемой логики, прежде всего, по причине несовпадения понятий «уголовно-процессуальная дееспособность» и «способность нести уголовную ответственность». Необходимо подчеркнуть, что каждый критерий процессуальной дееспособности должен иметь собственное содержание с учетом особенностей правоотношений и роли субъекта в рамках этих правоотношений. Установление минимального возраста наступления уголовной ответственности происходит в соответствии со сложившимися представлениями об этапах интеллектуально-волевого развития личности.

И если возраст уголовной ответственности должен предполагать способность лица осознавать общественную опасность собственных действий и руководить ими, то уголовно-процессуальная дееспособность частного обвинителя предполагает более высокий уровень ин-

теллектуально-волевого развития, дающий лицу возможность в полной мере понимать свое процессуальное положение, самостоятельно приобретать и осуществлять свои процессуальные права и обязанности, понимать логику обоснования обвинительного тезиса и т.д.

Некоторые авторы, разделяя вышеуказанную точку зрения, считают, что возраст процессуальной дееспособности должен быть одним как для потерпевших, так и для подозреваемых (обвиняемых) [4, 5]. Такая позиция не учитывает того факта, что уголовно-процессуальная дееспособность несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) также носит ограниченный характер. Законодатель, признавая лиц, не достигших возраста 18 лет, способными нести уголовную ответственность, тем не менее не рассматривает несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) как лиц, способных в полной мере защищать свои права в рамках уголовного судопроизводства. Именно поэтому правовой статус несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) носит более широкий характер по сравнению с правами подозреваемых (обвиняемых), достигших 18 лет.

Кроме того, спорным представляется вывод о возможности установления возраста уголовно-процессуальной дееспособности частного обвинителя по аналогии с возрастом уголовно-процессуальной дееспособности потерпевшего и (или) подозреваемого (обвиняемого).

В отличие от указанных субъектов, на частном обвинителе лежит обязанность самостоятельного обоснования обстоятельств, входящих в предмет доказывания, что свидетельствует о необходимости установления более строгих правил определения уголовно-процессуальной дееспособности данного участника судопроизводства. По этой же причине не вызывает согласия позиция, согласно которой о возрасте наступления уголовно-процессуальной дееспособности частного обвинителя можно судить по возрасту наступления уголовной ответственности за заведомо ложный донос [6].

Недостаточно ясной представляется позиция ряда авторов о необходимости наделения несовершеннолетнего пострадавшего правом на подачу заявления мировому судье [5]. Согласно действующему законодательству право на обращение в государственные органы с заявлением о преступлении, равно как и обязанность последних принять по поступившему заявлению соответствующие меры, не ставится в зависимость от возраста заявителя [4. С. 45–46]. При получении заявления от несовершеннолетнего мировой судья не может просто отказать в его

принятии, но вместе с тем должен направить его в органы предварительного расследования для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Если же рассматриваемое предложение означает обязанность мирового судьи принять заявление несовершеннолетнего к производству, то, мы полагаем, оно теряет всякий смысл при отсутствии у последнего способности самостоятельно поддерживать обвинение в суде.

На наш взгляд, в случае совершения преступления в отношении несовершеннолетнего частным обвинителем выступает его законный представитель, который и должен лично подать заявление мировому судье. Если же законный представитель, вопреки воле пострадавшего, отказывается защищать интересы последнего или вовсе отсутствует, то жертва преступления может обратиться в органы предварительного расследования, которые должны будут возбудить уголовное дело в порядке ч. 4 ст. 20 УПК РФ. При получении мировым судьей заявления о совершении преступления частного обвинения, он должен передать его по подведомственности для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Ряд действующих в настоящее время актов предусматривает возможность надления лица полной процессуальной дееспособностью до достижения им 18 лет в рамках гражданского судопроизводства. Например, ч. 2 ст. 56 Семейного кодекса Российской Федерации предусматривает ряд случаев, при которых у несовершеннолетнего возникает право самостоятельного обращения в суд с момента достижения им возраста 14 лет. Пункт «d» ст. 5 Европейской конвенции об осуществлении прав детей предусматривает право несовершеннолетних полностью или частично осуществлять правомочия стороны судопроизводства. Однако норма ст. 37 ГПК РФ свидетельствует об ограниченном характере дееспособности несовершеннолетнего, предполагая возможность привлечения в дело его представителей.

Вместе с тем соответствие такого порядка необходимости защиты прав личности вызывает сомнения, в том числе и у представителей науки гражданского процесса [7. С. 94–95]. Как правило, лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста, не имеют достаточного опыта процессуального участия и делового общения, соответственно, плохо информированы о судебных процедурах, правилах составления процессуальных документов и поведения в суде.

К тому же в данном случае необходимо учитывать специфику отношений, возникающих в ходе уголовного судопроизводства. Уго-

ловное судопроизводство имеет дело с наиболее опасным видом правонарушений – преступлением, что предполагает ужесточение метода правового регулирования процессуальных отношений, влечет увеличение вероятности незаконного воздействия на потерпевшего, а также возможность повторного криминального конфликта. В данном случае вновь приходится говорить о недопустимости распространения критериев определения уголовно-процессуальной дееспособности по аналогии с гражданским или гражданским процессуальным правом.

Как справедливо отмечает Н.В. Солонникова, такая практика может «способствовать формализации процессуального статуса несовершеннолетнего, снижению эффективности реального обеспечения его прав и защиты интересов, которые преследует несовершеннолетний, вступая в уголовно-процессуальные отношения» [1. С. 37].

В то же время следует частично согласиться с мнением авторов, предлагающих наделить несовершеннолетних пострадавших правом на участие в принятии ряда процессуальных решений в ходе уголовного преследования за совершение преступлений, отнесенных к частному обвинению. Действующее законодательство не содержит однозначных положений относительно участия несовершеннолетнего пострадавшего в разрешении вопросов о возбуждении и прекращении уголовного судопроизводства по делам частного обвинения. Несмотря на несоответствие понятий «процессуальная дееспособность» и «способность нести уголовную ответственность», они имеют ряд общих критериев. И в том, и в другом случае предполагается, что лицо способно осознавать общественную опасность действий, соответственно, может оценивать деяние как преступное.

Таким образом, если законодатель признает лицо определенного возраста способным нести уголовную ответственность за совершение преступления, то логичным следствием является признание пострадавшего, достигшего того же возраста, способным дать оценку деяния как преступного, а также определить соразмерность причиненного преступлением вреда и действий подсудимого, направленных на его возмещение и примирение сторон. Как следствие, считаем, что получение волеизъявления пострадавшего на возбуждение уголовного дела частного обвинения и его прекращение в связи с примирением сторон является обязательным при достижении им возраста уголовной ответственности по соответствующей статье Уголовного кодекса РФ.

Примечательно, что сложившаяся к настоящему моменту практика соответствует сделанному предложению. Несмотря на то что органы предварительного расследования в большинстве случаев (87%) узнают о совершении преступлений частного обвинения в отношении несовершеннолетних по сообщениям из медицинских учреждений или органов опеки и попечительства, должностные лица просят пострадавших написать заявление о совершении преступления и (или) узнают о желании пострадавшего начать уголовное преследование при получении объяснений.

В то же время окончание уголовного преследования лица в связи с примирением сторон не только допускается, но и имеет место в подавляющем большинстве случаев (87,5%). Вместе с тем постановление о прекращении уголовного дела в связи с примирением с несовершеннолетним потерпевшим обжаловалось прокурором в рамках лишь одного из изученных дел [8]. При этом в обосновании апелляционного представления указывалось, что дело не может быть окончено в связи с примирением сторон не по причине ограниченного процессуального статуса пострадавшего, но ввиду наличия отягчающего вину обстоятельства – совершения преступления в отношении несовершеннолетнего.

Также требует разрешения проблема определения верхнего предела возраста процессуальной дееспособности частного обвинителя. В отечественной науке высказывались предложения ограничить возраст процессуальной дееспособности моментом достижения пенсионного возраста [9]. Необходимость дополнительной защиты прав пострадавшего, находящегося в возрасте поздней зрелости или старости, заключается в общем ухудшении здоровья, обнаружении спада интеллектуальных функций, зависящих от скорости выполнения операций, а также ухудшении сенсорных функций. Тем не менее, как свидетельствуют ученые, «динамика характеристик когнитивной сферы в данном возрасте зависит в значительной степени от субъективных факторов, личных установок человека» [10. С. 281]. Думается, что наличие и степень выраженности иных элементов приведенного перечня также сугубо индивидуальны. Исходя из этого, можно сделать вывод о нецелесообразности установления верхнего предела возраста уголовно-процессуальной дееспособности, и вопрос о способности самостоятельно представлять обвинение в суде должен разрешаться индивидуально, в том числе с учетом мнения самого пострадавшего.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы.

1. Возраст уголовно-процессуальной дееспособности частного обвинителя не может устанавливаться по аналогии с минимальным возрастом наступления уголовной ответственности (в том числе за заведомо ложный донос) или возрастом уголовно-процессуальной дееспособности потерпевшего и (или) подозреваемого (обвиняемого).

2. Наступление полной уголовно-процессуальной дееспособности частного обвинителя происходит с достижением лицом возраста 18 лет.

3. Получение волеизъявления пострадавшего на возбуждение уголовного дела частного обвинения и его прекращение в связи с применением сторон является обязательным при достижении им минимального возраста уголовной ответственности по соответствующей статье Уголовного кодекса РФ.

4. Установление верхнего предела возраста уголовно-процессуальной дееспособности нецелесообразно. Вопрос о способности лица представлять обвинение в суде должен разрешаться индивидуально, в том числе с учетом мнения самого пострадавшего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солонникова Н.В. Проблемы процессуальной дееспособности несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 195 с.
2. Якимович Ю.К., Ленский А.В. Производство по делам частного обвинения в уголовном процессе России. М. : Юристъ, 1998. 48 с.
3. Головачук О.С. Частное обвинение в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 177 с.
4. Ухова Е.В. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 208 с.
5. Тензина Е.Ф. О праве ребенка на возбуждение уголовного дела частного обвинения // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 139. С. 208–210.
6. Трясейкина Е.С. Уголовно-процессуальная дееспособность как условие надления лица статусом частного обвинителя // Бизнес в законе. 2008. № 2. С. 100–101.
7. Ионова Д.В. Гражданская процессуальная дееспособность : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 193 с.
8. Дело № 1-16-4/11 // Архив мирового судьи участка № 4 Ленинского района г. Томска.
9. Сарсенбаев Т.Е. Расследование преступлений, совершенных с использованием беспомощного состояния потерпевшего : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 201 с.
10. Акмеология : учебник / под общ. ред. А.А. Деркача. М. : Изд-во РАГС, 2004. 688 с.

AGE AS A CRITERION FOR DETERMINING THE CRIMINAL PROCEDURAL CAPACITY OF THE PRIVATE CLAIMANT

Artyom I. Petrushin, Strezhevoy Prosecutor's Office (Strezhevoy, Russian Federation). E-mail: pail@mail.ru

Keywords: criminal procedural capacity, age, private claimant.

DOI: 10.17223/9785946216111/17

Current legislation provides some circumstances that restrict the criminal procedural capacity of the private claimant. According to Part 4 of Art. 20 of the RF Code of Criminal Procedure, such circumstances include a helpless state, a dependent state and other reasons. However, age should also be considered as a separate criterion of the procedural capacity of the private claimant. Despite the fact that the helpless state of the victim in some cases is due to their age; age as a criterion of criminal procedure capacity has its own content.

The author states that if the age of criminal liability should involve the ability of a person to realize the social danger of their actions and should guide them, the criminal procedural capacity of the private claimant requires a higher level of intellectual and volitional development, which gives the person the opportunity to fully understand their procedural status, to independently acquire and exercise their procedural rights and obligations.

Criminal proceedings deal with the most dangerous type of offences, crimes, which involves stricter methods of legal regulation of procedural relations, entails an increase in the probability of illegal influence on the victim and a probability of a repeated criminal conflict. In this case it is inadmissible to apply the criteria for determining the criminal procedural capacity by analogy with civil law or civil procedure law. A conclusion is made that the age of the criminal procedural capacity of the private claimant cannot be established by analogy with the minimum age of criminal responsibility, or by analogy with the age of criminal procedural capacity of the victim and (or) of the suspect (the accused).

Despite the discrepancy between the concepts "procedural capacity" and "capacity to be criminally responsible", they have a number of common criteria. Both concepts assume that the person is able to realize the social danger of acts, respectively, can classify an act as a criminal one.

If the legislator recognizes the person of a certain age as capable to be criminally responsible for a crime, a logical consequence is to recognize the victim of the same age as capable to classify an act as criminal and to determine the proportionality of the harm caused by the crime and actions of the defendant to compensate for it and to reconcile the parties. Receiving the victim's declaration of intent to initiate a criminal case on a private claim and to terminate it in connection with the reconciliation of the parties is obligatory if the victim has reached the age of criminal responsibility under the relevant article of the RF Criminal Code.

The author concludes that a person must be 18 to have full criminal procedural capacity of the private claimant.

Establishing the upper limit of the age of criminal procedural capacity is impractical. The ability of a person to represent the prosecution in court should be resolved individually, with regard to the victim's opinion.

REFERENCES

1. Solonnikova, N.V. (2008) *Problemy protsessual'noy deyesposobnosti nesovershennoletnikh v ugovnom sudoproizvodstve* [The problems of procedural legal capacity of minors in criminal proceedings]. Law Cand. Diss. Krasnodar.
2. Yakimovich, Y.K., Lenskiy, A.V. (1998) *Proizvodstvo po delam chastnogo obvineniya v ugovnom protsesse Rossii* [Proceedings in cases of private prosecution in the criminal trial of Russia]. Moscow: Yurist.
3. Golovachuk, O.S. (2001) *Chastnoye obvineniye v ugovnom protsesse* [The private prosecution in criminal trial]. Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
4. Ukhova, Ye.V. (2004) *Institut chastnogo obvineniya v ugovnom sudoproizvodstve* [The Institute of private prosecution in criminal proceedings]. Law Cand. Diss. Moscow.
5. Tensina, Y.F. (2012) On the right of the child to the criminal case of private prosecution. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bulletin of the Orenburg State University*. no. 139. pp. 208-210. (In Russian).
6. Tryaseykina, Ye. S. (2008) The Criminal procedural capacity as a condition of granting a person the status of a private prosecutor. *Biznes v zakone = Business-in-law*. no. 2. pp.100-101. (In Russian).
7. Ionova, D.V. (2009) *Grazhdanskaya protsessual'naya deyesposobnost'* [The civil procedural capacity]. Law Cand. Diss. Moscow.
8. *Delo № 1-16-4/11 // Arkhiv mirovogo sud'i uchastka №4 Leninskogo rayona g. Tomsk* [The case number 1-16-4 / 11 // Archive of magistrate of Leninsky district of Tomsk].
9. Sarsenbayev, T.Ye. (1995) *Rassledovaniye prestupleniy, sovershennykh s ispol'zovaniyem bespomoshchnogo sostoyaniya poterpevshego* [The investigation of committed with the use of the helpless victim's condition crimes]. Law Cand. Diss. Moscow.
10. Derkach, A.A. (2004) *Akmeologiya* [Akmeology]. Moscow: Izd-vo RAGS.

А.В. Пилюк

ПОСТУЛАТЫ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Исследуется вопрос, о наличии в науке уголовного процесса положений, принимаемых за истинные без их обоснования и доказывания (постулаты). Автор приходит к выводу о наличии положений, вокруг которых собственно и строится эта наука и, соответственно, организовывается вся практическая деятельность в сфере, этой наукой изучаемой. К науке уголовный процесс автор относит: цель доказывания, назначение уголовного процесса, учитывающее как частные, так и публичные интересы.

Ключевые слова: цель доказывания, назначение уголовного процесса, паритет частных и публичных интересов.

Юридические науки, в частности наука уголовного процесса, относятся к гуманитарным и социальным (последние нередко объединяют в комплекс наук об обществе) [1]. К негуманитарным наукам, изучающим окружающую действительность – явления природы, закономерности построения и функционирования вселенной и т.д. – относятся естественные, точные и формальные науки, для которых характерно использование математических понятий и моделей [2]. Такие науки оперируют понятиями, для которых характерны определенные непреложные закономерности, называемые постулатами (аксиомами, догмами и т.д.).

Постулат (от лат. *postulatum* – требование) – суждение, положение, принимаемое в рамках какой-либо науки за истинное в силу очевидности [3], к примеру, в геометрии постулатом считается положение о том, что сумма углов треугольника составляет 180 градусов, в физике – величина ускорения свободного падения и т.д.

Имеются ли подобные положения, принимаемые за истинные без их обоснования и доказывания, в науке уголовного процесса? В эпоху тотального отрицания накопленного исторического опыта и оспаривания всего и вся, начавшуюся в уголовно-процессуальной науке с распадом СССР, ответ на этот вопрос не выглядит очевидным. Пожалуй, не найти положения уголовно-процессуальной науки, которое бы

не подверглось сомнению и отрицанию в работах современных ученых-процессуалистов.

В постсоветский период развития России высказаны мнения даже о возможности постановления приговора суда без установления истинных обстоятельств произошедшего, о том, что юрист отвечает не за обнаружение истины, а лишь за то, чтобы результат судебного разбирательства был достигнут определенным образом [4, 5], что постановка вопроса о существовании уголовно-процессуальной истины неправомерна, а можно и нужно говорить лишь об истинности способа осуществления уголовно-процессуальной деятельности, но не ее результата [6. С. 48] и т.д.

Более того, сам законодатель в нормах действующего УПК РФ излагает положения, дающие почву для производства подобных выводов и возникновения весьма спорных научных концепций. Достаточно вспомнить положения уголовно-процессуального закона, относящего прокурора и следователя исключительно к стороне обвинения, положения ч. 3 ст. 86 УПК РФ, установившей что защитник «собирает доказательства» и др.

Следует заметить, что вопрос о постулатах уголовного процесса представляется чрезвычайно важным. Любая наука, как представляется, не может развиваться без фундамента, наличия положений, вокруг которых собственно и строится эта наука, и, соответственно, организовывается вся практическая деятельность в сфере, этой наукой изучаемой. Как нельзя построить устойчивое здание на зыбком песке, так нельзя организовать эффективную деятельность без фундаментальных положений, «цементирующих» ее основы.

Опасность суждений о возможности постановления приговора без установления истины, о том, что следователь должен быть лишь обвинителем, а не устанавливать реальные обстоятельства дела, что защитник сам должен собирать оправдательные доказательства, раз его «наделил» подобным правом законодатель и др., не стоит недооценивать. Как указывал известный персонаж произведения М. Булгакова, «разруха начинается в головах».

Так, в уголовном судопроизводстве ни одной цивилизованной страны требование честно, справедливо, на основании объективных данных разрешить спор между государством и личностью не оспаривается. К примеру, в Федеральных правилах о доказательствах США нет общих норм о цели доказывания, однако в конкретных правилах содержатся требования выяснения реальных обстоятельств преступ-

ления, а термин «истина» употребляется более 100 (!) раз. В частности, Правило 102 гласит: «Настоящие правила следует толковать в интересах обеспечения беспристрастного отправления правосудия, ... развития доказательственного права с целью установления истины и справедливого производства». Согласно Правилу 611 суд осуществляет контроль над способом и порядком допроса свидетелей и представления доказательств, с тем чтобы сделать допрос и представление эффективными для установления истины. В соответствии с Правилем 614 судья имеет право вмешиваться в представление доказательств сторонами, чтобы способствовать окончательному установлению истины, в этой связи он может вызвать какое-либо лицо в качестве свидетеля по собственной инициативе [7]. Отметим, что термин «справедливое правосудие» также встречается в законодательстве США повсеместно [8], в то время как в уголовно-процессуальное законодательство РФ он возвращен лишь с принятием УПК РФ 2001 г.

Процесс доказывания не может не иметь цели, поскольку, как указывалось, в принципе не бывает бесцельных действий социальной направленности. Как говорил В.М. Савицкий, будет или не будет установлена истина и в силу каких обстоятельств – второй вопрос, первое же и главное – к ней в любом случае следует стремиться [9. С. 8].

В этой связи, на наш взгляд, целью доказывания (когда оно осуществляется. – *А.Л.*) в уголовном процессе любого государства любого типа является достижение реального, истинного знания о совершенном либо не совершенном деянии.

Упомянем также и о назначении уголовного судопроизводства. Как известно, ст. 2 Конституции РФ права и свободы личности провозглашены высшей ценностью в государстве, а ст. 6 УПК РФ определено, что назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. При этом здравый взгляд на любой уголовный процесс любого, самого демократического и прогрессивного государства позволяет, как максимум, утверждать о паритетном учете частных интересов и интересов публичных. Уголовный процесс любого типа исторически складывался как механизм политический, преследующий общегосударственные, публичные интересы, направленный на охрану государства и общества, в любом обществе исторически преобладает общественный интерес.

Важнейшим назначением судопроизводства, в том числе и уголовного, является обеспечение стабильности и порядка в государстве и обществе. Обеспечение устойчивого поступательного развития общества невозможно без охраны существующих общественных отношений и укрепления складывающегося правопорядка, что также является задачей уголовного судопроизводства. Если подобного положения нет в УПК РФ и в ст. 6 УПК РФ установлено, что назначением судопроизводства является лишь защита прав и интересов личности и организаций, это не значит, что в реальности УПК РФ не выполняет важнейшей правоохранительной функции. Уголовный процесс складывается исторически под влиянием множества факторов, и нельзя изменить либо отменить действие какого-либо постулата, носящего правовой характер, простым его игнорированием.

Представляется также, что государственные органы и должностные лица любого государства, производящие собирание доказательственного материала, начинающегося непосредственно после получения информации о преступлении, всегда, «априори» имели и будут иметь в дальнейшем преимущество перед стороной защиты, чье присутствие в процессе и функция неразрывно связаны с личностью, моментом предъявления обвинения либо появления подозреваемого лица.

Равенства прав сторон в собирании доказательств (доказательственной информации) на досудебных стадиях процесса не может быть, именно поэтому лицо, собирающее первоначальный объем сведений о преступлении, обязано делать это объективно и беспристрастно, ни одно законодательство ни одного государственного образования никогда не предписывало игнорировать сведения, оправдывающие лицо в совершении преступления либо уменьшающие его виновность.

Объем статьи позволяет нам осветить только основные, принципиальнейшие, на наш взгляд, моменты. Да, постулаты уголовного процесса, как и постулаты любой социальной гуманитарной науки, не очевидны, однако их игнорирование и отрицание, как представляется, способно привести к самым негативным последствиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Franklin J. The formal sciences discover the philosophers' stone // *Studies in History and Philosophy of Science*. 1994. Vol. 25, № 4. P. 513–533.
2. *Философский словарь*. М., 2010.

3. Клини С.К. Введение в метаматематику. М. : Изд-во иностр. лит., 1957. 526 с.
4. Пашин С.А. Проблемы доказательственного права // Судебная реформа : юридический профессионализм и проблемы юридического образования : дискуссии. М., 1995.
5. Григорьева Н. Принципы уголовного судопроизводства и доказательства (обсуждаем проекты УПК) // Российская юстиция. 1995. № 8. С. 39–42.
6. Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту : Изд-во Тартуского ун-та, 1991. 148 с.
7. Federal Rules of Evidence. Historical notes and legislative commentary / Published by the Legal Information Institute. Cornell Law School. 1999.
8. Federal Criminal Code and Rules. Federal Rules of Criminal Procedure. West Group, St.Paul, Minn, 1997.
9. Савицкий В.М. Последние изменения в УПК: продолжение демократизации производства : вступительная статья к УПК РСФСР. М. : БЕК, 1994.

POSTULATES OF THE MODERN CRIMINAL PROCEDURE

Alexey V. Piyuk, Megion City Court (Khanty-Mansiysk, Russian Federation). E-mail: avaleks2@yandex.ru

Keywords: purpose of proof, aim of criminal procedure, parity of private and public interests.

DOI: 10.17223/9785946216111/18

The paper examines the question of whether the criminal procedure science has provisions taken as true without their justification and proof (postulates). The author concludes that the answer to this question is not obvious. He states that the legislator sets provisions in the norms of the current RF Code of Criminal Procedure that give grounds for such conclusions and highly controversial scientific concepts. It is alleged that the issue of the postulates of the criminal procedure is extremely important. Any science cannot develop without a foundation, without provisions that actually constitute this science and, therefore, organise all the practical activities within it.

Judgments about the possibility of a verdict without establishing the truth, that the investigator must only be a prosecutor and is not to establish the actual circumstances of the case, the defence lawyer is to collect exculpatory evidence once the legislator “granted” this right to them and others should not be underestimated.

Criminal proceedings of any civilised country do not contest the requirement to resolve the dispute between the state and the individual honestly, fairly, on the basis of objective data.

Proving cannot be aimless for, as mentioned, there is basically no purposeless action of social orientation. The author concludes that the purpose of proving in the criminal procedure of any state of any kind is to achieve a real, true knowledge of the committed or non-committed act.

A criminal procedure of any type has historically developed as a political mechanism pursuing nation-wide, public interest, aimed at protecting the state and society;

public interest historically dominates in any society. Attention is drawn to the fact that the sound view on any criminal procedure of any most democratic and progressive state allows, as a maximum, claiming equal account of private and public interests.

The most important purpose of proceedings, including criminal, is to ensure the stability and order in the state and society. Sustainable development of society is impossible without the protection of existing social relations, without the protection and promotion of the emerging law, and such protection is also an objective of criminal proceedings.

There is no equality of rights of the parties in the collection of evidence (evidentiary information) at the pre-trial stages of the procedure, that is why the person collecting original information about a crime is obliged to do it impartially and objectively. No legislation of any state has ever ruled to ignore information that proves a person has not committed a crime or that reduces their guilt.

The postulates of the criminal procedure, as well as the postulates of any social humanitarian science, are not obvious, but their ignorance and denial seem to be able to lead to the most negative consequences.

REFERENCES

1. James Franklin. The formal sciences discover the philosophers' stone. In: *Studies in History and Philosophy of Science*. Vol. 25, No. 4, pp. 513–533, 1994.
2. *Filosofskiy slovar'*. [Philosophical Dictionary]. Moscow, 2010.
3. Klini, S.K. (1957) *Vvedeniye v metamatematiku*. [Introduction to metamathematics]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.
4. Pashin, S.A. (1995) The problems of evidence's law. *Sudebnaya reforma : yuridicheskiy professionalizm i problemy yuridicheskogo obrazovaniya : diskussii = The Judicial reform: legal professionalism and problems of legal education: discussion*. Moscow.
5. Grigor'yeva, N. (1995) The principles of criminal proceedings and evidence (discussing the draft of the Code of Criminal Procedure). *Rossiyskaya yustitsiya = The Russian Justice*. no. 8. pp. 39-42. (In Russian).
6. Mizulina, Ye.B. (1991) *Ugolovnyy protsess: kontseptsiya samoogranicheniya gosudarstva* [The Criminal procedure: the concept of state's self-limitation]. Tartu, Izd-vo Tartuskogo un-ta.
7. Federal Rules of Evidence. Historical notes and legislative commentary. Published by the Legal Information Institute. Cornell Law School. 1999.
8. "Federal Criminal Code and Rules". Federal Rules of Criminal Procedure. West Group, St.Paul, Minn, 1997.
9. Savitskiy, V.M. *Posledniye izmeneniya v UPK: prodolzheniye demokratizatsii proizvodstva / Vstupitel'naya stat'ya k UPK RSFSR*. [Recent changes to the Code of Criminal Procedure: the continuation of the democratization of proceedings / introduction to the Code of Criminal Procedure of the RSFSR]. Moscow: BEK.

Н.А. Сидорова

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

Анализируются проблемы избрания меры пресечения заключение под стражу. Формулируется вывод о том, что при избрании меры пресечения заключение под стражу должен соблюдаться принцип соразмерности трех основных показателей: тяжести совершенного преступления, личности обвиняемого (подозреваемого) и тех целей, ради достижения которых необходимо применение меры пресечения.

Ключевые слова: заключение под стражу, основания избрания меры пресечения, ограничение прав и свобод.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство подменяет нормативное определение понятия меры пресечения простым перечислением видов соответствующих допустимых для применения мер. В законе определяются лишь их содержание, основания и условия применения каждого отдельного вида. Такая ситуация в полной мере распространяется и на меру пресечения в виде содержания под стражу. Международно-правовые акты, регламентирующие применение мер процессуального принуждения в сфере уголовного судопроизводства, используют несколько терминов, которые в той или иной степени относятся к ограничению (лишению) свободы как превентивной мере в период предварительного расследования и судебного разбирательства. Так, в Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или содержанию в какой бы то ни было форме, термин «арест» рассматривается как акт задержания лица по подозрению в совершении какого-либо правонарушения или по решению какого-либо органа, а «заключенное лицо» – любое лицо, лишенное личной свободы в результате осуждения за совершение какого-либо правонарушения; «заключение» толкуется как состояние задержанного лица [1]. В ст. 97 УПК РФ законодатель определяет общие основания применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве вообще, а ст. 108 УПК РФ конкретизирует эти положения применительно к рассматриваемой мере, привязывая одно из оснований к размеру ми-

нимальной санкции (от 3 лет лишения свободы) соответствующей нормы уголовного закона. При этом, устанавливая общее правило, законодатель не обходится без отдельных исключений, когда содержание под стражу допускается независимо от размера уголовно-правовой санкции. К таким исключениям закон относит случаи, когда подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории РФ, либо не установлена его личность, либо ранее избранная мера пресечения им нарушена, либо он скрылся от органов расследования или суда (ст. 108 УПК РФ). Исключительность таких ситуаций подчеркивалась и Пленумом Верховного Суда РФ [2]: «Суды вправе удовлетворять ходатайства об избрании в качестве меры пресечения содержание под стражу в отношении этой категории лиц лишь в исключительных случаях. При этом одновременно должны быть в наличии основания, как указанные в ст. 97 УПК РФ, так и содержащиеся в ч. 1 ст. 108... В частности, отсутствие у лица регистрации на территории РФ может служить лишь одним из доказательств отсутствия у него постоянного места жительства, но само по себе не является обстоятельством, дающим основание для избрания в отношении такого лица меры пресечения в виде содержания под стражей» [3].

Анализируя содержание под стражей, необходимо подчеркнуть, что и эта мера пресечения претерпела определенные новеллы в законодательном регулировании в части как оснований, условий, так и порядка ее применения. Если говорить об основаниях этой меры, то справедливости ради следует оговориться, что этот вопрос является предметом оживленных дискуссий [4. С. 120]. Разница в понимании механизма правоприменения содержания под стражей обусловлена целым рядом факторов и, в частности, недостатками юридической техники.

Верховный Суд РФ к основаниям избрания содержания под стражей относит, например, такие фактические обстоятельства, которые свидетельствуют о реальной возможности того, что обвиняемый скроется от следствия или суда, сможет продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать участниками процесса, уничтожать доказательства и воспрепятствовать любым способом производству по делу, либо это требуется для обеспечения исполнения решения по делу. Необходимо прогнозировать возможность создания каких-либо помех со стороны обвиняемого (подозреваемого) для нормальной реализации судопроизводства, а устранение их будет достигаться ис-

ключительно путем применения меры пресечения [2]. К таким выводам можно прийти при совершении преступления определённой тяжести, потенциальной возможности назначения длительного срока лишения свободы, нарушении режима ранее избранных мер пресечения, продаже обвиняемым принадлежащего ему имущества в России, наличии дохода за рубежом, гражданства иностранного государства (либо двойного гражданства) и др. [2].

Эта позиция Верховного Суда РФ должна носить исключительно рекомендательный характер. ЕСПЧ в постановлении от 24 июня 2010 г. отмечал, что реальная опасность того, что лицо скроется, создается в случаях, когда у лица имеется гражданство иностранного государства и одновременно отсутствует постоянное место жительства в местности, где проводится уголовное судопроизводство. В таких случаях была признана целесообразность действия властей по применению меры пресечения в виде заключения под стражу [5]. Результаты выборочного исследования показали, что ходатайства о применении меры пресечения в виде содержания под стражей удовлетворяются в отношении иностранных граждан в 87,5%. В остальных случаях суд аргументировал отказ в удовлетворении ходатайства в отношении иностранцев по таким мотивам, как наличие ходатайства потерпевшей стороны об оставлении обвиняемого на свободе, наличие двойного гражданства, постоянного места жительства на территории РФ и др.

Не следует считать обязательным основанием для содержания под стражей и наличие неснятой или непогашенной судимости. Тем не менее результаты выборочного исследования позволяют сделать вывод, что ходатайства об избрании содержания под стражей в отношении ранее привлекавшихся к уголовной ответственности обвиняемых удовлетворяются практически в 95% случаев. Говоря о таком основании, как противодействие расследованию, следует иметь в виду существование реальных угроз в адрес участников процесса, возможность уничтожения и фальсификации доказательств, факт совершения преступления в составе организованной группы или преступного сообщества [4, 6], но не отказ от дачи показаний полностью или частично. В решениях ЕСПЧ говорится и о таком основании, как риск общественных беспорядков в случае освобождения обвиняемого, этого основания нет в российском УПК РФ [7]. Специфической особенностью обстоятельств, которые выступают основаниями избрания анализируемой меры, является их прогностический характер, выводы о

наличии этих обстоятельств будут носить вероятностный характер [8. С. 78]. В каждом случае избрания содержания под стражей в качестве меры пресечения следует анализировать данные о личности обвиняемого. Решая вопрос об избрании меры пресечения, во внимание следует принимать как основания, перечень, которых является исчерпывающим, так и условия, перечень которых неисчерпывающий [9].

Комитет Министров Совета Европы в Рекомендации государствам-членам СЕ Res (2006) 13 о применении содержания под стражей, условиях, в которых оно должно осуществляться, и мерах по предупреждению насилия определяет следующие основания для содержания под стражей, причем все эти основания должны быть в наличии одновременно: обоснованное подозрение, что лицо совершило преступление, обоснованные основания подозревать, что в случае освобождения лицо может либо скрыться, либо совершить тяжкое преступление, либо помешать правосудию, либо создать угрозу безопасности общества, если нет возможности применить альтернативные меры и идет производство по делу. Установленный Конституцией РФ и УПК РФ механизм судебного контроля над избранием и продлением срока применения содержания под стражей следует рассматривать как эффективный механизм защиты прав и свобод в рамках уголовного процесса в целом.

Проведение судебного заседания в таких случаях требует наличия и анализа поступивших в суд материалов уголовного дела вместе с ходатайством следователя, при этом сторона защиты в лице подозреваемого, обвиняемого, защитника имеет право довести до суда свою позицию, на суд же возлагается обязанность создания необходимых условий для реализации соответствующими субъектами предоставленных им прав и принимает решение. В судебном заседании при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения следует принимать во внимание определенные стандарты доказывания, учитывая, что на момент принятия решения о мере пресечения по уголовному делу установлены далеко не все обстоятельства.

В этот момент суд обязан оценить представленные сторонами материалы и решить вопрос о достаточности доказательств для принятия решения об избрании конкретной меры пресечения, хотя при этом не обсуждается и не предreshается вопрос о виновности лиц [10. С. 58].

Представляется правильной позиция авторов учебника «Уголовный процесс», что при избрании меры пресечения должен соблюдаться

ся принцип соразмерности трех основных показателей: тяжести совершенного преступления, личности обвиняемого (подозреваемого) и тех целей, ради достижения которых необходимо применение меры пресечения [11. С. 88]. Анализируемая мера пресечения, с одной стороны, в значительной степени ограничивает основные права и свободы человека и гражданина, которые гарантированы Конституцией РФ, но с другой – это достаточно эффективная, а иногда и единственно возможная мера, которая в целом обеспечивает реализацию задач уголовного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или содержанию в какой бы то ни было форме (Принят 09.12.1988 Резолюцией 43/173 на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Правовые основы деятельности системы МВД России : сборник нормативных документов. М. : ИНФРА-М, 1996. Т. 2. С. 147–157.
2. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2, февраль.
3. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Н.И. Бирюков, О.Н. Ведерникова, С.А. Ворожцов и др. ; под общ. ред. В.М. Лебедева. 3-е изд., М. : НОРМА, 2014. 816 с.
4. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса РФ / под общ. ред. В.М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2013.
5. Велиев против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 24.06.2010. Жалоба № 24202/05 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2011. № 2.
6. Сизов против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 15.03.2011. Жалоба № 33123/08 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 7.
7. Диков Г.В. Право на свободу и меры пресечения в уголовном процессе – подходы Европейского суда // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 5. С. 22–29.
8. Хапаев И.М. Заключение под стражу как мера пресечения в российском уголовном судопроизводстве. М., 2013. 200 с.
9. Уголовное судопроизводство : теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. М., 2014. 1040 с.
10. Курченко В.Н. Пределы исследования судом обоснованности подозрения // Уголовный процесс. 2014. № 11. С. 50–59.
11. Уголовный процесс : учебник для бакалавриата юридических вузов / О.И. Андреева [и др.] ; под ред. О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко и А.Г. Тузова. Ростов н/Д : Феникс, 2015. 445 с.

CONTEMPORARY ISSUES OF DETENTION AS A MEASURE OF RESTRAINT

Natalia A. Sidorova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: nasi@inbox.ru

Keywords: detention, grounds for restraint, restriction of rights and freedoms.

DOI: 10.17223/9785946216111/19

Detention as a measure of restraint has been modified in the legal regulation of its grounds, conditions and application procedure. There are differences in the understanding of the mechanism of detention enforcement.

The Supreme Court of the Russian Federation rules that the grounds for detention as a measure of restraint are such factual circumstances that suggest the real possibility that the accused would abscond during the investigation or trial, would be able to continue their criminal activities, threaten participants of the trial, destroy evidence and obstruct the case in any way possible, or detention is required to enforce a decision on the case.

There is a need to predict the possibility of any interference on the part of the accused (suspect) for the proper implementation of the legal proceedings. The author presents the results of a sample survey that showed that applications for detention as a measure of restraint are allowed in respect of foreign nationals in 87.5 % of cases. Otherwise, the court reasons the rejection of the application in respect of foreign nationals on the grounds of a petition of the victim not to detain the accused, of dual citizenship, of permanent residence on the territory of the Russian Federation and others.

Attention is drawn to the fact that an unexpunged or outstanding conviction should not be considered a mandatory ground for detention. The results of a sample survey show that applications for detention as a measure of restraint in relation to the accused who have been criminally responsible are allowed in almost 95 % of cases. Interfering with the investigation as a ground for detention implies real threats to the participants of the trial, the possibility of destruction and falsification of evidence, the fact that the crime was committed in an organised group or criminal community, but not the refusal to testify in whole or in part.

A specific feature of circumstances that are grounds for detention is their predictive character; conclusions about these circumstances will be of a probabilistic nature.

The mechanism of judicial control over using and extending detention established by the RF Constitution and the RF Code of Criminal Procedure should be seen as an effective mechanism to protect the rights and freedoms within the criminal procedure as a whole.

A conclusion is made that when using detention as a measure of restraint, the principle of proportionality of three main factors should be observed: the severity of the offence, the personality of the accused (suspect) and the objectives for which detention is required. The analyzed measure of restraint, on the one hand, greatly restricts the fundamental rights and freedoms of man and citizen guaranteed by the Constitution of the Russian Federation; on the other hand, it is quite effective and sometimes the only possible measure that generally ensures the implementation of the objectives of criminal proceedings.

REFERENCES

1. The corpus of Principles for the Protection of All Persons under detention in any form (Adopted by Resolution 43/173 of 12.09.1988 on the 43rd session of the UN General Assembly). (1996). *Pravovyye osnovy deyatelnosti sistemy MVD Rossii. Sbornik normativnykh dokumentov = The Legal Foundations of Ministry of Internal Affairs system of Russia*. Collection of normative documents. pp.147-157.
2. Russian Federation. (2014) *Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 19.12.2013 N 41 "O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva o merakh presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu, domashnego aresta i zaloga" (red. ot 24.05.2016)* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 19.12.2013 N 41 "On the practice of courts of preventive measures in the form of detention, house arrest and bail" (as amended on 24.05.2016). *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. [The Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2. February.
3. Lebedev, V.M. (2014) *Kommentariy k postanovleniyam Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii po ugovolnym delam* [Commentary on the Resolutions of the Plenum of the Supreme Court on criminal cases]. Moscow: NORMA.
4. Lebedev, V.M. (2013) *Praktika primeneniya Ugolovno–protsessual'nogo kodeksa RF* [The practice of the Code of criminal Procedure of the Russian Federation]. Moscow: "Izdatel'stvo Yurayt".
5. «*Veliyev protiv Rossiyskoy Federatsii*» *Postanovleniye Yevropeyskogo suda po pravam cheloveka ot 24.06.2010 g. Zhaloba №24202/05*. ["Valiyev against the Russian Federation" Resolution of the European Court of Human Rights on 24.06.2010, the complaint №24202/05]. *Byulleten' Yevropeyskogo suda po pravam cheloveka = The Bulletin of the European Court of Human Rights*. 2011. No. 2.
6. «*Sizov protiv Rossiyskoy Federatsii*» *Postanovleniye Yevropeyskogo suda po pravam cheloveka ot 15.03.2011. Zhaloba №33123/08*. ["Sizov against the Russian Federation" Resolution of the European Court of Human Rights on 15.03.2011. The complaint №33123/08]. *Byulleten' Yevropeyskogo suda po pravam cheloveka = The Bulletin of the European Court of Human Rights*. 2012. No. 7.
7. Dikov, G.V. (2013) The right to liberty and preventive measures in criminal proceedings – the approaches of European Court. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya = The Journal of constitutional justice*. no. 5. pp. 22-29. (In Russian).
8. Khapayev, I.M. (2013) *Zaklyucheniye pod strazhu kak mera presecheniya v rossiyskom ugovolnom sudoproizvodstve: monografiya*. [The detention as a preventive measure in the Russian criminal trial: a monograph]. Moscow.
9. Kolokolov, O.N. (2014) *Ugolovnoye sudoproizvodstvo: teoriya i praktika* [The Criminal proceedings: Theory and Practice]. Moscow.
10. Kurchenko, V.N. (2014) Limits of the research the court of the reasonableness of the suspicion. *Ugolovnyy protsess = The criminal procedure*. No. 11. pp. 50-59. (In Russian).
11. Andreeva, O.I. (2015) *Ugolovnyy protsess: uchebnik dlya bakalavriata yuridicheskikh vuzov* [The Criminal procedure: a textbook for Bachelors of Law]. Rostov n/D: Feniks.

К.В. Скоблик

ДОСТАТОЧНОСТЬ ПРИ ПРИНЯТИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ И ЕЕ ВИДЫ

Исследуется достаточность как следствие взаимодействия законов двух логик. Утверждается, что субъект доказывания в целях установления обстоятельств ст. 73 УПК РФ обязан руководствоваться принципами диалектической и правилами формальной логики, которые и разработаны на основе этих законов.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные решения, достаточность доказательств, метод доказательственной деятельности.

Согласно ст. 88 УПК РФ, «каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела». Из приведенной нормы следует, что достаточность необходима только для разрешения уголовного дела, т.е. для принятия окончательного уголовно-процессуального решения. Но так ли это? Отрицательный ответ на этот вопрос влечет два следствия: 1) достаточность необходима, в том числе и для принятия иных уголовно-процессуальных решений, а не только окончательных; 2) достаточность, достигаемая при принятии различных видов уголовно-процессуальных решений, также различна.

Указанные выводы есть результирующее от понимания достаточности как того, что возникает в ходе взаимодействия законов (или принципов [1]) формальной и диалектической логики в уголовно-процессуальном доказывании, а именно закона достаточного основания, с одной стороны, и закона перехода количества в качество, с другой.

Стоит отметить, что в утверждении о действии последнего закона мы не одиноки. С.В. Корнакова также замечает, что «накопление доказательств идет до определенного предела, после которого количество доказательств меняет их качество, поскольку для каждого рода явлений, согласно объективному и всеобщему диалектическому закону перехода количественных изменений в качественные, характерна определенная шкала интенсивности изменений...» [2. С. 108]. Однако

мы идем дальше и проводим связь указанного диалектического закона с законом достаточного основания.

Итак, раскроем содержание указанных законов и перейдем затем к демонстрации их действия в ходе принятия уголовно-процессуальных решений. Рассуждая о законе достаточного основания, Г.В. Лейбниц, писал: «Наши заключения основаны на двух великих принципах, на принципе противоречия и принципе *ratio sufficiens* (разумной достаточности), в силу которого мы принимаем, что ни один факт не является истинным или действительным, ни одно положение не является истинным без того, чтобы не было достаточного основания, почему оно таково, а не иначе...» [3. С. 120]. В современной формулировке рассматриваемый закон утверждает, что: «всякая истинная мысль имеет для этого достаточные основания» [1. С. 195].

Согласно диалектическому закону перехода количества в качество, «постепенные, количественные изменения предметов и явлений, их свойств и состояний неизбежно приводят со временем к коренным, качественным изменениям, причем вновь возникшее качество (новая система) подчиняется новому закону (мере) и темпу количественных изменений» [4. С. 81]. Применительно же к познанию этот закон объясняет с логической стороны процесс мышлеобразования в мышлении человека: как только в мышлении «накапливается» определенное количество мыслей, которое позволяет из них умозаключить нечто новое, то совершается скачок и образуется качественно иная, чем предыдущие, мысль. В данном случае мы имеем в виду не психологические особенности этого процесса, а сугубо логические, т.е. такие, которые связаны с выведением новых мыслей из содержания уже имеющихся.

Отмеченную нами закономерность подчеркивал и М.М. Розенталь: «Скачок в процессе познания характеризуется следующими важными чертами: 1) мысль переходит от количественного накопления отдельных фактов, данных о предметах к формулированию вывода, понятия о их сущности; это значит, что в движении мысли происходит “перерыв постепенности”, т.е. переход на высшую ступень процесса познания...» [5]. Полагаем, что в уголовно-процессуальном доказывании и процессе принятия решений достаточность синтезирует формально-логическую и диалектико-логическую его стороны. При образовании достаточности каждый раз можно проследить действие законов перехода количества в качество и достаточного основания. Роль закона

достаточного основания состоит в демонстрации условия появления логически правильных мыслей (достаточное основание). Роль же закона перехода количества в качество в том, что он конкретно указывает, что это за условие (количественные изменения) и что это за мысль-следствие (новое качество), а также описывает механизм появления нового качества. Можно утверждать, что второй закон «наполняет» первый.

Предположим, к следователю поступило сообщение о совершенном преступлении. Должностному лицу, используя проверочные действия, необходимо собрать такое количество информации, которое позволит принять решение либо о возбуждении, либо об отказе в возбуждении уголовного дела. Уже на этом этапе действуют законы перехода количества в качество и достаточного основания: следователь должен собрать количество информации, позволяющее получить новое качество, а именно обоснованный вывод о наличии оснований для принятия вышеозначенных решений. Можно видеть, что из-за действия закона достаточного основания уже на этапе возбуждения уголовного дела собранная информация оценивается с позиции ее достаточности для принятия соответствующего уголовно-процессуального решения.

Однако, показав общее, необходимо перейти к особенному и подчеркнуть, что действие двух указанных законов по отношению к каждому из перечисленных решений различно. Достаточность, требуемую для решения о возбуждении уголовного дела, нельзя отождествлять с достаточностью, необходимой для принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Решение о возбуждении уголовного дела принимается при возникновении достаточности для вывода о наличии данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), в то время как для принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела требуется иная достаточность, позволяющая утверждать о наличии оснований, предусмотренных пп. 1, 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Различный характер достаточностей обусловлен главным образом тем, что решение о возбуждении дела фиксирует только вероятностный результат, а решение об отказе – результат, связанный с достижением полной достоверности.

Обозначенное взаимодействие двух законов сохраняется и на стадии предварительного следствия. Так, для принятия решения о привлечении лица в качестве обвиняемого необходимо также собрать опреде-

ленное количество информации, позволяющее обоснованно утверждать о наличии оснований для привлечения лица в качестве обвиняемого.

Однако в этой ситуации, при сохранении действия двух законов, достаточность отличается от той, которая достигалась при принятии решения о возбуждении уголовного дела: там достаточное основание требовалось для вывода о наличии данных, указывающих на признаки преступления, здесь же необходима уже иная достаточность, связанная с установлением части обстоятельств ст. 73 УПК РФ. Недаром в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого законодатель требует описывать преступление с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пп. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ (п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ). В описанном случае, поскольку мы ближе продвинулись к цели уголовно-процессуального доказывания – установлению наличия или отсутствия обстоятельств ст. 73 УПК РФ, достаточность связывается не с вероятностью, имевшей место при возбуждении уголовного дела, а уже с практической, но еще пока не полной достоверностью.

Подобный характер выводов при принятии решения о привлечении в качестве обвиняемого обусловлен неизвестностью той информации, которая будет получена в ходе последующего его допроса. Версия обвиняемого касательно предъявленного обвинения может отличаться от версии органов государства и поставить их практически достоверные выводы, содержащиеся в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, под сомнение. В основу сказанного нами положено понятие практической достоверности, представляющей собой «...степень обоснованности знания, когда нельзя применять абсолютно понимаемое “все”, когда еще нет полной достоверности и вместе с тем, когда уже преодолена ступень проблематического и вероятного обоснования истины и нет неопределенности “некоторые”», а также то, что «...при знании практически достоверном, хотя и не обнаружен противный случай, однако, его невозможность все-таки не доказана» [6. С. 117–118].

При принятии же решения о составлении обвинительного заключения требуется получение опять же иной достаточности, связанной с выводом об установленности всех обстоятельств ст. 73 УПК РФ, а не только указанных в пп. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, как подобное было с решением о привлечении в качестве обвиняемого. И в этом случае, поскольку цель уголовно-процессуального доказывания уже достиг-

нута – обстоятельства ст. 73 УПК РФ установлены – достаточность связывается уже с полной достоверностью.

Завершив анализ действия двух вышеозначенных законов в досудебном производстве отметим, что судье на стадии судебного производства также необходимо собрать достаточное количество информации, позволяющее получить новое качество: постановить обоснованный оправдательный или обвинительный приговор, связанный с завершением уголовно-процессуального доказывания и достижением полной достоверности.

Основываясь на изложенном, мы заключаем, что в досудебном и судебном производствах по уголовному делу действуют законы диалектической и формальной логики, но это действие различно и фиксируется в видах достаточности. Там, где результат доказательственной деятельности связывается с полной достоверностью, речь идет о формально-логической достаточности, там, где только с достоверностью практической – об уголовно-процессуальной достаточности. Не стоит забывать и о достаточности, формируемой на этапе возбуждения уголовного дела, связанной при принятии решения о возбуждении с вероятностью, а при отказе по основаниям, предусмотренным пп. 1, 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, – с полной достоверностью.

Предложенное деление достаточности в российском уголовном процессе позволяет, на наш взгляд:

1) зафиксировать специфику действия двух законов применительно к стадиям уголовно-процессуального доказывания и, исходя из определенного, заключить, что поскольку достаточность есть следствие взаимодействия законов двух логик, то субъект доказывания в целях установления обстоятельств ст. 73 УПК РФ обязан руководствоваться принципами диалектической и правилами формальной логики, которые и разработаны на основе этих законов. Говоря о принципах диалектической логики, мы имеем в виду, прежде всего, принцип объективности, полноты и всесторонности исследования, который расценивается нами как метод доказательственной деятельности. Понимание объективности, всесторонности и полноты исследования именно как метода российского уголовного процесса изложено в самостоятельной работе [7]. Говоря же о правилах формальной логики, мы имеем в виду главным образом требование соблюдения мыслящим субъектом закона достаточного основания;

2) уточнить механизм доказывания благодаря связыванию достаточности с вероятностью, практической и полной достоверностью;

3) определить в ходе дальнейших исследований место интуитивного и рационального при принятии уголовно-процессуальных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобзарь В.И. Принципы или основные законы? // Логико-философские штудии. СПб. : Изд-во РОО «Санкт-Петербург. Филос. о-во», 2001. № 1.
2. Корнакова С.В. Логика уголовно-процессуального доказывания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2 (28). С. 103–109.
3. Рузавин Г.И. Логика и аргументации : учебное пособие для вузов. М. : Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997.
4. Солопов Е.Ф. Логика диалектики. К 240-летию со дня рождения Гегеля. М. : ЛИБРОКОМ, 2011. 240 с.
5. Розенталь М.М. Принципы диалектической логики. URL: http://www.kpu.org.ua/fragm_3.htm
6. Георгиев Ф.И., Коршунов А.М., Ладоренко О.А., Тимофеева Н.В., Тройнов И.В. Проблемы отражения. М., 1969. 142 с.
7. Барабаш А.С., Брестер А.А. Метод российского уголовного процесса. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2013. 290 с.

SUFFICIENCY IN THE MAKING OF CRIMINAL PROCEDURE DECISIONS AND ITS TYPES

Konstantin V. Skoblik, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: 8923362@gmail.com

Keywords: criminal procedural decisions, sufficiency of evidence, method of evidentiary activities.

DOI: 10.17223/9785946216111/20

According to Art. 88 of the RF Code of Criminal Procedure, “Each piece of evidence shall be assessed from the point of view of its relevance, admissibility, reliability, and all the evidence together as sufficient for resolving the criminal case”. The norm rules that sufficiency is only necessary for the resolution of the criminal case, i.e. for the final criminal procedural decision. The paper examines the question of whether it is really so. A negative answer to this question results in two consequences: 1) sufficiency is required to make criminal procedural decisions other than just the final one; 2) sufficiency achieved when making various kinds of criminal procedural decisions is also different.

These findings are the result of the understanding of sufficiency as a category that forms during the interaction of laws (or principles) of formal and dialectical logic in criminal procedure proving, namely, the law of sufficient reason, on the one hand, and the law of the transformation of quantity into quality, on the other.

The author concludes that in criminal procedure proving and decision-making sufficiency synthesises its formal logical and dialectical logical aspects. Sufficiency shows

the law of the transformation of quantity into quality and the law of sufficient reason. The role of the law of sufficient reason is that it shows the condition of logically correct ideas (sufficient reason). The role of the law of the transformation of quantity into quality is that it specifically indicates what the condition (quantitative changes) and the thought-consequence (new quality) are, and describes the mechanism of a new quality emergence. It can be argued that the second law “saturates” the first.

The proposed division of sufficiency in the Russian criminal procedure has allowed the author to formulate the following conclusions.

1. There is a need to fix the specificity of action of the two laws in relation to the stages of criminal procedural proving and, on this basis, to conclude that since sufficiency is a consequence of the interaction of the laws of two logics, the subject of proof, in order to establish the circumstances under Art. 73 of the RF Code of Criminal Procedure, shall be guided by the dialectical logic principles and formal logic rules based on these laws. Arguing on the principles of dialectical logic, the author proceeds from the fact that the principle of objectivity, completeness and comprehensiveness of examination is a method of evidentiary activities. Speaking about the rules of formal logic, the author primarily implies the requirement for the thinking subject to observe the law of sufficient reason.

2. There is a need to clarify the mechanism of proof by linking sufficiency with probability, practical and complete reliability.

3. There is a need to determine the place of the intuitive and the rational when making criminal procedural decisions in further studies.

REFERENCES

1. Kobzar, V.I. (2001) The principles and the basic laws? *Logiko-filosofskiye shtudii. = Logical and philosophical studies.* no.1. (In Russian).
2. Kornakova, S.V. (2014) The logic of the criminal procedural proof. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = The Jurisprudence and law enforcement practice.* no. 2 (28). pp 103-109. (In Russian).
3. Ruzavin, G.I. (1997) *Logika i argumentatsii: Uchebnoye posobiye dlya vuzov.* [The Logic and argumentation: study guide]. M.: Kul'tura i sport, YUNITI.
4. Solopov, E.F. (2011) *Logika dialektiki.* [The logic of dialectics]. M.: Knizhnyy dom «LIBROKOM»
5. Rosenthal, M.M. The principles of dialectical logic. [Online] Available from: http://www.kpu.org.ua/fragm_3.htm
6. Georgiev, F.I., Korshunov, A.M., Ladorenko, O.A., Timofeeva, N.V. (1969) *Problemy otrazheniya* [The reflection problems]. Moscow.
7. Barabash, A.S., Brester, A.A. (2013) *Metod rossiyskogo ugolovnogo protsessa* [The method of Russian criminal procedure]. SPb. : Yuridicheskiiy tsentr-Press.

Н.С. Соколовская

К ВОПРОСУ О ДОПУСКЕ РОДСТВЕННИКОВ ОБВИНЯЕМОГО И ИНЫХ ЛИЦ В КАЧЕСТВЕ ЗАЩИТНИКОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Анализируются механизм, регламентирующий допуск родственников обвиняемого и иных лиц в качестве защитников в уголовном процессе, предусмотренный УПК РФ, а также правоприменительная практика. Уделено внимание позиции Верховного Суда РФ. Сформулирован вывод о том, что постановление Пленума Верховного Суда РФ, внеся определенную ясность в решение проблем допуска в качестве защитников иных лиц, тем не менее, породило еще больше вопросов и возражений.

Ключевые слова: защитник, допуск в качестве защитника родственника обвиняемого, право на защиту.

Как известно, в соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК РФ по определению или постановлению суда в качестве защитника может быть допущен наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. По этому поводу ученые-процессуалисты и практики разделились на две группы: одни оценивают положительно наличие в уголовном процессе родственников подсудимого и иных лиц (далее – иные лица) в качестве защитников по уголовному делу [1], другие не разделяют оптимизма по этому поводу [2. С. 139; 3. С. 238]. Однако и те, и другие всегда отмечали несовершенство и спорность существующей в УПК РФ формулировки.

Так, в научной литературе активно обсуждался вопрос: на какой стадии уголовного судопроизводства могут быть допущены данные иные лица в качестве защитников? Существующая формулировка позволяла некоторым процессуалистам делать вывод, что данные лица могут быть допущены не только в судебном, но и в досудебном производстве [4]. Другие, анализируя данную норму, указывали на неоднозначность формулировки «наряду с адвокатом», которая правоприменителем воспринимается как «вместе с адвокатом», что, по мнению этих ученых, неверно [5. С. 168]. Однако самый активно об-

суждаемый вопрос – о личности иных лиц, допускаемых в качестве защитников. Должны ли эти лица отвечать каким-либо требованиям, чтобы быть допущенными в качестве защитников?

Пленум Верховного Суда РФ своим Постановлением от 30.06.2015 г. № 29 сделал попытку разъяснить спорную норму. Так, в п. 10 Пленум Верховного Суда РФ указал, что по смыслу положений ч. 2 ст. 49 УПК РФ защиту обвиняемого в досудебном производстве вправе осуществлять только адвокат, чем, по сути, поставил точку в споре о моменте допуска иных лиц в качестве защитников. Кроме того в указанном Постановлении Верховный Суд РФ в п. 11 попытался внести ясность в вопрос о допуске иного лица в качестве защитника, указав, что при разрешении ходатайства обвиняемого о допуске одного из близких родственников или иного лица в качестве защитника суду следует: 1) *проверить отсутствие обстоятельств, указанных в ст. 72 УПК РФ*; 2) *учитывать характер, особенности обвинения*; 3) *учитывать согласие и возможность данного лица осуществлять в установленном законом порядке защиту прав и интересов обвиняемого и оказывать ему юридическую помощь при производстве по делу*.

К сожалению, ориентиры, данные Верховным Судом РФ, с одной стороны, вносят некоторую ясность в обсуждаемый вопрос, но с другой – рождают еще больше вопросов. Например, совершенно непонятно, что имеет в виду Верховный Суд РФ, когда при разрешении ходатайств о допуске в качестве защитников иных лиц ориентирует судей учитывать *характер и особенности обвинения*. Как вообще право на защиту (а допуск иного лица в качестве защитника – это элемент реализации права на защиту) может зависеть от обвинения? Какое обвинение может ограничить конституционное право на защиту? Что имеет в виду Верховный Суд РФ, говоря о характере и особенностях обвинения? Думается, что приведенная формулировка не согласуется с ч. 2 ст. 48 Конституции РФ и ст. 16 УПК РФ, гарантирующими каждому подозреваемому и обвиняемому право на защиту, которое они могут осуществлять как лично, так и при помощи защитника (в том числе иного лица – не адвоката).

Вызывает некоторое недоумение и указание *на способность иного лица осуществлять защиту прав и интересов обвиняемого и оказывать ему юридическую помощь*. Данная формулировка позволяет сделать вывод о том, что лицо, о допуске которого ходатайствует

обвиняемый, должно быть способно: а) осуществлять защиту прав и интересов обвиняемого; б) оказывать обвиняемому юридическую помощь.

Необходимо отметить, что в научной литературе нет единства во взглядах на категории «защита» и «юридическая помощь». Под защитой в уголовном процессе принято понимать уголовно-процессуальную функцию, противоположную обвинению, которая выражается в деятельности, направленной на устранение препятствий в осуществлении прав и обязанностей, борьбу с невыполнением обязанностей и злоупотреблением правом [6. С. 58]. Это противостояние чему-либо четко определенному и действительно нарушенному, противовес сформулированному тезису обвинения [7. С. 104]. По мнению А.А. Баева, юридическая помощь – это любая не запрещенная уголовно-процессуальным законом деятельность лица, обладающего юридическими знаниями, в целях охраны и защиты прав и законных интересов личности в уголовном процессе [8. С. 67]. При этом он же отмечает, что в отличие от квалифицированной юридической помощи юридическая помощь может быть оказана лицом, не имеющим юридического образования [8. С. 67].

Налицо противоречие: как не имеющее юридического образования лицо может обладать юридическими знаниями? Полагаем, что при решении данного вопроса необходимо руководствоваться ФЗ «О бесплатной юридической помощи в РФ» от 21.11.2011 г. № 324–ФЗ, в котором содержится единственное требование к лицам, оказывающим юридическую помощь – наличие высшего юридического образования (ч. 2 ст. 8). И в этом смысле юридическая помощь ничем не отличается от квалифицированной юридической помощи.

Таким образом, можно сделать вывод, что защиту прав и интересов обвиняемого может осуществлять любое заинтересованное лицо (защитник, подозреваемый или обвиняемый), а оказывать юридическую помощь может только лицо, имеющее высшее юридическое образование [9. С. 32], а это означает, что на сегодняшний день, по мнению Верховного Суда РФ, иное лицо в качестве защитника может быть допущено, только если оно имеет юридическое образование. Такая установка нарушает логику и смысл нормы о допуске в качестве защитника иного лица (не адвоката), поскольку данные лица могут быть допущены к участию в деле только наряду с адвокатом (то есть квалифицированная юридическая по-

мощь обвиняемому будет оказана в любом случае) и, как многократно отмечалось в научной литературе, такие защитники (не адвокаты) призваны обеспечивать преимущественно психологическую помощь и нравственную поддержку, а не оказывать юридическую помощь [1. С. 259].

Таким образом, Постановление Пленума Верховного Суда от 30.06.2015 г. № 29, внося определенную ясность в решение проблем допуска в качестве защитников иных лиц, породило еще больше вопросов и возражений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дежнев А.С. Привлечение в качестве защитника по уголовному делу близких родственников и иных лиц // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2012. № 3 (32). С. 257–265.
2. Якимович Ю.К. Участники уголовного процесса. СПб. : Юридический центр, 2015. 176 с.
3. Попов В.С. Субъекты уголовно-процессуальной защиты: «адвокаты» и / или «один из близких родственников обвиняемого или иное лицо» // Пробелы в российском законодательстве : юридический журнал. 2013. № 6. С. 233–238.
4. Фомин М.А. Участие иного лица в качестве защитника // Уголовный процесс. 2007. № 10. С. 30–37.
5. Павлюков Е.А. Правовое положение защитников – близких родственников и иных лиц в уголовном процессе // Правовые проблемы укрепления российской государственности : [сборник статей] / ред. В.А. Уткин, С.А. Елисеев. Томск, 2010. Ч. 47. С. 167–168.
6. Витрук Н.В. Законность: понятие, защита и обеспечение // Общая теория права : курс лекций. Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. ВШ МВД РФ, 1993. С. 513–539.
7. Адаменко В.Д. Охрана свобод, прав и интересов обвиняемого. Кемерово, 2004. 294 с.
8. Баев А.А. Понятие и сущность квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 3–2. С. 62–68.
9. Закомолдин А.В. Квалифицированная юридическая помощь в системе гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Право. 2008. № 2 (4). С. 28–35.

ON THE ADMISSION OF RELATIVES OF THE ACCUSED AND OTHER PERSONS AS DEFENCE COUNSELS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Natalia S. Sokolovskaya, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: amika4@yandex.ru

Keywords: defence counsel, admission as defence lawyer of relative of the accused, right to protection.

DOI: 10.17223/9785946216111/21

In accordance with Part. 2 of Art. 49 of the RF Code of Criminal Procedure, the decision or ruling of the court can admit a close relative of the accused or any other person as a defence counsel, along with the lawyer, whose admission is sought for by the accused. There are two opinions on this issue among researchers of the procedure law and practitioners: a positive evaluation of the presence of relatives of the accused and other persons as defence counsels in a criminal case and an opinion that does not share the optimism on this issue. However, both opinions note the imperfect and controversial nature of the wording fixed in the RF Code of Criminal Procedure.

A conclusion is made that the decision of the Plenum of the RF Supreme Court has clarified some problems of admission of other persons as defence counsels, yet it has given rise to more questions and objections.

Analysis of the provisions of Part 2 of Article 49 of the RF Code of Criminal Procedure and the position of the RF Supreme Court stated in its Resolution 29 of June 30, 2015 allowed concluding that only a defence lawyer shall be entitled to represent the accused in pre-trial proceedings. The author criticizes the explanations of the Plenum of the RF Supreme Court on the mechanism of a court decision on the admission of a close relative or another person as a defence counsel. The author notes that it is not clear what the RF Supreme Court implies when in deciding on the applications for admission of other persons as defence counsels it recommends judges to consider the nature and features of the charges. The author concludes that the present wording is inconsistent with Part 2 of Art. 48 of the RF Constitution and Art. 16 of the RF Code of Criminal Procedure that guarantee every suspect and every accused the right to defence, which they may exercise both personally and with the assistance of a defence counsel (including another person, not a lawyer). Reference to a person's ability to protect the rights and interests of the accused and provide them with legal assistance is open to question. This wording allows concluding that the person whose admission is sought for by the accused must be able to: a) protect the rights and interests of the accused; b) provide legal assistance to the accused.

There is no single opinion on the categories "protection" and "legal assistance". Analysis of these categories allowed criticizing the conclusion that any interested person (defence counsel, the suspect or the accused) can protect the rights and interests of the accused, but only a specialist with a degree in law can provide legal assistance. It means that today, in the opinion of the RF Supreme Court, another person can be admitted as a defence counsel only if they have a degree in law. This opinion violates the logic and meaning of the rule on the admission of another person (not a lawyer) as a defence counsel, for these persons may be allowed to participate in a case only along with a lawyer (i.e. the accused will have qualified legal assistance in any case), and, as it has repeatedly been mentioned in literature on the topic, such counsels (not lawyers)

are to primarily provide psychological assistance and moral support to the accused rather than legal assistance.

REFERENCES

1. Dezhnev, A.S. (2012) Involvement of near relations and other persons as the defenders in criminal cases. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» = The Bulletin of the Omsk State University. The Law.* no.3 (32). pp. 257-265 (In Russian).
2. Yakimovich, Yu. K. (2015) *Uchastniki ugolovnogogo protsesssa* [The participants of criminal procedure]. SPb. : Izdatel'stvo «Yuridicheskiy tsentr».
3. Popov, V.S. (2013) The subjects of the criminal procedural protection: "lawyers" and / or "one of the close relatives of the accused or any other person". *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. Yuridicheskiy zhurnal = The gaps in Russian legislation. The Legal Journal.* no. 6. pp. 233-238. (In Russian).
4. Fomin, M.A. (2007) The participation of other person as a defender. *Ugolovnyy protsess = The Criminal procedure.* no. 10. pp. 30-37. (In Russian).
5. Pavlyukov, Ye.A. (2010) The legal status of the defenders - close relatives and other persons in the criminal procedure. *Pravovyye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti CH. 47 : [sbornik statey] = The Legal issues of strengthening Russian statehood Part 47: [collection of articles].* pp. 167-168. (In Russian).
6. Vitruk, N.V. (1993) The Legality: the concept, the protection and providing. *Obshchaya teoriya prava. Kurs lektsiy = The General Theory of Law. The course of lectures.* pp. 513-539. (In Russian).
7. Adamenko, V.D. (2004) *Okhrana svobod, prav i interesov obvinyayemogo.* [The protection of freedoms, rights and interests of the accused]. Kemerovo.
8. Baev, A.A. (2013) The concept and essence of qualified legal assistance in criminal proceedings. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki. = The Bulletin of the Tula State University. Economic and legal science.* no.3-2. pp. 62-68. (In Russian).
9. Zakomoldin, A.V. (2008) The qualified legal assistance in the system of guarantees of the rights of individuals in criminal proceedings. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya «Pravo» = The Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. The Law.* no. 2(4). pp. 28-35. (In Russian).

А.А. Трефилов

КЛАССИФИКАЦИЯ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ПО УПК ШВЕЙЦАРИИ 2007 ГОДА

Раскрывается классификация участников уголовного судопроизводства, закрепленная в УПК Швейцарии. Сформулирован вывод о том, что уголовный процесс Швейцарии относится к смешанному типу, поскольку прокуратура является стороной только в судебных стадиях процесса, а в досудебном производстве о сторонах говорить можно лишь с некоторой долей условности.

Ключевые слова: участники уголовного процесса, состязательность, стороны, иные участники.

Одним их наиболее значимых уголовно-процессуальных событий последнего времени стало вступление в силу 1 января 2011 г. нового и вместе с тем исторически первого единого Уголовно-процессуального кодекса Швейцарии. Ранее в каждом кантоне действовали собственные УПК, олицетворявшие широкую палитру уголовно-процессуальных систем [1]. В то же время давней идеей швейцарских юристов являлась разработка единого Уголовно-процессуального кодекса. 5 октября 2007 г. Парламент принял данный нормативно-правовой акт, и 1 января 2011 г. он окончательно вступил в силу.

УПК 2007 г., следуя устоявшимся в этой стране научным традициям, излагает выработанную в швейцарской доктрине классификацию участников уголовного судопроизводства.

Говоря об участниках уголовного процесса, следует отметить, что яркой особенностью швейцарской правовой системы является стремление законодателя обеспечить всеобъемлющим образом гендерное равенство. В связи с этим во многих нормативных актах – от Конституции до подзаконных распоряжений – большинство терминов, обозначающих отдельные категории лиц, употреблены как в женском, так и в мужском роде, причем слово в женском роде всегда стоит на первом месте (например, прокурор-женщина и прокурор-мужчина, потерпевшая-женщина и потерпевший-мужчина, свидетель-женщина и свидетель-мужчина и т.д.).

Одним из немногих исключений является обвиняемый (*die beschuldigte Person*), поскольку данный термин употребляется в одинаковой форме в отношении и обвиняемых-мужчин, и обвиняемых-женщин.

Швейцарские учёные в немецкоязычных работах обычно не используют термин «субъекты уголовного судопроизводства», а употребляют понятие «*die Verfahrensbeteiligten*» – участники производства [2]. Этот же подход характерен и для официального немецкоязычного текста УПК 2007 г. (ст.ст. 3, 73, 77, 97, 312, 321 и 417).

К вышеупомянутым участникам относятся:

1) органы уголовного преследования (*die Strafverfolgungsbehörden*): полиция, прокуратура и органы, осуществляющие производство по уголовным делам о нарушениях (ст. 12). В последнем случае речь идет о различных органах исполнительной власти, осуществляющих производство по уголовным делам о нарушениях. Их процессуальная деятельность не входит в предмет настоящего исследования. Вместе с тем можно провести аналогию с перечнем органов, указанных в гл. 23 КоАП РФ;

2) суды (*die Gerichte*): суды по вопросам мер принуждения, суды первой инстанции, суды по вопросам обжалования, апелляционные суды (ст. 13);

3) стороны (*die Parteien*): обвиняемый, участники, представляющие частное обвинение, при рассмотрении дела по существу и в проверочных стадиях производства – прокуратура (ст. 104); о том, почему отдельно УПК не упоминает защитника, будет сказано далее.

Сразу же сделаем важное пояснение: в соответствии с ч. 1 ст. 111 УПК Швейцарии «в качестве обвиняемого выступает лицо, которое в заявлении о преступлении, в жалобе по делу частного обвинения или в ходе процессуальных действий государственных органов уголовного судопроизводства в связи с совершением уголовно-наказуемого деяния подозревается, преследуется или обвиняется». Особенность современного швейцарского уголовного процесса состоит в том, что законодатель не разделяет статусы подозреваемого и обвиняемого. Следовательно, с точки зрения данного Кодекса уже в момент подачи заявления о преступлении можно говорить о появлении в процессе обвиняемого;

4) иные участники (*die andere Verfahrensbeteiligte*): потерпевший, заявитель, свидетель, лицо, являющееся источником сведений, эксперт, третье лицо, обременённое процессуальными действиями (ст. 105).

Данная классификация позволяет сделать три вывода. Во-первых, швейцарский законодатель, выделяя среди других участников судопроизводства стороны и суд, опирается на принцип состязательности и придает большое значение функциям, которые они выполняют (обвинение – защита – рассмотрение дела). Вместе с тем, в отличие от России, где законодатель, по мнению многих ученых, установил состязательность в качестве общепроцессуального принципа (ст. 15 УПК), действующего в ходе всего уголовного судопроизводства, в Швейцарии она предполагается лишь в судебных стадиях, поскольку в ходе предварительного следствия прокуратура не является стороной (п. «с» ч. 1 ст. 104 УПК).

Как справедливо пишет первый заместитель Председателя Верховного Суда РФ В.И. Радченко, «новым уголовно-процессуальным законодательством разрешен, по нашему мнению, многолетний спор об отнесении состязательности к числу начал, определяющих организацию судопроизводства лишь в судебном разбирательстве или распространяющих свое действие на уголовное судопроизводство в целом. В настоящее время всеобщность действия принципа состязательности находит свое выражение в тех полномочиях, которыми закон наделяет субъектов уголовно-процессуальной деятельности, в тех производствах на досудебных стадиях процесса, когда стороны обращаются к суду для разрешения возникших противоречий» [3].

Характер предварительного следствия в Швейцарии, напротив, определяется в силу ст. 6 данного Кодекса принципом следствия (*der Untersuchungsgrundsatz*), или, как его иногда называют франкоязычные пеналисты, следственной максимой (*Maxime de l'instruction*).

Во-вторых, представленная классификация участников уголовного процесса позволяет отнести его к смешанному типу, поскольку прокуратура является стороной только в судебных стадиях процесса, а в досудебном производстве о сторонах говорить можно лишь с некоторой долей условности, поскольку органами, ведущими производство по делу и принимающими властные решения, выступают только полиция и прокуратура, а обвиняемый и защитник могут лишь заявлять определённые ходатайства, обжаловать их действия и т.д., не обладая при этом юридически властными полномочиями.

В-третьих, сам факт наличия в данном Кодексе классификации участников процесса говорит о тесной взаимосвязи швейцарской

науки и законодательства. В УПК Германии она отсутствует и встречается только в правовой доктрине [4, 5]. УПК Австрии и Лихтенштейна хотя и перечисляют участников судопроизводства в определённой последовательности, но явно выраженной классификации не содержат.

Швейцарский опыт классификации участников уголовного процесса может быть в перспективе полезен и для отечественного законодателя при реформировании и развитии данной отрасли права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головкин Л.В. Материалы к построению сравнительного уголовно-процессуального права: источники, доказательства, предварительное производство // Труды юридического факультета. Книга одиннадцатая. М. : Правоведение, 2009. С. 227–360.
2. Jositsch D. Grundriss des Schweizerischen Strafprozessrechts. Zürich, 2009. S. 69.
3. Уголовный процесс / под ред. В.И. Радченко. М., 2013 // СПС «Консультант Плюс».
4. Beulke W. Strafprozessrecht. Augsburg, 2008. S. 31–113.
5. Hartman A., Schmidt R. Strafprozessrecht. Hannover, 2008. S. 49–92.

CLASSIFICATION OF PARTICIPANTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE 2007 SWISS CRIMINAL PROCEDURE CODE

Aleksandr A. Trefilov, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: Sasha_trefilov@mail.ru

Keywords: participants of criminal proceedings, adversarial system, parties, other participants.

DOI: 10.17223/9785946216111/22

The 2007 Swiss Criminal Procedure Code in 2007, which came into force on January 1, 2011, following the scholarly traditions well-established in the country, presents the Swiss doctrine of the classification of participants of criminal proceedings.

The participants include:

1) criminal prosecution authorities (die Strafverfolgungsbehörden): the police, prosecutors and bodies engaged in proceedings in criminal cases on violations. The latter are different enforcement agencies engaged in proceedings in criminal cases on violations;

2) courts (die Gerichte): compulsory measures courts, courts of first instance, courts of appeal;

3) parties (die Parteien): the accused; the private claimant; in the main hearing and in appellate proceedings: the public prosecutor. A feature of the modern Swiss criminal

proceedings is that the legislator does not separate the status of the suspect and the accused. In terms of the Code, the accused appears in the proceedings when a statement of a crime is filed;

4) other participants (die andere Verfahrensbeteiligte): persons suffering harm; the person who has reported the offence; witnesses; persons providing information; expert witnesses; third parties who have suffered detriment due to procedural acts.

This classification allows making three conclusions.

Firstly, the Swiss legislator, when separating the parties and the court from other participants in the proceedings, bases on the adversarial system and attaches great importance to the functions they perform (prosecution – defence – examination of the case). However, in contrast to Russia, where, in the opinion of many scholars, the legislator has established the adversarial system as a general procedural principle (Art. 15 of the RF Code of Criminal Procedure) that works during the entire criminal proceedings, in Switzerland it is assumed only at the trial stages, as in the preliminary investigation the public prosecutor is not a party (Item c of Part 1 of Art. 104 of the Swiss CrimPC).

Secondly, the classification of participants of criminal proceedings helps attribute criminal proceedings in Switzerland to a mixed type, as the public prosecutor is a party only at the judicial stages of the proceedings. As for the parties in pre-trial proceedings, they are rather conditional, because only the police and the public prosecutor are in charge of the proceedings, they make decisions, and the accused and the defence counsel may only file petitions, appeal their actions, etc., without possessing any legal powers.

Thirdly, the very existence of the classification of participants of criminal proceedings in the Swiss Criminal Procedure Code shows the close connection of the Swiss science and law. For example, the German Code of Criminal Procedure does not have this classification; it only exists in the legal doctrine.

A conclusion is made that the Swiss experience of classifying participants in criminal proceedings could potentially be useful for the Russian legislator in the reforms and development of the criminal procedure law.

REFERENCES

1. Golovko, L.V. (2009) The Materials to the construction of comparative criminal procedural law: sources, evidence, pre-trial proceedings. *Trudy yuridicheskogo fakul'teta. Kniga odinnadtsataya = The Journal of the Faculty of Law.* no. 11. pp. 227-360. (In Russian).
2. Jositsch, D. (2009) *Grundriss des Schweizerischen Strafprozessrechts.* Zürich.
3. Radchenko, V.I. (2013) *Ugolovnyy protsess* [The Criminal procedure]. Moscow.
4. Beulke, W. (2008) *Strafprozessrecht.* Augsburg. pp. 31-113.
5. Hartman, A., Schmidt, R. (2008) *Strafprozessrecht.* Hannover. pp. 49-92.

В.Л. Халилова

ОРГАНЫ ДОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ВОЕННАЯ ПОЛИЦИЯ)

Анализируются нормативно-правовые акты, касающиеся организации дознания в Вооруженных Силах РФ и введения института военной полиции. В Российской Федерации существует целостная система правоохранительных органов, и при формировании военной полиции необходимо найти определённую нишу, не вторгаясь в компетенцию других органов.

Ключевые слова: органы дознания, военная полиция, система правоохранительных органов.

На современном этапе продолжается процесс реформирования Вооруженных Сил РФ, который направлен на совершенствование всех органов военного управления. Исключением не стали изменения, коснувшиеся организации дознания в Вооруженных Силах РФ и введения института военной полиции.

Идея о необходимости создания военной полиции в России была реализована в Концепции военно-правовой реформы и Федеральной программы по усилению борьбы с преступностью в 1994 г., что послужило основой для представления на рассмотрение Государственной Думы в 2000 г. проекта ФЗ «О военной полиции Российской Федерации», который, к сожалению, в то время по разным причинам не был одобрен Правительством России [1].

В соответствии с ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации» от 03.02.2014 г. № 7-ФЗ [2] в составе Вооруженных Сил РФ создана военная полиция, руководство которой осуществляет непосредственно Министр обороны Российской Федерации. Указом Президента РФ от 25.03.2015 г. № 161 утвержден Устав военной полиции Вооруженных Сил РФ [3]. Федеральный закон «Об обороне» от 31.05.1996 г. № 61-ФЗ [4] был дополнен п. 4 ст. 25 и ст. 25.1, согласно которым военная полиция «принимает участие в обеспечении законности в

Вооруженных Силах Российской Федерации» и «предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод военнослужащих Вооруженных Сил» и других граждан, «обеспечения в Вооруженных Силах законности, правопорядка, воинской дисциплины, безопасности дорожного движения, охраны объектов Вооруженных Сил РФ, а также в пределах своей компетенции противодействия преступности и защиты других охраняемых законом правоотношений в области обороны».

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 40 УПК РФ к органам дознания относятся начальники органов военной полиции Вооруженных Сил РФ, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов.

Производство дознания в Вооруженных Силах РФ регулируется Приказом Генпрокуратуры России от 23.10.2014 г. № 150 «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов» [5]. Вводная часть названной инструкции содержит основные вопросы организации, функции и процессуальный порядок деятельности органов дознания Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба (кроме подразделений дознания пограничных органов федеральной службы безопасности при производстве дознания по уголовным делам о преступлениях, указанных в п. 3 ч. 3 ст. 151 УПК РФ, воинских подразделений Федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы МЧС России), по выявлению, предупреждению, пресечению преступлений, реализации полномочий и обязанностей, предусмотренных УПК РФ.

Согласно ст. 3 Инструкции начальник органа военной полиции Вооруженных Сил РФ, командир воинской части, соединения, начальник военного учреждения и гарнизона как орган дознания, обладающий полномочиями начальника органа дознания, в пределах предоставленной ему уголовно-процессуальным законодательством компетенции вправе возложить отдельные процессуальные полномочия органа дознания на подчиненных ему должностных лиц. Командир воинской части, соединения, начальник военного учреждения и гарнизона уполномочивает в соответствии с п. 7 ст. 5 УПК РФ своим письменным приказом наиболее подготовленных и дисциплинированных подчиненных ему офицеров осуществлять процессуальные

полномочия органа дознания, назначая их дознавателями, которые, являясь должностными лицами органа дознания, обладают процессуальными полномочиями, предусмотренными ч. 3 ст. 41 УПК РФ. Копия приказа о назначении дознавателей направляется военному прокурору и руководителю военно-следственного органа.

В органах военной полиции Вооруженных Сил РФ реализация полномочий органа дознания осуществляется офицерами, состоящими в должности дознавателей военной полиции. Возложение начальником органа военной полиции на подчиненных ему дознавателей отдельных процессуальных полномочий органа дознания в соответствии с п. 7 ст. 5 УПК РФ осуществляется путем дачи письменного поручения.

Органы дознания и дознаватели Вооруженных Сил РФ наделены теми же полномочиями, как и другие органы дознания, в том числе и на производство неотложных следственных действий. С единственным отличием, что прокурорский надзор за органом дознания Вооруженных Сил РФ осуществляет военная прокуратура.

Полномочия и обязанности органа дознания в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 40, п. 4 ч. 2 ст. 157 УПК РФ реализуют:

1) командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений – по сообщениям и уголовным делам о преступлениях, совершенных: военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы; лицами гражданского персонала Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей или на территории (в расположении) воинской части, соединения, военного учреждения;

2) начальники органов военной полиции Вооруженных Сил РФ – по сообщениям и уголовным делам о преступлениях, совершенных: военнослужащими Вооруженных Сил РФ; гражданами, проходящими военные сборы в Вооруженных Силах РФ; лицами гражданского персонала Вооруженных Сил РФ в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей или на территории (в расположении) органа военной полиции, воинской части, соединения, военного учреждения;

3) начальники гарнизонов – по сообщениям и уголовным делам о преступлениях, совершенных военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы, а также лицами гражданского персонала Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов (лицами гражданского персонала – в связи с исполнением ими своих

служебных обязанностей), не проходящими службу (не работающими) в воинских частях, соединениях и военных учреждениях данного гарнизона, но совершивших преступления в расположении гарнизона.

Начальник органа военной полиции, обнаружив в действиях (бездействии) военнослужащего или лица гражданского персонала признаки преступления, незамедлительно уведомляет об этом военного прокурора, руководителя военного следственного органа и принимает меры, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

Начальник органа военной полиции организует прием, регистрацию, проверку сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении и принимает по нему процессуальное решение. По результатам проверки и при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, по которому предварительное следствие обязательно, и при необходимости производства неотложных следственных действий в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также при наличии доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования, начальник органа военной полиции возбуждает уголовное дело и производит неотложные следственные действия, после чего направляет уголовное дело руководителю военного следственного органа.

Начальник органа военной полиции организует в пределах своих полномочий исполнение решений суда, письменных поручений следователя, руководителя следственного органа, органа дознания о производстве отдельных следственных действий, исполнении постановлений о задержании, приводе, аресте военнослужащих, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, производстве иных процессуальных действий и оказывает содействие в их осуществлении.

В настоящее время начальник органов военной полиции Вооруженных Сил РФ являются универсальным органом дознания, который осуществляет дознание по сообщениям и уголовным делам о преступлениях, совершенных: военнослужащими Вооруженных Сил РФ; гражданами, проходящими военные сборы в Вооруженных Силах; лицами гражданского персонала Вооруженных Сил РФ в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей или на территории (в расположении) органа военной полиции, воинской части, соединения, военного учреждения.

Военная полиция входит в состав Вооруженных Сил РФ. Организационная структура, состав и штатная численность органов и под-

разделений военной полиции определяются Министром обороны Российской Федерации в пределах установленной штатной численности военнослужащих и гражданского персонала Вооруженных Сил РФ.

Задачи, структура построения военной полиции во многом схожи с полицией органов внутренних дел.

К военной полиции относятся органы и подразделения военной полиции. К органам военной полиции относятся центральный орган военной полиции, региональные и территориальные органы военной полиции. Территориальные органы военной полиции дислоцируются, как правило, в непосредственной близости от мест дислокации воинских частей, которые имеют наибольшую численность. Численность территориальных органов военной полиции определяется в зависимости от численности дислоцирующихся в их районе ответственности войск (транспортных средств Вооруженных Сил РФ, других войск и воинских формирований), размера, количества войсковых полигонов и мест их дислокации, а также от протяженности дорожной сети.

В случае необходимости подразделения военной полиции, созданные для выполнения задач и обеспечения деятельности органов военной полиции, могут дислоцироваться отдельно, в том числе на территориях воинских частей, расположенных на удалении от мест расположения органов военной полиции.

С точки зрения уголовного процесса именно на данные органы на современном этапе развития отечественного законодательства возложена борьба с преступностью в Вооруженных Силах РФ. За небольшое время существования военная полиция подтвердила правильность принятого решения о её создании.

Со слов Министра обороны РФ Сергея Шойгу, за 6 месяцев после введения военной полиции (по данным за август 2014 г.) число происшествий, связанных с неуставными отношениями в армии, сократилось почти на 30% по сравнению с показателями за аналогичный период 2013 г. [6].

В Российской Федерации существует целостная система правоохранительных органов, и при формировании военной полиции необходимо найти определённую нишу, не вторгаясь в компетенцию других органов. Эта ниша, безусловно, военнослужащие, и данный орган действует только в отношении военнослужащих Вооружённых Сил РФ, а также гражданского персонала в двух случаях, как было указано выше.

Представляется, что в настоящий период формирования органов военной полиции найдено практически оптимальное решение, которое в дальнейшем позволит выстроить в Вооруженных Силах РФ систему, способную качественно решать задачи органов дознания, оперативно реагируя на совершенные правонарушения, относящиеся к их компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коробков В.С. Создание военной полиции как перспективное направление совершенствования дознания в войсках: организационные и правовые вопросы // Российская юстиция. 2013. № 11.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации : федеральный закон от 03.02.2014 № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 10.02.2014. № 6. Ст. 558.
3. Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации : указ Президента РФ от 25.03.2015 № 161 // Собрание законодательства РФ. 30.03.2015. № 13. Ст. 1909.
4. Об обороне : федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 12.02.2015) // Собрание законодательства РФ. 03.06.1996. № 23. Ст. 2750.
5. Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов : приказ Генпрокуратуры России от 23.10.2014 № 150 (документ опубликован не был).
6. Сергей Шойгу объявил о снижении числа случаев дедовщины в армии. URL: <http://www.rg.ru/2014/08/05/dedovshina-anons.html>

INQUIRY BODIES IN THE MODERN ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION (MILITARY POLICE)

Victoria L. Khalilova, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: vicini1@mail.ru

Keywords: inquiry bodies, military police, system of law enforcement agencies.

DOI: 10.17223/9785946216111/23

At the present stage, the RF Armed Forces are being reformed to improve all military control bodies. The inquiry system in the Armed Forces of the Russian Federation has been changed, and the institute of military police has been introduced.

In accordance with the RF Code of Criminal Procedure, inquiry bodies include heads of the military police of the RF Armed Forces, commanders of military units, formations, heads of military institutions and garrisons. Heads of inquiry bodies have

powers as set in the criminal procedure law; they are entitled to give certain procedural powers of an inquiry body to subordinate officials.

Inquiry bodies and inquiry officers of the RF Armed Forces are endowed with the same powers as other inquiry bodies, including urgent investigative actions. The only difference from other bodies is that the Military Prosecutor's Office supervises the inquiry body of the RF Armed Forces.

Currently, head of the military police of the RF Armed Forces is a universal inquiry body that conducts inquiry on reports and criminal cases on offences committed by soldiers of the RF Armed Forces; citizens on the military reserve duty in the RF Armed Forces; civilian employees of the RF Armed Forces that perform their duties in the territory (in the location) of military police bodies, military units, formations, military institutions.

The military police is a part of the RF Armed Forces. The objectives and structure of the military police in many respects are similar to the police of the internal affairs bodies.

The military police includes military police bodies and units. There are central, regional and territorial bodies of the military police. Territorial military police bodies are usually located close to the locations of the numerous military units.

If necessary, military police units, formed to perform tasks and ensure the operation of the military police bodies, can be stationed separately, including in the territory of military units located at a distance from the locations of the military police bodies.

From the point of view of the criminal procedure, it is these bodies that are entitled by the current Russian military law to fight against crime in the RF Armed Forces.

The Russian Federation has a comprehensive system of law enforcement bodies. The formation of the military police requires finding its niche so that the new force does not interfere with the jurisdiction of other bodies. This niche is definitely military officers, and the military police powers are only applicable to soldiers of the RF Armed Forces and to civilian employees in the two cases stated above.

It seems that with the formation of the military police, an optimal solution is found that will further help build a system in the RF Armed Forces that can efficiently perform the tasks of inquiry bodies, responding quickly to committed offences within their competence.

REFERENCES

1. Korobkov, V.S. (2013) The establishment of military police, as a promising improvement of inquiry in the troops: organizational and legal issues. *Rossiyskaya yustitsiya = The Russian Justice*. no. 11. (In Russian).
2. Russian Federation. (2014) *O vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii po voprosam deyatel'nosti voyennoy politzii Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 03.02.2014 g. № 7-FZ* [On the Introduction of Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the activities of the Military Police of the Armed Services of the Russian Federation: the Federal Law of 03.02.2014, 7-FZ]. *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Code of Laws of the Russian Federation], 6. Art. 558.

3. Russian Federation. (2015) *Ob utverzhdenii Ustava voyennoy politzii Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federatsii i vnesenii izmeneniy v nekotoryye akty Prezidenta Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta RF ot 25.03.2015 g. № 161* [On the Enactment of Statute of the Military Police of the Armed Services of the Russian Federation and Amendments to certain acts of the President of the Russian Federation: the Presidential Decree of 25.03.2015, № 161]. *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Code of Laws of the Russian Federation]. 13. Art. 1909.
4. Russian Federation. (1996) *Ob oborone: Federal'nyy zakon ot 31.05.1996 g. № 61-FZ (red. ot 12.02.2015)* [On the defence: the Federal Law of 31.05.1996, 61-FZ]. *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Code of Laws of the Russian Federation]. 23. Art. 2750.
5. Russian Federation. (2014) *Ob utverzhdenii Instruksii o protsessual'noy deyatel'nosti organov doznaniya Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federatsii, drugikh voysk, voinskikh formirovaniy i organov: Prikaz Genprokuratury Rossii ot 23.10.2014 g. № 150*. [On the Enactment of Instruction on the procedure activity of bodies of inquiry of the Armed Services of the Russian Federation, other troops, military formations and bodies: The Decree of the General Prosecutor of Russian Federation on 23.10.2014, no. 150].
6. Sergei Shoigu announced about reduction of the number of cases of hazing in the army. [Online]. Available from: <http://www.rg.ru/2014/08/05/dedovshina-anons.html>

DOI: 10.17223/9785946216111/24

А.С. Шаталов

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В СФЕРЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НАУЧНОЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ И ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье речь идет о состоянии науки уголовно-процессуального права. Указано, что сейчас эта отрасль научного знания, как и ее объект – уголовный процесс в его нормативном выражении, переживает кризис и нуждается в последовательном и целенаправленном обновлении. Сформулирован вывод о том, что существующие потребности государства и общества в сфере уголовного судопроизводства должны вначале реализовываться в текстах научных исследований и давать возможность для выбора из их реальной совокупности наилучших вариантов.

Ключевые слова: научное исследование, наука уголовно-процессуального права, кризис состояния науки.

По состоянию на начало 2013 г., в России было защищено немногим более 3,5 тыс. докторских диссертаций по юридическим наукам, 258 из них – по уголовному процессу (т.е. немногим более 7%). Причем до 1991 г. (т.е. примерно за 90 лет) было защищено 104, а после распада Советского Союза (т.е. менее чем за 25 лет) 154 докторские диссертации.

Из всех процессуалистов, обладающих степенью доктора юридических наук, лидерами научного цитирования являются 35 человек (т.е. 13,5%), большинство из которых – советские процессуалисты.

«Золотая десятка» самых цитируемых процессуалистов следующая (здесь и ниже в статье указаны годы защиты докторской диссертации):

Петрухин Игорь Леонидович (1977 г.);
Строгович Михаил Соломонович (1938 г.);
Лупинская Полина Абрамовна (1973 г.);
Божьев Вячеслав Петрович (1994 г.);
Смирнов Александр Витальевич (2001 г.);
Шейфер Семен Абрамович (1981 г.);
Чельцов Михаил Александрович (1941 г.);
Савицкий Валерий Михайлович (1977 г.);
Гуценко Константин Федорович (1974 г.);
Головко Леонид Витальевич (2003 г.).

Первый из названных ученых (И.Л. Петрухин) в едином рейтинге цитирования занимает 26, а последний (Л.В. Головко) – 158 место. Классиков цитирования среди процессуалистов нет, но имеются два признанных юридическим сообществом научных лидера – И.Л. Петрухин и М.С. Строгович, каждого из которых цитировали свыше 500 раз в течение пяти лет. В сотню наиболее цитируемых юристов нашей страны вошли пять процессуалистов. По этим показателям процессуалисты несколько опережают своих коллег, занимающихся криминалистикой, но ощутимо уступают представителям науки уголовного права [1].

Данные сведения послужили для нас отправной точкой для анализа наличного состояния науки уголовного процесса, являющегося не единственным, но одним из самых важных факторов использования уголовно-процессуального закона как средства, обеспечивающего надлежащее применение норм уголовного закона.

Представляется, что уголовно-процессуальная наука в настоящее время нуждается в особенно остром внимании специалистов. С определенной степенью уверенности можно сказать, что сейчас эта отрасль научного знания и ее объект – уголовный процесс в его нормативном выражении – переживают кризис и нуждаются в последовательном и целенаправленном обновлении, поиске и безотлагательной реализации новых подходов, соответствующих меняющимся в глобализирующемся мире критериям обеспечения защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а также личности от незаконного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

В социальном плане наиболее наглядным проявлением этого кризиса является прежде всего критикуемая «со всех сторон» практика применения уголовно-процессуального закона, приведшая к избирательности правосудия, фактическому отсутствию независимости суда и практически повсеместному нарушению разумных сроков уголовного судопроизводства.

Наряду с этим все чаще проявляются специфические признаки неудовлетворительного (т.е. кризисного) состояния уголовно-процессуальной науки. Их можно подразделить на внешние и внутренние. К внешним признакам кризиса мы относим узкую методологическую базу науки уголовного процесса и несовершенство ее отраслевой информационной базы.

Из числа внутренних признаков следует выделить:

– пробельность общих положений уголовно-процессуального закона (например, в описании принципов уголовного судопроизводства) и внутреннюю пробельность процессуальных процедур, присущих той или иной стадии уголовного процесса (например, обращение вступившего в законную силу приговора к исполнению);

– невозможность понятного описания языком закона отдельных уголовно-процессуальных процедур и институтов, обычно вновь введенных в структуру уголовно-процессуального права и закона (яркие примеры: реабилитация, использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам, преюдиция, судебный контроль над предварительным расследованием, особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, досудебное соглашение о сотрудничестве, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства и др.);

– преобладание в трудах многих специалистов суждений (выводов, рекомендаций, дефиниций и др.), берущих свое начало из весьма спорных философских постулатов, либо основанных исключительно на формальной логике, либо восходящих к идеологическим суждениям, не соотносящимся по своему содержанию с действующим уголовно-процессуальным законом (ощутимее всего это проявляется при определении прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства, а также общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел).

В трудах процессуалистов основное внимание традиционно уделяется критике действующего уголовно-процессуального законодательства. Наиболее ярко эта тенденция видна в диссертационных исследованиях. Нередко такая критика является буквально уничижительной, выходя за границы научной корректности. В текстах, посвященных проблематике уголовно-процессуального права, ударными являются такие словесные обороты, как «неверный взгляд», «давление приверженцев какой-либо теории», «несовершенство уголовно-процессуального закона», «слабость Российского государства», «ошибка законодателя», «отсутствие должной законодательной регламентации», «порочная практика», «попытка властных структур в обход закона повлиять на суд (следователя или дознавателя)» и др.

Показательна терминология, использованная в текстах диссертаций по специальности 12.00.09, которые мне приходилось читать с тем, чтобы впоследствии выступить на их защите в качестве официального оппонента. Приведем некоторые ее образцы:

«властные субъекты уголовно-процессуальной деятельности»;
«переориентирование элементов процессуального статуса»;
«недопущение нового противоправного деяния»;
«использование ... прав и гарантий потерпевшего»,
«разъяснение интересов»;
«страны, так называемой англосаксонской системы права» (это из диссертации по теме: «Процессуальное обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве»);

Вот другой пример «процессуального красноречия» из диссертации по теме: «Медиация как направление развития института примирения в уголовном процессе Российской Федерации»:

«независимое физическое лицо»;
«образование Советской России»;

«более ранние этапы развития оперативно-следственных ситуаций»;

«уголовно-правовые споры малой и незначительной тяжести»;

«желание сторон высказать свои чувства и требования в верное русло»;

«разумное взаимодействие с лицом, совершившим преступление»;

«волеизлияние к примирению»;

«личности сторон»;

«адекватные уголовные дела»;

«пострадавший и злоумышленник»;

«осведомительная и побудительная информация».

Из сформулированных в диссертациях предложений абсолютное большинство сводится к внесению изменений и дополнений в действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Если их сгруппировать по степени распространенности, то можно увидеть, что наибольшая часть носит не радикальный, а исключительно редакционный характер и нацелена на детализацию или большую определенность тех или иных процессуальных процедур либо на их дифференциацию.

Аргументы, используемые в научных исследованиях уголовно-процессуальной тематики, по частоте своего использования можно сгруппировать следующим образом:

– ссылки на мнения наиболее авторитетных специалистов (причем нередко они рассматриваются как самодостаточные, т.е. не требующие дополнительного подтверждения) – 54%;

– недостаточность прав у того или иного участника уголовного судопроизводства, препятствующая эффективности предварительного расследования и (или) судебного разбирательства уголовного дела – 14,5%;

– неопределенность уголовно-процессуального закона – 11,5%;

– увеличение нагрузки на дознавателей, следователей и судей – 8,5%;

– рост общего количества решений, вынесенных по уголовным делам, обжалованных в вышестоящие суды, – 4,8%;

– бездействие государственных органов или представляющих их должностных лиц – 3%;

– трудности, связанные с принятием промежуточных и итоговых решений по уголовным делам, – 2,2%;

– несоблюдение процессуальных сроков – 1,5%.

Чрезвычайно показательно, что в диссертационных исследованиях практически не встречается указаний на последствия реализации сделанного соискателем практического предложения либо принятия предложенного им нового теоретического подхода. В таких условиях становится понятной необходимость анализа состояния науки уголовного процесса и использования в законотворчестве результатов научных исследований в сфере уголовно-процессуального права. Необходимость в этом подтверждается еще и тем, что правоприменители черпают свои профессиональные знания из общения с преподавателями, читая написанные специалистами комментарии к УПК РФ, монографии, учебные пособия и другие публикации.

Иными словами, наука уголовного процесса (в широком ее понимании) должна нести свою часть ответственности за состояние дел в правоохранительной сфере вообще и в деле борьбе с преступностью в частности.

Традиционно наука уголовно-процессуального права рассматривается в качестве системы появившихся по мере ее поступательного развития идей, представлений, теоретических положений и точек зрения, относящихся ко всему кругу рассматриваемых ею проблем. Иначе говоря, в самом широком понимании наука уголовного процесса охватывает собой по существу любые сведения, относящиеся к уголовно-процессуальному законодательству и уголовно-процессуальному праву, если они позиционируются как самостоятельные и публикуются в определенных источниках. Такой подход можно признать корректным лишь отчасти, поскольку, принося несомненную пользу в деле популяризации уголовно-процессуального права, он вводит в заблуждение адресатов или потребителей информации, которую обязана производить и воспроизводить наука уголовного процесса как некая система суждений. Каждое из них, в свою очередь, должно (по меньшей мере) претендовать на то, чтобы быть проверяемым, поддаваться восприятию всеми заинтересованными участниками научного обсуждения, соответствовать принятой профессиональным сообществом системе исходных посылок различного уровня, а главное – вписываться в сложившуюся систему научного знания.

Эти требования в сфере уголовного судопроизводства являются весьма значимыми, поскольку в ней, например, особо выделяются специальные познания, которыми должен располагать эксперт или

специалист, а также общеизвестные факты. Разумеется, это не имеет прямого отношения к пониманию науки уголовно-процессуального права, но свидетельствует о четкости подхода к определению понятийного аппарата в принципе.

Таким образом, в сложившейся ныне науке уголовного процесса можно выделить:

- ее ядро, которое образуют теории как системы суждений, обладающих статусом научных;
- инструктивные (процедурные) суждения, являющиеся ключевыми в учебном процессе (профессиональной подготовке);
- эмпирическую информацию, используемую для получения либо формулирования суждений;
- обыденно-правовые (в том числе идеологические) компоненты, отражающие мнения заинтересованных органов и лиц, которые они не считают нужным специально обосновывать.

Такой подход пока нецелесообразно подвергать каким-либо организационным изменениям, поскольку он способствует правильной оценке информации, которую принято включать в содержание уголовно-процессуальной науки. Более того, с его помощью можно различать пожелания, политические взгляды и научные суждения, отвечающие признаваемым профессиональным стандартам.

Применительно к научным проектам уголовно-процессуальной тематики, такие стандарты, на наш взгляд, непременно должны предусматривать:

- выявление и описание проблемной ситуации, порождающей необходимость изменения или дополнения действующего уголовно-процессуального закона;
- обоснование их выбора на основе рассмотрения различных вариантов, средств формулирования и их текстуального оформления;
- расчет позитивных и негативных последствий на основе произведенного сравнительного анализа;
- опровержение возможных аргументов.

Этот набор профессиональных стандартов не нов. Требования такого рода формулировались коллегами в уголовно-правовой и криминалистической литературе, причем неоднократно. Проблема заключается в том, что в отдельных случаях они либо предаются забвению, либо их оказывается недостаточно. Однако в любом случае продукты научной деятельности в уголовно процессуальной сфере, подготов-

ленные на основе этих требований, становятся обладателями (как минимум) двух характерных признаков:

- относимостью к уголовно-процессуальному законодательству и практике его применения (включая последствия);

- выраженностью в текстах, продуцируемых процессуалистами и публикуемых в специальных изданиях (т.е. некоторой формой).

Такие продукты оказывают определенное воздействие на практику уголовно-процессуального правотворчества и существующий порядок реализации норм уголовного права хотя бы потому, что излагаются в учебниках, монографиях, комментариях, либо создают иллюзию большей проработанности и обдуманности решений различного ранга, принимаемых на основе текстов, порождаемых наукой уголовного процесса.

Объявленные научными суждения, содержащиеся в таких текстах, подвергаются осознанию и обсуждению заинтересованными представителями науки и практики, в результате чего воспринимаются либо отвергаются ими.

При этом возможны и положительные, и отрицательные последствия. К последней категории относится инициирование вредных для общества правовых подходов, воплощаемых в правовой политике (например, создание и реализация российской модели ювенальной юстиции, процессуальный механизм уголовного преследования специальных субъектов и др.), неправильных решениях (например, о придании элитарности российскому юридическому образованию, слияниях и поглощениях сложившихся научных коллективов, школ и др.), наконец, непропорциональном привлечении внимания к проблемам российского уголовного судопроизводства.

С этих позиций, по видимому, следовало бы различать науку как систему теорий, обладающих объяснительными и регулятивными эвристическими функциями, метод, обеспечивающий потребности уголовно-процессуального права, и как социальный институт с присущими ему специфическими чертами. Реструктурирование уголовно-процессуального знания, находящегося в информационном обороте, имеет целью отделение собственно науки от опытных, идеологических и иных суждений, что довольно успешно было сделано в отечественной криминалистике. При этом был бы важен опыт смежных областей научного знания: наук гражданского, арбитражного, административного процесса, уголовного права и некоторых других.

В этом плане к науке уголовного процесса будет правильным относить лишь те суждения, которые:

- соответствуют методологии, принятой профессиональным сообществом, и исходным (фундаментальным) положениям уголовно-процессуального знания;

- основаны на определенных исследовательских методиках, прозрачных для сторонних наблюдателей;

- поддаются проверке как основанные на некоторых признаваемых научным сообществом аргументах;

- воспринимаются и понимаются всеми участниками уголовно-процессуального дискурса.

В настоящее время весьма распространен прием, когда автор текста, вводимого в такой дискурс, формулирует в нем предложения, например, о введении новой нормы уголовно-процессуального закона, а возможные или наличные возражения на этот счет мотивирует злой волей оппонентов, их личной заинтересованностью, коррупционными факторами и т.п. Специалисты, знакомые с более или менее ограниченным кругом разработчиков российского уголовно-процессуального закона, понимают, что они нередко не только весьма далеки от разного рода коррупционных процессов, но и живого преступника в глаза не видели. Тем не менее такая аргументация нередко помогает выдать незрелую идею за зрелую, а весьма спорные суждения – за бесспорные.

По-видимому, в рамках уголовно-процессуального знания, объявляющего себя наукой, необходимо выработать профессиональные требования к разного рода результатам и прежде всего научным проектам, связанным с совершенствованием действующего уголовно-процессуального законодательства либо практики его применения. Во всяком случае, для обеспечения постоянного внимания к профессионализму в науке уголовного процесса и смежных с ней отраслей российского права необходимы:

- установление социальных либо иных факторов, связанных с потребностью изменения закона;

- обоснование связи между факторами и установленной потребностью;

- определение и обоснование выбора используемых для построения нормы и создания текста закона средств юридической техники;

- расчет последствий негативного и позитивного характера;

– опровержение возможных возражений относительно реализации проекта.

Весьма актуальным, по-видимому, является последовательное обновление информационной базы уголовно-процессуальной науки. Главное же заключается в конкретизации ее задач, без чего она становится бессмысленной. На современном этапе ее развития таковыми, на наш взгляд, являются:

– разработка понятийного аппарата, необходимого для описания процессуальных процедур и характера деятельности, задействованных в них участников уголовного судопроизводства;

– осмысление механизма искажения их описания и способности языка уголовного процесса объяснять те или иные процессуальные процедуры, т.е. феномены реального поведения участников уголовного судопроизводства и присущих ему психологических процессов;

– уяснение смыслов и последствий защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а также подвергнутых уголовному преследованию лиц, от незаконного обвинения, осуждения, ограничения их прав и свобод;

– совершенствование методов работы с уголовно-процессуальным законом и алгоритмов его практического применения.

Тем самым задачи науки уголовного процесса локализуются в сфере законотворческого процесса и его оценки, а также в сфере применения уголовного закона. Сама же наука уголовного процесса исходит из уголовно-процессуального закона, разрабатывая его понятийное содержание, упорядочивая процессуальные процедуры в единую систему, в которой находят свое место не только решения высших судов, но и мнения специалистов. Практически это означает, что существующие потребности государства и общества в сфере уголовного судопроизводства должны вначале реализовываться в текстах научных исследований и давать возможность для выбора из их реальной совокупности наилучших вариантов. Вряд ли можно признать удачным, что совершенствование российского уголовно-процессуального законодательства сейчас опирается не столько на научные данные, сколько на интуицию российских законодателей. Яркий и наиболее «свежий» пример – поддерживаемые ими модернизация и расширение сферы деятельности суда присяжных. Впрочем, смелые реформы и упрямое стремление сохранить изжившие себя обычаи по степени своей опасности для общества вполне сопоставимы друг с другом...

ЛИТЕРАТУРА

1. Шумилов А.Ю. Введение в юридическую наукометрию. М., 2012. 394 с.

RESULTS OF RESEARCH IN THE CRIMINAL PROCEDURE LAW AS A FACTOR OF THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC, EDUCATIONAL AND LEGISLATIVE ACTIVITIES

Aleksandr S. Shatalov, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).
E-mail: asshatalov@rambler.ru

Keywords: research, criminal procedure law science, crisis of science.

DOI: 10.17223/9785946216111/24

At present, the criminal procedure science requires particular attention of specialists. With a certain degree of confidence one can say that this branch of scientific knowledge and its object, the criminal procedure in its normative terms, are in crisis and in need of a consistent and purposeful renewal.

The author distinguishes the internal and external signs of the crisis state of the criminal procedure science.

Experts in the criminal procedure law traditionally focus on the criticism of the current criminal procedure legislation in their works. This trend is most obvious in thesis research.

The proposals made in theses are mostly about amendments and supplements to the existing RF Criminal Procedure Code. If to group them, most of them are not radical, but editorial by nature, and aim to provide more details on certain procedural processes, or specify or differentiate them.

It is extremely significant that theses contain almost no information on the consequences of the introduction of the practical proposals applicants make, or of the adoption of new theoretical approaches they offer. It is emphasised that the criminal procedure science must bear its share of responsibility for the state of affairs in law enforcement in general and in the fight against crime in particular.

The author formulates the standards of research projects on the criminal procedure topics. They include: identification and description of the problem situation that causes the need to amend or supplement the current criminal procedure law; explanation of their choice after analysing various options, wording and their textual representation; estimation of the positive and negative effects produced on the basis of a comparative analysis; refutation of the possible arguments.

It is noted that the objectives of the criminal procedure science are localised in the legislative process and its assessment as well as in the criminal law enforcement. The criminal procedure science bases on the criminal procedure law, develops its conceptual content, arranges its remedial procedures in a single system that includes not only decisions of the higher courts, but also opinions of experts. In practice, this means that the existing needs of the state and society in the field of criminal proceedings must first be expressed in the texts of scholarly research and must give an opportunity to select best

options from them. The author concludes that the improvement of the Russian criminal procedure legislation is now based on the intuition of Russian lawmakers rather than on research data. A bright new example is the lawmakers' support of the modernisation and expansion of the jury jurisdiction.

REFERENCES

1. Shumilov, A.Yu. (2012) *Vvedeniye v yuridicheskuyu naukometriyu* [The Introduction to the legal scientometrics]. Moscow.

DOI: 10.17223/9785946216111/25

С.А. Шейфер

ПРОВЕРКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СИСТЕМЕ ДОКАЗЫВАНИЯ

Определено назначение каждого из элементов процесса доказывания, при этом обращено внимание на их сходство и различие. Уделено внимание центральному элементу процесса доказывания – проверке доказательств. Формулируется вывод о том, что дифференцированная оценка каждого элемента, образующего доказывание, поможет правильно определить его место в доказывании, устранить неясности и путаницу в определении их роли в доказывании.

Ключевые слова: процесс доказывания, проверка доказательств, содержание проверки доказательств.

Принятый 18 декабря 2001 г. новый УПК Российской Федерации существенно обогатил правовую регламентацию доказывания. Впервые в процессуальном законе появилось нормативное определение доказывания, издавна трактовавшегося в процессуальной науке как оперирование доказательствами в целях установления истины по делу. Ст. 85 УПК РФ, сохранив определенную в теоретических исследованиях цель доказывания – установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, определила вместе с тем и структуру доказывания, охватывающего собиране, проверку и оценку доказательств. Эти составляющие, тесно связанные между собой и взаимопроникающие друг в друга, не могут считаться этапами доказывания, следующим один за другим. Их принято называть элементами доказывания (некоторые авторы предпочитают термин «фазы доказывания»).

Однако обновление процессуального законодательства породило новые научные проблемы. Одна из них – неясность в вопросе об обозначении центрального элемента процесса доказывания. В свое время Р.С. Белкин предложил вместо термина «проверка доказательств» применять термин «исследование доказательств». Основание для такого словоупотребления автор усматривал в том, что исследование доказательств – это «познание следователем или судом содержания доказательств, убеждение в достоверности фактических данных, составляющих содержание доказательств». Такую позицию поддержали и другие ученые-процессуалисты.

Ошибочность такого взгляда становится очевидной при теоретико-практическом анализе процесса появления доказательств в уголовном деле.

В последние годы в процессуальной науке получает признание взгляд, согласно которому изначально в природе доказательства не существуют и существовать не могут, ибо объективно в окружающей обстановке существуют лишь следы, оставленные событием и несущие информацию о нем. На этом основана концепция формирования доказательств. Суть ее в том, что воспринимая доказательственную информацию, заключенную в следах, субъекты доказывания преобразуют ее по форме, и в таком виде она закрепляется в материалах дела, становится доказательством в уголовно-процессуальном смысле [1]. С этой точки зрения предварительные сведения об относимости, допустимости и достоверности доказательств, полученные в ходе их собирания, отнюдь не выступают «познанием содержания доказательств», а становятся предметом последующей проверки и оценки.

Нетрудно заметить, что подобный взгляд фактически нивелирует доказывание, отождествляет проверку доказательств с другими его элементами – собиранием и оценкой доказательств, т.е. растворяет ее в других составляющих доказывания. В целом само доказывание приобретает условную самостоятельность, утрачивает значение процессуального института.

Вторая проблема – неясность содержания самого термина «проверка доказательств». Суть проблемы в том, что уголовно-процессуальный закон оставляет открытым вопрос о цели и содержании проверки доказательств, ограничиваясь определением способов их проверки. Так, ст. 87 УПК РФ устанавливает, что проверка доказательств производится следователем, дознавателем, прокурором и су-

дом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. Однако в этой норме ничего не говорится о цели проверки доказательств.

Такую регламентацию можно было принять достаточной, если бы и другие элементы доказывания ограничивались способами проверки доказательств. Однако закон идет здесь по другому пути, обстоятельно регламентируя цели и содержание отдельных элементов доказывания. Так, глава 19 УПК РФ содержит требования о возбуждении уголовного дела, включающие в себя поводы к возбуждению дела, а также основания для начала производства в виде достаточных данных, указывающих на признаки преступления, а глава 20 детально регламентирует процедуру принятия решения о возбуждении уголовного дела. Не менее детально регламентировано содержание завершающего элемента доказывания – оценки доказательств. Из совокупности предписаний, содержащихся в ст. 17 УПК РФ (внутреннее убеждение как основа оценки доказательств) и в ст. 88 УПК РФ (о свойствах доказательств, устанавливаемых посредством их оценки), следует, что оценка доказательств – это мыслительная логическая деятельность субъектов доказывания, имеющая целью определить надежность доказательственной базы для принятия решения по делу.

Попытаемся с учетом вышесказанного определить назначение каждого из элементов процесса доказывания, обратив при этом внимание на сходство и различие их между собой.

Собирание доказательств. Здесь речь идет о формировании доказательств, т.е. преобразовании доказательственной информации, извлеченной субъектом доказывания из следов события, в новую, предусмотренную законом процессуальную форму, соответствующую ч. 2 ст. 74 УПК РФ, т.е. видам доказательств. Информация, полученная при этом относительно таких свойств доказательств, как относимость, допустимость и достоверность, носит вероятный, предположительный характер и подлежит уточнению в ходе дальнейшего доказывания.

Проверка доказательств представляет собой анализ уже полученного доказательства и первоначальных данных о его свойствах, состоящий в сборе дополнительных материалов, уточняющих его относимость, допустимость, достоверность, с использованием способов проверки, предусмотренных ст. 87 УПК РФ.

Оценка доказательств призвана синтезировать уже полученные данные о свойствах доказательств, пополнение их за счет дополнительно собранных доказательств и на основе внутреннего убеждения, принять завершающее решение о наличии (или отсутствии) доказательственной базы, способной послужить надежной основой для разрешения дела по существу.

Представляется, что дифференцированная оценка каждого элемента, образующего доказывание, поможет правильно определить его место в доказывании, устранить неясности и путаницу в определении его роли в доказывании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М. : Норма, 2013. 192 с.

EXAMINATION OF EVIDENCE IN THE SYSTEM OF PROVING

Semyon A. Sheyfer, Samara National Research University (Samara, Russian Federation). E-mail: miki170661@gmail.com

Keywords: proving, examination of evidence, content of evidence examination.

DOI: 10.17223/9785946216111/25

The RF Code of Criminal Procedure contains the aim of proving, observed in theoretical studies, that consists in establishing circumstances subject to proof and determines the structure of proving that includes the collection, examination and assessment of evidence.

However, modifications in the procedural legislation generated new research problems. One of them is the lack of clarity on the issue of the designation of the central element of proving: examination of evidence.

In recent years, the procedural science recognises the idea that originally evidence does not exist and cannot exist, because objectively the environment only bears traces left by the event that carry information about it. This is the basis for the concept of evidence formation. From this perspective, preliminary information on the relevance, admissibility and reliability of evidence obtained in the course of collecting evidence is not the “cognition of the content of evidence”, and is subject to subsequent examination and assessment. It is stated that this perspective virtually eliminates proving, identifies evidence examination with its other elements: collection and assessment of evidence. In general, proving itself becomes conditionally independent and loses its meaning of a procedural institute.

The second problem is the unclear content of the term “evidence examination”: the criminal procedure law leaves open the question of the purpose and content of evidence examination, and only determines ways to examine it.

The paper identifies the purpose of each element of proving, focusing on their similarities and differences.

Collection of evidence deals with the formation of evidence, i.e. transformation of the evidentiary information the subject of proof received from the traces of the event into a new statutory procedural form corresponding to Part 2 of Art. 74 of the RF Code of Criminal Procedure, that is to types of evidence. Information obtained on such properties of evidence as relevance, admissibility and reliability is probable, tentative and is subject to specification in further proving.

Examination of evidence is an analysis of the evidence already obtained and of the initial data on its properties. It is the collection of additional materials that specify its relevance, admissibility, reliability using examination methods provided for by Art. 87 of the RF Code of Criminal Procedure.

Assessment of evidence is intended to synthesise the already received information on the properties of the evidence, to extend it with additional evidence and, on the basis of inner conviction, to make a finalising decision on the presence (or absence) of the evidentiary basis that can be a reliable foundation for solving the case on the merits.

A conclusion is made that differentiated assessment of each element of proving will help to determine its place in proving, to eliminate ambiguity and confusion in the determination of their role in proving.

REFERENCES

1. Sheyfer, S.A. (2013). *Dosudebnoye proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiya sledstvennoy, sudebnoy i prokurorskoj vlasti* [The Russian pre-trial proceedings: stages of investigative, prosecutorial and judicial authorities]. Moscow: Norma.

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

DOI: 10.17223/9785946216111/26

И.Ю. Бондарева

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ С ПОДОЗРЕВАЕМЫМИ (ОБВИНЯЕМЫМИ) ДОСУДЕБНЫХ СОГЛАШЕНИЙ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Рассматривается практика расследования и судебного рассмотрения уголовных дел в случае заявления обвиняемым ходатайства о заключении с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, выявляются проблемы правоприменительной деятельности, не урегулированные уголовно-процессуальным законом, и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, особый порядок принятия судебного решения, выделение уголовного дела в отдельное производство.

С июня 2009 г. в российском уголовном процессе начал функционировать институт досудебного соглашения о сотрудничестве. В качестве основания для его внедрения правоприменителем было заявлено расширение возможностей влияния уголовного и уголовно-процессуального законодательства в противодействии организованной преступности, коррупции, расследовании деятельности преступных сообществ, члены которых, как правило, отказываются от дачи показаний о преступной деятельности соучастников и организаторов преступлений.

Активно применяются положения указанного института и на территории Томской области. Во исполнение приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 15.03.2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с

подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» аппаратом прокуратуры области ежегодно анализируется прокурорско-следственная практика применения сторонами обвинения и защиты законодательства о досудебном соглашении о сотрудничестве. Если в 2013–2014 гг. судами области рассмотрено 3 уголовных дела в отношении 3 лиц, по которым заключены досудебные соглашения о сотрудничестве, то в 2015 г. число таких уголовных делкратно возросло.

Проведенное обобщение показало, что в 2015 г. в органы прокуратуры области от подозреваемых и обвиняемых поступило 27 (здесь и далее за 12 месяцев 2014 г. – 26) ходатайств о заключении досудебных соглашений о сотрудничестве: 9 (6) ходатайств по уголовным делам, находящимся в производстве следователей следственных подразделений УМВД России по Томской области (далее – МВД); 15 (10) ходатайств по уголовным делам, находящимся в производстве следователей следственных подразделений УФСКН России по Томской области (далее – ФСКН); 3 (10) ходатайства по уголовным делам, находящимся в производстве следователей СУ СК России по Томской области (далее – СКР).

Анализ прокурорско-следственной практики свидетельствует о том, что ходатайства о заключении досудебных соглашений о сотрудничестве чаще всего заявлялись по уголовным делам о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотиков (15) и экономической деятельности (9).

Прокурорами отказано в удовлетворении лишь одного ходатайства (1): 03.04.2015 г. первым заместителем прокурора области отказано в удовлетворении ходатайств обвиняемого Б. и следователя МВД, поскольку необходимым условием применения судом положений главы 40.1 УПК РФ является согласие с предъявленным обвинением, что свидетельствует о желании сотрудничать с органами предварительного следствия, а из материалов дела следовало, что, будучи допрошенным в качестве обвиняемого, Б. вину в совершении инкриминируемых ему преступлений признал частично, от дачи показаний отказался, воспользовавшись ст. 51 Конституции РФ.

В четырех случаях досудебные соглашения о сотрудничестве прекращены по инициативе прокурора (следователя). К примеру, по уголовному делу следователя МВД, возбужденному по факту тайного хищения автомобиля, принадлежащего П., в ходе расследования уста-

новлено, что к совершению данного преступления причастен гр-н Л. В рамках уголовного дела соединены и расследовались иные уголовные дела по фактам хищения автотранспорта. В ноябре 2015 г. в прокуратуру Томской области поступило ходатайство следователя МВД о расторжении досудебного соглашения о сотрудничестве с обвиняемым Л. в связи с несоблюдением им условий и невыполнением обязательств, предусмотренных указанным соглашением.

При изучении материалов уголовного дела установлено, что, несмотря на длительный период времени (с июля 2014 по ноябрь 2015 г.), обвиняемый не выполнил ни одного взятого на себя обязательства, содействия в расследовании уголовного дела не оказывал, данные о лицах, совершивших преступления, не сообщал. Более того, представленные следователем материалы свидетельствовали о том, что Л. активно противодействовал следствию, отказывался давать показания по существу уголовного дела, участвовать в следственных действиях, давать образцы для сравнительного исследования. В связи с указанными обстоятельствами досудебное соглашение о сотрудничестве с Л. прокурором расторгнуто.

В одном случае расторгнуто досудебное соглашение не по инициативе органов расследования, а по инициативе обвиняемого. Несмотря на то что отказы уполномоченных должностных лиц в заключении с ними досудебных соглашений в порядке, установленном главой 40.1 УПК РФ, подозреваемыми и обвиняемыми в судебном порядке не обжаловались, жалобы на действия прокуроров и должностных лиц органов следствия при реализации ими указанных полномочий вышестоящему прокурору не поступали (0), практика активного применения института досудебного соглашения о сотрудничестве высветила ряд проблем, требующих решения, в том числе на законодательном уровне.

Условно эти проблемы можно разделить на две основные группы.

1. Проблемы, связанные с необходимостью (либо отсутствием необходимости) заключения нового досудебного соглашения о сотрудничестве при изменении обвинения на более тяжкое.

Законодателем не регламентирована процедура внесения изменений в текст ранее заключенного досудебного соглашения. С учетом этого практика внесения прокурорами изменений в тексты досудебных соглашений в случае предъявления обвинения, ухудшающего положение сотрудничающего со следствием лица, отсутствует не только на территории Томской области, но и в других регионах. Од-

нако в ряде субъектов РФ возникали проблемы с рассмотрением уголовных дел, поступивших с досудебными соглашениями о сотрудничестве, в случае расширения объема предъявленного обвинения после их заключения. К примеру, в Оренбургской области по поступившему в суд уголовному делу в отношении В., обвиняемой в покушении на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере в составе организованной преступной группы, судьей назначено проведение предварительного слушания в связи с наличием оснований для возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, так как ей было предъявлено обвинение в более тяжком составе преступления после заключения с ней досудебного соглашения о сотрудничестве. В ходе предварительного слушания В. заявила, что полностью согласна с предъявленным обвинением. Суд принял решение рассмотреть уголовное дело в общем порядке, положив в обоснование своей позиции то, что «законом прямо не предусмотрены возможность и процедура дополнения и изменения в ходе расследования уголовного дела ранее заключенного досудебного соглашения».

В практике уголовных дел, расследованных в Томской области, также имел место подобный случай, однако практика пошла по иному пути. Гр-ну В. на момент заключения досудебного соглашения предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 6 ст. 290, ч. 4 ст. 290 УК РФ. Впоследствии им даны признательные показания, выявлен новый эпизод преступной деятельности. В дальнейшем, оценив полученные доказательства по делу, следователем предъявлено обвинение по 3 эпизодам: ч. 6 ст. 290, ч. 4 ст. 290, п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, однако досудебное соглашение с обвиняемым не пересматривалось. Уголовное дело рассмотрено в особом порядке, судом апелляционной инстанции приговор суда первой инстанции оставлен без изменения.

О.Н. Тисен [1] полагает, что если исходить из того, что досудебное соглашение о сотрудничестве по своей правовой природе является договором между сторонами обвинения и защиты, изменение условий в сторону ухудшения положения одного из участников в одностороннем порядке будет противоречить его существу как добровольного юридически значимого решения, влекущего правовые последствия. В связи с этим представляется более правильным перезаключать досудебное соглашение. В случае отказа обвиняемого от изменения текста досудебного соглашения о сотрудничестве либо несогласия с но-

вым обвинением ранее заключенное соглашение подлежит расторжению, а выполненные на тот момент обвиняемым обязательства должны быть учтены судом в качестве смягчающих при назначении ему наказания. При этом заявление обвиняемым повторного ходатайства о заключении нового досудебного соглашения о сотрудничестве не требуется. Но это – лишь одна точка зрения, разделяемая не всеми. Другие авторы, например Р.А. Александров [2], считают, что в данном случае обвиняемому не остается ничего иного, как согласиться с предъявленным обвинением, чтобы уголовное дело было выделено в отдельное производство и рассмотрено в отношении данного лица отдельно от других участников (особенно если он опасается за свою жизнь и здоровье) и в целях назначения ему более мягкого наказания в точном соответствии с нормами УК РФ (ч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ).

Проблема возникла потому, что законодатель фактически смешал два разных института «делок с правосудием»: заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, целью которого для органов расследования является получение доказательств преступной деятельности иных участников преступления, и рассмотрение уголовных дел в порядке особого производства (где целью являются скорейшее окончание расследования, экономия процессуального времени как следователя, так и суда). Более того, механизм реализации изложенного выше законом не определен, в связи с чем, требуется внесение изменений в УПК РФ. В настоящее время представляется более правильным направлять уголовное дело в суд в случае согласия обвиняемого с новым обвинением для рассмотрения и назначения наказания по правилам ч. 2, 4 ст. 62 УК РФ, ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ, поскольку законодателем не предусмотрено оснований для отмены первоначального досудебного соглашения о сотрудничестве, тем более когда все его условия обвиняемым соблюдены.

2. Вторая проблема сводится к следующему. В случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу одним или несколькими лицами уголовные дела в отношении них выделяются в отдельное производство. Практика в Томской области пошла по пути выделения уголовных дел в отношении каждого участника отдельно. При этом в производстве следователя находится еще и уголовное дело в отношении лиц, не пошедших по пути заключения досудебных соглашений, не признающих вину и т.п. В случае направления в суд первоначально уголовных дел в отношении лиц, с которыми заключено досу-

дебное соглашение о сотрудничестве, судами выносятся приговоры без исследования в судебном заседании доказательств обвинения, при этом фактически устанавливаются обстоятельства совершения преступления, в том числе роль каждого из участников. Уголовное дело в отношении организатора, не признавшего вину, затем рассматривается в общем порядке. В данном случае велик риск судебной ошибки. В литературе большинство ученых склоняются к мысли рассматривать дела в отношении лиц, заключивших досудебные соглашения о сотрудничестве, после рассмотрения судами в общем порядке «основного» дела в отношении соучастников. Однако с учетом изучения уголовных дел, расследуемых поднадзорными органами в Томской области, можно с уверенностью сказать, что это невозможно.

С учетом категории уголовных дел, представляющих особую сложность, зачастую многоэпизодных, в рамках которых допрашивается значительный круг потерпевших и свидетелей, пока суд рассмотрит «основное дело», могут пройти многие месяцы. Легального основания для приостановления расследования по уголовным делам в отношении лиц, заключивших досудебные соглашения о сотрудничестве, нет, как нет и оснований месяцами расследовать уголовные дела. Указанные проблемы должны найти решение в правоприменительной практике, в том числе путем внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тисен Н. Заключение нового досудебного соглашения о сотрудничестве при изменении обвинения на более тяжкое // Уголовное право. 2015. № 4. С. 109–112.
2. Александров Р.А. Проблемы рассмотрения в особом порядке уголовных дел при заключенном досудебном соглашении о сотрудничестве, вызванные смешением различных институтов «сделок с правосудием» // Российский судья. 2015. № 6. С. 26–30.

ISSUES OF CRIMINAL PROCEDURE LAW APPLICATION IN THE EXERCISE OF THE PROSECUTOR'S POWERS WHEN CONCLUDING A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT WITH THE SUSPECT (THE ACCUSED)

Irina Yu. Bondareva, Department for Supervision over Criminal Procedural and Operative Investigative Activities of the Prosecutor's Office in Tomsk Oblast (Tomsk, Russian Federation). E-mail: procnadzor@sibmail.com

Keywords: pre-trial cooperation agreement, special order for adoption of judicial decision, single out criminal case into separate proceeding.

DOI: 10.17223/9785946216111/26

The institute of pre-trial cooperation agreement is actively used in Tomsk Oblast and, in general, in the Russian Federation. Still, its normative regulation does not include a number of problems that arise in practice. Analysis of the practice of the institute of pre-trial cooperation agreement in Tomsk Oblast, in comparison with similar practices in other regions of Russia, allowed the author to identify the following issues of the institute of pre-trial cooperation agreement requiring changes to the law.

1. In practice, there is often a need to cancel the previously concluded pre-trial cooperation agreement, either at the initiative of the accused, or at the initiative of the investigator, e.g., if the accused fails to fulfill obligations under the agreement. The need to terminate the concluded pre-trial cooperation agreements or to change it occurs when charges are modified to more serious. The law does not provide for changes to the text of the previously concluded pre-trial agreement and for the possibility to terminate it on this ground. Therefore, to get the benefits under the already concluded pre-trial agreement, the accused is forced to agree to the new charge. To correct this situation, the law should at least allow making changes to the pre-trial cooperation agreement or terminating it in case of modification of charges to more serious. An optimal solution is not to rigidly link the pre-trial cooperation agreement institute with the use of a special procedure for the adoption of a judicial decision.

2. When a pre-trial cooperation agreement in a criminal case is concluded by one or more persons, criminal cases against them are singled out in separate proceedings. Sentences in these cases are rendered in a specific order, without examination of evidence in court. These sentences contain information about the circumstances of the crime, including the role and degree of participation in the commission of a crime of other persons, whose cases will be considered in a general order. In this context, there is a risk of a miscarriage of justice. To avoid it, it is often proposed to consider cases against persons who have concluded a pre-trial cooperation agreement after hearing the main case in a general order. However, in practice such a proposal is unfeasible without amendments to the existing criminal procedure law.

REFERENCES

1. Tisen, O.N. (2015) Conclude a new pre-trial cooperation agreement in case of change of charges for more severe charges. *Ugolovnoye pravo = The Criminal Law*. no.4. pp. 109-112.
2. Aleksandrov, R.A. (2015) Problems of consideration in a special procedure of criminal cases in case of conclusion of the prejudicial agreement on cooperation induced by confusion of various institutes of "immunity agreements". *Rossiyskiy sud'ya = The Russian Judge*. no. 6. pp. 26-30.

А.А. Брестер, Н.С. Куклина

О НЕКОТОРЫХ ПРЕПЯТСТВИЯХ К ЗАЯВЛЕНИЮ ПРОКУРОРОМ ОТКАЗА ОТ ОБВИНЕНИЯ

Обоснована необходимость отказаться от института отказа прокурора от обвинения в том виде, в котором он существует сейчас. Авторы доказывают, что прокурор может отказаться от обвинения только в прениях. Он также должен иметь право заявить о нецелесообразности дальнейшего исследования материалов дела. В последнем случае, как и в случае отказа прокурора от обвинения, окончательное решение по делу должно остаться за судом, который примет его с учетом всех обстоятельств дела и позиции потерпевшего.

Ключевые слова: отказ прокурора от обвинения, публичная природа уголовного процесса, легитимация обвинительной деятельности прокурора.

Отказ прокурора от обвинения (особенно от обвинения в полном объеме) – крайне редкое явление для сферы правоприменения. Для примера, согласно официальным данным, предоставленным Прокуратурой Красноярского края, за 2012–2013 гг. в регионе имело место 3 полных отказа прокурора от обвинения. Частичных отказов по наиболее тяжкому преступлению за аналогичный период 5, по менее тяжкому – 37 [1]. Естественно, это в тысячи раз ниже, чем общее количество уголовных дел, рассмотренных в суде в указанном регионе, и вынесенных приговоров, в том числе оправдательных [2].

То, как регулируется и применяется данное полномочие, очень характерно показывает концептуальную неполноценность российского уголовного процесса, расположившегося на распутье между мифической состязательностью и своей публичной, следственной природой. Наиболее полное описание того, как именно регулирование отказа прокурора от обвинения демонстрирует неопределённость российского уголовного процесса, мы найдем в статье Л.В. Головки «Институты отказа прокурора от обвинения и изменения обвинения в суде: постсоветские перспективы в условиях теоретических заблуждений» [3]. Собственно, данный текст можно рассматривать как некоторое дополнение к этой статье.

Л.В. Головки подходит к анализу института отказа прокурора от обвинения через вопрос легитимации обвинительной деятельности

прокурора со стороны общества. В сравнительно-правовом смысле выделяются две модели такой легитимации – политическая (на примере США) и юридическая (континентальная Европа). Так, в США право прокурора отказаться от обвинения легитимируется через прямое или косвенное избрание прокуроров населением (политический элемент) и отсутствие в процессе потерпевшего (процессуальный элемент). Это позволяет прокурору, выступающему от имени общества и находящемуся под его контролем, легитимно отказываться от обвинения, что не наносит вреда интересам потерпевшего (он не самостоятельная процессуальная фигура, а один из избирателей) и позволяет суду столь же легитимно выглядеть «пассивным арбитром», не вмешиваясь в прокурорское решение и не контролируя его [3. С. 50, 55].

В континентальной Европе суд обязан рассмотреть по существу любой уголовный иск, предъявленный прокурором в суд от имени общества, а из этого, в свою очередь, вытекает, что прокурор просто-напросто не вправе отказываться от обвинения – такого полномочия у него нет. Прокурор действует в уголовном процессе на основании некоей условной доверенности, выданной ему обществом. Общество доверило ему право предъявлять от своего имени иски к лицам, нарушившим уголовный закон, но не доверило права отказываться от этих исков. Именно наличие такой условной доверенности и является континентальной юридической конструкцией, легитимирующей в уголовном процессе деятельность прокурора и не позволяющей ей превратиться в произвол, волюнтаризм, «вкусовщину» и т.д. [3. С. 50, 57–58].

По мнению Л.В. Головки, «действующий УПК РФ *mutatis mutadis* воспроизводит американский подход, в соответствии с которым прокурор вправе отказаться от обвинения, что обязывает суд прекратить уголовное дело в связи с отсутствием спора между сторонами. При этом, в отличие от США, российский уголовный процесс не создавал и не создает для такого подхода благоприятного “правового климата”, поскольку, во-первых, в России нет политической ответственности прокуроров перед избирателями, что сразу ставит вопрос о легитимности их решений об отказе от уголовного преследования, а во-вторых, российская уголовно-процессуальная модель построена на широких полномочиях потерпевшего выступать в процессе в качестве активного участника уголовного судопроизводства» [3. С. 60].

Итак, решение вопроса об отказе прокурора от обвинения в России с позиции легитимации деятельности прокурора демонстрирует всю

странность существующего положения вещей, когда политически неответственный прокурор при самостоятельной фигуре потерпевшего и без согласования с ним отказывается от обвинения и суд не может далее продолжать рассмотрение дела. Забегая вперед скажем, что сама абсурдность такой ситуации преодолена старым методом – бюрократическими механизмами согласования. До чего дошли эти согласования, мы также продемонстрируем. А пока остановимся на другой стороне деятельности прокурора – на его надзорной и познавательной деятельности в суде. С этих позиций существующий механизм отказа прокурора от обвинения также выглядит нелепо.

Первый вопрос, который мы поставим, звучит так: есть ли у прокурора обвинение, чтобы от него отказываться? Если подходить строго формально – да. Он назван в законе обвинителем, поддерживает обвинение. Но чтобы поддерживать обвинительный тезис, нужно быть убежденным в его правильности. Убежден ли прокурор в виновности лица и установленности всех необходимых обстоятельств, когда идёт в суд? Нет, у него убеждения и не может быть. Мы говорим не об эмоциональном убеждении, или уверенности, а о внутреннем убеждении, которое должно основываться на максимально рациональном компоненте. «Внутреннее убеждение по основным вопросам уголовного дела может быть сформировано только при реализации принципа непосредственности, который означает, что субъект уголовного процесса при рассмотрении уголовного дела должен сам исследовать доказательства по уголовному делу.

Исходя из смысла закона, можно сказать, что этот принцип в полном объеме должен быть реализован в рамках судебного разбирательства, именно от его реализации во многом зависят законность и обоснованность приговора. Это относится не только к судье, но и к прокурору» [4].

При утверждении обвинительного заключения нет основы для формирования у прокурора обвинительной позиции. Работая с ним, прокурор, безусловно, оценивает имеющиеся в деле доказательства и выясняет их относимость, допустимость и достаточность. Письменные материалы позволяют это сделать, но, основываясь на них, *нельзя сделать вывод о достоверности доказательств, так как последнее предполагает непосредственное исследование доказательств*, чего на данном этапе у него нет и быть не может [4].

Тогда какую функцию прокурор реализует в суде? Ту же, что и на предварительном следствии – надзора. Но надзирает он не за судом, а

за законностью. И он не может иначе оценить законность, кроме как непосредственно, совместно с другими участниками исследовать все доказательства. Действующий УПК РФ, закрепляя статус прокурора в ч. 2 ст. 37, определяет его как лицо, поддерживающее с самого начала судебного производства по уголовному делу государственное обвинение. Однако не любое обвинение, а только законное и обоснованное (ч. 3 ст. 37 УПК РФ). Другими словами, поддерживать незаконное обвинение прокурор не вправе. А понять, законно оно или нет, можно лишь непосредственно, а не по бумажкам изучив доказательства.

Именно поэтому отказа от обвинения как такового быть не может до того момента, когда судебное следствие не окончено. После же судебного следствия у прокурора есть все, чтобы сформировать обвинительный тезис. Свой, а не следователя. И поддержать его или наоборот – отказаться выступать с обвинительной речью. Безусловно, и до окончания судебного следствия может возникнуть убеждение в невиновности лица. К этой ситуации мы вернемся, а пока рассмотрим непосредственно сам отказ от обвинения.

То, что прокурор может отказаться от обвинения именно после судебного следствия и в рамках судебных прений, указано, по сути, нормативно. Речь о правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 08.12.2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ» в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан [5]. Конституционный Суд отметил, что вынесение судом решения, обусловленного позицией прокурора об отказе от государственного обвинения, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела, доказательств и заслушивания мнений участников судебного заседания. Аналогично п. 7 Приказа Генерального прокурора РФ от 25.12.2012 г. № 465 [6] закрепляет, что государственный обвинитель, руководствуясь законом и совестью, может отказаться от обвинения только после всестороннего исследования доказательств.

Таким образом, наши рассуждения о невозможности отказаться от обвинения до окончания судебного следствия подтверждаются и требованиями к практике реализации такого отказа. Исходя из представленного, возможности заявить отказ именно от обвинения до окончания судебного следствия не имеется. Мы, конечно, не исключаем, что основание указанной нормы приказа, например, совсем иное, нежели

у нас (невозможность обвинять в принципе до изучения всех доказательств), но механизм задается верный. Отметим, правда, что механизм этот задается не законом, но его толкованием Конституционным Судом и на уровне ведомственных приказов.

Заявление об отказе от обвинения в рамках прений полностью соответствует континентальной модели, о которой мы писали выше. Такое заявление не порождает проблему продолжать или не продолжать суду исследование доказательств (оно уже закончено), дает защите и потерпевшему возможность высказаться в прениях сообразно услышанному от прокурора.

И, конечно, мнение прокурора не должно прекращать немедленно судебный процесс. Ни с позиций легитимации деятельности прокурора, что было обосновано Л.В. Головкин, ни с позиции прокурора-исследователя, надзирающего за законностью в суде. Структура публичного процесса такова, что ответственность за расследование и вынесение решения в данный конкретный момент несет только один субъект: на предварительном расследовании это дознаватель или следователь, в судебном разбирательстве – суд. Именно от них зависит движение процесса, они несут за него ответственность, именно их решение является итоговым, и только они (с некоторыми оговорками) могут решать судьбу процесса окончательно.

Очень логичной нам кажется в этом смысле конструкция ст. 740 Устава уголовного судопроизводства: «Если прокурор находит оправдания подсудимого уважительными, то обязан, не поддерживая обвинительного акта, опровергнутого судебным следствием, заявить о том суду по совести». Статья эта располагается в главе 8, наименование которой не оставляет сомнений в моменте, когда прокурор может сделать такое заявление – «О заключительных прениях по судебному следствию». О том, что мнение прокурора должно повлечь прекращение дела или оправдательный приговор – ни слова.

Таким образом, если говорить об отказе именно от обвинения, то с учетом того, что обвинительный тезис как результат познавательной деятельности может появиться только после окончания судебного следствия, отказаться от него раньше нельзя. Что подтверждают и нормативные источники. Сам по себе такой отказ не должен обязывать суд выносить решение о прекращении дела или оправдательный приговор.

Однако мы уверены, что ситуация, которая делает нецелесообразным рассмотрение дела по существу, может возникнуть и раньше

окончания судебного следствия. Так, могут быть установлены обстоятельства, исключающие преступность деяния, определено, что лицо не достигло возраста уголовной ответственности, выяснена недопустимость ключевых доказательств [7. С. 8–9] и другие подобные обстоятельства. Продолжать в этом случае судебное следствие, обозревать оставшиеся тома уголовного дела, заслушивать свидетелей может быть уже нецелесообразно и вредно для обвиняемого, так как всё это время он находится «под судом», часто к нему применена мера пресечения, в том числе заключение под стражу и домашний арест как самые строгие. Немаловажен здесь и вопрос экономии сил и средств. Завершить необоснованный процесс в таком случае как можно быстрее – важная задача правоохранительной системы. И прокурор должен быть первым в этом желании.

Отказаться от обвинения, согласно нашим рассуждениям, он не может: обвинение у него ещё не сформировалось. Однако считаем, что прокурор обязан в том случае, когда в рамках судебного следствия не видит никакой возможности процессу завершится обвинительным приговором, заявить суду о нецелесообразности дальнейшего исследования материалов уголовного дела. По своей сути, это ходатайство о прекращении уголовного дела или вынесении оправдательного приговора без дальнейшего рассмотрения дела. Оно должно быть подробно мотивировано и обосновано. Прекращать дело должно в случае выявления реабилитирующих оснований, в остальных случаях судом должен выноситься оправдательный приговор.

Такое ходатайство может рассматриваться судом в общем порядке, немедленно, с заслушиванием мнения всех участников, при этом оно не является обязательным к удовлетворению (как сейчас), так как ответственным за вынесение решения все же остается суд. Естественно, отказ суда в удовлетворении просьбы прокурора не должен означать удаления последнего. Его функция – следить за законностью. И до тех пор, пока процесс продолжается, он обязан это делать. Хотя некоторые коллеги-процессуалисты предлагают передавать в этом случае обвинение потерпевшему с назначением ему адвоката и освобождением прокурора от участия в процессе [8, 9].

Отметим также, что и закон, и сложившаяся судебная практика допускают отказ прокурора от обвинения (в нашей терминологии – заявление о нецелесообразности дальнейшего исследования) и на этапе предварительного слушания. Что тоже вполне допустимо с пози-

ции теории с той лишь важнейшей оговоркой, что решение в итоге должен принимать суд.

Не обойдем стороной и вопрос о потерпевшем, чтобы наше представление о конструкции рассматриваемого института было более цельно. Не вдаваясь сейчас в полемику относительно статуса потерпевшего и его прав, обратим лишь, вслед за Л.В. Головкин, внимание на то, что при наличии решающего мнения потерпевшего в вопросе отказа от обвинения или дальнейшего исследования, само существование процесса полагается на то, есть ли потерпевший или нет и насколько он активен [3. С. 52]. В такой ситуации суд устранялся бы от оценки доводов потерпевшего, реализуя только его желание продолжать процесс, даже если сам суд согласен с нецелесообразностью этого.

Считаем, что мнение потерпевшего обязательно должно учитываться и особо разбираться в решении о прекращении судебного процесса. Но оно не должно подменять собой публичную обязанность государства вести законный и обоснованный процесс и препятствовать обратному.

Таким образом, прокурор в публичном уголовном процессе, помимо прочего (включая возможность поддержать обвинение), должен обладать двумя полномочиями: возможностью отказаться от поддержания обвинения и возможностью заявить о нецелесообразности дальнейшего исследования материалов дела. Причем первое полномочие может быть реализовано исключительно на этапе прений. И ни одно из указанных заявлений не должно влечь за собой безусловного его удовлетворения судом. Естественно, когда мы говорим о полномочии, то подразумеваем обязанность в силу специфики публичного права. Это же подтверждается и на ведомственном уровне. Так, в приказе Генпрокуратуры России указывается, что требование прокурора о постановлении обвинительного приговора при отсутствии доказательств виновности подсудимого расценивается государством как нарушение служебного долга. Обоснованный отказ прокурора от обвинения, напротив, свидетельствует о правильном понимании им своего долга [6].

Любые концептуальные противоречия в законе в нашей стране принято разрешать на ведомственном уровне. На том уровне, где закон «обрастает» новыми правами, обязанностями, процедурами и где зачастую на закон смотрят в последнюю очередь, ориентируясь на то, как он переписан в судебной практике, приказах и распоряжениях. Так произошло и с институтом отказа прокурора от обвинения. В условиях

отсутствия тех элементов легитимности прокурора, что есть в США (а именно американская модель отказа от обвинения, напомним, описана в УПК РФ), доверить судьбу всего уголовного процесса рядовому работнику прокуратуры, не учитывая мнение потерпевшего, являющегося в нашем процессе достаточно сильной фигурой, оказалось невозможным. И невозможность эта породила крайне бюрократическую процедуру, размывающую ответственность за принятие решения об отказе от обвинения среди нескольких должностных лиц. Кроме того, наличие такой процедуры должно недвусмысленно напоминать работнику прокуратуры, что думать об отказе от обвинения лучше не стоит.

Хотя на уровне уже упомянутого приказа Генеральной прокуратуры все выглядит ещё более или менее просто. В соответствии с п. 8 приказа, «государственному обвинителю в случае расхождения его позиции с позицией, выраженной в обвинительном заключении или обвинительном акте, незамедлительно докладывать об этом прокурору, поручившему поддерживать государственное обвинение, который должен принять исчерпывающие меры к обеспечению законности и обоснованности государственного обвинения. В случае согласия с позицией государственного обвинителя уведомлять об этом прокурора, утвердившего обвинительное заключение либо обвинительный акт. В случае принципиального несогласия с позицией государственного обвинителя в соответствии со ст. 246 УПК РФ своевременно решать вопрос о замене государственного обвинителя либо самому поддерживать государственное обвинение».

Уже это позволяет нам целиком и полностью согласиться с критикой Л.В. Головки: «О каких “внутреннем убеждении”, “непосредственном исследовании доказательств” и т.д. можно вести тогда речь, если обвинитель обязан согласовывать свою позицию с “начальником”, который не присутствует в зале суда, не слышит свидетелей и т.д.?» [З. С. 61]. Правда, оговоримся, ученый приводит эти аргументы наряду с невозможностью и отказаться при наличии в УПК РФ существующей конструкции отказа от обвинения хотя бы от такого контроля: «Мы вовсе не собираемся критиковать данный приказ Генеральной прокуратуры РФ (на момент подготовки статьи Л.В. Головки опирался на приказ Генпрокуратуры РФ от 20.11.2007 г. № 185 (ред. от 26.05.2008) “Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства”, утративший силу 25.12.2012 г. – *Авт.*), понимая его вынужденный характер. Не превращать же в самом деле госу-

дарственного обвинителя в лицо, “свободно” распоряжающееся обвинением без малейшего внешнего контроля со стороны общества, суда и т.д.! Когда уголовно-процессуальная система не дает внятного ответа на вопрос о “сдержках и противовесах” усмотрению государственного обвинителя в суде, а доктрина впадает в откровенную маниловщину, неизбежно возникают мелочные, бюрократические и внепроцессуальные формы контроля за представителем прокуратуры в суде, превращающие его в безликий “винтик”, полностью подчиненный “начальнику”, и убивающие сам институт государственного обвинения, по крайней мере его творческую составляющую» [З. С. 61].

Но ведомственные деформации на этом не заканчиваются. На уровне регионов существуют свои правила решения вопроса об отказе от обвинения. И вот уж где уровень бюрократизма и внепроцессуальности зашкаливает до, казалось бы, невозможных пределов. Проиллюстрируем сказанное на примере Красноярского края. Процедура согласования отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения подробно регламентирована приказом прокурора Красноярского края «Об организации работы прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» от 09.04.2013 г. (здесь и далее информация взята из информационного письма Прокуратуры Красноярского края от 23.04.2014 г. № 12-25-2014, полученного в ответ на запрос авторов).

Итак, допустим прокурор, поддерживающий государственное обвинение, пришел к выводу о необходимости отказа от него. Доложить о несогласии с выводами, отраженными в обвинительном заключении, прокурору, давшему поручение на поддержание обвинения, прокурор, участвующий в судебном заседании, должен посредством направления рапорта. Сделать это в ходе судебного заседания невозможно, в связи с чем прокурор должен заявить ходатайство об отложении судебного заседания в связи с необходимостью согласования позиции обвинения с вышестоящим прокурором.

Далее, согласно приказу прокурора Красноярского края государственный обвинитель и прокурор, поручивший поддержание обвинения, если они пришли к мнению о необходимости отказа, должны еще обеспечить согласование позиции об отказе от обвинения с уголовно-судебным управлением (отдел прокуратуры Красноярского края). Речь о случаях полного отказа от обвинения либо частично по наиболее тяжкому преступлению. Соответственно, готовится рапорт в этот отдел. Но и это ещё не всё.

При необходимости решения вопроса об обоснованности отказа от обвинения может быть созвано заседание межведомственной рабочей группы по контролю за соблюдением конституционных прав граждан, членами которого являются представители МВД или СК, прокуроры отдела государственного обвинения, отдела по надзору за процессуальной деятельностью органов СК и МВД. Таким образом, ведомственный акт прокуратуры субъекта добавляет еще два уровня согласования решения об отказе от обвинения (с уголовно-судебным управлением прокуратуры Красноярского края и в рамках межведомственной комиссии). То есть в принятии решения об одобрении отказа от обвинения участвуют те, кто (ведомственно) участвовал в расследовании уголовного дела и проведении оперативно-розыскных мероприятий. Это при том, что действующий УПК, хотя бы на бумаге, но выстроен так, чтобы работа следователя, дознавателя именно предвляла суд, а не заменяла его. Способна ли такая комиссия объективно решить вопрос о необходимости отказа от обвинения? Скорее нет. И статистика её заседаний косвенно это подтверждает.

По инициативе прокуроров, участвовавших на территории Красноярского края в рассмотрении уголовных дел в суде, за 2012–2013 гг. проведено не менее 36 таких заседаний, причем всего за этот период имело место 8 отказов прокурора от обвинения (как полных, так и частичных по наиболее тяжкому преступлению). То есть сначала возникли сомнения у прокурора в суде, затем у его непосредственного руководителя, затем у уголовно-судебного управления, и только межведомственная комиссия была способна их разрешить, причем более чем в 77 % случаев – отрицательно.

Одна небольшая часть статьи, одно полномочие (пусть и очень значимое), которое концептуально никак не вписывается в модель процесса, созданную этим же законом, чтобы не перечеркнуть весь остальной процесс, превращается в громоздкую межведомственную процедуру, итогом которой может быть решение обезличенной межведомственной комиссии, пусть и заявленное в суде конкретным прокурором. Такая процедура, естественно, одобряется и в среде прокурорских работников, которые расценивают ее как вполне обоснованную. Практически 79% опрошенных нами прокурорских работников считают процедуру согласования отказа от обвинения с вышестоящим прокурором обоснованной и необходимой. Процедура согласования, на их взгляд, позволяет избежать скоропалительных и необдуманных решений, является

своеобразным фильтром для отсеивания субъективных мнений (анкетный опрос проводился в 2014 г. среди работников органов прокуратуры Красноярского края, поддерживавших государственное обвинение в суде; всего были обработаны 52 анкеты).

По нашему мнению, фильтром, способным отсеять необоснованные суждения прокуроров, принимающих участие в рассмотрении уголовных дел, должен являться суд, который при разрешении ходатайства прокурора об отказе от обвинения (исследования) может, в том числе, отказать в его удовлетворении и, таким образом, предотвратить ошибочное или поспешное решение прокурора. При этом суд, вопреки позиции Конституционного Суда, высказанной еще до введения в действие нынешнего УПК РФ [10], не встает на сторону обвинения, он просто продолжает разбираться в том, что на самом деле произошло в прошлом.

Сказанное выше наглядно демонстрирует, как положения закона, которые не согласованы ни с другими положениями, ни с началом уголовного процесса (в нашем случае с публичным), создают некоторый «параллельный мир», в котором происходит попытка хоть как-то согласовать закон и реальность, но попытка эта скрыта, а это значит, что контролировать происходящее, реагировать на него не может ни участник процесса, ни исследователь. В сфере уголовного процесса, где более всего ограничиваются конституционные права и меняется жизнь граждан и их близких, создание таких параллельных систем недопустимо. Надо стремиться к максимальной согласованности между тремя сферами процесса – некоторой идеальной его моделью, тем, как он описан в законе, и ведомственной практикой. Пока же многое отдано на откуп последней сфере, причем иногда уже за рамками уголовно-процессуального закона.

И в этом смысле приведенные в этой и других статьях аргументы свидетельствуют только о том, что мы должны отказаться от института отказа прокурором от обвинения в том виде, в котором он сейчас существует. Прокурор может фактически отказаться от обвинения в прениях, но суд вынесет решение самостоятельно. Прокурор может заявить о нецелесообразности дальнейшего исследования материалов дела, но суд сам принимает решение о том, продолжать судебное разбирательство или нет. Это позволяет и прокурору быть свободнее в своей позиции, не брать на себя не свойственную ему ответствен-

ность за судьбу процесса, и потерпевшему оставляет шанс реализовать свои права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационное письмо Прокуратуры Красноярского края от 23.04.2014 № 12-25-2014.
2. Итоги работы районных (городских) судов Красноярского края за 12 мес. 2013 г. URL: <http://usd.krk.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=36>
3. Головки Л.В. Институты отказа прокурора от обвинения и изменения обвинения в суде: постсоветские перспективы в условиях теоретических заблуждений // Государство и право. 2012. № 2. С. 50–67.
4. Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса. СПб. : Юридический центр Пресс, 2009. 420 с.
5. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.
6. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генпрокуратуры России от 25.12.2012 № 465 (документ опубликован не был).
7. Колпашникова В.М. Теоретические и практические вопросы участия государственного обвинителя в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 21 с.
8. Жумаканова Н.А. Отказ прокурора от обвинения: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 27 с.
9. Михайлов А.А. Изменение прокурором обвинения и отказ прокурора от обвинения в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2008. 28 с.
10. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно – процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород : постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 17. Ст. 2205.

SOME OBSTACLES TO THE PROSECUTOR'S REQUEST TO DROP CHARGES

Aleksandr A. Brester, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation).
E-mail: russ28@yandex.ru

Natalia S. Kuklina, First Krasnoyarsk Regional Bar Association (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: xxnatakkaxx@yandex.ru

Keywords: prosecutor's withdrawal of charges, public nature of criminal procedure, legitimation of prosecutor's prosecutorial activities.

DOI: 10.17223/9785946216111/27

The paper analyses the reasons for the extremely rare use by the public prosecutor of the right to drop charges. For this purpose, the authors studied the normative consolidation of this institute both in law and in the departmental regulations, checked its compliance with the domestic doctrine of criminal procedure, compared it with the doctrine of criminal proceedings of countries with continental and Anglo-Saxon legal systems, determined its correlation with the legal positions of the RF Constitutional Court, studied law enforcement practice in situations when the prosecutor in court makes a decision to drop charges, surveyed prosecutors to learn their opinions on the appropriateness of the existing order of the public prosecutor's activities.

The prosecutor in court performs the function of supervision over legality rather than the prosecution function. The indictment thesis is formed only by the results of the court investigation. Therefore, the prosecutor can support or drop charges during the debate. The prosecutor's withdrawal of charges is not binding for the court. At the same time, the prosecutor can come to a conclusion about the impossibility of a guilty verdict earlier, in the course of the trial. In this case, the prosecutor should have the right to inform the court about the inexpedience of further investigation of the criminal case. The court must review such a request in a general order, hear the views of all the participants, and is not obliged to meet it. The proposed structure of the institute of the prosecutor's withdrawal of charges will comply with the public nature of the domestic criminal procedure, take into account the lack of legitimacy in the Russian procedure of the prosecutor's decision to drop charges, follow the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Practice is trying to compensate the conceptual shortcomings of the legal regulation of the prosecutor's withdrawal of charges by establishing departmental control over the activities of the prosecutor. Analysis of departmental regulations and their application leads to a conclusion that in the present circumstances the prosecutor's decision to drop charges in practice transforms from a product of the personal conviction of a particular person involved in the investigation of evidence of the case into a decision of an inter-departmental commission, that takes into account the interests of the investigation, a decision made on the basis of a laborious procedure. This is unacceptable: the only filter that can exclude the unfounded judgments of prosecutors involved in criminal proceedings is the court.

REFERENCES

1. Krasnoyarsk Prosecutor's Office. (2014) *Informatsionnoye pis'mo Prokuratury Krasnoyarskogo kraya ot 23.04.2014 g. № 12–25–2014* [Information letter of the Krasnoyarsk Prosecutor's Office 23.04.2014, № 12-25-2014].
2. *Itogi raboty rayonnykh (gorodskikh) sudov Krasnoyarskogo kraya za 12 mes. 2013 g.* [Results of activity of the Krasnoyarsk district (city) courts for 12 months. 2013]. [Online]. Available from: <http://usd.kr.k.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=36>

3. Golovko, L.V. (2012) The institutes of waiver of accusation and change of accusation in court: the post-Soviet perspectives in conditions of theoretical errors. *Gosudarstvo i pravo = The State and Law*. no. 2. pp. 50-67. (In Russian).
4. Barabash A.S. (2009) *Publichnoye nachalo rossiyskogo ugolovnogo protsessa* [The principle of publicity of Russian criminal procedure]. SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press.
5. Russian Federation. (2003) *Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy statey 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 i 408, a takzhe glav 35 i 39 Ugolovno–protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosami sudov obshchey yurisdiktsii i zhalobami grazhdan: Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 08.12.2003 № 18–P* [On the case on the constitutionality of the provisions of Articles 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 and 408, Chapters 35 and 39 of the Code of the Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with requests of courts of general jurisdiction and complaints of citizens: The Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 08.12.2003 number 18-P]. *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Code of Laws of the Russian Federation]. 51. Art. 5026.
6. Russian Federation. (2012) *Ob uchastii prokurorov v sudebnykh stadiyakh ugolovno sudoproizvodstva: Prikaz Genprokuratury Rossii ot 25.12.2012 g. № 465* [On the Participation of the prosecutor in judicial stages of criminal proceedings: the Decree of the General Prosecutor of the Russian Federation of 25.12.2012, the number 465].
7. Kolpashnikova, V.M. (2006) *Teoreticheskiye i prakticheskiye voprosy uchastiya gosudarstvennogo obvinitelya v sude pervoy instantsii* [Theoretical and practical issues of participation of the public prosecutor in the court of the first instance]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
8. Zhumakanova, N.A. (2015) *Otkaz prokurora ot obvineniya: voprosy teorii i praktik*. [The waiver of accusation: theory and practice issues]. Abstract of Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
9. Mikhaylov, A.A. (2008) *Izmeneniye prokurorom obvineniya i otkaz prokurora ot obvineniya v sude pervoy instantsii* [The changing of accusation and waiver of accusation in the court of the first instance]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
10. Russian Federation. (1999) *Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy punktov 1 i 3 chasti pervoy stat'i 232, chasti chetvertoy stat'i 248 i chasti pervoy stat'i 258 Ugolovno – protsessual'nogo kodeksa RSFSR v svyazi s zaprosami Irkutskogo rayonnogo suda Irkutskoy oblasti i Sovetskogo rayonnogo suda goroda Nizhniy Novgorod: Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 20.04.1999 № 7–P* [On the case on the constitutionality of the provisions of items 1 and 3 of Article 232, Part 4 of Article 248 and part 1 of Article 258 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in connection with the requests of the Irkutsk district court of the Irkutsk region and the Soviet district court of Nizhny Novgorod: The Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.04.1999 number 7-P]. *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Code of Laws of the Russian Federation]. 17. Art. 2205.

Н.А. Дудко

О КОЛИЧЕСТВЕННОМ СОСТАВЕ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Обосновывается, что 12 присяжных – отнюдь не случайное число: оно наиболее оптимально в целях создания необходимого психологического климата для принятия наиболее разумного решения и избежания ошибок. Сокращение количества присяжных допустимо, но не слишком желательно. Недопустимым было бы ликвидировать положения УПК РФ, закрепляющие разграничение полномочий судьи и присяжных, порядок совещания и вынесения присяжными вердикта, обязательность вердикта присяжных заседателей для председательствующего.

Ключевые слова: суд присяжных, присяжные заседатели, разграничение полномочий судьи и присяжных заседателей.

Проблема состава суда при рассмотрении уголовного дела – одна из тех, которые привлекают особое внимание практиков и ученых-процессуалистов. Объясняется это общим стремлением найти оптимальный вариант состава суда, при котором вероятность судебных ошибок была бы минимальной. Прежде всего это касается коллегиального состава суда присяжных.

Суд присяжных по Уставам уголовного судопроизводства 1864 г. [1. С. 178, 184] состоял из 3 профессиональных судей (ст. 595) и 12 комплектных присяжных заседателей (ст. 658). В судах многих стран англосаксонского права предусмотрено такое же количество присяжных заседателей. В европейских странах действуют разнообразные составы суда присяжных [2. С. 11]: Бельгия – 3 судьи и 12 присяжных; Франция – 3 судьи и 9 присяжных; Испания – 1 судья, 9 комплектных и 2 запасных заседателя; Австрия – 3 судьи и 8 заседателей; Норвегия – 3 судьи и 10 присяжных. УПК Республики Казахстан предусматривает рассмотрение уголовных дел судом присяжных в составе 1 судьи и 10 присяжных заседателей (ст. 52) [3]. По УПК Украины уголовное производство в суде первой инстанции может осуществляться судом присяжных в составе 2 профессиональных судей и 3 присяжных (ст. 31) [4].

Современный российский суд присяжных действует в составе 1 судьи федерального суда общей юрисдикции и коллегии из 12 при-

присяжных заседателей (ст. 30 УПК РФ). В публикациях исследователей суда присяжных обсуждались различные предложения по совершенствованию количественного состава российского суда присяжных: увеличить количество профессиональных судей [2. С. 12], сократить количество присяжных заседателей [5, 6], увеличить количество запасных присяжных заседателей [7, 8]. Законодатель признал обоснованным только предложение об увеличении количества запасных присяжных заседателей и закрепил в ч. 18 ст. 328 УПК РФ, что с учетом характера и сложности уголовного дела по решению председательствующего может быть избрано большее количество запасных присяжных заседателей (больше 2 запасных присяжных).

В 2015 г. дискуссия о количественном составе коллегии присяжных заседателей активизировалась в связи с тем, что вопрос о необходимости совершенствования суда присяжных обсуждался на встрече Президента РФ с членами Совета по развитию гражданского общества и правам человека, уполномоченными по правам человека, по правам ребенка и по защите прав предпринимателей, состоявшейся 5 декабря 2014 г. [9], а также был включен в Послание Президента Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г. [10].

Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека разработал проект федерального закона «Об обеспечении права граждан Российской Федерации на участие в отправлении правосудия» [11], который не предусматривает сокращение коллегии присяжных заседателей. Противоположной является позиция Верховного Суда РФ: сократить число присяжных заседателей с 12 до 7. По мнению заместителя Председателя Верховного Суда РФ В. Давыдова, «можно восемь, семь, шесть, пять, главное – сократить для того, чтобы у судов была возможность в разумные сроки сформировать коллегию присяжных» [12]. На вопрос о том, сколько присяжных заседателей должно быть в составе суда присяжных, нет однозначного ответа. Например, психологи считают, что «традиционный» состав сложился не случайно: 12 присяжных – наиболее оптимальный состав жюри, способный создать необходимый психологический климат для принятия наиболее разумного решения и избежания ошибок [2. С. 11–12; 13]. Верховный суд США в 1970 г. принял решение по делу «Williams v. Florida», в котором охарактеризовал состав жюри из 12 присяжных как историческую случайность [14]. Вряд ли это обоснованный вывод. Коллегия из 12 при-

сяжных заседателей – в большей мере историческая закономерность, чем историческая случайность. Сведения о суде из 12 присяжных есть в нормативных документах VII–XI вв. стран Европы и Англии. Русская Правда в краткой редакции 1072 г. также предусматривала суд двенадцати: «если кто будет взыскивать с другого деньги, а тот станет отказываться, то идти ему на суд 12 человек» (п. 14) [15].

Количественный состав коллегии присяжных заседателей может быть сокращен. Это не принципиально для существования суда присяжных. Более существенное значение имеет основное отличие института суда присяжных, которое выражается в полномочиях коллегии присяжных заседателей. Считаем, что необходимо сохранить положения УПК РФ, закрепляющие разграничение полномочий судьи и присяжных заседателей (ст. 334), порядок совещания и вынесения присяжными вердикта (ст. 341–343), обязательность вердикта присяжных заседателей для председательствующего (ст. 348).

При внесении соответствующих изменений в УПК РФ должно быть учтено Послание Президента Федеральному Собранию: «Можно подумать о сокращении числа присяжных до пяти-семи человек, при этом обязательно сохранить полную автономию и самостоятельность присяжных при принятии решений» [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Устав уголовного судопроизводства, утвержденный 20 ноября 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков. М. : Юрид. лит., 1991. Т. 8 : Судебная реформа.
2. Воскресенский В., Конышева Л. Количество склонно переходить в качество // Российская юстиция. 1996. № 12. С. 11–12.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231–V ЗПК. URL: <http://medialaw.asia/posts/10-07-2014/83305.html>
4. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651–VI. URL: <http://continent-online.com>
5. Шурыгин А.П. За пять лет суд присяжных дошел до девяти регионов // Российская юстиция. 1998. № 12.
6. Добровольская С. Суд присяжных – центральное звено или исключительная форма // Российская юстиция. 1995. № 6. С. 21–22.
7. Степалин В. Судебный марафон с препятствиями // Российская юстиция. 1998. № 3. С. 7–9.
8. Марасанова С.В. Суд присяжных состоялся // Российская юстиция. 1998. № 12.
9. Стенограмма встречи Президента РФ с федеральными и региональными омбудсменами // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://news.kremlin.ru>

10. Послание Президента Федеральному Собранию (3 декабря 2015 г.) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://news.kremlin.ru>
11. Об обеспечении права граждан Российской Федерации на участие в отправлении правосудия : проект федерального закона. URL: <http://president-sovet.ru/documents>
12. Заместитель председателя Верховного Суда Российской Федерации Владимир Давыдов ответил на вопросы журнала «Огонек». URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2769317>
13. Бобров М. И законность, и справедливость // Советская юстиция. 1993. № 5.
14. Коломенская С. Состав и численность коллегии присяжных заседателей в США // Российская юстиция. 2007. № 9.
15. Русская правда в краткой редакции // Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века / пер. М.Н. Тихомирова. М., 1960. С. 202–205. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1000dok/pravda72.php>

ON THE NUMBER OF MEMBERS OF THE JURY

Nina A. Dudko, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: Dudko-NA@yandex.ru

Keywords: jury trial, jury, separation of powers of judge and jury.

DOI: 10.17223/9785946216111/28

The paper analyses proposals for changes in the Russian legislation concerning the composition and activities of the jury. The author proceeds from the need to ensure the optimal variant of the composition of the court that would minimise miscarriages of justice.

The author analyses the legislation of different states on the composition of the jury, and comes to a conclusion that, although the number of professional judges and the number of jury members of the jury is different in different states, 12 jurors is not a random number. It is the most optimal in order to create the necessary psychological climate for making the most rational decisions and avoiding mistakes.

At the same time, the paper proves that the number of members of the jury can be reduced. This is not desirable, yet not essential to the existence of a jury. More essential is the main distinctive feature of the jury trial institute which is reflected in the powers of the jury. It is grounded that the autonomy of the jury should be preserved. Thus, it is necessary to leave the provisions of the RF Code of Criminal Procedure that enshrine the separation of powers of the judge and the jury (Art. 334), the procedure of negotiating and making the jury verdict (Articles 341–343), obligatoriness of the jury verdict for the presiding officer (Art. 348) unchanged.

REFERENCES

1. *Ustav ugovnogo sudoproizvodstva, utverzhdenyy 20 noyabrya 1864 g.* [The Chapter of Criminal Procedure, approved November 20, 1864]. *Rossiyskoye za-*

- konodatel'stvo X–XX vekov. T. 8. Sudebnaya reforma* [Russian legislation of the 10th-20th centuries]. Vol. 8: The judicial reform, Moscow: Yurid. lit.
2. Voskresenskiy, V., Konysheva, L. (1996) The number tends to move in the quality. *Rossiyskaya yustitsiya = The Russian Justice*. no. 12. pp. 11-12. (In Russian).
 3. The Kazakhstan Republic. (2014) *Ugolovno–protsessual'nyy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 4 iyulya 2014 goda № 231–V ZRK* [The Code of Criminal Procedure of the Kazakhstan Republic of 04.07.2014. 231–V 3PK]. [Online]. Available from: <http://medialaw.asia/posts/10–07–2014/83305.html>.
 4. Ukraine. (2012) *Ugolovnyy protsessual'nyy kodeks Ukrainy ot 13 aprelya 2012 goda № 4651–VI* [The Code of Criminal Procedure of Ukraine of 13.04.2012. 4651–VI]. [Online]. Available from: <http://continent–online.com>.
 5. Shurygin, A.P. (1998) The jury came to the nine regions in five years. *Rossiyskaya yustitsiya = The Russian Justice*. no. 12. (In Russian).
 6. Dobrovol'skaya, S. (1995) The jury is the central link or exclusive form. *Rossiyskaya yustitsiya = The Russian Justice*. no. 6. pp. 21-22. (In Russian).
 7. Stepalin, B. (1998) The Judicial marathon with obstacles. *Rossiyskaya yustitsiya = The Russian Justice*. no. 3. pp. 7-9. (In Russian).
 8. Marasanova, S.V. (1998) The jury came off. *Rossiyskaya yustitsiya = The Russian Justice*. no. 12. (In Russian).
 9. *Stenogramma vstrechi Prezidenta RF s federal'nymi i regional'nymi ombudsmenami* [The Verbatim of meeting of the Russian President and federal and regional ombudsmen]. [Online]. Available from: <http://news.kremlin.ru>.
 10. *Poslaniye Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu (3 dekabrya 2015 g.)* [The President's message to the Federal Assembly (December 3, 2015)]. [Online]. Available from: <http://news.kremlin.ru>.
 11. *Proyekt Federal'nogo zakona "Ob obespechenii prava grazhdan Rossiyskoy Federatsii na uchastiye v otpravlenii pravosudiya"* [The Draft of Federal Law "On the ensuring of right of citizens of the Russian Federation to participate in the justicing"]. [Online]. Available from: <http://president–sovet.ru/documents>.
 12. *Zamestitel' predsedatelya Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii Vladimir Davydov otvetil na voprosy zhurnala «Ogonek»* [The Deputy Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation Vladimir Davydov answered the questions of the magazine "Ogonyok"]. [Online]. Available from: <http://www.kommersant.ru/doc/2769317>.
 13. Bobrov, M. I. (1993) The legality and justice. *Sovetskaya yustitsiya = The Soviet justice*. no. 5. (In Russian).
 14. Kolomenskaya, S. (2007) The jury panel in USA. *Rossiyskaya yustitsiya = The Russian Justice*. no. 9. (In Russian).
 15. *Russkaya pravda v kratkoy redaktsii [Russkaya pravda in a brief]. Khrestomatiya po istorii SSSR s drevneyshikh vremen do kontsa XV veka* [The Reader on the history of the USSR from ancient times to the end of the XV century]. Translated by: M.N. Tikhomirov. Moscow. [Online]. Available from: <http://www.hrono.ru/dokum/1000dok/pravda72.php>.

А.В. Ивлева

СООТНОШЕНИЕ ОСНОВАНИЙ ОТМЕНЫ ИЛИ ИЗМЕНЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ СУДАМИ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ И КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Анализируются различия в полномочиях суда апелляционной и кассационной инстанций, практика их реализации соответствующими судами; делается вывод, что закон недостаточно конкретно обозначает фундаментальные нарушения закона (искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия), которые могут стать основанием для поворота к худшему при пересмотре судебного решения в кассационном порядке.

Ключевые слова: апелляционная инстанция, кассационная инстанция, основания отмены или изменения судебных решений.

Как указано в Постановлении Пленума ВС РФ, производство в суде кассационной инстанции, являясь важной гарантией законности судебных решений по уголовным делам и реализации конституционного права граждан на судебную защиту, предназначено для выявления и устранения допущенных органами предварительного расследования или судом в ходе предшествующего разбирательства дела существенных нарушений уголовного закона (неправильного его применения) и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела, и нарушений, искажающих саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

Круг оснований для отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке ввиду существенного нарушения уголовного закона (неправильного его применения) и (или) уголовно-процессуального закона в отличие от производства в апелляционной инстанции ограничен лишь такими нарушениями, которые повлияли на исход уголовного дела, т.е. на правильность его разрешения по существу, в частности на вывод о виновности, на юридическую оценку содеянного, назначение судом наказания или применение иных мер уголовно-правового характера и на решение по гражданскому иску. Согласно ст. 401.6 УПК РФ поворот к худшему при пе-

решение в кассационном порядке может иметь место, если в ходе судебного разбирательства были допущены нарушения, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

К числу нарушений уголовно-процессуального закона, искажающих саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, могут быть отнесены, в частности, нарушения, указанные в пп. 2, 8, 10, 11 ч. 2 ст. 389.17, ст. 389.25 УПК РФ, а также иные нарушения, которые лишили участников уголовного судопроизводства возможности осуществления гарантированных законом прав на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон либо существенно ограничили эти права, если такое лишение либо такие ограничения повлияли на законность приговора, определения или постановления суда. При этом законодателем вполне справедливо установлен ограничительный срок в один год для пересмотра в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено. Это является своеобразной гарантией стабильности приговора как акта правосудия.

Согласно ст. 389.15 УПК РФ основаниями отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке являются несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, существенное нарушение уголовно-процессуального закона, неправильное применение уголовного закона, несправедливость приговора. Если соотнести основания отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке, указанные в действующей редакции УПК РФ, с основаниями отмены или изменения судебных решений в кассационном порядке, действовавшими до 1 января 2013 г., можно прийти к выводу о том, что содержательно они почти полностью идентичны.

Согласно ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ основаниями для отмены или изменения судебного решения судом апелляционной инстанции являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повли-

ять на вынесение законного и обоснованного судебного решения. В ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ перечислены 11 безусловных оснований отмены или изменения судебного решения (непрекращение уголовного дела судом при наличии оснований, предусмотренных ст. 254 УПК РФ; вынесение судом решения незаконным составом суда или вынесение вердикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей, рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 и 5 ст. 247 УПК РФ; рассмотрение уголовного дела без участия защитника, если его участие является обязательным в соответствии с УПК РФ, или с иным нарушением права обвиняемого пользоваться помощью защитника и др.). При этом на практике к безусловным основаниям отмены или изменения судебного решения суды также относят следующие: осуществление одним адвокатом защиты двух и более подсудимых, интересы которых противоречат друг другу; осуществление одним адвокатом защиты подсудимого и оказание помощи свидетелю, интересы которых противоречат друг другу; оглашение показаний свидетеля, данных в ходе предварительного следствия, с нарушением требований ст. 281 УПК РФ и др.

При сравнении оснований отмены или изменения судебного решения при рассмотрении уголовного дела в кассационном и надзорном порядке с основаниями апелляционного обжалования можно отметить следующее. Если основаниями отмены или изменения судебного решения судом апелляционной инстанции являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного решения, то основаниями отмены или изменения судебного решения судами кассационной и надзорной инстанций являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела. То есть здесь подчеркивается то обстоятельство, что эти нарушения неизбежно повлияли на исход дела.

Не совсем ясным представляется содержание ст. 401.6 УПК РФ, предусматривающей возможность поворота к худшему при пересмотре судебных решений в кассационном порядке. Поворот к худшему возможен, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия. При этом в статье идет речь только о нарушениях, допущенных

в ходе судебного разбирательства, тогда как таковые могут быть и на досудебной стадии. Нет конкретизации относительно нарушений какого закона (уголовного и (или) уголовно-процессуального) в статье идет речь. Целесообразно было бы прямо указать это в ст. 401.6 УПК РФ. Нарушения закона, о которых идет речь в ст. 401.6 УПК РФ, принято именовать фундаментальными, то есть настолько значительными, что для их устранения закон допускает отмену вступившего в законную силу судебного акта даже тогда, когда это сопряжено с ухудшением положения осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено. При этом термин «фундаментальные» по отношению к нарушениям отсутствует. Конкретизация содержательной стороны ст.ст. 401.6, 401.15, 412.9 УПК РФ способствовала бы единообразному применению уголовно-процессуального закона, защите прав и законных интересов человека.

CORRELATION OF GROUNDS FOR CANCELLING OR MODIFYING JUDGMENTS ON CRIMINAL CASES BY COURTS OF APPEAL AND CASSATION

Asya V. Ivleva, Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: faua@rambler.ru

Keywords: court of appeal, court of cassation, grounds for cancelling or modifying judgements.

DOI: 10.17223/9785946216111/29

Introduction of the appeal instance for all criminal cases, with the preservation of the cassation (and within certain limits supervision) order of judgement review, has raised a topical question of the correlation of powers of courts of appeal and cassation. To answer this question, the correlation of the legal grounds for modifying or cancelling judgments by courts of appeal and cassation should be analysed.

The analysis shows that the grounds for modifying or cancelling judgments in the appeal order enshrined in the current edition of the RF Code of Criminal Procedure are almost completely identical to those in the cassation order, in effect prior to January 1, 2013.

Courts of cassation and supervisory instances have fewer grounds for cancelling or modifying judgments than courts of appeal. The grounds for cancelling or modifying judgments in courts of cassation, due to essential violations of the criminal law (misuse thereof) and (or) a serious breach of the criminal procedure law, unlike in courts of appeal, are limited to violations that affected the outcome of the criminal case, e.g., the guilty verdict, the legal assessment of the offence, the court's sentence, the application of other measures of criminal law, the decision in the civil suit.

The content of Art. 401.6 of the RF Code of Criminal Procedure, which provides an opportunity to turn for the worse in the revision of judgments in a cassation order, is not quite clear. Turn for the worse is possible if violations of the law were allowed during the trial that affected the outcome of the case. Such violations distort the very essence of justice and the meaning of the judgment as a judicial act. However, Art. 401.6 only mentions violations committed in the course of the trial, while they are possible at the pre-trial stage. It also does not specify the law (criminal and (or) criminal procedure) that violations concern. The law insufficiently lists the fundamental violations of the law (those distorting the very essence of justice and the meaning of the judgment as a judicial act) that can be a ground to turn for the worse in the revision of the judgment in a cassation order.

DOI: 10.17223/9785946216111/30

А.Г. Калугин

НОВОЕ ОСНОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ЗАКОНОПРОЕКТОМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализируется проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». Обосновывается, что данный законопроект сконструирован без учета сложившейся системы и логики материального и процессуального уголовного права, с пренебрежением элементарными правилами юридической техники.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности в связи с применением иных мер уголовно-правового характера, деятельное раскаяние, прекращение уголовного преследования.

11 декабря 2015 г. в Государственную Думу Верховным Судом Российской Федерации внесен проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» (проект № 953369-6).

Этим законопроектом предусматривается, в частности:

– введение в УК РФ нового основания освобождения от уголовной ответственности – в связи с применением иных мер уголовно-правового характера (ст. 76.2);

– определение перечня мер уголовно-правового характера, применяемых при освобождении от уголовной ответственности (путем введения в УК РФ главы 15.2);

– введение в УПК РФ нового основания прекращения уголовного преследования – в связи с применением иных мер уголовно-правового характера (ст. 28.2);

– установление порядка производства о применении мер уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности (путем введения в УПК РФ главы 51.1).

Даже беглое ознакомление с предложенными нововведениями приводит к выводу о том, что в указанной выше части законопроект сконструирован без учета сложившейся системы и логики материального и процессуального уголовного права, с пренебрежением элементарными правилами юридической техники.

В первую очередь следует отметить, что предлагаемое основание освобождения от уголовной ответственности представляет собой очередной частный случай деятельного раскаяния (как и введенная ранее в УК РФ ст. 76.1), поскольку речь идет о заглаживании лицом, впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести, причиненного преступлением вреда, возмещении нанесенного ущерба. Но в отличие от основания, предусмотренного общей нормой о деятельном раскаянии (ст. 75 УК РФ), в предлагаемой ст. 76.2 предусматривается не полное и окончательное освобождение от уголовной ответственности, а с применением к виновному лицу иных мер уголовно-правового характера. При этом обращает на себя внимание тот факт, что слово «иных» употреблено авторами законопроекта лишь в названии предлагаемых ст.ст. 76.2 УК и 28.2 УПК. В диспозициях этих норм и нигде далее в тексте законопроекта это слово более не используется. Тем не менее его присутствие наводит на мысль о том, что слово «иных» означает некое отличие предлагаемых мер от уже предусмотренных действующим законодательством мер уголовно-правового воздействия: наказания (глава 9 УК РФ), конфискации имущества (глава 15.1 УК РФ), принудительных мер медицинского характера (глава 15 УК РФ) и принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ).

Однако в предлагаемой авторами законопроекта ст. 104.4 УК РФ к иным мерам уголовно-правового характера отнесены виды наказаний, перечисленные в пп. «а», «б», «г», «д» ст. 44 УК РФ:

- штраф;
- лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;
- обязательные работы;
- исправительные работы.

При этом согласно законопроекту:

– при их применении учитываются ограничения, установленные ст.ст. 46, 47, 49 и 50 УК РФ для применения соответствующих видов наказаний (ч. 2 ст. 104.4 УК РФ);

– при определении срока и размера мер уголовно-правового характера применяются те же правила, что и при назначении, исчислении сроков и зачете наказаний, установленные ст.ст. 60, 61, 63 и 72 УК РФ (ст. 104.5 УК РФ);

– применяются меры уголовно-правового характера в большинстве случаев судом (п. 3.1 ч. 1 ст. 29 УПК РФ), лишь мера в виде штрафа может быть применена начальником органа дознания (ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ);

– обращение к исполнению названных выше мер уголовно-правового характера идентично порядку обращения к исполнению наказаний, предусмотренному главой 46 УПК РФ (ст. 446.6 УПК РФ).

Таким образом, по своей правовой природе, содержанию, наименованиям и порядку применения предлагаемые законопроектом «иные» меры уголовно-правового характера ничем не отличаются от одноименных видов наказаний. В результате размывается содержание базовых для отрасли уголовного права понятий «уголовная ответственность», «меры уголовно-правового характера», «освобождение от уголовной ответственности и наказания». На наш взгляд, налицо явное лукавство авторов законопроекта, ведь по существу законопроект создает механизм применения некоторых видов наказания к лицу, формально освобожденному от уголовной ответственности, без вынесения приговора и, соответственно, наступления такого правового последствия, как судимость. Впрочем, это пища для размышления для специалистов в области материального уголовного права.

Явными и очевидными являются следующие три различия:

– размер меры уголовно-правового характера не может превышать половину размера соответствующего (читай – одноименного) вида наказания (ст. 104.5 УК РФ);

– наказание назначается приговором суда лицу, признанному виновным в совершении преступления, а иные меры уголовно-правового характера применяются на основании отдельного постановления суда либо начальника органа дознания к лицу, в отношении которого вынесено постановление о прекращении уголовного преследования (ч. 1–5 ст. 446.4 УПК РФ);

– отмена наказания, назначенного приговором суда, возможна по решению вышестоящего суда в апелляционном, кассационном или надзорном порядке, а отмена меры уголовно-правового характера осуществляется в случае злостного уклонения от ее отбывания (опять же обратим внимание на примененный в законопроекте термин «отбывания», применяющийся только в отношении наказаний!) одновременно с отменой постановления о прекращении уголовного преследования тем же судом, который ее применил, либо прокурором, если меру уголовно-правового характера в виде штрафа применил начальник органа дознания (ст. 446.7 УПК РФ). Аналогичным образом отличается от наказания и порядок обжалования решения о применении мер уголовно-правового характера (ч. 8 ст. 446.4 УПК РФ).

Предлагаемый в законопроекте процессуальный порядок применения мер уголовно-правового характера вызывает сомнения по ряду причин.

1. Прекращение уголовного преследования в связи с применением иных мер уголовно-правового характера не допускается, если обвиняемый (подозреваемый) против этого возражает (соответствующее дополнение законопроект предлагает внести в ч. 2 ст. 27 УПК РФ). Поскольку, как уже было отмечено выше, основания (возмещение ущерба или заглаживание иного вреда, причиненного преступлением), условия и порядок прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ) и в применении иных мер уголовно-правового характера (предлагаемая ст. 28.2 УПК РФ) идентичны, у стороны защиты возникает возможность выбора между окончательным и безусловным прекращением уголовного преследования (без наступления каких-либо уголовно-правовых последствий) в связи с деятельным раскаянием и необходимостью подвергнуться иным мерам уголовно-правового характера, практически полностью

аналогичным наказанию (разница лишь в их размере и в отсутствии судимости). В пользу какого из двух конкурирующих оснований будет сделан этот выбор – вопрос риторический. Невольно возникает сомнение: не окажется ли при таких условиях новая норма мертворожденной, когда ее применение будет заблокировано самими же обвиняемыми (подозреваемыми) и их защитниками?

2. Излишне усложненным и несколько нелогичным представляется предлагаемый в ст.ст. 446.3 и 446.4 УПК РФ порядок производства по применению мер уголовно-правового характера в части, касающейся применения штрафа начальником органа дознания. В случае прекращения уголовного преследования по ст. 28.2 УПК РФ следователем алгоритм производства прост: следователь с согласия руководителя следственного органа прекращает уголовное преследование и направляет ходатайство о применении мер уголовно-правового характера в суд.

В случае прекращения уголовного преследования дознавателем, последний согласовывает это решение с прокурором, а ходатайство о применении мер уголовно-правового характера возбуждает перед начальником органа дознания. При этом прокурор проверяет все материалы уголовного дела, но согласовывает лишь постановление о прекращении уголовного преследования, после чего уголовное дело направляет начальнику органа дознания для рассмотрения ходатайства дознавателя о применении мер уголовно-правового характера. Далее уже начальник органа дознания определяет, какую из мер уголовно-правового характера применить. Если он выбирает штраф, то сам и выносит постановление о его применении; если же придет к выводу о необходимости применения к освобожденному от уголовной ответственности лицу более строгих мер уголовно-правового характера, то отказывает в удовлетворении ходатайства дознавателя и направляет это ходатайство в суд.

Возникает сразу несколько вопросов:

– Насколько целесообразно наделение начальника органа дознания правом применять меру уголовно-правового характера?

– Как соотносится это полномочие с принципами презумпции невиновности и осуществления правосудия только судом с учетом высказанных ранее замечаний относительно правовой природы применения «иных мер уголовно-правового характера»?

– Какой коррупционный потенциал заложен в предлагаемый законопроект процессуальный порядок?

С учетом высказанных выше замечаний представляется, что данный законопроект должен подвергнуться основательному анализу представителями как уголовно-правовой, так и уголовно-процессуальной науки и получить принципиальную оценку.

NEW GROUNDS FOR TERMINATION OF PROSECUTION: REFLECTIONS ON THE DRAFT LAW OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Aleksey G. Kalugin, Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: alexei_kalugin@mail.ru

Keywords: exemption from criminal liability in connection with use of other measures of criminal law, active repentance, termination of criminal prosecution.

DOI: 10.17223/9785946216111/30

The paper analyses the draft federal law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the Improvement of the Grounds and Order of Exemption from Criminal Liability”. The author shows that the draft law is designed without taking into account the current system and the logic of substantive and procedural criminal law, with disregard of the elementary rules of legal techniques. In particular, the draft law proposes a ground for exemption from criminal liability that is a form of active repentance. But in contrast to the ground provided for by the general rule on active repentance (Art. 75 of the RF Criminal Code), the proposed Art. 76.2 does not provide a complete and final exemption from criminal liability, “other measures of criminal law” (criminal penalties provided by the RF Criminal Code) are applied to the guilty person. As a result, the content of the basic criminal law concepts of criminal responsibility, measures of criminal law, exemption from criminal liability and punishment becomes unclear. The draft law offers a mechanism to use certain types of punishment for a person, formally exempted from criminal liability, without a sentence and, therefore, without a record of conviction as a legal consequence.

The procedural order of application of criminal law measures proposed in the draft law is questionable.

There is a competition between the termination of prosecution in connection with active repentance (Article 28, The RF Code of Criminal Procedure) and in connection with the use of other measures of criminal law (proposed Article 28.2 of the RF Code of Criminal Procedure), since the conditions of the application of these two types of termination of prosecution are identical.

The procedure for the application of measures of criminal law in the part when the head of an inquiry body can use a fine is unacceptable, since this power is contrary to the principles of presumption of innocence and the administration of justice only by the court, and it has a clear potential for corruption.

The author proves that the considered draft law requires careful analysis and its assessment by experts in the criminal and criminal procedure law. It cannot be adopted without a thorough discussion.

Е.Н. Караева

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ СУДАМИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ

Анализируется существующий порядок прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. Сделан вывод, что он не может гарантировать соблюдения конституционных прав граждан и не дает возможности реализовать назначение уголовного судопроизводства. Предлагается предусмотреть в законе в качестве обязательного условия принятия решения о прекращении дел по нереабилитирующим основаниям проверку обоснованности предъявленного обвинения и подтверждения его собранными по делу доказательствами.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, презумпция невиновности.

Как показывает анализ статистических данных, ежегодно растет число дел, рассматриваемых в особом порядке уголовного судопроизводства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и прекращаемых судами по нереабилитирующим основаниям. Доля первых составляет приближается к 70%, вторых – больше четверти. В 2015 г. судами первой инстанции прекращено 26,2% дел от общего числа рассмотренных с вынесением итоговых решений (2014 г. – 25,3%).

Причем если по федеральным судам прекращается каждое пятое уголовное дело, то по мировым судьям данный показатель приближается к 40%, причем рост ежегодно составляет более 2%.

Основная масса дел – более 70% – прекращается в связи примирением сторон, на втором месте – деятельное раскаяние. Доля иных нереабилитирующих оснований незначительна.

В связи с этим возникает вопрос о том, позволяют ли существующие нормы гарантировать соблюдение конституционных прав граждан и реализовать предусмотренное ст. 6 УПК РФ назначение уголовного судопроизводства, а именно – защиту прав и законных интересов потерпевших от преступлений и личности от незаконного и необоснованного обвинения.

Пунктом 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» обращено внимание судов на то, что освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление.

Тем самым подразумевается, что содеянное лицом, в отношении которого решается вопрос о прекращении дела или преследования по нереабилитирующим основаниям, содержит состав преступления и вина данного лица в его совершении доказана. В противном случае было бы невозможно утверждать, что лицо совершило преступление. Однако обоснованность предъявленного обвинения в качестве условия прекращения дела не закреплено ни в законе, ни в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ либо Конституционного Суда РФ.

Обоснование данной ситуации находим в п. 2.2 постановления Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений п. 4 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ст. 254 УПК РФ в связи с жалобами граждан Александрина С.И. и Ващенко Ю.Ф.». В нем указано, что в силу принципа состязательности предполагается, что стороны самостоятельно и по собственному усмотрению определяют свою позицию по делу, в том числе в связи с вопросом об уголовной ответственности, а следовательно, если подозреваемый (обвиняемый) не возражает против прекращения уголовного преследования, нет оснований считать его права и законные интересы нарушенными решением о прекращении уголовного дела (при условии его достаточной обоснованности).

В результате получается довольно парадоксальная ситуация. Если подсудимый и его защитник в силу каких-либо причин не в состоянии оценить обоснованность обвинения и ходатайствуют о прекращении уголовного дела, например, за истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности, дело будет прекращено по нереабилитирующему основанию даже при отсутствии в действиях подсудимого состава преступления. При этом требования закона, по большому счету, нарушены не будут, поскольку все предусмотренные им условия соблюдены. И примеры этому есть, причем не единичные.

При этом я нашла лишь один пример, когда судебное решение о прекращении дела в связи с примирением сторон было отменено, поскольку в действиях лица отсутствовал состав преступления. Причем

по надзорной жалобе лица, который изначально согласился с прекращением дела, а затем стал обжаловать состоявшееся решение. Дело о преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 158 УК РФ, было прекращено на стадии предварительного слушания по ходатайству потерпевшего, с которым обвиняемый, признавший вину, написавший явку с повинной и возместивший ущерб, согласился. Все предусмотренные законом условия прекращения дела по данному основанию были соблюдены. Единственная проблема – в действиях обвиняемого отсутствовал состав преступления, поскольку он не похищал, а нашел на улице потерянный потерпевшим телефон.

Отменяя судебные решения, надзорная инстанция указала, что по делу не исследовались доказательства и в постановлении о прекращении дела не дана оценка обоснованности предъявленного обвинения, хотя суд обязан установить факт совершения лицом преступления.

Не согласиться с указанной позицией суда невозможно, но на законе она не основана, поскольку при прекращении дела по указанному основанию, тем более на стадии предварительного слушания, не требовалось исследовать доказательства, а уж тем более давать им и обвинению оценку в постановлении.

Более того, в соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ от 28.10.1996 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности ст. 6 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина Сушкова О.В.» решение о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям не подменяет собой приговор суда и, следовательно, по своему содержанию и правовым последствиям не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено ст. 49 Конституции РФ.

В своих определениях Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям не влечет признания подозреваемого или обвиняемого виновным или невиновным в инкриминируемом ему преступлении. Подобного рода решение констатирует отказ от дальнейшего доказывания виновности лица, несмотря на то что основания для осуществления в отношении него уголовного преследования сохраняются.

Фактически же в данной ситуации отказываются от дальнейшего доказывания не только виновности, но и невиновности лица. Это при том, что, как уже говорилось, дела подлежат прекращению по данным основаниям только в отношении лиц, совершивших преступления.

Но прекращаются они и в отношении тех, кто никакого преступления не совершал.

В приведенном мною примере суд первой инстанции проблемы не увидел, посчитав, видимо, что состав преступления в действиях лица имеется.

А если бы увидел? Закон не содержит ответа на вопрос, как поступать в таком случае. Ходатайство о прекращении дела заявлено, подсудимый с ним согласен, мнение прокурора в данном случае значения по большому счету не имеет, все предусмотренные законом условия прекращения дела соблюдены, проблема одна – вызывает сомнения доказанность предъявленного обвинения, и разрешить их можно только после исследования всех доказательств в ходе судебного разбирательства.

Но закон не требует проверять законность и обоснованность предъявленного обвинения. В названном мною постановлении Пленума Верховного Суда РФ говорится о возможности судебного разбирательства только в связи с возражением подсудимого против прекращения уголовного дела.

Таким образом, в данном случае нет законной возможности отказать в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела и назначить судебное разбирательство. Следовательно, нет оснований и для исследования доказательств. Именно в связи с этим и постановление надзорной инстанции, отменившей судебное решение, не содержало ссылок ни на какие нормы закона.

Не предусматривает действующее законодательство и обязанности давать оценку обоснованности обвинения в постановлении о прекращении дела. Наоборот, положение о том, что постановление по своему содержанию не идентично приговору, толкуется в том смысле, что оно вообще не может содержать ничего иного, кроме мотивировок соблюдения предусмотренных законом условий прекращения дел.

Это при том, что ситуации, когда решить вопрос о возможности прекращения дела по нереабилитирующему основанию, без анализа и оценки доказательств, обоснованности предъявленного обвинения невозможно, не редкость.

Например, когда возможность прекращения дела возникает только при условии переквалификации действий подсудимых на менее тяжкие составы, в частности, убийств на убийства, совершенные в состоянии аффекта либо при превышении пределов необходимой обороны либо на причинение смерти по неосторожности. Периодически воз-

никают ситуации переквалификации разбоев на кражи и причинение легкого вреда здоровью.

Сделать это без исследования доказательств в судебном заседании практически невозможно, любое изменение обвинения либо квалификации должно быть мотивировано. Хорошо, если это сделает прокурор, тогда суд будет исходить из того обвинения, которое тот сочтет доказанным. Опять же если не будет потерпевшего с иным мнением по этому вопросу. А если вопрос об изменении квалификации и наличии в связи с этим оснований для прекращения дела в связи, например, с истечением срока давности либо актом амнистии поставит защита, и подсудимый согласится на прекращение дела, а сторона обвинения будет настаивать на первоначальной квалификации.

В этой ситуации суд вынужден оценить исследованные доказательства, обсудить доказанность обвинения, мотивировать его изменение и при наличии предусмотренных законом оснований вынести постановление о прекращении дела, которое должно быть мотивированным.

Есть и более сложные ситуации, когда лица вину в совершении преступления не признают, настаивают на невиновности, но при этом заявляют ходатайства о прекращении дел по нереабилитирующим основаниям – ввиду истечения сроков давности либо амнистии.

Из всех предусмотренных законом нереабилитирующих оснований прекращения дел только деятельное раскаяние в той либо иной форме предусматривает признание обвиняемым вины, поскольку в качестве условий прекращения указаны явка с повинной и активное содействие раскрытию и расследованию преступления. Выполнить их, настаивая на невиновности, достаточно сложно. Во всех остальных случаях совмещение отрицания вины и ходатайства о прекращении дела вполне возможно. И с такими ситуациями мы периодически сталкиваемся.

Что в данном случае имеет первостепенное значение?

Судебная практика показывает, что в таких ситуациях как значимые рассматриваются оба момента – устанавливаются наличие состава преступления и виновность лица, после чего делается вывод о соблюдении условий прекращения дела по обозначенному подсудимым нереабилитирующему основанию.

По результатам судебного разбирательства выносятся постановления о прекращении уголовного дела, описательно-мотивировочная часть которого аналогична приговору, за исключением анализа обстоятельств, принимаемых во внимание при назначении наказания.

Иное решение в данном случае невозможно, поскольку в силу ч. 8 ст. 302 УПК РФ приговор с освобождением лица от назначенного наказания выносится только при отсутствии ходатайства и согласия лица на прекращение дела.

Все изложенное свидетельствует о том, что нужно предусмотреть в качестве обязательного условия принятия решения о прекращении дел по нереабилитирующим основаниям проверку обоснованности предъявленного обвинения и подтверждения его собранными по делу доказательствами.

Как, например, это сделано Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 05.12.2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел». При рассмотрении дел в данном порядке выносятся не только приговоры, но и постановления о прекращении дел. И в этом случае гораздо больше гарантий соблюдения требования о прекращении по нереабилитирующим основаниям дел только в отношении лиц, совершивших преступления.

Конечно, речь не идет о том, что постановления о прекращении дел по своему содержанию во всех случаях должны быть аналогичны приговорам. Как уже говорилось, это нужно делать только тогда, когда без этого обойтись нельзя. По подавляющему большинству дел достаточно, чтобы принимая решение о прекращении стороны и суд убедились в доказанности обвинения, а при несоблюдении этого условия должно быть назначено судебное разбирательство, в ходе которого и должен решаться вопрос о наличии какого-либо из оснований для прекращения дела либо необходимости вынесения приговора.

SPECIFIC ISSUES OF DISMISSAL OF CRIMINAL CASES BY THE COURT ON NON-REHABILITATING GROUNDS

Elena N. Karavaeva, Criminal Judicial Department of the Prosecutor's Office of Tomsk Oblast (Tomsk, Russian Federation). E-mail: karavaeva-en@mail.ru

Keywords: dismissal of criminal case on non-rehabilitating grounds, presumption of innocence.

DOI: 10.17223/9785946216111/31

The analysis of statistical data shows that each year the number of cases dismissed by the courts on non-rehabilitating grounds is growing. In 2015, the courts of first instance dismissed 26.2 % of the total number of cases (25.3 % in 2014). In magistrates' court this figure is closer to 40 %, with an annual growth of more than 2 %. Most cases,

more than 70 %, are dismissed due to the reconciliation of the parties, the second common reason is active repentance. The share of other non-rehabilitating grounds is insignificant.

In this regard, the question arises as to whether the existing procedure for the dismissal of criminal cases on non-rehabilitating grounds observes the constitutional rights of citizens, and whether it realises the purpose of criminal proceedings under Art. 6 of the RF Code of Criminal Procedure, namely, the protection of the rights and legitimate interests of victims of crimes and of persons from unlawful and unjustified accusations.

The dismissal of a criminal case on non-rehabilitating grounds presumes that the actions of a person whose case is dismissed, constitute a crime, and the guilt of the person in committing it is proved. It happens when a criminal case is dismissed, for example, due to the expiration of the statute of limitations for criminal prosecution or in connection with the reconciliation of the parties, without any assessment of the reasonableness of the charges. The author has found only one example when the decision to dismiss the case due to the reconciliation of the parties was overturned by the court of supervisory instance, because the actions of the person constituted no offence. The specified position of the supervisory authority is justified, but it is not based on the law, as the dismissal of the case on this ground does not suggest that the court examines evidence in the case, moreover, assesses the charge in its judgment.

In its decisions, the Constitutional Court of the Russian Federation has repeatedly stressed that the dismissal of a criminal case on non-rehabilitating grounds does not entail the recognition of the suspect or the accused guilty or not guilty of the alleged crime. Such a decision establishes the refusal to further prove the person's guilt, despite the fact that the grounds for their prosecution remain. In fact, in this situation refusal concerns the further proof of not only guilt, but also innocence of the person.

The author proves that examination of the validity of charges and their proof by evidence collected on the case should be an essential condition for the decision to dismiss a case on non-rehabilitating grounds.

DOI: 10.17223/9785946216111/32

Н.П. Кириллова

ПРОБЛЕМЫ КОМПЕТЕНЦИИ СУДА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ХОДАТАЙСТВА СЛЕДОВАТЕЛЯ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ПОД СТРАЖУ

Исследуются причины уклонения российских судей от анализа доказательств обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению при решении вопроса о заключении под стражу. Для решения данной проблемы необходимо разграничение компетенции судей при осуществлении судебного контроля и разрешении дела по существу.

В связи с этим является целесообразным выделение части представителей судебного корпуса, на которую был бы возложен судебный контроль и которая была бы освобождена от рассмотрения уголовных дел по первой инстанции.

Ключевые слова: судебный контроль, следственные судьи, решение вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Законность и обоснованность судебного решения, принятого по результатам рассмотрения и разрешения ходатайства следователя (дознавателя) о заключении под стражу, имеет принципиальное значение при осуществлении судом оперативного судебного контроля. Необоснованное ограничение конституционных прав граждан, в том числе права на свободу и личную неприкосновенность, может привести к драматическим и даже трагическим последствиям. Именно судебный контроль на стадии предварительного расследования предназначен для создания дополнительных процессуальных гарантий для участников уголовного судопроизводства, имеет преимущества перед прокурорским надзором за законностью расследования и ведомственным контролем. От его эффективности в значительной степени зависит состояние законности при осуществлении уголовного преследования.

Эффективность судебного контроля зависит от правильного определения законодателем и судебной практикой пределов компетенции суда при рассмотрении ходатайств следователя (дознавателя) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В период судебной реформы, ориентированной на дополнительную защиту прав участников процесса, законодатель пришел к выводу, что именно независимый от органов расследования суд должен проверить, есть ли законные основания для принятия решения о заключении под стражу или продления срока содержания под стражей. На первоначальном этапе суды приняли решение оценивать представленные материалы лишь с точки зрения законности оснований для заключения под стражу, не входя в проверку их обоснованности. Со временем стало ясно, что без проверки обоснованности ходатайства следователя (дознавателя) суду сложно принять законное и обоснованное решение.

Анализ положений ст. 108 УПК РФ показывает, что избрание меры пресечения в виде заключения под стражу законодатель напрямую связывает как с процессуальным статусом конкретного лица, так и с необходимостью наличия у суда достоверных данных, подтверждающих факт обоснованности его подозрения или обвинения в соверше-

нии уголовного деяния. Судья должен быть уверен, что вина доставленного к нему лица доказана хотя бы по одному эпизоду, необходимые для этого доказательства в уголовном деле имеются, и органы предварительного расследования их не утратят [1. С. 83].

Российские судьи в своих решениях часто уклоняются от анализа доказательств, подтверждающих обоснованность заключения под стражу, предполагая, что это связано с вопросом о доказанности вины, что составляет прерогативу судебной инстанции, рассматривающей уголовное дело по существу. Данной проблемы, по мнению Н. А. Колоколова, не знают те правоприменители, которые признают существование уровней доказанности вины, достаточных для подозрения, обвинения и осуждения. Таким образом, при решении вопроса о заключении под стражу, продлении срока содержания под стражей судья должен требовать от соответствующих должностных лиц подтверждения обоснованности выдвинутых в отношении конкретного лица подозрений [1. С. 84].

По результатам обобщения судебной практики Верховный Суд РФ сформировал свою позицию по данному вопросу в двух своих постановлениях. В соответствии с п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» [2] судья должен убедиться в достаточности данных об имевшем место событии преступления и причастности к нему подозреваемого. В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» [3] указано, что избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению.

Обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных данных о том, что лицо могло совершить преступление (лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т.п.).

Принимая решение в рамках судебного контроля, суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица, на что неоднократно обращал внимание Верховный Суд РФ. Однако Н. А. Колоколов спра-

ведливо полагает, что в определенной степени, по крайней мере на психологическом уровне, вопрос о виновности лица все-таки предпрещается, так как заключение под стражу из чисто процедурных соображений недопустимо. С его точки зрения, судья устанавливает наличие доказательств того, что лицо, о заключении под стражу которого ходатайствует следователь, причастно как минимум к одному из преступлений.

Разрешая такое ходатайство, судья осуществляет процесс доказывания, то есть проверяет и оценивает доказательства, представленные сторонами, а равно оценивает доказательства, добытые им самим в ходе судебного разбирательства. В данном случае речь идет об одном из этапов доказывания вины, о том уровне доказанности, которого, по мнению суда, достаточно, чтобы заключить обвиняемого под стражу. Автор правильно полагает, что судебные решения, принимаемые в рамках оперативного судебного контроля, преюдициального значения для суда, рассматривающего дело по существу, не имеют. Следовательно, оснований опасаться предрешения вопроса о доказанности вины не имеется. Что касается психологической составляющей при принятии решения о заключении обвиняемого под стражу, то автор предлагает решить эту проблему путем разведения компетенции судей [4. С. 131].

В научной литературе высказывалось мнение о том, что для проверки обоснованности ходатайства следователя суду необходимо непосредственно исследовать представленные следователем доказательства согласно условиям судебного разбирательства (гл. 35 УПК РФ). При этом отмечалось, что ни в одном из изученных исследователем вопроса уголовных дел не были допрошены потерпевшие или свидетели для установления оснований для заключения под стражу, хотя стороной защиты соответствующие ходатайства были заявлены [5].

По нашему мнению, это связано с тем, что законодательное регулирование судебного заседания, в котором рассматривается и разрешается ходатайство следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога, в отличие от регулирования стадии судебного разбирательства, достаточно схематично. Возможность допроса потерпевших и свидетелей в качестве способа проверки обоснованности подозрения прямо законом не предусмотрена, поэтому суды с осторожностью подходят к возможности удовлетворения ходатайств защиты о допросе этих участников процесса. В то же время в последнее время появилась практика по-

добных допросов. Интервьюирование судей показывает, что они готовы к этому в исключительных случаях, когда без допросов сложно проверить обоснованность ходатайства следователя.

Как, например, следует поступить суду, если защита просит отказать в удовлетворении ходатайства следователя о заключении подозреваемого под стражу, поскольку подозреваемый не причастен к совершению преступления, у него есть алиби, которое может подтвердить приглашенный защитой свидетель? Вправе ли суд допросить этого свидетеля, оценить его показания с точки зрения достоверности и положить в основу своего решения, или он должен отложить решение вопроса на 72 часа и предложить это сделать следователю?

Представляются возможными оба варианта действий суда, которые должны зависеть от конкретных обстоятельств дела. Если результаты следственных действий вызывают у суда сомнения, он, по нашему мнению, вправе не только изучить протоколы допросов и документы, но и лично произвести допросы, положив их результаты в основу своих процессуальных решений. Рассмотрение ходатайства следователя путем непосредственного исследования доказательств повысит качество и эффективность судебного контроля, позволит проверить не только законность, но и обоснованность выводов следователя (дознателя), содержащихся в их ходатайствах.

Разграничение компетенции судей при осуществлении судебного контроля и разрешения дела по существу является разумным путем разрешения не только указанной выше, но многих иных уголовно-процессуальных проблем. Выделение части представителей судейского корпуса, на которых был бы возложен судебный контроль и которые были бы освобождены от рассмотрения уголовных дел по первой инстанции, является целесообразным, однако для этого следует решить организационные вопросы штатной численности судов, прежде всего односоставных и двухсоставных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства судебной практики / В.А. Давыдов, В.В. Дорошков, Н.А. Колоколов и др. ; под ред. А. И. Карпова. 2-е изд., перераб. и доп., практ. М. : Юрайтиздат, 2008. 734 с.

2. О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009. № 22 (ред. от 14.06.2012) (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 1, январь.
3. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2, февраль.
4. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2013. 824 с.
5. Васяев А.А. Достоверные сведения при разрешении вопроса о заключении под стражу // Современное право. 2010. № 6. С. 92–95.

THE COURT'S COMPETENCE WHEN CONSIDERING THE INVESTIGATOR'S REQUEST FOR DETENTION

Nataliya P. Kirillova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: Kirillova59@mail.ru

Keywords: judicial control, investigating judges, deciding on detention as measure of restraint.

DOI: 10.17223/9785946216111/32

The effectiveness of judicial control over detention as a measure of restraint depends on the correct determination by the legislator and jurisprudence of the limits of the court's competence in considering investigators' (inquiry officers') requests for detention. The analysis of the provisions of Art. 108 of the RF Code of Criminal Procedure shows that the legislator directly connects detention as a measure of restraint with the procedural status of a particular person and with the court's need to have reliable data that ground the suspicion or accusation of a person in committing a crime. Paragraph 2 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of December 19, 2013 "On the Courts Application of Laws on Detention, House Arrest and Bail as Measures of restraint" rules that detention as a measure of restraint shall be allowed only after the court examines the validity of suspecting a person of being involved in a crime. However, in their decisions, Russian judges often avoid the analysis of evidence that proves the validity of detention. The paper examines the reasons for this phenomenon.

The author concludes that the main reason for this is the opinion of the judges, according to which the decision on the validity of suspecting a person of being involved in a crime is connected with the issue of the proof of their guilt, which is the prerogative of the court that hears a criminal case on the merits. This, in turn, is due to the fact that the legal regulation of the order of the court hearing that reviews and decides on the investigator's request for detention, house arrest and bail as measures of restraint is rather formal. The law does not directly provide for the interrogation of victims and witnesses as a means of checking the validity of suspicion, so the courts are cautious

when permitting the interrogation of the participants of the procedure. The author proves that if the results of the investigation cause the court to doubt; the latter should be entitled not only to examine the protocols of interrogations and documents, but also to do the interrogation itself and make the results the basis for its procedural decisions. However, this expansion of the powers of the court in deciding on detention as a measure of restraint requires the differentiation of the competence of judges in the exercise of judicial control and in the resolution of the case on the merits. In this connection it is appropriate to select some members of the judiciary that would perform judicial control and would be exempt from hearing criminal cases in first instance.

REFERENCES

1. Karpov, A.I. (ed.) (2008) *Praktika primeneniya Ugolovno–protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: aktual'nyye voprosy sudebnoy praktiki, rekomendatsii sudey Verkhov-nogo Suda RF po primeneniyu ugolovno–protsessual'nogo zakonodatel'stva sudebnoy praktiki* [The practice of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: current issues of judicial practice, the recommendations of judges of the Supreme Court of the Russian Federation on the use of criminal procedural legislation, jurisprudence]. Moscow: Yuraytizdat.
2. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. (2009) *Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29 oktyabrya 2009 g. № 22 (red. ot 14.06.2012 g.) «O praktike primeneniya sudami mer presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu, zaloga i domashnego aresta»* [The Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.10.2009, № 22 (ed. from 14.06.2012), "On the practice of courts of preventive measures in the form of detention, bail and house arrest" (repealed)]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [The Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 1. January.
3. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. (2013) *Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 19.12.2013 g. № 41 «O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva o merakh presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu, domashnego aresta i zaloga»* [The Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.12.2013, № 41 "On the practice of courts of preventive measures in the form of detention, house arrest and bail"]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [The Bulletin of the Supreme Court]. 2. February.
4. Lebedev, V.M. (ed) (2013) *Praktika primeneniya Ugolovno–protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [The practice of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. Moscow: Izdatel'stvo Yurayt.
5. Bob, A.A. (2010) Authentic data in the settlement of question about confinement suspected, accused person under guard. *Sovremennoye pravo = Modern law*. no. 6. pp. 92-95. (In Russian).

Т.В. Куряхова

ВОЗМОЖНОСТЬ УСИЛЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ СУДОМ ФАКТИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СУЩЕСТВЕННО ОТЛИЧАЮЩИХСЯ ОТ УКАЗАННЫХ В ОБВИНИТЕЛЬНОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ

Рассматривается ситуация, сложившаяся в связи с направлением Российской Федерацией Украине ряда запросов о международной правовой помощи, и отказами Украины в их удовлетворении. Делается вывод о том, что данные запросы оказались в конкретной ситуации неисполнимыми.

Ключевые слова: международная правовая помощь, исполнение запроса о международной правовой помощи.

Установленные в ходе судебного следствия фактические обстоятельства совершенного подсудимым деяния могут отличаться от обстоятельств, изложенных в обвинительном заключении (обвинительном акте, обвинительном постановлении). Нельзя исключать, что новые обстоятельства потребуют иной квалификации. В ряде случаев юридическая оценка содеянного остается прежней.

В соответствии с ч. 2 ст. 252 УПК РФ изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

Кроме того, суд вправе изменить обвинение и квалифицировать действия подсудимого по другой статье уголовного закона при условии, если действия подсудимого, квалифицируемые по новой статье закона, вменялись ему в вину и не были исключены судьей из обвинительного заключения (акта, постановления) по результатам предварительного слушания [1].

Ухудшение положения обвиняемого заключается в изменении обвинения *на более тяжкое* или *существенно отличающееся* от обвинения, по которому дело принято судом для производства, если этим нарушается его право на защиту.

В теории уголовного процесса запрет на ухудшение положения обвиняемого посредством предъявления более тяжкого обвинения

рассматривается в качестве материально-правового критерия, запрет на изменение обвинения, когда нарушается право обвиняемого на защиту, – в качестве процессуально-правового критерия [2]. Вместе с тем в уголовно-процессуальной науке представлено мнение о невозможности четкого разграничения указанных условий изменения обвинения, поскольку оба критерия органически связаны между собой, являются одновременно и материально-правовыми, и процессуальными гарантиями обеспечения прав и законных интересов обвиняемого [4, 5].

Когда в ходе судебного разбирательства по-новому установленные фактические обстоятельства являются основанием для предъявления подсудимому более тяжкого обвинения, дело возвращается в досудебное производство в порядке п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Нет ясности, как поступать суду, если в судебном процессе выявлены фактические обстоятельства, существенно отличающиеся от обстоятельств, изложенных в обвинении, по которому дело принято к производству судом.

Данный аспект в исследовании деятельности суда имеет не только чисто научный интерес. Пробелы в законодательной регламентации порядка реагирования суда в ситуациях, требующих изменения фактической стороны обвинения, ставят под сомнение законность принимаемых судами решений. Прикладную значимость этому вопросу придает тот факт, что на практике правоприменители вынуждены обращаться к нормам УПК РФ, регулирующим возвращение уголовного дела прокурору в иных случаях и предполагающим иной, чем в рассматриваемой ситуации, порядок устранения нарушений. Рассматриваемая нами ситуация требует самостоятельного регулирования. Обоснуем авторское видение законодательного регулирования таких случаев.

Под обвинением, существенно отличающимся от первоначального по фактической стороне, не позволяющим суду самостоятельно корректировать обвинение, принято считать всякое изменение формулировки обвинения, не влекущее изменение квалификации или требующее изменение на норму уголовного закона, предусматривающее менее тяжкое наказание, если этим *нарушается право подсудимого на защиту*. Верховный Суд РФ считает нарушающими право на защиту вменение других деяний вместо ранее предъявленного, вменение преступления, отличающегося от предъявленного по объему посягательств, форме вины и т.д., если при этом нарушается право обвиняемого на защиту.

Реагирование суда в первом случае (*вменение других деяний, вместо ранее предъявленного*) понятно. Если при рассмотрении уголов-

ного дела предъявленное обвинение не нашло подтверждения, а в действиях подсудимого установлены признаки нового преступления, не связанного с ранее предъявленным, суд выносит оправдательный приговор или постановление о прекращении уголовного преследования по основному делу и информирует об установленных им новых обстоятельствах правоохранные органы [6].

В иных случаях корректировка обвинения возможна. Однако в системе действующего правового регулирования такая корректировка допустима только путем возвращения уголовного дела органам преследования.

С 2014 г. возвращение уголовного дела прокурору для применения закона о более тяжком преступлении предусмотрено п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ [7]. Частью 1³ установлен регламент действий судьи, принявшего решение о возвращении дела для усиления обвинения (ранее нами обращалось внимание на неточность и некорректность перевода на нормативный язык Постановления № 16-П [8]). В основе новых положений ст. 237 УПК РФ лежит Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 г. № 16-П [9], в котором сформирована правовая позиция о праве суда вернуть уголовное дело для усиления обвинения. Жалоба Б.Т. Гадаева и объединенного с ним в одном производстве запроса Курганского областного суда определили предмет рассмотрения Конституционного Суда РФ в данном деле. В описательной части постановления можно увидеть две ситуации, в которых суд принимает решение о возвращении уголовного дела для усиления обвинения. Первая ситуация возникает, когда суд на любом этапе производства замечает ошибку или технический сбой в формулировании обвинения, т.е. юридический аспект обвинения не соответствует описанию его фактической составляющей. Вторая ситуация состоит в том, что суд путем непосредственного исследования доказательств по итогам окончательного судебного следствия *установил* фактические обстоятельства, свидетельствующие о необходимости применения уголовного закона о более тяжком преступлении.

Конституционный Суд РФ связан предметом жалобы и проверяет конституционность закона или отдельных его положений в той части, в какой они были применены в конкретном деле. Этим объясняется отсутствие внимания Конституционного Суда РФ к иным пробелам в правовом регулировании полномочий суда, обеспечивающих правосудность судебных решений. Вместе с тем очевидно сходство рас-

сма­три­вае­мой на­ми си­ту­а­ции со вто­рой ти­пич­ной си­ту­а­цией, опи­сан­ной в По­ста­нов­ле­нии № 16-П – по ито­гам окон­чен­но­го су­деб­но­го след­ствия су­д *у­ста­нав­ли­ва­ет* фак­ти­че­ские об­сто­я­тель­ства, сви­де­тель­ст­вую­щие о не­об­хо­ди­мо­сти при­ме­не­ния у­го­лов­но­го за­ко­на о бо­лее тя­жком пре­ступ­ле­нии.

Та­ким об­ра­зом, По­ста­нов­ле­ние № 16-П дол­жно бы­ло стать поч­вой для кон­ст­ру­и­ро­ва­ния уни­вер­саль­но­го ме­ха­низ­ма (про­це­ду­ры) по­ло­же­ний за­ко­на, обес­пе­чи­ва­ю­ще­го про­це­с­су­аль­ную не­за­ви­си­мо­сть су­да и га­ран­ти­ру­ю­ще­го вы­не­се­ние пра­восуд­ных, т.е. за­кон­ных, обос­но­ван­ных и спра­вед­ли­вых су­деб­ных ре­ше­ний.

И­зу­че­ние дос­туп­ной на­м прак­ти­ки воз­вра­ще­ния у­го­лов­ных дел для уси­ле­ния об­ви­не­ния вы­я­ви­ло, что ко­гда ус­та­нов­лен­ные су­дом об­сто­я­тель­ства сви­де­тель­ст­вую­ют о не­об­хо­ди­мо­сти предъ­яв­ле­ния об­ви­не­ния, *су­ще­ст­вен­но от­ли­ча­ю­ще­го­ся* по фак­ти­че­ским об­сто­я­тель­ствам от пер­во­на­чаль­но­го, су­ды воз­вра­ща­ют де­ла, ру­ко­вод­ст­ву­ясь как п. 1, так и п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

На­при­мер, по­ста­нов­ле­ни­ем су­дьи Со­вет­ско­го рай­он­но­го су­да г. Ом­ска у­го­лов­ное де­ло по об­ви­не­нию Ф. в со­вер­ше­нии пре­ступ­ле­ния, пре­дус­мот­рен­но­го ч. 3 ст. 159 УК РФ (мо­шен­ни­че­ство) бы­ло воз­вра­ще­но про­ку­ро­ру в по­ря­дке п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ для предъ­яв­ле­ния об­ви­не­ния по ч. 1 ст. 292 УК РФ (слу­жеб­ный под­лог). Ор­га­на­ми рас­сле­до­ва­ния Ф. об­ви­ня­лась в том, что, яв­ля­ясь за­ве­ду­ю­щей дет­ским са­дом, ис­поль­зуя слу­жеб­ное по­ло­же­ние, пу­тем об­ма­на по­хи­ти­ла де­неж­ные сред­ства, вы­де­лен­ные де­пар­та­мен­том об­ра­зо­ва­ния Ад­ми­ни­стра­ции г. Ом­ска на оп­ла­ту му­зы­каль­но­го ру­ко­вод­и­те­ля, ко­то­рый тру­до­вую де­я­тель­ность в этом дет­ском са­ду не осу­ще­ст­в­лял. В су­деб­ном за­се­да­нии бы­ли ус­та­нов­ле­ны фак­ти­че­ские об­сто­я­тель­ства, сви­де­тель­ст­вую­щие о со­вер­ше­нии Ф. слу­жеб­но­го под­ло­га. Дей­ствия под­судимой, ква­ли­фи­ци­ру­ю­щие­ся по ч. 1 ст. 292 УК РФ, яв­ля­лись ча­стью со­бы­тия в­ме­нен­но­го об­ще­ст­вен­но-о­пас­но­го де­я­ния. Од­на­ко предъ­яв­лен­ное Ф. об­ви­не­ние по ст. 159 УК РФ не со­дер­жа­ло пол­но­го опи­са­ния дей­ствий, об­ра­зу­ю­щих объ­ек­тив­ную сто­ро­ну слу­жеб­но­го под­ло­га. При та­ких об­сто­я­тель­ствах су­д не впра­ве сам из­ме­нить об­ви­не­ние и ква­ли­фи­ци­ро­вать дей­ствия под­судимой по но­вой ста­тье.

В дей­ст­вую­щей си­сте­ме у­го­лов­но-про­це­с­су­аль­но­го ре­гу­ли­ро­ва­ния един­ст­вен­но воз­мож­ный вы­ход из сло­жив­шей­ся си­ту­а­ции – воз­вра­ще­ние у­го­лов­но­го де­ла про­ку­ро­ру для предъ­яв­ле­ния но­во­го об­ви­не­ния. Ес­ли вы­ход су­да за ра­мки об­ви­не­ния, с­фор­му­ли­ро­ван­но­го в об­

винительном заключении, недопустим, то должны быть задействованы процессуальные механизмы, которые позволяли бы суду учесть установленные им обстоятельства.

Законодатель должен был на основе Постановления 16-П сформулировать положение УПК РФ с учетом всех ситуаций, закрепив право суда вернуть уголовное дело не только для предъявления более тяжкого обвинения, но и для предъявления обвинения, существенно отличающегося от ранее предъявленного. В силу качественного своеобразия рассматриваемого основания возвращения дела (отметим, что с этой целью возвращение возможно только по итогам судебного следствия), считаем, что корректировки требует ст. 252 «Пределы судебного разбирательства», а не ст. 237 УПК РФ. Особым должен быть порядок и изменения обвинения [8, 10, 11].

Приведем авторские предложения по дополнению УПК РФ, основанные на правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 02.07.2013 г. № 16-П.

Дополнить ст. 252 УПК РФ «Пределы судебного разбирательства» частью третьей следующего содержания:

*«3. Если в ходе судебного следствия установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния подсудимого как более тяжкого преступления, либо **существенно отличающиеся от фактических обстоятельств, изложенных в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении**, суд по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвращает дело прокурору для предъявления подсудимому нового обвинения. Судебное разбирательство откладывается. Суд устанавливает срок для исполнения его указаний органами расследования. После его истечения рассмотрение дела продолжается, если этим не будут нарушены правила о подсудности. При этом судебное разбирательство не может быть продолжено ранее 7 суток с момента предъявления нового обвинения. При возвращении дела судья решает вопрос о мере пресечения в отношении обвиняемого. При необходимости судья продлевает срок содержания под стражей для предъявления обвинения с учетом сроков, предусмотренных статьей 255 настоящего Кодекса. Придя к выводу, что уголовное дело по новому обвинению данному суду не подсудно, суд направляет уголовное дело прокурору в порядке, установленном статьей 237 настоящего Кодекса. При необходимости судья продлевает*

срок содержания под стражей для предъявления обвинения и производства иных процессуальных действий с учетом сроков, предусмотренных статьей 109 настоящего Кодекса.

Правила настоящей статьи не применяются при установлении в судебном заседании признаков нового преступления».

Дополнить УПК РФ ст. 252¹ «Порядок предъявления обвинения, ухудшающего положение подсудимого по возвращенному судом уголовному делу» следующего содержания:

«1. Прокурор, получив из суда уголовное дело для предъявления обвиняемому нового обвинения, незамедлительно направляет его дознавателю или руководителю следственного органа с учетом правил о подследственности.

2. Дознаватель, следователь выносит постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого в соответствии с указаниями суда. Новое обвинение предъявляется в порядке, предусмотренном главой 23 настоящего Кодекса. После предъявления обвинения уголовное дело немедленно направляется прокурору для передачи в суд.

3. Если дело по новому обвинению не подсудно суду, давшему указание о его предъявлении, уголовное дело направляется в суд с учетом правил, предусмотренных главами 30 и 31 настоящего Кодекса».

ЛИТЕРАТУРА

1. О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.04.1996 № 1 (ред. от 16.04.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 7.
2. Мотовиловкер Я.О. Некоторые вопросы советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства / под ред. П.И. Бородько. Кемерово, 1962. 295 с.
3. Бравилова Е.А. Пределы судебного разбирательства : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. 237 с.
4. Фаткулин Ф.Н. Обвинение и судебный приговор. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1965. 532 с.
5. Михайлов А.А. Изменение прокурором обвинения и отказ прокурора от обвинения в суде первой инстанции. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011.
6. См. подробнее: Куряхова Т.В. Деятельность суда при выявлении признаков нового преступления // Законодательство и практика. 2011. № 2. С. 19–21.
7. О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 21.07.2014 № 269-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (ч. 1). Ст. 4270.
8. Кальницкий В.В., Куряхова Т.В. Дополнения ст. 237 УПК РФ и правовая позиция Конституционного Суда РФ // Уголовное право. № 6. 2014. С. 89–94.

9. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П // Российская газета. 2013. 12 июля.
10. Кальницкий В.В., Куряхова Т.В. Существо и порядок реализации позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о возвращении дела прокурору для усиления обвинения. URL: www.iaaj.net/node/1409#comments
11. Куряхова Т.В. Институт возвращения уголовного дела прокурору: возникновение, развитие и дальнейшая оптимизация // Законодательство и практика. 2014. № 33. С. 45–48.

THE OPPORTUNITY TO GAIN IN CHARGES WHEN THE COURT ESTABLISHES FACTUAL CIRCUMSTANCES ESSENTIALLY DIFFERENT FROM THOSE IN THE INDICTMENT

Tatyana V. Kuryakhova, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Omsk, Russian Federation). E-mail: kuruahova@mail.ru

Keywords: modification of charges in court, limits of trial, return of criminal case to prosecutor.

DOI: 10.17223/9785946216111/33

Factual circumstances of the offence established during the trial can differ from the circumstances described in the indictment. It is possible that new circumstances require a different qualification. In accordance with Part 2 of Art. 252 of the RF Code of Criminal Procedure, modification of charges in the trial is allowed if it does not worsen the situation of the defendant and does not affect their right to defence. A worse situation of the accused means the charge is modified to a more serious one or differs substantially from the original charge if it violates their right to defence. When a more serious charge is brought, based on the newly established factual circumstances, the case is returned to the pre-trial proceedings in the order under Paragraph 6 of Part 1 of Art. 237 of the RF Code of Criminal Procedure. However, there is no clarity on the actions of the court when new facts, substantially different from those in the original charge, are established. The RF Code of Criminal Procedure does not regulate this situation.

Based on the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation fixed in Decision 16-P of July 2, 2013, the author designs and offers a uniform procedure to be applied when after the trial the court establishes factual circumstances that require bringing a more serious charge or a charge substantially different from the original one.

This procedure rules that in this case the court returns the case to the prosecutor for bringing new charges to the defendant at the request of a party or at its own initiative. The trial is postponed. The court sets a deadline for the execution of its orders by investigation bodies. After the expiry of the deadline, the court continues to hear the case, if this does not violate the rules on court jurisdiction. The trial may not be resumed earlier than seven days from the date of bringing new charges. Accordingly, when receiving a

case returned from the court, the inquiry officer or the investigator are obliged to make a new decision on the accusation of the person in accordance with the court's instructions. The new charge shall be brought in the manner prescribed by the RF Code of Criminal Procedure, after which the criminal case shall immediately be sent to the prosecutor to file it to the court.

DOI: 10.17223/9785946216111/34

А.А. Михайлов

СПОСОБЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ПРИГОВОРА В ОБЩЕСТВЕ

Легитимационной основой приговоров по делам, рассмотренным в упрощенном порядке, является идея достижения компромисса. Включение в уголовный процесс процедур, основанных на идее компромисса, должно производиться лишь при учете социокультурных особенностей развития общества, прежде всего типа его культуры, и его правовой традиции. Их анализ приводит автора к выводу о том, что встраивание в уголовный процесс России институтов, основанных на идее компромисса, будет в подавляющем большинстве случаев иметь отрицательный эффект.

Ключевые слова: материальная истина, формальная истина, компромисс в уголовном судопроизводстве, упрощенное производство.

В последние годы дискуссия по вопросу об истине и ее характере в уголовном процессе развернулась с новой силой. При этом в ходе указанной дискуссии зачастую упускается из виду, что установление истины – это на самом деле способ легитимации приговора в обществе, то есть то, посредством чего обеспечивается признание приговора обществом, достигшим определенного уровня развития, в том числе культурного и научно-технического. Другими словами, установление приговором обстоятельств, имевших место в действительности, как ничто другое делает приговор в глазах современного общества правосудным.

Определение истины, устанавливаемой в уголовном процессе в качестве материальной (объективной), больше характерно для континентального уголовного процесса. Однако показательно, что сегодня и представители современной англо-американской уголовно-процессуальной науки отмечают имеющую место в последние два столетия тенденцию увеличения значения в уголовном процессе

процедур, обеспечивающих установление действительных обстоятельств дела (factual proof procedures) [1. С. 20].

Как справедливо отмечает профессор Боннского университета К.-Ф. Штукенберг, «истина дает нам самое сильное, наилучшее оправдание принимаемого решения. Наоборот, поэтому нужны дополнительные причины, чтобы принять решение, не основанное на истине» [2. С. 86].

Таким образом, истина, устанавливаемая в уголовном процессе, содержательно является материальной, тогда как процессуальные формы придают ей характер юридической истины.

Установление именно материальной истины в уголовном процессе становится возможным в условиях формирования в европейском обществе к началу XIX в. философско-идеологического типа мышления, почву для которого во многом подготовили труды философов и ученых XVII–XVIII столетий. Параллельно развивались образование, наука и техника, которые стали предпосылкой ускорения экономического развития Европы в XIX в. и способствовали формированию общества потребления с его материалистическим взглядом на мир.

В числе прочего это повлекло за собой вытеснение из уголовного процесса стран континентальной Европы теории формальных доказательств и снижение степени формализма английского уголовного процесса.

Общее философско-идеологическое пространство Европы в тот период способствовало конвергенции правовых систем, ярким примером которой стало формирование смешанного типа уголовного процесса, основанного на французском Кодексе уголовного следствия 1808 г.

В предшествующий период развития европейского общества, когда господствовал религиозно-догматический тип мышления, сложившийся в классическое Средневековье под влиянием теологии, канонического и римского права, истина, устанавливаемая в уголовном процессе, могла считаться лишь формальной.

Тот же стандарт доказывания «вне разумного сомнения» (beyond a reasonable doubt) в английском уголовном процессе приобрел известные в настоящее время формы только в конце XVIII в., тогда как до этого являлся лишь «теологической доктриной, предназначенной для того, чтобы успокоить присяжных, чтобы они могли принимать решения об осуждении обвиняемого, не рискуя своим собственным спасением, до тех пор, пока их сомнения в виновности обвиняемого не становились “разумными”» [1. С. 3–4].

Континентальный уголовный процесс, как представляется, также в свое время пошел по пути создания формальной теории доказательств с ее делением доказательств на совершенные и несовершенные, поскольку она одновременно учитывала уровень научно-технического развития общества и позволяла облегчить судье принятие решения о виновности или невиновности подсудимого, тем самым успокоив его совесть.

Однако в то время, пока современные российские ученые ведут свои споры по вопросу о характере истины, на практике обычное уголовно-процессуальное производство в суде первой инстанции проигрывает упрощенным процедурам, которые не предполагают полноценного доказывания, но в рамках которых рассматривается уже 2/3 уголовных дел. Понятно, что говорить об установлении материальной истины при рассмотрении уголовных дел в особых порядках (главы 32.1, 40 и 40.1 УПК РФ) нельзя.

В связи с этим на первый план выдвигается не вопрос о характере истины, а о том, что истина в уголовном судопроизводстве уже не является единственным способом легитимации приговора. Упрощенные производства в связи с ростом преступности и, соответственно, количества рассматриваемых уголовных дел сегодня являются объективной необходимостью для уголовного процесса как англо-американского, так и континентального типа. Зачастую они справедливо критикуются, но надо признать, что они встроены в логику уголовного процесса соответствующих зарубежных государств, чего нельзя сказать об особых порядках, закрепленных в главах 32.1, 40 и 40.1 УПК РФ.

При этом легитимационной основой приговоров по уголовным делам, рассматриваемым в упрощенном порядке, является идея достижения компромисса. Безусловно, реализация в уголовном процессе обозначенной идеи не сводится только к стремлению правоохранительных органов и судов облегчить себе работу, а государства в целом – снизить затраты на обеспечение функционирования уголовной юстиции. Расширение сферы применения данного способа легитимации приговора во многом объясняется демократизацией и гуманизацией общества и, как следствие, уголовного процесса во многих государствах, прежде всего в западных странах. Идея компромисса, в частности, лежит в основе восстановительного правосудия.

В связи со сказанным возникают два вопроса. Первый: какие условия необходимо учитывать при закреплении в уголовном процессе

процедур, основанных в той или иной форме на идее компромисса? Второй: насколько регламентация особых порядков в действующем УПК РФ соответствует этим условиям?

Ответ на первый вопрос таков: включение в уголовный процесс и регламентация процедур, основанных в той или иной форме на идее компромисса, должны производиться лишь при учете, во-первых, социокультурных особенностей развития общества, прежде всего типа его культуры, и, во-вторых, правовой традиции.

В этом плане интерес представляет классификация культур по такому критерию, как акцент на наказании либо позитивном вознаграждении, которую предлагает отечественный ученый И.Г. Яковенко. В соответствии с обозначенным критерием им выделяются репрессивная культура, то есть культура, центрированная на наказании, и культура поощрения, центрированная на вознаграждении [3. С. 16–17].

Для западных обществ характерна культура поощрения, с учетом чего компромисс, в том числе в форме сделок о признании вины в англо-американском уголовном процессе, вполне укладывается в социокультурные рамки уголовного процесса соответствующих государств.

Компромисс как часть западной культуры в значительной степени является следствием многовекового развития Западной Европы в условиях всеобщей конкуренции, в том числе между сначала единой западной христианской церковью и светскими властями в Средние века, затем между различными направлениями в христианстве в Новое время, и параллельно – между многочисленными европейскими государствами.

Кроме того, и Англия, система общего права которой была воспринята США и другими странами, и государства континентальной Западной Европы имеют длительные правовые традиции, которые начали складываться еще в XII–XIII вв.

Основанием правовой традиции в странах континентальной Европы стала юридическая догма, обязанная своему становлению рецепции римского права, в то время как основанием английской правовой традиции – общее право, источником которого стал судебный прецедент.

Юридическая догма в континентальном процессе и прецедент в англо-американском судопроизводстве позволяли сохранять логику права в целом и уголовного процесса в частности даже тогда, когда общества соответствующих государств сотрясали революции.

Основным транслятором правовой традиции и соответствующего ей типа правового мышления является профессиональное юридиче-

ское сообщество, которое в Западной Европе начало формироваться еще в XII в. Одним из главных условий и катализатором создания профессиональной корпорации юристов стало возникновение в конце XI в. и дальнейшее развитие университетов.

Юристы, окончившие средневековые университеты континентальной Европы, где они изучали римское и каноническое право, во многом заложили бюрократические основы континентального уголовного процесса.

Английский состязательный процесс с независимым судом и равноправными сторонами во многом обязан специфике исторического развития судейского сообщества, а также корпорации адвокатов, представленной барристерами и солиситорами, которые помимо оказания правовой помощи обвиняемому в уголовном процессе со времен Средневековья привлекались также для поддержания обвинения. В таких условиях равноправие сторон в уголовном процессе рано или поздно просто не могло не появиться.

Для российского общества характерен репрессивный тип культуры, о чем свидетельствует вся ее история. Та же церковь не могла выступать ограничителем светской власти, поскольку находилась в союзе с государством практически весь период развития российского общества, за исключением его советского промежутка.

Учитывая тип культуры российского общества, расширение сферы реализации идеи компромисса в уголовном процессе в рамках упрощенных производств в конечном итоге может в условиях отсутствия эффективных правовых ограничителей (например, возможность применения особых порядков только по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести и возможность обжалования приговора, постановленного по результатам рассмотрения уголовного дела в особом порядке, по такому основанию, как несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции) привести к снижению качества уголовно-процессуальной деятельности и повышению репрессивности уголовного судопроизводства. Ведь компромисс – это всегда только частичное решение проблемы, поскольку он достигается за счет наложения на каждую сторону конфликта ограничений в пользу другой стороны. В уголовном процессе компромисс зачастую достигается за счет снижения уровня гарантий прав личности. Такое ослабление гарантий можно ясно увидеть на примере особых порядков, предусмотренных главами 32.1, 40 и 40.1 УПК РФ.

При этом в России, к сожалению, не сложилась длительная правовая традиция, несмотря на то что имел место полувековой и в целом положительный опыт развития общества в условиях действия Судебных уставов 1864 г. Данный опыт был прерван Октябрьской революцией 1917 г., а распад в 1991 г. СССР привел к тому, что в 1990-е – начале 2000-х гг. произошел отказ от многого из достигнутого в советский период развития отечественного права, в том числе уголовно-процессуального. Репрессии же советского периода и разрушительные социально-экономические процессы 1990-х гг. крайне отрицательно сказались на качественных характеристиках профессионального юридического сообщества в России.

Таким образом, за последние 100 лет дважды имели место серьезные разрывы в развитии отечественной правовой традиции, одним из негативных следствий которых стало то, что законодательство современной России в значительной степени не является выражением лежащей в основе континентального права юридической догмы, которая требует логической стройности правовой регламентации общественных отношений. Это, как представляется, объясняет существующую ситуацию, при которой УПК РФ состоит из разнородных институтов, регламентация которых не подчинена общей логике российского уголовного судопроизводства.

Соответственно, хотя российская правовая система исторически тяготеет к правовым системам континентального типа, она фактически в полной мере не является таковой. Тем более встраивание в уголовный процесс России институтов, основанных на идее компромисса, «сшитых по лекалам» англо-американского уголовного процесса, думается, будет в подавляющем большинстве случаев давать отрицательный эффект.

Это накладывает на современное юридическое сообщество России дополнительную ответственность при разработке и обосновании предложений по дальнейшему реформированию уголовного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Whitman J.Q. The Origins of Reasonable Doubt. Theological roots of the criminal trial. New Haven ; London : Yale University Press, 2008. P. 20.
2. Штукенберг К.Ф. Исследование материальной истины в уголовном процессе // Государство и право. 2014. № 5. С. 78–86.
3. Яковенко И.Г. Россия и Репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры. М. : Новый хронограф, 2011. 336 с.

METHODS OF SENTENCE LEGITIMATION IN SOCIETY

Aleksandr A. Mikhailov, Tomsk Agricultural Institute Branch of Novosibirsk State Agrarian University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: maa1505@sibmail.com

Keywords: real truth, apparent truth, compromise in criminal proceedings, simplified proceedings.

DOI: 10.17223/9785946216111/34

The fact that the sentence establishes factual circumstances makes it just in the eyes of modern society. Therefore, establishment of the truth is, in fact, a way to legitimise the sentence in society.

While modern Russian scholars debate on the nature of truth, in practice the general criminal proceedings in the court of first instance give way to simplified proceedings that do not involve full proving, but consider 2/3 of criminal cases. There is no establishment of real truth in criminal cases in a special order (Chapters 32.1, 40 and 40.1 of the RF Criminal Procedure Code). In this regard, the nature of the truth is not so important as the recognition of the fact that the truth in criminal proceedings is not the only way of legitimising the sentence.

The author proceeds from the fact that the legitimation basis of sentences in criminal cases with simplified proceedings is the idea of reaching a compromise. The criminal trial should include procedures based on the idea of compromise only with due regard to the socio-cultural features of the society development, especially the type of its culture, and its legal tradition. In this respect, the classification of cultures by the criterion of their orientation on punishment or positive reward is interesting. The Russian society is characterised by a repressive type of culture, as evidenced by its history. Given the type of culture of the Russian society, the expansion of the idea of compromise in simplified criminal proceedings, in the absence of effective legal constraints, can eventually lead to a decrease in the quality of criminal procedural activities and an increase in the repression of criminal proceedings.

With regard to the legal tradition, the author states that Russia, unfortunately, has not developed a long legal tradition. The experience in the development of society by the legal regulations of 1864 was interrupted by the October Revolution of 1917, and the collapse of the Soviet Union in 1991 led to the fact that in the 1990s – early 2000s there was a rejection of much of the progress of the Soviet development of the domestic law. The repressions of the Soviet period and the devastating socio-economic processes of the 1990s had a very negative impact on the quality characteristics of the professional legal community in Russia.

In view of this, the author argues that the integration of institutes based on the idea of compromise, moulded by the patterns of the Anglo-American criminal procedure, into the Russian criminal procedure will in most cases have a negative effect.

REFERENCES

1. Whitman, J.Q. (2008) *The Origins of Reasonable Doubt. Theological roots of the criminal trial*. Yale University Press. New Haven. London. P. 20.

2. Shtukenberg, K.F. (2014) The research into the material truth in a criminal procedure. *Gosudarstvo i pravo = The State and Law*. no. 5. pp. 78-86. (In Russian).
3. Yakovenko, I.G. (2011) *Rossiya i Repressiya: repressivnaya komponenta otechestvennoy kul'tury* [Russia and repression: the repressive component of the national culture]. Moscow: Novyy khronograf.

DOI: 10.17223/9785946216111/35

К.В. Муравьев

СНИЖЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАГРУЗКИ КАК УСЛОВИЕ ДЛЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА СУДОПРОИЗВОДСТВА

Обосновывается необходимость снижения нагрузки на органы предварительного расследования на первоначальном этапе уголовного процесса. Рассматривая способы снижения такой нагрузки, автор критически оценивает возможности декриминализации, осуществляемой путем перевода ряда деяний из числа преступлений в ранг административных правонарушений, и предлагает альтернативные меры, направленные на снижение такой нагрузки.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, первоначальный этап судопроизводства, декриминализация, целесообразность возбуждения уголовного преследования, дела частного-публичного обвинения.

В уголовно-процессуальной литературе длительное время не утихают споры о существовании и развитии первоначального этапа судопроизводства. Суть основных научных воззрений сводится к следующему: а) ликвидация стадии возбуждения уголовного дела; возвращение к существующей в дореволюционной России форме предварительного расследования – досудебному производству, сочетающему в себе дознание по сообщениям о преступлениях и предварительное следствие [1–9]; б) сохранение стадии возбуждения уголовного дела, дальнейшее её укрепление [10–13].

И «реформаторы», и «традиционалисты» приводят достаточные аргументы в пользу правильности своих подходов. Однако даже при наиболее консервативном варианте процесс совершенствования законодательства должен быть продолжен: «необходимо либо минимизировать проверочную деятельность, восстановив первоначальное соот-

ношение задач стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, либо пойти по пути детальной регламентации правоотношений, фактически возникающих в ходе проверки сообщений о преступлении» [14. С. 132].

Правоприменительная практика красноречиво свидетельствует о проблемах первоначального этапа судопроизводства. На протяжении последних десятилетий складывается негативная тенденция многократного увеличения количества процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела (с 1,3 млн в 1992 г. до 6,81 млн в 2015 г.) и их удельного веса по отношению к решениям о возбуждении дела (с 47,7% в 1992 г. до 360% в 2015 г.) [9. С. 9]. При этом более чем в 30% случаев одновременно с принятием решения об отказе в возбуждении дела уполномоченные органы ходатайствуют перед прокурором об отмене своего решения как незаконного или необоснованного. Объемы уголовно-процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела постепенно стали превышать нагрузку этапа предварительного расследования.

«Перемещение» значительной части процессуальной деятельности на этап рассмотрения сообщений о преступлениях произошло по нескольким причинам. Так, закрепление в УПК РФ «драконовских» оснований реабилитации, предполагающих возникновение права на неё, а также на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, даже у подозреваемого, к которому не применялись меры принудительного воздействия, «вынуждает» правоприменителей осуществлять «скрытое» уголовное преследование «заподозренного» лица на этапе возбуждения уголовного дела. Чрезмерная дифференциация порядка возбуждения уголовного дела (в отношении «VIP-персон», о налоговых преступлениях, по преступлениям в сфере предпринимательства и т.п.) предполагает установление точной первоначальной квалификации содеянного, чему предшествуют объемные «предрасследования».

Обратим внимание и на то, что с 2007 г. у прокурора отсутствует полномочие возбуждать уголовное дело при выявлении признаков преступления. Ежегодно в России прокуроры признают незаконными и необоснованными, а также отменяют свыше 20% решений об отказе в возбуждении дела [9. С. 29], после чего осуществляется дополнительная проверочная деятельность. Но только по 7–8% случаев в последующем возбуждаются уголовные дела, по абсолютному большинству повторно формируются «отказные материалы».

П. Скобликов указывает, что одним из основных мотивов вынесения незаконных и необоснованных решений об отказе в возбуждении дела является необходимость снижения нагрузки органов предварительного расследования и оперативных аппаратов [15]. Критикуя сложившуюся практику принятия решений по результатам рассмотрения сообщений о преступлениях, Б.Г. Розовский пишет: «Сегодня уголовный процесс стал диктовать свои условия уголовному праву, ибо “служанка” выбилась из сил и реально в полной мере не в состоянии “обслужить” заказчика. Поэтому решение проблемы уголовного процесса надо начинать с переосмысления, кардинального совершенствования существующих постулатов уголовного права» [16. С. 163]. Н.А. Колоколов резонно отмечает, что авторы идеи реформирования стадии возбуждения дела подменяют основание в споре, ставя знак равенства между статистическими данными о преступлении и конкретными процессуальными решениями [17]. Полагаем, что оптимизация первоначального этапа судопроизводства может привести к положительным результатам только в случае разрешения проблемы «процессуальной нагрузки».

Одним из возможных способов снижения нагрузки на органы предварительного расследования и суды является *декриминализация*. Суждения о необходимости «изъятия» из УК РФ ряда составов в целях высвобождения ресурсов правоохранительных органов для более качественной работы по преступлениям, представляющим наибольшую общественную опасность, высказывались неоднократно [18, 19]. 31 июля 2015 г. Пленум Верховного Суда РФ принял постановление о внесении в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проектов законов: предполагается исключение из УК РФ ряда составов преступлений небольшой тяжести, а также увеличение суммы хищения чужого имущества, с которого наступает уголовная ответственность, с 1 до 5 тыс. рублей. Законодательная инициатива Высшего судебного органа поддержана Президентом РФ В.В. Путиным в Послании Федеральному Собранию.

Изменения в УК РФ могут стать необходимым условием для последующей оптимизации уголовного судопроизводства. Однако следует учитывать возможные негативные последствия. В частности, в законопроекте Пленума Верховного Суда РФ предлагается декриминализация побоев и угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (совершенных безотягчающих обстоятельств), но введение

ст.ст. 116.1 и 119.1 УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за те же деяния, если они совершены лицом, подвергнутому административному наказанию за аналогичные действия. Использование административной преюдиции может стать эффективным средством противодействия преступности и обеспечить экономию мер уголовной репрессии. Но для этого требуется, чтобы была обеспечена неотвратимость ответственности за первоначальные правонарушения.

Учитывая большую «терпимость» граждан и надзирающих органов к административным деликтам, нежели к преступлениям, весьма вероятно, что после «декриминализации-административизации» посягательств значительная часть правонарушений (в первую очередь при неизвестности сведений о лицах, их совершивших) останутся латентными, списанными в номенклатурные дела и т.п. Кроме того, предлагаемые изменения в КоАП РФ «добавят работу» органам, осуществляющим производство по административным правонарушениям (в том числе участковым уполномоченным полиции), а их «перегруженность» и в настоящее время не вызывает сомнения. Поэтому считаем, что обозначенный в законопроекте тезис, что после декриминализации деяний и установления за них административной ответственности уровень защищенности личности не снизится, требуется поставить под сомнение.

В этих условиях обратим внимание на иные (альтернативные декриминализации) способы снижения процессуальной нагрузки:

1. *«Перевод» отдельных составов преступлений в категорию уголовного проступка* с закреплением упрощенного порядка его расследования, при котором основные усилия должны быть направлены на реализацию примирительных процедур с более широкими возможностями освобождения от ответственности. Статус «уголовного проступка», а не административного правонарушения, будет обнаруживать более серьезное отношение граждан и государственных органов к данному деянию как к уголовно наказуемому посягательству. Применительно к случаям повторного совершения деликта не потребуются конструкции привлечения к уголовной ответственности с использованием административной преюдиции с присущими ей недостатками.

2. *Отказ от абсолютного принципа «законности возбуждения уголовного преследования»*, при котором расследование начинается по

каждому преступлению независимо от соображений о возможных затруднениях или неудобствах, могущих стать результатом процессуального производства. В зарубежном праве более распространен принцип «целесообразности уголовного преследования», и в последнее время даже прежние адепты принципа законности (например, Германия) аккуратно перестраивают свой процесс в новом русле [20, С. 32, 242–247], тем самым высвобождая ресурсы правоохранительных органов для активной деятельности по наиболее серьезным преступлениям [17. С. 102–105]. Конечно, чтобы преградить путь стихийному отбору «заявок на обслуживание», в законе необходимо установить жесткие критерии (незначительность ущерба, неосторожное поведение самого потерпевшего, сочетание их). Кроме того, в любом случае все события должны регистрироваться как преступления, и лишь после этого может приниматься мотивированное решение о нецелесообразности уголовного преследования.

3. Разумное *расширение дел категории частно-публичного обвинения*. Подобные предложения неоднократно высказывались в юридической литературе [18, 21]. В частности, предлагалось перевести в данную категорию дела о преступлениях с неосторожной формой вины, а также производства, по которым привлекаемый к ответственности и потерпевший являются членами одной семьи, близкими родственниками [22]. Такой порядок позволит в большей степени учитывать интересы личности при решении вопроса о целесообразности оказания уголовно-правового воздействия на граждан, совершивших деяния, не являющиеся значительными, и будет способствовать «разгрузке» органов предварительного расследования и суда.

Для выяснения, какой из способов снижения процессуальной нагрузки является более предпочтительным, проведено анкетирование 72 судей, 202 сотрудников органов предварительного расследования и 162 работников юридических вузов. За целесообразность *декриминализации* отдельных составов преступлений небольшой тяжести (по варианту, предложенному в законопроекте Пленума Верховного Суда РФ) высказались только 49, 47 и 40% соответствующих категорий опрошенных. Вместе с тем, 90, 65 и 83% респондентов считают целесообразным «перевод» ряда преступлений небольшой тяжести в категорию *уголовного проступка*; 45, 50 и 55% полагают оптимальным, чтобы уголовное преследование по отдельным преступлениям небольшой и средней тяжести, причиной которых послужило неосто-

рожное поведение самого потерпевшего, и при ущербе, не являющемся значительным, осуществлялось исходя из принципа *целесообразности*; а 26, 59 и 52% считают необходимым *расширение категории дел частного-публичного обвинения* посредством дополнительного отнесения к ним иных составов преступлений небольшой и средней тяжести.

Выбор оптимальных способов снижения процессуальной нагрузки остается за законодателем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вицин С. Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 54–56.
2. Николок В.В., Деришев Ю.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России. Красноярск, 2003. 198 с.
3. Махов В.Н. О необходимости реформирования начальной стадии российского уголовного процесса // Оперативник (сыщик). 2007. № 2. С. 51–53.
4. Гаврилов Б.Я. Реалии и мифы возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2009. № 2. С. 7–10.
5. Малышева О. А. Досудебное производство в российском уголовном процессе: проблемы реализации и правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 41 с.
6. Дикарев И.С. Стадия возбуждения уголовного дела: pro et contra // Библиотека криминалиста. 2014. № 1. С. 76–86.
7. Чекулаев Д.П. Стадия возбуждения уголовного дела: исключить нельзя оставить // Библиотека криминалиста. 2014. № 1. С. 76–86.
8. Александров А.С., Грачев С.А. Проект нового порядка открытия уголовного расследования по сообщению о преступлении // Уголовный процесс. 2015. № 7. С. 14–21.
9. Кожокар В.В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 301 с.
10. Белкин А.Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. М., 2013. Ч. VII : Возбуждение уголовного дела.
11. Азаров В.А. О совершенствовании правовых основ (или возможном «отмирании») стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2014. № 1. С. 20–26.
12. Тарасов А.А. Возбуждение уголовного дела: самостоятельная стадия процесса или «начатие следствия» // Библиотека криминалиста. 2014. № 1 (12). С. 174–188.
13. Шадрин В.С. Судьба стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2015. № 1. С. 47–51.
14. Булатов Б.Б. Процессуальное положение лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность. М. : Юрлитинформ, 2013. 224 с.
15. Скобликов П. Безотказное следствие // Закон. 2012. № 11.

16. Розовский Б.Г. Когда проблему ищут не там, где она действительно есть (замечки всем недовольного человека) // Библиотека криминалиста. 2014. № 1 (12). С. 152–167.
17. Колоколов Н.А. Стадия возбуждения уголовного дела: сохранить, трансформировать, упразднить? // Библиотека криминалиста. 2014. № 1 (12). С. 87–109.
18. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991. 240 с.
19. Марцев А.И., Максимов С.В., Морозов В.И., Нечепуренко А.А. Общее предупреждение преступлений (проблемы и перспективы). Омск, 1993.
20. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. 544 с.
21. Дорошков В.В. Необходимо расширить перечень дел частного и частно-публичного обвинения // Уголовный процесс. 2012. № 12. С. 12–17.
22. Багаутдинов Ф. Расширение частных начал в уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 2. С. 32–34.

REDUCTION OF PROCEDURAL LOAD AS A CONDITION FOR REFORMING THE INITIAL STAGE OF PROCEEDINGS

Kirill V. Muravyov, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Omsk, Russian Federation). E-mail: murki@list.ru

Keywords: stage of initiating criminal case, initial stage of proceedings, decriminalisation, feasibility of prosecution, cases of private-public prosecution.

DOI: 10.17223/9785946216111/35

Law enforcement practice shows the problems of the initial stage of proceedings. There is a negative tendency of a multiple increase in the number of procedural refusals to initiate a criminal case, and in more than 30 % of cases, simultaneously with the decision to refuse to initiate a case, competent authorities request the prosecutor to cancel this decision as unlawful or unreasonable. The reason for this situation is that the volume of criminal procedural activities at the stage of initiating a criminal case gradually began to exceed the load of the stage of preliminary investigation. The author states that the optimization of the initial stage of the proceedings can lead to positive results only in case the problem of “procedural load” is solved.

A possible way to reduce the load on the preliminary investigation agencies and courts is decriminalisation, classification of certain crimes as administrative offences. However, given the greater “tolerance” of citizens and supervising bodies to administrative delicts than to crimes, it is very likely that after the decriminalisation of crimes a significant part of decriminalised offences will remain latent.

The author proposes ways alternative to decriminalisation to reduce the procedural load at the initial stage of the proceedings:

- 1) “classification” of individual crimes as criminal offences with a simplified procedure for its investigation, the main efforts to be focused on the implementation of conciliation procedures with more opportunities for exemption from liability;
- 2) refusal from the absolute nature of the “legality of prosecution” principle, according to which investigation begins for each crime, regardless of the possible difficul-

ties or inconveniences the proceedings may result in, transition to the “expediency of prosecution” principle.

3) a reasonable expansion of cases of the category of private-public prosecution. This order will allow more account of the interests of the person at deciding on the expediency of the criminal procedural measures against citizens who have committed minor offences, and will contribute to the ‘unloading’ of preliminary investigation and court.

In order to assess the optimality of the proposed ways to reduce the procedural load, the author conducted a survey of 72 judges, 202 employees of preliminary investigation agencies and 162 employees of law schools. The results of the survey are given in the paper.

REFERENCES

1. Vitsin, S. (2003) Institute of initiation of a criminal case in criminal proceedings. *Rossiyskaya yustitsiya = The Russian Justice*. no. 6. pp. 54-56. (In Russian).
2. Nikoluk, V.V., Derishev, U.V. (2003) *Optimizatsiya dosudebnogo proizvodstva v ugolovnom protsesse Rossii* [Optimization of pre-trial proceedings in a criminal trial of Russia]. Krasnoyarsk.
3. Makhov, V.N. (2007) On the need to reform the initial stage of the Russian criminal procedure. *Operativnik (syshchik) = The operative (detective)*. no. 2. pp. 51-53. (In Russian).
4. Gavrilov, B.Ya. (2009) Realities and myths of initiation of a criminal case. *Ugolovnoye sudoproizvodstvo = The Criminal procedure*. no. 2. pp. 7-10. (In Russian).
5. Malysheva, O. A. (2013) *Dosudebnoye proizvodstvo v rossiyskom ugolovnom protsesse: problemy realizatsii i pravovogo regulirovaniya* [Pre-trial proceedings in the Russian criminal trial: problems of implementation and legal regulation]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
6. Dikarev, I.S. (2014) The Stage of Initiation of a Criminal Case: Pro Et Contra. *Biblioteka kriminalista = The Library of criminalists*. no. 1. pp. 76-86. (In Russian).
7. Chekulaev, D.P. (2014) The Stage of Initiation of Criminal Case: Abolish or Retain It. *Biblioteka kriminalista = The Library of criminalists*. no. 1. pp. 189-201. (In Russian).
8. Aleksandrov, A.S., Grachev, S.A. (2016) The draft of the new procedure for opening a criminal investigation into report the crime. *Ugolovnyy protsess = The Criminal Procedure*. no. 7. pp. 14-21. (In Russian).
9. Kozhokar, V.V. (2016) *Vozbuzhdeniye ugolovnogo dela: voprosy teorii i praktiki* [The Initiation of criminal case: theory and practice issues]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
10. Belkin, A.R. (2013) *UPK RF: konstruktivnaya kritika i vozmozhnyye uluchsheniya* [The Code of Criminal Procedure: constructive criticism and possible improvements]. Moscow.
11. Azarov, V.A. (2014) On Improving the Legal Basis for the Stage of Initiation of a Criminal Case, or Its Possible "Withering Away"? *Biblioteka kriminalista = The Library of criminalists*. no. 1. pp. 20-26. (In Russian).

12. Tarasov, A.A. (2014) Initiation of a Criminal Case: An Independent Stage of Its Own in the Process, or «Beginning of Investigation»? *Biblioteka kriminalista = The Library of criminalists*. no. 1(12). pp. 174-188. (In Russian).
13. Shadrin, V.S. (2015) The Destiny of the stage of initiation of a criminal case. *Zakonnost' = The Legality*. no.1. pp. 47-51. (In Russian).
14. Bulatov, B.B. (2013) *Protsessual'noye polozheniye lits, v otnoshenii kotorykh osushchestvlyayetsya obvinitel'naya deyatelnost'* [Procedural Status of a Person under Prosecution at the Stage of the Initiation of Criminal Case]. Moscow: Yurlitinform.
15. Skoblikov, P. (2012) Infallible investigation. *Zakon = The Law*. no. 11. (In Russian).
16. Rozovskii, B.G. (2014) Trying to Find the Problem But Not Where It Actually Is (Notes of a Man Dissatisfied with Everything). *Biblioteka kriminalista = The Library of criminalists*. no. 1(12). pp. 152-167. (In Russian).
17. Kolokolov, N.A. (2014) Stage of Initiation of a Criminal Case: Preserve, Modify, or Abolish? *Biblioteka kriminalista = The Library of criminalists*. no. 1(12). pp. 87-109. (In Russian).
18. Tomin, V.T. (1991) *Ostryye ugly ugovornogo sudoproizvodstva* [Sharp angles of the criminal proceedings]. Moscow.
19. Martsev, A.I., Maksimov, S.V., Morozov, V.I., Nechepurenko, A.A. (1993) *Obshcheye preduprezhdeniye prestupleniy (Problemy i perspektivy)* [The General crime prevention (Problems and Perspectives)]. Omsk.
20. Golovko, L.V. (2002) *Al'ternativy ugovornomu presledovaniyu v sovremennom prave* [Alternatives to criminal prosecution in modern law]. SPb.: Izdatel'stvo «Yuridicheskiy tsentr Press».
21. Doroshkov, V.V. (2012) It is necessary to expand the list of cases of private and private-public prosecution. *Ugovornyy protsess = The Criminal Procedure*. no. 12. pp. 12-17. (In Russian).
22. Bagautdinov, F. (2002) Expanding private features in the criminal procedure. *Rossiyskaya yustitsiya = The Russian Justice*. no. 12. pp. 12-17. (In Russian).

DOI: 10.17223/9785946216111/36

М.Е. Нехороших

ОТГРАНИЧЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИГОВОРА ОТ ЕГО ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16–03–00413
«Злоупотребление правом в уголовном процессе: системные и
несистемные проявления, их предотвращение и пресечение».

Обоснована необходимость четко разграничить кассационные и апелляционные основания к отмене или изменению приговора, однозначно

определить, в каких пределах суд кассационной инстанции может осуществлять проверку обоснованности назначенного наказания. Автором предлагаются критерии разграничения элементов законности и обоснованности при проверке справедливости приговора, к которым он относит характер применяемой уголовно-правовой нормы и характер деятельности суда кассационной инстанции.

Ключевые слова: требования к приговору, апелляционные основания, кассационные основания, проверочные производства, существенное нарушение уголовного закона, злоупотребление правом, злоупотребление дискреционными полномочиями.

В отечественной науке уголовного процесса традиционно выделяются три свойства приговора: его законность, обоснованность и справедливость. В ч. 1 ст. 297 УПК РФ также предусмотрено, что приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Содержание указанных свойств приговора раскрывается в законодательной регламентации оснований к отмене или изменению приговора в апелляционном порядке (ст. 386.15 УПК РФ)

В частности, буквальное толкование положений указанной статьи, а также ст.ст. 389.16–389.18 УПК РФ, позволяет прийти к выводу, что обоснованным должен признаваться приговор, в котором выводы суда соответствуют фактическим обстоятельствам дела (ст. 386.16 УПК РФ). Законным считается тот приговор, который основан на правильном применении уголовного закона (ч. 1 ст. 389.18 УПК РФ) и постановлен по итогам такой процедуры уголовного судопроизводства, в ходе которой не было допущено существенных нарушений уголовно-процессуального закона (ст. 389.17 УПК РФ). Справедливость же приговора, в свою очередь, связывается уголовно-процессуальным законом с соразмерностью назначенного наказания, т.е. такого наказания, которое соответствует тяжести преступления и личности осужденного (ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ).

Предмет судебного разбирательства в кассационном порядке ограничен в ст. 401.1 УПК РФ только законностью приговора. Обращение к ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ также приводит к заключению, что суд кассационной инстанции должен выявлять и устранять только существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, т.е. уголовно-процессуальный закон не предусматривает возможности проверки справедливости приговора в суде кассационной инстанции в том объеме, в котором это свойство проверяется судом

апелляционной инстанции. Таким же образом эти положения закона были истолкованы и в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации: «Жалобы, представления на несправедливость приговора... подлежат проверке судом кассационной инстанции в случае, если такое решение суда явилось следствием неправильного применения норм Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации (например, положений статьи 60 УК РФ)» [1].

В данном разъяснении прослеживается попытка сформулировать особые критерии проверки справедливости приговора в кассационной инстанции и тем самым разграничить кассационные и апелляционные основания к отмене или изменению приговора при оценке справедливости назначенного наказания. При этом формулировка этих критериев корреспондирует законодательному закреплению предмета кассационного производства. Следовательно, в настоящее время необходимо решить вопрос о том, действительно ли в справедливости приговора могут быть выделены элементы законности и как практически происходит проверка этого свойства приговора в суде кассационной инстанции. Для этого необходимо обратиться к научной литературе и кассационной практике Верховного Суда Российской Федерации.

В научной литературе можно выделить три основных позиции по вопросу отграничения справедливости приговора от его законности и обоснованности. Согласно первой позиции, которой придерживались, например, В.Я. Дорохов и В.С. Николаев, справедливость входит своим содержанием в обоснованность приговора [2]. С этой точкой зрения можно согласиться, так как суды обязаны подробно мотивировать в приговоре все вопросы, связанные с назначением конкретного вида и размера наказания (п. 4 ст. 307 УПК РФ). Более того, на назначение наказания влияет то, насколько правильно были установлены и признаны судами первой инстанции смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства. А это, в свою очередь, непосредственно связано с процессом доказывания в двух его проявлениях: как с познанием этих обстоятельств, так и с обоснованием их наличия или отсутствия.

Вторая позиция, выраженная, в частности, в работах П.А. Лупинской, В.Д. Потапова [3, 4] заключается в том, что справедливость входит своим содержанием в законность приговора. Это обосновывается тем, что вопросы назначения наказания исчерпывающим образом урегулированы УК РФ. И действительно, в Общей части уголовного закона содержится отдельная глава, посвященная вопросам назначения наказания (гл. 10 УК

РФ), в которой сформулированы общие правила назначения наказания в зависимости от тех или иных обстоятельств. Именно в ней содержится перечень смягчающих (ст. 61 УК РФ) и отягчающих обстоятельств (ст. 63 УК РФ), причем последний является исчерпывающим и не может быть расширительно истолкован судом первой инстанции.

Авторы, придерживающиеся третьей позиции [5, 6], считают, что справедливость назначенного наказания является сложным явлением и содержит в себе как элементы законности, так и элементы обоснованности приговора. Недостатком этой концепции следует признать то, что в ней так и не были сформулированы критерии разграничения элементов законности и обоснованности при оценке справедливости наказания. Иными словами, авторы просто приводят примеры тех или иных элементов законности и обоснованности, которые должен учитывать суд при оценке справедливости наказания, но не обосновывают, на основании чего они их разделяют именно таким образом.

Нерешенность этого вопроса в теории уголовного процесса, как представляется, сказывается и на разрозненности кассационной практики. В частности, анализ кассационной практики Верховного Суда Российской Федерации позволяет выделить следующие основные ситуации, связанные с рассмотрением вопросов справедливости наказания:

1) суд кассационной инстанции исправляет ошибки нижестоящих судов, связанные с нарушением абсолютно-определенных норм главы 10 УК РФ, например ст.ст. 62, 65, 66 УК РФ [7, 8]. В данном случае ошибки нижестоящих судов связаны с неприменением положений об обязательном сокращении максимального срока назначаемого наказания. Следовательно, можно вести речь об исправлении существенных нарушений уголовного закона, поскольку устранение таких нарушений не требует установления или переоценки фактических обстоятельств уголовного дела;

2) суд первой инстанции ошибочно признает и (или) не признает отдельные обстоятельства смягчающими или отягчающими наказание, в связи с чем суд кассационной инстанции исправляет данную ошибку и снижает назначенное наказание [9, 10]. В этом случае просматриваются элементы проверки как законности, так и обоснованности принятого решения о наказании. Проверка обоснованности заключается в оценке (квалификации) тех или иных фактических обстоятельств как смягчающих или отягчающих наказание, но при этом сам суд кассационной инстанции такие обстоятельства не устанавливает. Элементы

проверки законности состоят в том, что перечни отягчающих и смягчающих обстоятельств предусмотрены абсолютно-определенными нормами уголовного закона (ст. 61, 63 УК РФ);

3) суд кассационной инстанции рассматривает вопросы о необоснованности отказа в применении нижестоящими судами положений ст.ст. 64 (назначение наказания более мягкого, чем предусмотрено за данное преступление) и 73 (условное осуждение) УК РФ [11, 12]. Объединяющим признаком этих статей следует признать их относительно-определенный характер, то есть вопрос об их применении решается в зависимости от конкретных обстоятельств уголовного дела и усмотрения правоприменительного органа. В данном случае суд кассационной инстанции проверяет прежде всего обоснованность решения вопроса о назначенном наказании, поскольку решение суда кассационной инстанции связано с переоценкой фактических обстоятельств уголовного дела, установленных нижестоящими судами. Но при этом также учитываются и относительно-определенные нормы УК РФ, следовательно, суд кассационной инстанции проверяет и законность приговора;

4) последняя ситуация связана с тем, что суд кассационной инстанции снижает назначенное наказание без переоценки фактических обстоятельств уголовного дела [13, 14]. Иными словами, в кассационном определении констатируется, что нижестоящие суды правильно установили смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства, надлежащим образом их квалифицировали, но фактически они не были учтены при назначении наказания. Приходя к этому выводу, суд кассационной инстанции принимает решение о смягчении назначенного наказания в пределах, установленных отдельными статьями Особенной части УК РФ. Соответственно, в таких случаях деятельность суда кассационной инстанции связана с оценкой только обоснованности назначенного наказания при отсутствии прямого нарушения норм Общей части УК РФ.

Таким образом, проведенный анализ кассационной практики Верховного Суда Российской Федерации позволяет прийти к выводу, что суды руководствуются теоретической позицией о включении в справедливость приговора элементов законности и обоснованности. Такой подход представляется теоретически оправданным, поскольку действительно в деятельности суда первой инстанции по назначению наказания можно условно выделить две стороны: применение уголовного закона и обоснование конкретного вида и размера назначаемого

наказания, установление наличия или отсутствия смягчающих (отягчающих) обстоятельств. Но такой подход практически приводит к равному объему проверки справедливости приговора в судах апелляционной и кассационной инстанции. А это, в свою очередь, противоречит положению о дифференциации проверочных производств, их предметов и процессуальных средств проверки приговоров.

Следовательно, необходимо выработать более четкие критерии разграничения элементов законности и обоснованности при проверке справедливости приговора и допустить проверку обоснованности назначенного наказания в суде кассационной инстанции лишь в случае, если имело место нарушение норм уголовного закона. Думается, что такими критериями могут выступать характер применяемой уголовно-правовой нормы (абсолютно-определенные и относительно-определенные) и характер деятельности суда кассационной инстанции (связана ли она с переоценкой фактических обстоятельств уголовного дела или с применением нормы закона без такой переоценки).

ЛИТЕРАТУРА

1. О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 2 (ред. от 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 4, апрель.
2. Дорохов В.Я., Николаев В.С. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе. М. : Госюридлит, 1959. 236 с.
3. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М. : Юристь, 2006. 174 с.
4. Потапов В.Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России / под ред. О.А. Зайцева. М. : Юрлитинформ, 2012. 376 с.
5. Соловьева Н.А., Тришина Н.Т. Юридикто-фактическая проверка приговора в апелляционном производстве: монография. М. : Юрлитинформ, 2013. 184 с.
6. Загорский Г.И. Апелляция в уголовном судопроизводстве : научно-практическое пособие / под общ. ред. В.В. Ершова. М. : Право, 2013. 352 с.
7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 22.09.2015 № 4-УД15-19. URL: <http://supcourt.ru/indexA.php> (дата обращения: 26.01.2016).
8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 01.12.2015 № 45-УД15-25. URL: <http://supcourt.ru/indexA.php> (дата обращения: 26.01.2016).
9. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 29.09.2014 № 74-УД14-1. URL: <http://supcourt.ru/indexA.php> (дата обращения: 26.01.2016).
10. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 24.12.2014 № 18-УД14-47. URL: <http://supcourt.ru/indexA.php> (дата обращения: 26.01.2016).

11. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 26.02.2015 № 5-УД14-39. URL: <http://supcourt.ru/indexA.php> (дата обращения: 26.01.2016).
12. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 19.11.2015 № 46-УД15-40. URL: <http://supcourt.ru/indexA.php> (дата обращения: 26.01.2016).
13. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 10.04.2015 № 46-УД15-11. URL: <http://supcourt.ru/indexA.php> (дата обращения: 26.01.2016).
14. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 08.10.2015 № 18-УД15-57. URL: <http://supcourt.ru/indexA.php> (дата обращения: 26.01.2016).

DELIMITATION OF FAIRNESS OF THE SENTENCE AND ITS LEGALITY AND VALIDITY

Mikhail E. Nekhoroshikh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: mihaneh_92@mail.ru

Keywords: requirements to sentence, grounds for appeal, grounds for cassation, verifying proceedings, substantial violation of criminal law, abuse of rights, abuse of discretionary powers.

DOI: 10.17223/9785946216111/36

The domestic science of criminal procedure traditionally identifies three properties of the sentence: legality, validity and fairness. Part 1 of Art. 297 of the RF Code of Criminal Procedure also stipulates that the sentence must be lawful, reasonable and fair. The content of these properties of the sentence is disclosed in the legislative regulation of the grounds for cancelling or modifying the sentence on appeal (Art. 386.15 of the RF Code of Criminal Procedure). Art. 401.1 of the RF Code of Criminal Procedure limits the subject of the proceedings in the cassation order only by the legality of the sentence. This raises the need to clearly delineate appeal and cassation grounds for cancelling or modifying the sentence. It is especially difficult in this context to determine the cases and limits for the appeal court to verify the validity of the sentence.

The literature on the topic has three basic positions on the delimitation of fairness of the sentence and its legality and validity: fairness is part of the validity of the sentence; fairness is part of the legality of the sentence; fairness of the sentence is a complex phenomenon and contains elements of both legality and validity of the sentence. Pendency of this issue in the criminal procedure theory affects the cassation practice. The paper gives examples of the practice of the RF Supreme Court that show that the Court includes elements of legality and validity in the fairness of the sentence. But this approach leads to an almost equal volume of sentence validity verification in the courts of appeal and cassation. And this, in turn, is contrary to the need to differentiate verifying proceedings, their subjects and procedural means of sentence verification, it is a situation of an abuse by the cassation instance of its discretionary powers.

It is necessary to develop more precise criteria for delimiting elements of legality and validity when verifying the fairness of the sentence. The paper explains that the verification of the validity of the sentence imposed in the court of cassation is admissible only if there has been a violation of the criminal law. The criteria for delimitation can be the type of the criminal law norm (absolute and relative) and the type of activi-

ties of the court of cassation (reassessment of the factual circumstances of the criminal case or the use of the rule of law without reassessment).

REFERENCES

1. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. (2014) *O primeneniі norm glavy 47.1 Ugolovno–protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, reguliruyushchikh proizvodstvo v sude kassatsionnoy instantsii: Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 28.01.2014 g. № 2 (red. ot 03.03.2015 g.)* [On the application of the rules of Chapter 47.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing the proceedings in the court of cassation: Resolution 2 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 28, 2014 (as amended on March 3, 2015)]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [The Bulletin of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation]. 4. April.
2. Dorokhov, V.Y., Nikolaev, V.S. (1959) *Obosnovannost' prigovora v sovetskom ugolovnom protsesse* [The validity of the judgment in the Soviet criminal procedure] Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo yuridicheskoy literatury.
3. Lupinskaya, P.A. (2006) *Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo i praktika* [The decisions in the criminal trial: theory, legislation and practice]. Moscow: Yurist.
4. Potapov, V.D. (2012) *Osnovnyye nachala proverki sudebnykh resheniy v kontrol'no-proverochnykh stadiyakh i proizvodstvakh ugolovnogo sudoproizvodstva Rossii* [The basic principles of checking of judgments in control and verification stages and proceedings of Russian criminal procedure]. Moscow: Yurlitinform.
5. Solovieva, N.A., Trishina, N.T. (2013) *Yuridiko–fakticheskaya proverka prigovora v apellyatsionnom proizvodstve* [Legal and factual verification of the judgment on appeal proceedings]. Moscow: Yurlitinform.
6. Zagorskiy, G.I. (2013) *Apellyatsiya v ugolovnom sudoproizvodstve: nauchno–prakticheskoye posobiye* [An appeal in criminal proceedings: scientific and practical guide]. Moscow: «Izdatel'stvo «Pravo».
7. Russian Federation (2015) The Resolution of Judicial College on Criminal Cases of September 22, 2015. [Online] Available from: <http://supcourt.ru/indexA.php>. (Accessed: 26th January 2016). (In Russian).
8. Russian Federation (2015) The Resolution of Judicial College on Criminal Cases of December 1, 2015. [Online] Available from: <http://supcourt.ru/indexA.php>. (Accessed: 26th January 2016). (In Russian).
9. Russian Federation (2014) The Resolution of Judicial College on Criminal Cases of September 29, 2014. [Online] Available from: <http://supcourt.ru/indexA.php>. (Accessed: 26th January 2016). (In Russian).
10. Russian Federation (2014) The Resolution of Judicial College on Criminal Cases of December 24, 2014. [Online] Available from: <http://supcourt.ru/indexA.php>. (Accessed: 26th January 2016). (In Russian).
11. Russian Federation (2015) The Resolution of Judicial College on Criminal Cases of February 26, 2015. [Online] Available from: <http://supcourt.ru/indexA.php>. (Accessed: 26th January 2016). (In Russian).

12. Russian Federation (2015) The Resolution of Judicial College on Criminal Cases of November 19, 2015. [Online] Available from: <http://supcourt.ru/indexA.php>. (Accessed: 26th January 2016). (In Russian).
13. Russian Federation (2015) The Resolution of Judicial College on Criminal Cases of April 10, 2015. [Online] Available from: <http://supcourt.ru/indexA.php>. (Accessed: 26th January 2016). (In Russian).
14. Russian Federation (2015) The Resolution of Judicial College on Criminal Cases of October 8, 2015. [Online] Available from: <http://supcourt.ru/indexA.php>. (Accessed: 26th January 2016). (In Russian).

DOI: 10.17223/9785946216111/37

И.И. Писаревский

ОБОСНОВАННОСТЬ ПРИГОВОРА ПРИ ОСОБОМ ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Анализируется обоснованность приговора при использовании особого порядка принятия судебного решения. Автор обосновывает позицию, согласно которой обоснованность приговора при особом порядке принятия судебного решения существует только в виде соответствующей презумпции, соответственно, особый порядок принятия судебного решения нельзя рассматривать как деятельность по реализации правосудия.

Ключевые слова: особый порядок принятия судебного решения, обоснованность приговора, правосудие.

Стремительный рост числа уголовных дел, рассматриваемых в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, вновь актуализирует проблемы, связанные с этим институтом, одной из которых является обоснованность приговора, вынесенного в особом порядке.

В наиболее общем виде приговор определяется как решение суда о виновности (невиновности) и наказании [1]. Примерно так же понятие приговора сформулировано в ст. 5 УПК РФ. В свою очередь, обоснованность приговора мы рассматриваем как соответствие изложенных в нем выводов материалам дела (доказательствам) [2]. Нетрудно заметить, что, используя предложенный понятийный аппарат, принципиальной разницы между обоснованностью приговора, постановленного в общем и особом порядке, не имеется. И в том и в другом случае ма-

териалы дела формируются преимущественно на стадии предварительного расследования путем собирания доказательств следствием либо дознанием, и именно они составляют основу для вынесения приговора. Как в общем, так и в особом порядке приговор выносится судом. Однако дьявол, как говорится, обитает в мелочах.

Уголовно-процессуальная деятельность – это деятельность познавательная, направленная на получение знания о том, что произошло в действительности применительно к конкретному уголовному делу, и исторически сложилось так, что в российском уголовном процессе роль судьи в получении этого знания огромна. Таким образом, обоснованность приговора предполагает, что соответствие выводов суда доказательствам достигнуто именно судом. В особом же порядке положение о том, что приговор – это решение, которое выносится судом (выделено нами. – *И.П.*), сводится до крайнего формализма. Фактически суд, непосредственно не исследуя доказательств, не участвует в уголовно-процессуальном познании, а выполняет лишь техническую функцию оформителя материалов предварительного расследования. Исходя из вышеуказанного, затруднительно говорить об обоснованности приговора, вынесенного в особом порядке, так как соответствие между выводами последнего и доказательствами достигается не судом, а органами предварительного расследования на досудебных стадиях, результаты познания которых суд и фиксирует в приговоре. Соответственно, обоснованность именно приговора при особом порядке может существовать только в виде соответствующей презумпции, на что верно указывается в научной литературе [3].

В этой связи актуальным звучит утверждение А.А. Брестера о том, что особый порядок – это не деятельность по реализации правосудия [4], которое, как известно, осуществляется только судом, но, безусловно, по-прежнему деятельность уголовно-процессуальная, которая может и должна быть подвержена необходимому реформированию, в том числе с учетом исторических особенностей отечественного уголовного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М. : Наука, 1970. Т. 2 : Основные положения науки советского уголовного процесса.
2. Заблочий В.Г. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 1971.

3. Редькин Н.В. Особый порядок судебного разбирательства в системе уголовного процесса РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 34 с.
4. Брестер А.А. Особый порядок судебного разбирательства и уголовно-процессуальная деятельность // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / под ред. О.И. Андреевой, И.В. Чадновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. Ч. 63. С. 46–51.

VALIDITY OF SENTENCE IN A SPECIAL ORDER OF THE TRIAL

Ilya I. Pisarevskiy, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation).

E-mail: iliay@mail.ru

Keywords: special order of court decision, validity of sentence, justice.

DOI: 10.17223/9785946216111/37

The rapid growth of the number of criminal cases dealt with in a special order when the accused agrees with the charges against them actualises the problems connected with this institute, one of which is the validity of the sentence imposed in a special order.

The author defines the validity of the sentence as the correspondence between the conclusions on the case and its materials (evidence). The validity of the sentence also implies that the correspondence between the court conclusions and evidence has been established by the court.

In a special order, the provision stating that the sentence is a decision made by the court is extremely formalised. In fact, the court does not directly examine the evidence, is not involved in the criminal procedural inquiry, it only performs a technical function of the compiler of preliminary investigation materials. Therefore, it is difficult to talk about the validity of the sentence made in a special order, as the correspondence between the court conclusions and evidence is established not by the court, but by preliminary investigation bodies at the pre-trial stage. The court fixes the results of learning this correspondence in the sentence. Accordingly, the validity of the sentence in a special order can only exist in the form of a corresponding presumption.

The paper explains that a special order for the adoption of a judicial decision cannot be regarded as activities for the implementation of justice. However, it is certainly criminal procedural activities that can and should be reformed, taking into account the historical features of the domestic criminal procedure.

REFERENCES

1. Strogovich, M.S. (1970) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsesssa* [The Soviet criminal trial]. Vol.2. Moscow: Nauka.
2. Zablotskiy, V.G. (1971) *Obosnovannost' prigovora v sovetskom ugolovnom protsesse* [The validity of the judgment in the Soviet criminal trial]. Law Cand. Diss. Irkutsk.
3. Red'kin, N.V. (2007) *Osobyiy poryadok sudebnogo razbiratel'stva v sisteme ugolovnogo protsesssa RF* [Special order of trial in the system of criminal procedure of Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.

4. Brester, A.A. (2014) Special order of trial and the criminal procedural activity. *Pravovyye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti = The Legal issues of strengthening Russian statehood*. P. 43. pp. 46-51.

DOI: 10.17223/9785946216111/38

И.П. Попова

ПРОБЛЕМЫ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА

Рассматриваются проблемы постановления обвинительного приговора в общем порядке судами первой инстанции. Предлагается внесение в уголовно-процессуальный закон ряда изменений, касающихся: недопустимости участия в рассмотрении дела судьи, принимавшего решения по делу в ходе досудебного производства или в ходе предварительного слушания, расширения возможности оглашения лишь вводной и резолютивной части приговора, подробной регламентации порядка составления особого мнения.

Ключевые слова: постановление обвинительного приговора, судебный контроль, беспристрастность судьи, гласность судебного разбирательства, особое мнение судьи.

Предложения, облеченные в форму законопроектов, о возможности применения мер уголовно-правового воздействия, предусмотренных Уголовным кодексом в виде мер уголовного наказания по делам определенных категорий, постановлением суда и начальником органа дознания, вызывают протест. По сути, предусматривается возможность признания лица виновным без приговора суда [1].

Сложилось общественное мнение об обвинительном уклоне в правосудии, результатом которого являются незаконные обвинительные приговоры [2]. Это позволяет утверждать, что значение вопросов постановления приговора в целом, и именно обвинительного приговора, постановленного в общем порядке судом первой инстанции, не утрачивает своей актуальности. Как верно подчеркнул М.К. Свиридов, «в существующем состоянии дифференциация уже перешла разумные границы, в связи с чем стала оказывать на уголовное судопроизводство негативное воздействие» [3. С. 52–56]. Соглашаясь с приведен-

ной позицией, следует дополнить, что в погоне за оптимизацией нагрузки дифференциация форм уголовного судопроизводства приобретает порой опасную форму упрощенчества, уголовно-процессуальная форма при рассмотрении уголовного дела в общем порядке становится редкостью, исключением.

В таких условиях проблемы постановления обвинительного приговора в общем порядке судами первой инстанции приобретают новые грани. В Уголовно-процессуальный кодекс РФ, принятый в 2001 г., на данный момент внесены изменения и дополнения в значительное количество статей, для чего законодателем было принято 190 федеральных законов! Между тем эффективность любого закона достигается различными путями, в том числе благодаря стабильности самого закона, единообразному толкованию и пониманию закона правоприменителями. Большое количество не всегда продуманных изменений и дополнений УПК РФ не получает одобрения как со стороны представителей научного сообщества, так и со стороны правоприменителей, что верно подчеркивал Ю.К. Якимович [4]. В главу 39 УПК РФ, регламентирующую постановление приговора, 13 федеральных законов внесли изменения и дополнения в 11 из 18 статей.

Правосудный приговор постановляется законным составом суда. В научной литературе имеются заслуживающие внимания предложения о том, что стадия подготовки дела к судебному заседанию должна вестись одним судьей, а разбирательство данного дела по существу осуществляться другим судьей [5, 6].

Действительно, у судьи при решении вопросов в досудебном производстве может сформироваться определенное убеждение относительно основных вопросов, подлежащих рассмотрению в судебном разбирательстве. Судья в рамках функции судебного контроля может рассматривать вопросы законности возбуждения уголовного дела (в порядке ст. 125 УПК РФ), законности и обоснованности ходатайств следователя (в порядке ст.ст. 108, 165 УПК РФ), непосредственно исследуя доказательства в обоснование доводов следователя.

Не случайно, видимо, и то, что судьи в решениях в досудебном производстве порою фактически высказываются о виновности лица в преступлении. Так, например, судья районного суда при избрании меры пресечения, а затем неоднократно при продлении срока содержания под стражей в постановлениях высказался о виновности лица [7]. Возникает вопрос, может ли затем этот судья рассматривать уголов-

ное дело по существу, даже если фразы о виновности исключены решением апелляционной инстанции? Думается, что в этом случае уголовное дело надлежит рассматривать по существу другому судье, и такова была изначальная позиция законодателя. Однако затем были внесены изменения в ч. 2 ст. 63 УПК РФ [8].

В рамках предварительного слушания судья рассматривает вопросы, которые могут повлиять на его внутреннее убеждение (к примеру, вопросы об исключении доказательств из числа допустимых) и в конечном итоге – на его независимость и беспристрастность при рассмотрении дела по существу. На этом основании стороны, исходя из требований ст. 63 УПК РФ, с учетом конкретных обстоятельств дела вправе заявить отвод судье при рассмотрении дела в судебном разбирательстве, полагая, что судья ранее принимал участие в производстве по данному делу в досудебных стадиях. Конституционный Суд РФ в Определении от 01.11.2007 г. № 799-О-О [9] подчеркнул, что участие судьи в рассмотрении дела, если оно связано с оценкой ранее уже исследованных с его участием обстоятельств по делу, является недопустимым, поскольку высказанная судьей в процессуальном решении позиция относительно наличия или отсутствия события преступления, обоснованности выводов о виновности в его совершении обвиняемого, достаточности доказательств ограничивала бы его свободу и независимость при дальнейшем производстве по уголовному делу и постановлении приговора или иного итогового решения. Тем более не должен участвовать в рассмотрении уголовного дела судья, который принимал решения по вопросам, вновь ставшим предметом судебного заседания.

Представляется, что если судом принято решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства в силу ст. 226-9 УПК РФ или ч. 6 ст. 316 УПК РФ, то данное уголовное дело по существу также должен рассматривать другой судья, поскольку одним из условий рассмотрения уголовных дел в указанном порядке является убеждение судьи в доказанности обвинения, которое формируется путем опосредованного изучения доказательств вне судебного заседания без участия сторон.

Провозглашение приговора публично реализует основной принцип уголовного судопроизводства – принцип гласности. Вместе с тем обоснованно высказываются предложения об исключении оглашения приговора суда в полном объеме, ограничившись оглашением резо-

лютивной части приговора [10, 11]. Справедлива точка зрения, что оглашение больших по объему приговоров в течение нескольких дней не повышает авторитет суда. Вполне достаточным будет провозглашение вводной и резолютивной частей приговора с немедленным вручением копий участникам уголовного судопроизводства, обладающим правом обжалования судебного решения. Информацию для СМИ можно подготовить в виде пресс-релизов. По вступлении судебных решений в законную силу их тексты будут размещены в сети Интернет, что позволит ознакомиться с ними и иным лицам. В настоящее время большинство уголовных дел судами первой инстанции рассматривается единолично. Вместе с этим имеют место предложения о введении вновь коллегиального рассмотрения уголовных дел судами первой инстанции с участием народных (судебных) заседателей [12, 13]. В связи с этим не утрачена актуальность анализа норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих коллегиальный порядок рассмотрения дела.

Излишней является существующая дискуссия относительно количества возможных перерывов в течение рабочего дня при постановлении приговора в совещательной комнате (ч. 2 ст. 298 УПК РФ). Представляется возможным исключить из норм процессуального права указанные положения, так как включения технических вопросов в регламентацию процессуальных отношений не требуется. Ч. 2 ст. 298 УПК РФ возможно изложить в следующей редакции: «Судьи не вправе разглашать суждения, имевшие место при обсуждении и постановлении приговора, или иным способом раскрывать тайну совещания судей», исключив первое предложение действующей редакции.

Реализацией гарантии независимости судей и свободы выражения мнения судьи при коллегиальном рассмотрении дела при принятии судебного решения является и возможность высказать особое мнение судьей, что предусмотрено ч. 5 ст. 301 УПК РФ. Свою актуальность указанные вопросы не утратили и в связи с изменениями УПК РФ, внесенными ФЗ РФ от 21.10.2013 г. № 272-ФЗ [14].

Согласно ч. 5 ст. 310 УПК РФ особое мнение судьи должно быть изготовлено не позднее 5 суток со дня провозглашения приговора. Следовательно, законодатель не исключает возможность изготовления особого мнения судьей вне условий совещательной комнаты. Данная норма противоречит положениям ч. 5 ст. 301 УПК РФ, соглас-

но которой судья, оставшийся при особом мнении по постановленному приговору, вправе письменно его изложить в совещательной комнате.

Данную правовую коллизию необходимо устранить, для чего следует изменить редакцию ч. 5 ст. 310 УПК РФ, регламентировав порядок вынесения особого мнения в совещательной комнате наряду с постановлением приговора. Текст особого мнения, изложенного судьей письменно в совещательной комнате и приобщенного к приговору, становится его неотъемлемой частью, отсюда следует, что особое мнение судьи подлежит не только вручению, но и опубликованию в сети Интернет в случае размещения там самого приговора по данному делу.

Полагаем, что ч. 5 ст. 301 УПК РФ возможно изложить в следующей редакции: «Судья, оставшийся при особом мнении по постановленному приговору, отдельным вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, излагает его письменно в совещательной комнате. В тексте особого мнения судьи указываются: дата и место его вынесения, данные о судье, его вынесшем, сведения, по какому делу и каким составом суда вынесен приговор. В тексте особого мнения должны быть изложены основания, мотивы и предложения судьи, оставшегося при голосовании в меньшинстве. При изложении своего особого мнения судья не вправе указывать в нем сведения о суждениях, имевших место при обсуждении и принятии судебного решения, позиции отдельных судей, входивших в состав суда, или иным способом раскрывать тайну совещания судей. Особое мнение подписывается вынесшим его судьей, приобщается к приговору и подлежит оглашению в зале судебного заседания, за исключением случаев, установленных ч. 7 ст. 241 УПК РФ. После провозглашения приговора в судебном заседании сторонам разъясняется, что копию особого мнения судьи они вправе получить в соответствии со ст. 312 настоящего Кодекса».

Дополнить ст. 312 УПК РФ второй частью, которую изложить в следующей редакции: «В указанном порядке и в сроки, предусмотренные частью первой настоящей статьи, участникам уголовного судопроизводства, обладающим правом апелляционного обжалования, вручается копия особого мнения судьи (судей), приобщенного к приговору».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кругликов А.П. Уголовное наказание без признания лица виновным по приговору суда? // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 98–102; Колоколов Н.А. Новая уголовная политика? // Уголовное судопроизводство. 2015. № 4. С. 3–10.

2. Давыдов В.А. Об «обвинительном уклоне» в уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. 2015. № 7 (111). С. 5–9.
3. Свиридов М.К. Тенденции развития российского уголовно-процессуального законодательства // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 348. С. 52–56.
4. Якимович Ю.К. Уголовная политика и уголовно-процессуальное законодательство // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 3 (13). С. 84–88.
5. Зиннатов Р.Ф. Функциональная деятельность судьи на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию / ред. Л.Г. Татьяна. М. : Юрлитинформ, 2008. 204 с.
6. Алексеева Л.Б. Практика применения ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по правам человека. Право на справедливое правосудие и доступ к механизмам судебной защиты. М. : Рудомино, 2000. 159 с.
7. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Мордовия от 21.03.2014. URL: https://vs-mor.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4471136&delo_id=4&new=&text_number=1
8. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 29.05.2002 № 58-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2027.
9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мозгова Станислава Викторовича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 01.11.2007 № 799-О-О (документ опубликован не был).
10. Брусницын Л.В. Оглашение мотивировочной части приговора – необходимость, традиция или юридический атавизм? // Российская юстиция. 2014. № 2. С. 46–49.
11. Быков В.М. Проблемы суда первой инстанции // Российская юстиция. 2015. № 3. С. 34–37.
12. Головкин Л.В. Теоретические и сравнительно-правовые подходы к определению модели участия граждан в отправлении правосудия по уголовным делам // Российское правосудие. 2015. № 8. С. 40–49.
13. Асеева Е.А., Качалова О.В. Формы участия граждан в осуществлении правосудия по уголовным делам // Российское правосудие. 2015. № 6. С. 33–40.
14. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления порядка ознакомления с особым мнением судьи : федеральный закон РФ от 21.10.2013 № 272-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 43. Ст. 5442.

PROBLEMS OF MAKING A CONVICTION

Irina P. Popova, Baikal State University, Ust-Ilim City Court (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: irinabaikal@mail.ru

Keywords: making conviction, judicial control, judge's impartiality, publicity of trial, judge's dissenting opinion.

DOI: 10.17223/9785946216111/38

The author considers the problem of a guilty verdict in a general order by the courts of first instance.

In particular, the paper states that in dealing with pre-trial proceedings and in the course of the preliminary hearing, the judge may form certain beliefs about the main issues to be considered in the proceedings, so a different judge should consider the criminal case on the merits. If the court decided to terminate the special order of the proceedings, under Art. 226-9 of the RF Code of Criminal Procedure or Part 6 of Art. 316 of the RF Code of Criminal Procedure, a different judge must consider the criminal case on the merits, since a condition of criminal case consideration in a special order is the judge's conviction in the proof of the charges that is formed by indirect examination of evidence outside of the court session without the participation of the parties.

It is argued that the principle of openness when reading the sentence can be implemented by announcing the introductory and the operative parts only. Announcement of long sentences, lasting for several days, does not increase the authority of the court. At the same time, an immediate delivery of copies of the full text of the sentence to the parties in the criminal proceedings is mandatory, as the parties have the right to appeal the sentence. Information for the media can be prepared in the form of press releases. When court decisions come into legal force, their texts are posted on the Internet, which allows other persons to learn about them.

According to Part 5 of Art. 310 of the RF Code of Criminal Procedure, the dissenting opinion of the judge must be prepared no later than 5 days from the day of the announcement of the sentence. Consequently, the legislator does not exclude the possibility of forming the judge's dissenting opinion out of the deliberation room. This norm contradicts the provisions of Part 5 of Art. 301 of the RF Code of Criminal Procedure, according to which the judge that has a dissenting opinion on the sentence is entitled to present it in writing in the deliberation room. This legal conflict needs to be addressed by amending Part 5 of Article 310 of the RF Code of Criminal Procedure to regulate the procedure for issuing a dissenting opinion in the deliberation room along with the sentence. The text of the dissenting opinion the judge writes in the deliberation room and attaches to the sentence becomes an integral part of the sentence, which implies that the judge's dissenting opinion is subject not only to delivery, but also to posting on the Internet in case the sentence is posted.

REFERENCES

1. Kruglikov, A.P. (2015) The criminal punishment without a conviction by judgment. *Yuridicheskaya nauka = The Juridical Science*. no. 4. pp. 98-102. (In Russian).

2. Davydov, V.A. (2015) On "Accusatorial Bias" in Criminal Proceedings. *Rossiyskoye pravosudiye = The Russian Justice*. no. 7(111). pp. 5-9. (In Russian).
3. Sviridov, M.K. (2012) Tendencies of development of Russian criminal procedure legislation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bulletin of Tomsk State University*. no. 348. pp. 52-56. (In Russian).
4. Yakimovich, Yu.K. (2014) Criminal policy and criminal procedural legislation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = The Bulletin of Tomsk State University. The Law*. no. 3 (13). pp. 84-88. (In Russian).
5. Zinnatov, R.F. (2008) *Funktional'naya deyatel'nost' sud'i na stadii podgotovki ugolovnogo dela k sudebnomu zasedaniyu* [The functional activity of the judge at the preparation for the trial meeting stage]. Moscow: Yurlitinform.
6. Alekseeva, L.B. (2000) *Praktika primeneniya st. 6 Yevropeyskoy konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod Yevropeyskim Sudom po pravam cheloveka. Pravo na spravedlivoye pravosudiye i dostup k mekhanizмам sudebnoy zashchity* [The practice of art. 6 European Convention on Human Rights and Freedoms by the European Court of Human Rights. The right to fair trial and access to mechanisms for judicial protection]. Moscow: Rudomino.
7. The Republic of Mordovia. (2014) *Apellyatsionnoye opredeleniye sudebnoy kollegii po ugolovnym delam Verkhovnogo Suda Respubliki Mordoviya ot 21 marta 2014 g.* [The Appeal Decision of judicial college on criminal cases of the Supreme Court of the Republic of Mordovia on March 21, 2014]. [Online]. Available from: https://vs—mor.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4471136&delo_id=4&new=&text number=1
8. Russian Federation. (2002) *O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Ugolovno–protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 29.05.2002 № 58–FZ* [On the Introduction of Amendments and additions to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: the Federal Law on 29.05.2002. 58-FZ]. *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Code of Laws of the Russian Federation]. 22. Art. 2027.
9. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2007) *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Mozgova Stanislava Viktorovicha na narusheniye yego konstitutsionnykh prav chast'yu 2 stat'i 63 Ugolovno–protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 01.11.2007 N 799–O–O* [On the refusal in acceptance to consider the complaint of a citizen Mozgova Stanislav Viktorovich on the violation of his constitutional rights by part 2 of Article 63 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 01.11.2007 N 799-O-O] (The document has not been published).
10. Brusnitsyn, L.V. (2014) The announcement of the motivation part of the sentence - the need, tradition or legal atavism? *Rossiyskaya yustitsiya = The Russian Justice*. no. 2. pp. 46-49. (In Russian).
11. Bykov, V.M. (2015) Problems of the court of first instance. *Rossiyskaya yustitsiya = The Russian Justice*. no. 3. pp. 34-37. (In Russian).

12. Golovko, L.V. (2015) Theoretical and Comparative and Legal Approaches to Definition of Model of Citizen Participation in Administration of Criminal Justice. *Rossiyskoye pravosudiye = The Russian Justice*. no. 8. pp. 40-49. (In Russian).
13. Aseeva, E.A., Kachalova, O.V. (2015) Types of Citizen Participation in Administration of Criminal Justice. *Rossiyskoye pravosudiye = The Russian Justice*. no. 6. pp. 33-40. (In Russian).
14. Russian Federation (2013) *O vnesenii izmeneniy v Ugolovno–protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Grazhdansko–protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii v chasti ustanovleniya poryadka oznakomleniya s osobym mneniyem sud'i: Federal'nyy zakon RF ot 21 oktyabrya 2013 g. № 272–FZ* [On the Introduction of Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the Code of Civil Procedure of the Russian Federation with regard to establishing the order of familiarization with the dissenting opinion: the Federal Law of 21.10.2013, 272-FZ]. *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Code of Laws of the Russian Federation]. 43. Art. 5442.

DOI: 10.17223/9785946216111/39

А.И. Ромашова

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ДЕЛ, РАССЛЕДОВАННЫХ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ ДОЗНАНИЯ

Рассматривается допустимость применения особого порядка принятия судебного решения по делам, по которым дознание осуществлялось в сокращенной форме. Делается вывод, что после проведенного дознавателем максимально упрощенного досудебного производства необходимо проводить полноценное судебное разбирательство. Только так можно будет избежать самооговоров обвиняемых, нарушений прав и свобод граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство, способствовать установлению объективной истины по уголовному делу.

Ключевые слова: сокращенное дознание, особый порядок принятия судебного решения, протокольная форма досудебной подготовки материалов, дифференциация уголовного процесса.

Современная политика нашего государства, реализуемая в условиях нестабильности экономической ситуации как внутри страны, так и на мировой арене, тесно связана с рационализацией использования государственных ресурсов – финансовых, производственных, кадровых.

Реформы не обошли стороной и сферу уголовного судопроизводства. За период 2002–2012 гг. осуществлена информатизация судов общей юрисдикции, усилены гарантии независимости судей, открытости и прозрачности правосудия, повышения доверия к нему [1, 2]. В рамках реализации соответствующей целевой программы на 2013–2020 гг. также предусмотрен ряд интересных изменений – от создания мобильных подвижных офисов судей до обработки и хранения информации о судебных делах в электронном виде на основе «облачной технологии» [3]. Помимо внешней стороны функционирования судов, назрела необходимость в реформировании и оптимизации процессуальной составляющей правосудия.

На протяжении всей своей истории уголовное судопроизводство развивается, движимое поиском все более совершенных и эффективных процессуальных форм, то есть действенных, гарантирующих установление по уголовному делу объективной истины, обеспечивающих защиту прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного уголовного преследования.

В советский период юридическую науку остро занимал вопрос о том, должен ли порядок уголовного судопроизводства строиться одинаково по всем категориям дел (быть унифицированным) или необходимы различия в построении процесса в связи с особенностями отдельных категорий дел (дифференциация). Позиция сторонников единства уголовного процесса (например, М.С. Строговича) являлась во многом выстраданной, объяснялась тем, что в различные годы советского периода России некоторые уголовные дела оказывались «подсудными» несудебным органам, да и сами дела порой просто фабриковались [4].

УПК РСФСР 1960 г. ознаменовал начало периода «единого» и обязательного по всем уголовным делам и для всех судов, органов прокуратуры, предварительного следствия и дознания уголовного процесса (ч. 4 ст. 1). Сторонники дифференциации (например, М.Л. Якуб, И.С. Дикарев) считают, что это приспособление, адаптация процессуального порядка производства по уголовному делу к реальным условиям, в которых осуществляется его расследование и судебное рассмотрение [5, 6].

Действующие источники свидетельствуют, что законодатель остановил свой выбор на дифференциации, что вполне оправдано, по-

скольку процессуальная форма должна быть не просто эффективной, но и оптимальной, то есть обеспечивающей достижение целей уголовного судопроизводства с минимально возможными затратами (временными, трудовыми, материальными и т.д.).

На сегодняшний день среди механизмов дифференциации на первое место выходит упрощение производства по уголовному делу.

Разделяя мнение о необходимости дифференциации процессуальных форм, хотелось бы отметить, что эффективность и оптимальность – не совпадающие характеристики. С одной стороны, в результате излишнего упрощения в целях снижения затратности процессуальная форма может утратить эффективность. С другой стороны, и эффективная процессуальная форма может оказаться неоптимальной в силу того, что является неоправданно осложненной и, следовательно, излишне затратной.

Что же мы имеем на сегодняшний день? На волне всеобщей оптимизации и рационализации федеральным законом от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 УК РФ и УПК РФ» УПК РФ дополнен главой 32.1 «Дознание в сокращенной форме», воплотившей идеи упрощенного и ускоренного досудебного производства по уголовным делам, возбужденным в отношении конкретного лица по признакам преступлений, относящихся к подследственности органов дознания, а также специального порядка судебного разбирательства таких дел.

Новация? Нет, дознание в сокращенной форме означает, по сути, возврат к существовавшей в УПК РСФСР 1960 г. модели протокольной формы досудебной подготовки материалов.

Оставляя за рамками выступления дискуссии о том, существовала ли необходимость его введения, о размытости граней, отделяющих одну стадию досудебного производства от другой, превращении досудебной проверки в некий суррогат расследования, полагаю необходимым обратиться к вопросу корректности правового регулирования судопроизводства по таким делам.

Часть 1 ст. 226.9 УПК РФ закрепляет, что судебное производство здесь осуществляется в порядке, определенном ст.ст. 316 и 317 УПК РФ, с изъятиями, установленными настоящей статьей. Свидетельствует ли это о том, что законодатель «увенчал» сокращенную форму дознания особым порядком судебного разбирательства, предусмотренным главой 40 УПК РФ?

Особый порядок принятия решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением предполагает, что судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу, при этом могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (ч. 5 ст. 316 УПК РФ).

Вместе с тем, согласно ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ, приговор по делу, расследованному порядке гл. 32.1 УПК РФ, постановляется на основании исследования и оценки доказательств, хотя и только тех, которые указаны в обвинительном постановлении.

Поскольку исследование доказательств в суде может быть только непосредственным, с участием сторон или его может не быть полностью (как при особом порядке), то возникает вопрос, не является ли такое исследование доказательств в общем порядке как раз тем самым изъятием из ст. 226.9 УПК РФ? Но тогда зачем указывать на необходимость применения порядка, предусмотренного гл. 40 УПК РФ?

Большинство ученых-процессуалистов, да и юристов-практиков разводят руками и надеются на то, что Верховный Суд РФ в очередной раз своим толкованием, обобщив и проанализировав судебную практику, исправит недостатки, разъяснив, как правильно понимать те или иные спорные положения закона.

Но, несмотря на то что гл. 32.1 УПК РФ применяется на протяжении трех лет, Верховный Суд РФ безмолвствует. Если посмотреть статистику региона, то в 2015 г. судами области рассмотрено 217 уголовных дел, расследованных в форме сокращенного дознания, что составляет всего 3,4% от числа дел, рассмотренных с постановлением приговора (в 2014 г. их было 103 (1,8%), а в 2013 г. – 26 (0,5%). При этом в порядке гл. 40 УПК РФ за 2015 г. в Томской области рассмотрено 6 086 дел, или 69,9% (2014 г. – 5 434 дел, или 69%, 2013 г. – 4 830 дел, или 60,3%). Как складывалась правоприменительная практика все это время?

Ряд авторов полагали и полагают, что под исследованием и оценкой доказательств законодателем имелось в виду ознакомление с ними суда при изучении поступившего уголовного дела, постановлении приговора в совещательной комнате, то есть своего рода исключительная форма исследования доказательств, заключающаяся в самостоятельном обособленном ознакомлении с ними суда [7] (данное мнение обусловлено положениями ст. 17 УПК РФ). Аналогичной по-

зиции с подачи Томского областного суда придерживаются суды и мировые судьи области, рассматривая такие дела в «классическом» особом порядке.

Нам же представляется более правильным толковать в данной ситуации закон буквально и исходить из необходимости осуществлять процедуру исследования и оценки доказательств в общем порядке, но только тех, которые указаны в обвинительном постановлении, исключив возможность затягивания судебного разбирательства представлением сторонами новых доказательств (за исключением характеризующих личность подсудимого).

Начнем с того, что условием рассмотрения дела в особом порядке судопроизводства является согласие лица с предъявленным обвинением, в то время как гл. 32.1 УПК РФ предусматривает возможность расследования дела в сокращенной форме дознания лишь при условии признания лицом вины и согласия с правовой оценкой содеянного, данной дознавателем. Однако только суд правомочен признать лицо виновным в совершении преступления и только на основе доказательств, подтверждающих такую виновность и проверенных в ходе судебного следствия (ч. 1 ст. 29 УПК РФ). А как быть, если доказательства в судебном заседании не исследуются?

Не спасают положения и требования закона о необходимости убеждения судьи при вынесении обвинительного приговора в обоснованности обвинения (ч. 2 ст. 226.9, ч. 7 ст. 316 УПК РФ). По существу, они носят формальный, декларативный характер, не подкрепляются соответствующими процессуальными гарантиями, так как анализ доказательств и их оценка судьей в приговоре не даются (ч. 8 ст. 316 УПК РФ).

При таких обстоятельствах правосудие сводится только к полномочию суда признать виновное, по мнению дознания, лицо виновным в совершении преступления и назначить ему наказание. В 100% случаев это будет обвинительный приговор. Но главный вопрос: на чем будет основано данное решение суда? Разрешение судами вопроса вины и меры наказания оказывается в зависимости от выводов органов дознания. Это может привести к тому, что суды станут заложниками результатов их деятельности. В итоге создается реальная угроза утраты судебной властью самостоятельности и независимости.

Кроме того, требование к подозреваемому признать свою вину и отсутствие обязанности дознавателя собрать, проверить и оценить

доказательства по уголовному делу в полном объеме ведет к усилению инквизиционных начал в уголовном судопроизводстве, возвращает во времена Средневековья, когда признание лицом своей вины ложилось в основу обвинения и считалось достаточным для его осуждения.

Далее, заслуживает внимания и такой факт, что впервые при включении в УПК РФ новой главы законодатель дважды упоминает о возможном самоговоре обвиняемого: когда говорит о направлении прокурором уголовного дела для производства дознания в общем порядке (подп. «г» п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ) и об основании возвращения судом уголовного дела прокурору (ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ).

К причинам самоговора, на наш взгляд, следует отнести не только уговоры, ложные обещания, угрозы и другие незаконные действия, но сокращение срока наказания наполовину в случае признания лицом своей вины. Последнее обстоятельство – также определенная приманка для самоговора (ч. 6 ст. 226.9 УПК РФ). Здесь прослеживается параллель с англо-американским институтом «сделки о признании вины», ограничивающим отдельные демократические институты уголовного судопроизводства, в том числе и принцип презумпции невиновности [8].

В рамках производства по делу, расследованному в сокращенной форме дознания, суд, заподозрив самоговор, может по своей инициативе принять решение о возвращении его прокурору. Однако фактически данная возможность маловероятна, поскольку предмет доказывания, предусмотренный ст. 73 УПК РФ, полностью вниманием дознавателя не охватывается, да и полноценное судебное следствие не проводится. Поэтому можно заключить, что из-за ограниченности объемов предварительного расследования возможности судьи выявить самоговор являются достаточно скромными. При такой форме уголовного правосудия весьма высок риск осуждения невиновного.

Приверженцы «классического» особого порядка ссылаются на то, что перед тем как поступить в суд, уголовное дело проходит промежуточный и «достаточно строгий» контроль в лице прокурора, что исключает самоговор и порочность обвинения [9]. Но возвращаемся опять к тому же выводу: прокурор – не судья, он не правомочен признавать лицо виновным. Если обратить внимание на существовавшую ранее протокольную форму досудебной подготовки материалов, то,

несмотря на все ее недостатки и достоинства, законодатель не отходил от принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 20 УПК РСФСР).

Какой же выход из сложившегося положения? По нашему мнению, только один: после проведенного дознавателем максимально упрощенного, быстрого досудебного производства необходимо проводить полноценное судебное разбирательство, либо полноценное предварительное расследование может предшествовать судебному производству с особым порядком. Только таким путем можно будет избежать самооговоров обвиняемых, нарушений прав и свобод граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство, способствовать установлению объективной истины по уголовному делу.

Если посмотреть на показатели деятельности российских судов за последние три года, невозможно не убедиться, что в подавляющем большинстве случаев в наших судах применяются сокращенные формы правосудия, в ходе которых исследование доказательств в общем порядке не осуществляется.

Все это означает, что современное российское правосудие все больше и больше становится компромиссным, ускоренным, сокращенным. В то же время приговор суда все равно всегда должен быть законным, обоснованным и справедливым. В противном случае уголовное судопроизводство не сможет обеспечивать своего назначения, что неизбежно повлечет серьезные негативные последствия и приведет к деструктивным процессам в развитии государства и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 годы : постановление Правительства РФ от 20.11.2001 № 805 (ред. от 06.02.2004) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4623.
2. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007–2012 годы : постановление Правительства РФ от 21.09.2006 № 583 (ред. от 01.11.2012) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 41. Ст. 4248.
3. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2013–2020 годы : постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 25.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 13.
4. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Основные положения науки советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. Т. 1. 470 с.
5. Якуб М.Л. К вопросу о видах уголовного судопроизводства в общих судах // Ученые записки Всесоюзного института юридических наук Министерства юстиции СССР. М. : Юриздат Минюста СССР, 1947. С. 147–164.

6. Дикарев И.С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы, ее обуславливающие // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 18–21.
7. Булыгин А.В. Основания рассмотрения уголовного дела и особенности доказывания при судебном разбирательстве в порядке главы 40 УПК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 29 с.
8. Панькина И.Ю. Реализация принципа презумпции невиновности на досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2001. 216 с.
9. Долгих Т.Н. Особенности судебного производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме // Российский судья. 2015. № 9. С. 25–28.

FEATURES OF TRIAL IN CASES INVESTIGATED IN A SIMPLIFIED FORM OF INQUIRY

Alyona I. Romashova, Criminal Judicial Department of the Prosecutor's Office of Tomsk Oblast (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Mela@sibmail.com

Keywords: simplified inquiry, special order for adoption of judicial decision, protocol form of pre-trial preparation of materials, differentiation of criminal procedure.

DOI: 10.17223/9785946216111/39

The paper substantiates that inquiry in a simplified form is a return to the model of the protocol form of pre-trial preparation of materials fixed in the 1960 RSFSR Code of Criminal Procedure. The question arises whether it is permissible to use a special order for the adoption of a judicial decision in cases with a simplified form of inquiry.

The special order of making a decision when the accused agrees with the charges against them suggests that the judge does not examine and assess evidence collected in the criminal case in a general order. However, according to Part 2 of Art. 226.9 of the RF Code of Criminal Procedure, the sentence on the case investigated by the procedure of Chapter 32.1 of the RF Code of Criminal Procedure is passed on the basis of examination and assessment of evidence listed in the indictment. The author believes that this provision should be interpreted literally, which means that in such cases the court is obliged to examine and assess evidence in a general order, but only evidence listed in the indictment.

In addition, the requirement for the suspect to plead guilty in the absence of the duties of the inquiry officer to collect, examine and assess evidence in a criminal case in its entire volume leads to increased inquisition elements in the criminal proceedings, sends back to the time when pleading guilty was the basis for charges and was considered sufficient for conviction.

As part of the case investigated in a simplified form of inquiry, the court, suspecting self-incrimination, can take an initiative and decide to return the case to the prosecutor. In fact, however, this situation is hardly possible, because under Art. 73 of the RF Code of Criminal Procedure the inquiry officer does not consider the entire subject of proof, and a comprehensive judicial investigation is not carried out. Due to the limited volume of preliminary investigation, the judge has little opportunity to identify possible

self-incrimination. In this form of criminal justice the risk is very high of condemning the innocent.

The paper concludes that after simplified rapid pre-trial proceedings, it is necessary to conduct a full trial or, conversely, a comprehensive preliminary investigation may be followed by a special order of the court procedur. This way it will be possible to avoid self-incrimination of the accused and violations of the rights and freedoms of citizens involved in criminal proceedings, to establish objective truth in a criminal case.

REFERENCES

1. Government of the Russian Federation. (2001) *Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 20.11.2001 № 805 «O federal'noy tselevoy programme «Razvitiye sudebnoy sistemy Rossii» na 2002 – 2006 gody» (red. ot 06.02.2004 g.)* [Government Decree of 20.11.2001 number 805 "On the Federal Target Program "Development of the Russian judicial system for 2002-2006" (as amended on 06.02.2004)". *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Code of Laws of the Russian Federation].49. Art.4623.
2. Government of the Russian Federation. (2006) *Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 21.09.2006 № 583 «O federal'noy tselevoy programme «Razvitiye sudebnoy sistemy Rossii» na 2007 – 2012 gody» (red. ot 01.11.2012 g.)* [Government Decree of 21.09.2006 number 583 "On the Federal Target Program "Development of the Russian judicial system for 2007-2012" (as amended on 01.11.2012)". *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Code of Laws of the Russian Federation].41. Art.4248.
3. Government of the Russian Federation. (2013) *Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 27.12.2012 № 1406 «O federal'noy tselevoy programme «Razvitiye sudebnoy sistemy Rossii» na 2013 – 2020 gody» (red. ot 25.12.2015 g.)* [Government Decree of 27.12.2012 number 1406 "On the Federal Target Program "Development of the Russian judicial system for 2013-2020" (as amended on 25.12.2015)". *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Code of Laws of the Russian Federation].1. Art.13.
4. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa* [The Soviet criminal trial], Vol.1. Moscow: Nauka.
5. Yakub, M.L. (1947) On the types of criminal proceedings in the courts of general jurisdiction. *Uchenyye zapiski Vsesoyuznogo instituta yuridicheskikh nauk Ministerstva yustitsii SSSR = Scientific notes of the All-Union Institute of Legal Sciences of the Ministry of Justice of USSR*. pp. 147-164 (In Russian).
6. Dikarev, I.S. (2013) Differentiation of the criminal procedural form and caused factors. *Rossiyskaya yustitsiya = The Russian Justice*. no. 12. pp. 18-21. (In Russian).
7. Bulygin, A.V. (2013) *Osnovaniya rassmotreniya ugovnogo dela i osobennosti dokazyvaniya pri sudebnoy razbiratel'stve v poryadke glavy 40 UPK RF* [The grounds of the criminal proceedings and characteristics of proving in proceedings in the order of chapter 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Ekaterinburg.
8. Pankina, I.Y. (2001) *Realizatsiya printsipa prezumptsii nevinovnosti na dosudebnykh stadiyakh ugovnogo protsessa* [The realization of the principle of the presumption of innocence at pretrial stages of the criminal procedure]. Law Cand. Diss. Kaliningrad.

9. Dolgikh, T.N. (2015) Characteristics of judicial proceedings in a criminal case investigated in the reduced form. *Rossiyskiy sud'ya = The Russian Judge*. no. 9. pp. 25-28. (In Russian).

DOI: 10.17223/9785946216111/40

Е.А. Сарычев

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ЗАЩИТЫ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО), ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В статье анализируется, может ли общее правило о недопустимости привлечения обвиняемого к ответственности за дачу им заведомо ложных показаний продолжать действовать в случае заключения им досудебного соглашения о сотрудничестве. Обосновано, что лицо, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, должно предупреждаться об уголовной ответственности за заведомо ложный донос (заведомо ложные показания) и при нарушении им условий соглашения подлежит возбуждению уголовного дела о заведомо ложном доносе (заведомо ложных показаниях).

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, способы защиты обвиняемого, право обвиняемого «на ложь».

Согласно отечественной доктрине уголовного права и уголовного процесса, сложившейся судебной и следственной практике, лицо, подозреваемое (обвиняемое) в совершении преступления, вправе использовать все имеющиеся способы и средства защиты от предъявленного обвинения. В некоторых аспектах юридическая техника защиты личности от необоснованного обвинения пошла дальше аналогичных средств и способов, гарантированных законодательством зарубежных государств. В частности, по законодательству Швейцарии, США, Англии, Испании подозреваемый (обвиняемый) может быть привлечен к уголовной ответственности за преступления, аналогичные составам заведомо ложного доноса и (или) заведомо ложных показаний, в то время как уголовное законодательство Российской Федерации указанных лиц к субъектам данных преступлений не отно-

сит. Это объясняется в первую очередь процессуальным статусом подозреваемого (обвиняемого), совокупностью прав, свобод и гарантий, вытекающих из основ уголовного судопроизводства, возводящего защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод к одному из главных назначений всего уголовного процесса.

Одним из аргументов отказа от преследования подозреваемого (обвиняемого) за заведомо ложный донос (заведомо ложные показания) выступает положение, согласно которому человек в силу своей естественной природы при любых обстоятельствах стремится к свободе, и сообщаемая ложь при обвинении в преступлении должна рассцениваться как неотъемлемая реакция индивида, желающего сохранить свою свободу.

Стремление человека любыми способами избежать ограничения своих прав и свобод, потребность сохранения своего социального статуса и нахождения в нормальной общественной среде объясняется неотчуждаемой, естественной сущностью человека.

С этой точки зрения привлечение лица к ответственности за заведомо ложные показания (заведомо ложный донос), данные лицом в целях сохранения своего состояния свободы, рассматривается как отрицание природы человека как социального существа. Во многом благодаря этим положениям судебная практика пошла по пути, не умаляющему любые попытки человека сохранить свою свободу.

Так, 12 мая 1962 г. в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу гражданина К. было записано следующее: «Обвиняемый не несет уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний по поводу предъявленного ему обвинения» [1].

В 1979 г. Верховный Суд РСФСР разъяснил, что «осужденный по выделенному уголовному делу в отношении соучастника допрашивается в качестве свидетеля, но без предупреждения об уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний» [2].

По делу Незнамова Верховный Суд Российской Федерации занял аналогичную позицию. Так, в соответствии с п. 7 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 1997 г. по уголовным делам заведомо ложные показания подозреваемого о совершении преступления другим лицом заведомо ложный донос не образуют, поскольку были даны с целью укло-

ниться от уголовной ответственности и являлись способом защиты от обвинения [3].

В теории и практике мнения по этому вопросу разделились и представляют собой градацию от полного отрицания ответственности подозреваемо (обвиняемого) при защите от предъявленного обвинения до предложений уравнивать подозреваемо (обвиняемого) с другими участниками уголовного процесса, в частности со свидетелем и потерпевшим. Авторы, занимающие промежуточную точку зрения, чаще акцентируют внимание на предмете доказывания по уголовному делу и считают, что именно им стоит ограничить «право на ложь» подозреваемо (обвиняемого).

Однако в связи с введением в УПК РФ главы 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» многие аспекты данного доктринального спора подлежат пересмотру применительно к вновь возникшим процессуальным правоотношениям. Данный вопрос имеет как общетеоретическое, так и непосредственно практическое значение, затрагивая интересы широкого круга лиц, поскольку введение данного правового института позволяет поставить ряд спорных вопросов, рассмотрение которых может использоваться при определении процессуального статуса подозреваемо или обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, и установлении уголовной ответственности за вышеуказанные преступления на общих началах наравне с другими участниками уголовного процесса.

При согласии лица с предъявленным обвинением, которое является составной частью досудебного соглашения о сотрудничестве, лицо своими действиями признает себя виновным, а также осознает, что конечным результатом признания вины при наличии у стороны обвинения доказательств будет назначение наказания, в том числе в виде лишения свободы. В этом случае возникает ряд вопросов. Что в такой ситуации выступает способом защиты? Ложь, которая дается с целью избежать наказания за преступление, с обвинением за которое лицо согласилось и признало вину? Или сотрудничество как способ защиты с целью получения значительно меньшего наказания? Одной из обязанностей подозреваемо (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, является сообщение органам предварительного следствия информации о лицах, являющихся соучастниками преступления, а также осуществле-

ние содействия в раскрытии преступления. Может ли такая обязанность наравне с обязанностью свидетеля, потерпевшего давать показания являться основанием привлечения лица к ответственности? Если бы лицо не было обязано сотрудничать, этот вопрос не стоял бы так остро.

Представляется, что лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, может быть привлечено к ответственности по следующим причинам.

Одной из целей, пусть и вторичной, заключения сотрудничества является не только упрощение судебной процедуры, но и снятие нагрузки с органов предварительного расследования путем получения информации о произошедшем событии от одного из соучастников преступления. Заведомо ложные показания (заведомо ложный донос) при таких обстоятельствах прямо противоречат цели заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, так как ложь обвиняемого (подозреваемого) не только повлечет за собой отмену особого порядка принятия судебного решения, но и повысит нагрузку на органы предварительного расследования по рассмотрению и опровержению показаний подозреваемого (обвиняемого). В некоторых случаях возбуждение и прекращение уголовного дела могут быть обусловлены заведомо ложными показаниями (заведомо ложным доносом), влекущими нарушение широкого перечня прав граждан и сопутствующие обязанности государства по их восстановлению. Назначением же уголовного судопроизводства является защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

В качестве способа защиты ложь подозреваемого (обвиняемого) толкуется как имеющая целью уклонение от ответственности по существу инкриминируемого деяния, однако в соглашении о сотрудничестве лицо согласно с обвинением и неотвратимостью уголовной ответственности за преступление, и лишь на основании сотрудничества со следствием возможно уменьшение её пределов. Ложь при таком её рассмотрении спорно квалифицировать как способ защиты, в то же время она не образует положительного посткриминального поведения как результат содействия в расследовании и раскрытии преступления, изобличении соучастников преступления. При таких обстоятельствах только сообщение полных и правдивых сведений можно рассматривать как способ защиты, однако лишь в части наказания, которое установлено санкцией статьи Особенной части УК РФ

и ограничивается соответствующим положением, предусмотренным в Общей части УК РФ, условия применения которого отражаются в досудебном соглашении о сотрудничестве.

Кроме того, ограничение такого способа защиты, как «право на ложь», не умаляет прав и свобод подозреваемого (обвиняемого), поскольку ограничение должно осуществляться с его добровольного согласия, в его интересах, при наличии у него действительного желания сообщить известные ему правдивые сведения. Возможность привлечения лица к ответственности должно уравнивать его с другими участниками уголовного процесса, обязанными предоставлять известные им сведения по уголовному делу, а также будет положительно влиять на мотивы следователя при заключении соглашения о сотрудничестве, поскольку вероятность получения истинных сведений, входящих в предмет доказывания, возрастает. При этом как положительный, так и отрицательный результат сотрудничества приведет к соразмерным правовым последствиям для подозреваемого (обвиняемого).

С одной стороны, государство обязывает подозреваемого (обвиняемого) давать показания по уголовному делу, санкционирует его действия по обвинению других лиц, а с другой – вопрос об ответственности не поднимается, что весьма сомнительно. Таким образом, «право на ложь» подозреваемого (обвиняемого) остается незабываемым, в то время как могут быть нарушены цели введения данного института, действия подозреваемого (обвиняемого) могут повлечь нарушение прав законопослушных граждан. Логично предположить, что обязанность честного и полного содействия органам предварительного следствия, взятая на себя подозреваемым (обвиняемым), вполне обоснованно должна коррелировать с предупреждением о возможности его привлечения к уголовной ответственности за заведомо ложный донос (заведомо ложные показания).

Таким образом, лицо, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, должно предупреждаться об уголовной ответственности за заведомо ложный донос (заведомо ложные показания), и при нарушении условий соглашения, наряду с прекращением сотрудничества и отсутствием соответствующей квалификации о смягчении наказания, подлежит возбуждению уголовное дело о заведомо ложном доносе (заведомо ложных показаниях). При этом важным моментом установления ответственности должен являться факт пол-

ного ограничения «права на ложь» подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, как в отношении обстоятельств, указанных в соглашении о сотрудничестве, так и по обстоятельствам, входящим в предмет доказывания по уголовному делу в отношении данного лица.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1962. № 8.
2. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1979. № 4.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 4.

ON THE PROTECTION OF THE SUSPECT (THE ACCUSED) THAT CONCLUDED A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

Evgeniy A. Sarychev, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: sarychevea@mail.ru

Keywords: pre-trial cooperation agreement, ways to protect the accused, right of the accused to lie.

DOI: 10.17223/9785946216111/40

Persons suspected (accused) of committing a crime have the right to use all legal means to defend themselves against accusation. In particular, they cannot be prosecuted for perjury (misleading information).

However, when a pre-trial cooperation agreement is concluded, persons voluntarily abandon some of their rights, e.g., promise to tell the preliminary investigation authorities and the court the truth about their partners in crime, to assist in solving the crime. The question arises whether the accused still retains the right to lie, whether they could still be prosecuted for perjury (misleading information) on general terms.

The lie of the accused in this case does not form a positive post-criminal behavior, so it may result in the termination of the agreement, in the lack of commutation. At the same time, in case of perjury, the person who has concluded a pre-trial agreement can violate the rights of law-abiding citizens, complicate the establishment of the truth on the case against their accomplices. It is logical to assume that the commitment of a fair and complete cooperation with preliminary investigation bodies the suspect (the accused) makes should correlate with the possibility of criminal liability for misleading information (false testimony).

The ability to hold a person criminally responsible for perjury should equate them with the other parties in the proceedings that are required to provide the information they possess on a criminal case. It will positively influence the investigator's readiness to conclude a cooperation agreement, as it increases the probability of getting true information from the accused. In this case, both positive and negative results of cooperation will lead to coherent legal consequences for the suspect (the accused).

Thus, persons that concluded a pre-trial cooperation agreement should be warned about criminal responsibility for misleading information (false testimony). If they violate the terms of the agreement, criminal cases regarding misleading information (false testimony) will be initiated against them.

REFERENCES

1. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RSFSR. 1962. № 8* [The Bulletin of the Supreme Court of the RSFSR. 1962. number 8].
2. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RSFSR. 1979. № 4* [The Bulletin of the Supreme Court of the RSFSR. 1979. number 4].
3. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. 1998. № 4.* [The Bulletin of the Supreme Court of the RSFSR. 1998. number 4].

DOI: 10.17223/9785946216111/41

П.В. Седельников

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ОРГАНОМ ДОЗНАНИЯ НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Анализируется правовое регулирование осуществления органом дознания неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым осуществлено производство предварительного следствия. Обосновывается тезис о том, что производство следственных действий лицом, ранее проводившим по данному преступлению оперативно-розыскные мероприятия, является допустимым. Также аргументирована необходимость ограничительного толкования п. 6 ч. 2 ст. 157 УПК РФ.

Ключевые слова: производство неотложных следственных действий, орган дознания, дознаватель, уголовные дела, по которым производство предварительного следствия обязательно.

Состояние правового регулирования осуществления органом дознания неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, вряд ли можно назвать удовлетворительным. Фактически данному виду уголовно-процессуальной деятельности органа дознания в УПК РФ посвящена всего одна статья – ст. 157. Её внимательное изучение поз-

воляет сделать вывод, что в ней сформулированы лишь общие установки (костяк, основа) рассматриваемого уголовно-процессуального института, чего явно недостаточно для его успешного применения.

Это ведет к тому, что складывается разная правоприменительная практика при претворении в «жизнь» одних и тех же правовых норм. В качестве одного из примеров можно выделить возможность производства неотложных следственных действий лицом, которое ранее проводило по данному преступлению оперативно-розыскные мероприятия. Об остроте вопроса говорит тот факт, что в научной литературе точки зрения по нему диаметрально противоположные. Одни ученые утверждают о легитимности подобного [1], другие, напротив, указывают на невозможность совмещения в одном лице уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных начал, а следовательно, на незаконность производства неотложных следственных действий лицом, проводившем (или проводящем) оперативно-розыскные мероприятия по данному преступлению [2].

Обратившись к уголовно-процессуальному закону, увидим, что никаких запретов по данному поводу он в себе не содержит. В силу разрешительного метода правового регулирования уголовно-процессуальных отношений это свидетельствует о допустимости производства следственных действий лицом, ранее проводившим по данному преступлению оперативно-розыскные мероприятия. Тогда почему же нет единой позиции среди ученых-процессуалистов? Полагаем, виной всему сам законодатель, который в ч. 2 ст. 41 УПК РФ предусмотрел запрет на производство дознания лицом, которое ранее проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия.

Почему закон так категоричен в вопросе о недопустимости совмещения в одном лице полномочий по производству оперативно-розыскных мероприятий и процессуальных действий? Какие уголовно-процессуальные гарантии ставятся тем самым под угрозу и в чем именно они заключается?

Глава 9 УПК РФ «Обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве» не содержит предписаний, запрещающих лицу, проводившему по преступлению оперативно-розыскные мероприятия, в дальнейшем осуществлять по нему предварительное расследование. Полагаем, нет нарушения и принципа состязательности сторон. Ч. 2 ст. 15 УПК РФ запрещает возложение функций обвине-

ния, защиты и разрешения уголовного дела на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо.

Но согласно главе 6 УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения» дознаватель и орган дознания отнесены к одной стороне – стороне обвинения, следовательно, они выполняют одну функцию. Орган дознания не только вправе осуществлять уголовно-процессуальные действия, но может и проводить оперативно-розыскные мероприятия. Таким образом, возможность совмещения разной по правовому режиму деятельности участниками со стороны обвинения прямо предусмотрена законодателем.

Интересно обратиться к зарубежному опыту. Оперативно-розыскные мероприятия (в том виде как мы их знаем по законодательству Российской Федерации) прямо закреплены в качестве негласных следственных действий в УПК Республики Казахстан и УПК Украины. Причем некоторые из негласных следственных действий следователь имеет право проводить лично (ст.ст. 40, 246 УПК Украины, ст. 246 УПК Республики Казахстан). Это еще раз подчеркивает, что научная мысль (а в приведенных примерах даже воплощенная в законе) в целом положительно относится к возможности совмещения лицом, осуществляющим расследование по уголовному делу, гласных и негласных начал.

Вопрос о допустимости производства неотложных следственных действий лицом, которое ранее проводило по данному преступлению оперативно-розыскные мероприятия, был предметом изучения и Конституционного Суда Российской Федерации. В своем постановлении высший судебный орган отметил, что «органу дознания и действующему от его имени должностному лицу, которое проводило или проводит по уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия, не запрещается принимать решение о возбуждении уголовного дела и проводить направленные на первоначальное закрепление следов преступления неотложные следственные действия при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, поскольку ч. 2 ст. 41 УПК РФ, исключая одновременное осуществление одним и тем же лицом процессуального расследования и оперативно-розыскной деятельности, распространяется лишь на дознавателей и проведение ими дознания в предусмотренном главами 32 и 32.1 УПК РФ порядке» [3].

Таким образом, с правовой точки зрения вопрос о возможности производства неотложных следственных действий лицом, которое

проводило или проводит по уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия, в настоящее время разрешен.

Однако считаем, что Конституционный Суд РФ подтвердил лишь принципиальную возможность производства неотложных следственных действий лицом, которое проводило или проводит по уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия. Вместе с тем на такое лицо должны распространяться общие запреты, закрепленные в УПК РФ (глава 9 «Обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве»), предусмотренные для должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование по уголовному делу. Полагаем, что лицо, проводящее неотложные следственные действия, не может участвовать в производстве по уголовному делу, если оно:

- 1) может быть в последующем признано потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком по данному уголовному делу;
- 2) участвовало ранее в качестве эксперта, специалиста, переводчика, понятого по данному уголовному делу;
- 3) является близким родственником или родственником любого из участников производства по данному уголовному делу;
- 4) лично, прямо или косвенно, заинтересовано в исходе данного уголовного дела.

При наличии указанных обстоятельств в отношении должностного лица органа дознания начальник органа дознания не вправе возложить на него полномочия по осуществлению неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно.

Еще одной проблемой является толкование п. 6 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, а именно распространяется ли данная норма на лиц, указанных в ч. 3 ст. 40 УПК РФ (далее – «лица, указанные в ч. 3 ст. 157 УПК РФ»):

- 1) капитанов морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании;
- 2) руководителей геологоразведочных партий и зимовок, начальников российских антарктических станций и сезонных полевых баз, удаленных от мест расположения органов дознания;
- 3) глав дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации.

Буквальное толкование п. 6 ч. 2 ст. 157 УПК РФ позволяет утверждать, что право возбуждения уголовного дела и производства неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым

производство предварительного следствия обязательно, распространяется и на лиц, указанных в ч. 3 ст. 40 УПК РФ. Такое понимание встречается в учебной и научной литературе [4, 5].

Вместе с тем позволим с этим не согласиться. Положения ст. 157 УПК РФ не распространяются на лиц, указанных в ч. 3 ст. 40 УПК РФ. В данном случае толкование указанной правовой нормы должно быть ограничительным. Ниже приведем аргументы в защиту выдвинутого тезиса.

Аргумент 1. П. 6 ч. 2 ст. 157 УПК РФ указывает, что осуществлять неотложные следственные действия также вправе иные должностные лица. Отметим, что речь идет именно о должностных лицах, т.е. работающих в государственных и муниципальных учреждениях. Вместе с тем лица, указанные в ч. 3 ст. 157 УПК РФ, могут работать в организациях и иной формы собственности.

Аргумент 2. Конструкция ст. 40 УПК РФ устроена таким образом, что из неё однозначно не вытекает, что лица, указанные в ч. 3 данной статьи, являются органами дознания. В законе используется выражение «возбуждение уголовного дела... возлагается также на...», что может свидетельствовать всего лишь о делегировании им некоторых полномочий органа дознания.

Аргумент 3. Положения ч. 3 ст. 40 УПК РФ нашли свое развитие в Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации. Так, его ст. 69 «Возбуждение уголовного дела публичного обвинения и осуществление неотложных следственных действий капитаном судна» предусматривает право капитана судна, находящегося в плавании, на возбуждение уголовного дела публичного обвинения и осуществление неотложных следственных действий. Обратим внимание, что круг преступлений, при совершении которых капитан судна вправе возбудить уголовное дело шире, чем указано в ст. 157 УПК РФ, и охватывает преступления, по которым возможно осуществление дознания.

Аргумент 4. Если принять за истину, что п. 6 ч. 2 ст. 157 УПК РФ позволяет лицам, указанным в ч. 3 ст. 40 УПК РФ проводить неотложные следственные действия по преступлениям, по которым производство предварительного следствия обязательно, то возникает закономерный вопрос: «А могут ли данные лица расследовать уголовные дела, по которым производство предварительного следствия необязательно?». Ответ на данный вопрос должен быть отрицательным, так как в ч. 3 ст. 151 УПК РФ подследственность данных лиц не определена.

Аргумент 5. Толкование выражения «неотложные следственные действия», данное в п. 19 ч. 1 ст. 5 УПК РФ, не является единственно легальным. Второе его значение приведено в ст. 152 УПК РФ. Так, согласно ч. 5 данной статьи следователь и дознаватель, установив, что уголовное дело ему не подследственно, вправе провести по нему неотложные следственные действия до направления его по подследственности.

Все изложенное позволяет заключить, что выражение «выполнение неотложных следственных действий», использованное законодателем в ч. 3 ст. 40 УПК РФ, необходимо толковать не в соответствии с п. 19 ч. 1 ст. 5 УПК РФ, а в соответствии с ч. 5 ст. 152 УПК РФ.

Полагаем, что при обнаружении признаков любого преступления (за исключением дел частного обвинения) лица, указанные в ч. 3 ст. 40 УПК РФ, вправе возбудить уголовное дело и провести неотложные следственные действия в целях обнаружения и задержания лица, совершившего преступление, обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

Таким образом, предложенное толкование ч. 3 ст. 40 УПК РФ, п. 6 ч. 2 ст. 157 УПК РФ позволяет устранить имеющуюся в науке уголовного процесса неопределенность в вопросе о правомерности возбуждения уголовного дела и производстве неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно и по которым производство предварительного следствия необязательно лицами, указанными в ч. 3 ст. 40 УПК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. См., напр.: Луковников Г.Д. Следственные действия в схемах и определениях : учеб.-нагляд. пособие. Ижевск : Ижевский филиал Нижегород. Акад. МВД России, 2007.
2. Вдовцев П.В. Неотложные следственные действия в российском уголовном процессе: вопросы теории, практики и законодательного регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. 253 с.
3. По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 УК РФ в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2015 № 22-П // Собрание законодательства РФ. 2015. № 30. Ст. 4659.
4. Вандышев В.В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части : учебник для юридических вузов и факультетов. М. : Контракт, Волтерс Клувер, 2010. 720 с.

5. Безлепкии Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 11-е издание, перераб. и дополн. М. : Проспект, 2012. 752 с.

LEGAL REGULATION OF URGENT INVESTIGATIVE ACTIVITIES BY INQUIRY BODIES

Pavel V. Sedelnikov, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Omsk, Russian Federation). E-mail: prozess_oma@mail.ru

Keywords: urgent investigative activities, body of inquiry, inquiry officer, criminal cases in which preliminary investigation is not necessary.

DOI: 10.17223/9785946216111/41

The state of the legal regulation of urgent investigative activities of inquiry bodies in criminal cases in which preliminary investigation is necessary is hardly satisfactory. Only one article, Art. 157, in the RF Code of Criminal Procedure mentions this type of criminal procedural activities, which is not sufficient for the successful application of this institute. As a result, the law-enforcement practice is diverse, e.g., on the question of the possibility of urgent investigative activities by a person who has previously conducted operative investigative activities on the same case. The paper explains that such a person can conduct investigative activities. According to Chapter 6 of the RF Code of Criminal Procedure “Participants in the Criminal Court Proceedings on the Side of the Prosecution”, the inquiry officer and the inquiry body belong to the side of the prosecution; therefore, they perform the same function. The body of inquiry is entitled to perform not only criminal procedural, but also operative investigative activities. Thus, the legislator gives an opportunity to combine activities different in their legal regime to the participants on the side of the prosecution. An analogous legal position is expressed by the Constitutional Court of the Russian Federation in its Resolution 22-P of July 16, 2015. According to the RF Constitutional Court, “the body of inquiry and the official acting on behalf of it that conducted or are conducting operative investigative activities in the criminal case are not forbidden to make a decision to initiate a criminal case and to conduct urgent investigative activities, aimed at the initial consolidation of traces of the crime, with signs of a crime that does not require a preliminary investigation”.

The paper also addresses the issue of whether the right to urgent investigative activities belongs to persons specified in Part 3 of Art. 40 of the RF Code of Criminal Procedure. It is proved that when detecting signs of any crime (except for cases with private claims), persons specified in Part 3 of Art. 40 of the RF Code of Criminal Procedure have the right to initiate a criminal case and carry out urgent investigative activities in order to detect and detain the perpetrator, detect and fix the traces of the crime and evidence that requires immediate consolidation, seizure and examination.

REFERENCES

1. Lukovnikov, G.D. (2007) *Sledstvennyye deystviya v skhemakh i opredeleniyakh* [Investigative actions in diagrams and definitions]. Izhevsk : Izhevskiy filial Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii.

2. Vdovtsev, P.V. (2011) *Neotlozhnyye sledstvennyye deystviya v rossiyskom ugolovnom protsesse: voprosy teorii, praktiki i zakonodatel'nogo regulirovaniya* [Urgent investigative actions in the Russian criminal trial: theory, practice and legal regulation]. Law Cand. Diss. Ekaterinburg.
3. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2015) *Po delu o proverke konstitutsionnosti polozeniya stat'i 226.1 UK RF v svyazi s zhalobami grazhdan Respubliki Kazakhstan O.Ye. Nedashkovskogo i S.P. Yakovleva: Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 16 iyulya 2015 goda № 22–P* [On the case on the constitutionality of the provisions of Article 226.1 of the Criminal Code in connection with the complaints of the citizens of the Kazakhstan Republic O.E. Nedashkovsky and S.P. Yakovlev: Decision of the Constitutional Court of 16.07.2015, 22-P]. *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Code of Laws of the Russian Federation], 30. Art. 4659.
4. Vandyshev, V.V. (2010) *Ugolovnyy protsess. Obshchaya i Osobennaya chasti* [The Criminal procedure. General and Special Parts]. Moscow: Kontrakt, Volters Kluver.
5. Bezlepkin, B.T. (2012) *Kommentariy k Ugolovno–protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynnyy)* [Commentary to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (itemized)]. Moscow: Prospekt.

DOI: 10.17223/9785946216111/42

И.В. Чаднова

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ИНФОРМАЦИОННО-ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Рассматривается расследование преступления как информационно-познавательная деятельность. Обосновано, что такая деятельность состоит из трех этапов, на каждом из которых имеет значение как чувственное, так и рациональное познание определенного события реальной действительности. Любое следственное действие, проводимое в рамках процесса расследования, является элементом как следственной, так и информационно-познавательной деятельности.

Ключевые слова: расследование преступления, информационно-познавательная деятельность, чувственное познание, рациональное познание, этапы расследования.

В последнее время в научно-криминалистической литературе получило распространение мнение, что деятельность по расследованию пре-

ступлений (следственная деятельность) является не чем иным, как видом информационно-познавательной деятельности. Именно на таком подходе основывается активно разрабатываемая усилиями многих видных ученых-криминалистов общая теория расследования преступлений [1–4].

Но любое познание складывается из двух видов – чувственного и рационального, не исключением является и познавательная деятельность в процессе расследования преступлений. Чувственное познание является предпосылкой для существования иных форм познания и с необходимостью требует функционирования органов чувств, нервной системы, мозга, благодаря чему и возникает ощущение, восприятие, представление материальных объектов. Именно через чувственное познание и достигается первоначальный объем эмпирических знаний. Эмпирическое знание может дать представление лишь о единичном объекте, ставшем предметом изучения.

Следующим уровнем, когда проявляются существенные черты объекта и его связи с миром, является рациональное познание, протекающее в форме мышления – обобщенного и опосредованного отражения действительности.

Наличие двух видов познавательной деятельности не подразумевает, что можно четко провести разделение реальной практической деятельности на деятельность чувственного познания и деятельность рационального познания. Так, восприятие и мышление (формы соответственно чувственного и рационального познания) «выступают не как самостоятельные виды деятельности, а как моменты реальной деятельности человека, как ее “составляющие”. Они включены в деятельность и наблюдателя, и исследователя, обеспечивая отражение условий, предмета и средств этой деятельности, формирование мотивов и целей, выявление проблем и решение задач и т.д.» [5. С. 214]. Следует признать, что каждый из этих видов познания играет свою определенную роль и при исследовании преступного события. Следственная деятельность представляет собой последовательный переход от незнания к знанию и для того, чтобы быть успешной, требует создания первоначального образа исследуемого объекта на основе эмпирических знаний, полученных органолептическим способом, и выяснения существенных свойств данного объекта, его взаимосвязей с материальным миром через обобщение и детализацию.

Как процесс перехода от незнания к знанию, деятельность по расследованию преступлений может быть разделена на определенные

этапы в зависимости от характера производимых с информацией операций, состояния знаний об объекте расследования. Вслед за В.А. Образцовым процесс расследования преступления можно условно разделить на три этапа: 1) начальный; 2) промежуточный; 3) заключительный [6]. Продемонстрируем содержание данных этапов расследования с позиций предложенного нами процесса познания.

На начальном этапе расследования как информационно-познавательной деятельности производятся поиск, получение, накопление и первичная обработка информации о расследуемом событии, предполагаемом лице, его совершившем, иных обстоятельствах, входящих в круг исследования. Предполагается, что данный этап берет свое начало с момента поступления первых сведений о преступлении, а завершается, когда результаты работы, проведенной на данном этапе, позволяют построить модель преступления, исходными элементами которой можно считать подлежащие доказыванию обстоятельства, установленные уголовно-процессуальным законом.

На промежуточном этапе происходит построение мыслительной модели расследуемого события. Происходит обобщение имеющихся сведений о фактах, в ходе чего выясняются имеющиеся между ними взаимосвязи, выявляются факты, подлежащие дальнейшему уточнению или детализации, а также факты, в отношении которых еще предстоит собрать информацию. На данном этапе также производятся необходимые действия по поиску и получению необходимых дополнительных сведений. Предполагается, что промежуточный этап завершается тогда, когда у следователя имеется достаточно информации для построения завершенной модели расследуемого события.

На заключительном этапе происходит уточнение или изменение построенной на предыдущем этапе модели расследуемого события. Формируется завершенная модель этого события, уже не требующая уточнения, на основе которой можно ответить на поставленные перед следствием уголовно-процессуальным законом вопросы.

Таким образом, можно сделать вывод, что расследование преступления является информационно-познавательной деятельностью, состоящей из трех этапов, на каждом из которых имеет значение как чувственное, так и рациональное познание определенного события реальной действительности. Любое следственное действие, проводимое в рамках процесса расследования, является элементом как следственной, так и информационно-познавательной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Образцов В.А. Проблемы совершенствования научных основ методики расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1985. 33 с.
2. Корноухов В.И., Богданов В.М., Закатов А.А. Основы общей теории криминалистики. Красноярск : Изд-во КрасГУ, 1993. 153 с.
3. Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования. М., 1985. 98 с.
4. Ищенко Е.П. Проблемы первоначального этапа расследования преступлений. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. 168 с.
5. Ломов Б.Т. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1964.
6. Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. М. : Юристь, 1997. 336 с.

INVESTIGATION OF CRIMES AS AN INFORMATION-COGNITIVE ACTIVITY

Irina V. Chadnova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rolandab@yandex.ru

Keywords: investigation of crime, information-cognitive activity, sensory cognition, rational cognition, investigation stages.

DOI: 10.17223/9785946216111/42

An initial premise of the study was a conception, according to which crime investigation (investigative activities) is a kind of an information-cognitive activity. This position, along with the division of knowledge into sensory and rational, combined with the crime investigation procedure allowed the author to justify three stages in a single investigation: initial; intermediate and final.

The initial stage of investigation as an information-cognitive activity includes search, collection, storage and primary processing of information about the events under investigation, the alleged offender, any other circumstances of investigation. This stage ends when the results allow constructing the model of the crime, whose original elements are circumstances established by the criminal procedural law that are to be proven. The intermediate stage is the construction of the mental model of the investigated event. The available information on the facts is synthesised, the existing relations between them are clarified, facts to be specified and examined are identified. The intermediate stage is over when the investigator has enough information to finish constructing the model of the investigated event. The final stage specifies and modifies the model of the investigated event. The complete model of the event is made. Based on this model, questions for the investigation raised by the criminal procedure law can be addressed.

Thus, crime investigation is an information-cognitive activity that consists of three stages, at each of them sensory and rational cognition of certain events of reality is important.

REFERENCES

1. Obraztsov, V. A. (1985) *Problemy sovershenstvovaniya nauchnykh osnov metodiki rassledovaniya prestupleniy* [Problems of improvement of the scientific bases of a technique of investigation of crimes]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
2. Kornoukhov, V. I., Bogdanov, V. M., Zakatov, A. A. (1993) *Osnovy obshchey teorii kriminalistiki* [Fundamentals of the general theory of criminalistics]. Krasnoyarsk : Izd-vo KrasGU.
3. Yablokov, N. P. (1985) *Kriminalisticheskaya metodika rassledovaniya* [Forensic investigation technique]. Moscow.
4. Ishchenko, Ye. P. (1987) *Problemy pervonachal'nogo etapa rassledovaniya prestupleniy* [Problems of an initial stage of investigation of crimes]. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. un-ta.
5. Lomov, B. T. (1964) *Metodologicheskiye i teoreticheskiye problemy psikhologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow.
6. Obraztsov, V. A. (1997) *Iyyavleniye i izoblicheniye prestupnika* [Identification and conviction of the criminal]. Moscow: Yurist.

DOI: 10.17223/9785946216111/43

Д.П. Чекулаев

УСТАНОВЛЕНИЕ В УПК РФ КОНКРЕТНЫХ СРОКОВ ВЫНЕСЕНИЯ ПРОКУРОРОМ НЕКОТОРЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ: ТОРЖЕСТВО ЗАКОННОСТИ ИЛИ ...?

Рассматриваются положения УПК РФ, устанавливающие конкретные сроки для отмены прокурором некоторых незаконных и необоснованных постановлений следователя. Обоснована неоптимальность такого правового регулирования, доказано, что несвязанность процессуальными сроками деятельности прокурора по отмене незаконных решений следователя в полной мере отвечает назначению прокурора в уголовном процессе.

Ключевые слова: прокурорский надзор за предварительным расследованием, полномочия прокурора в досудебном производстве.

В советском, а затем и российском уголовном процессе, до 15 января 2011 г. (дата вступления в силу федерального закона от 28.12.2010 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законо-

дательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия») прокурор не был связан установленными законом сроками принятия процессуальных решений об отмене незаконных и необоснованных постановлений поднадзорных органов и должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование. Прокурор фактически являлся «хозяином расследования», и его право на отмену постановления следователя, дознавателя, какими-либо условиями временного или иного характера не ограничивалось.

Попытка законодателя в УПК РФ 2001 г. установить прокурору процессуальный срок для отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела не вызвала широкого обсуждения научной общественностью, так как осталась нереализованной. Согласно ч. 6 ст. 148 УПК РФ в первоначальной его редакции (Федеральный закон от 18.12.2001 г. № 177-ФЗ) при рассмотрении жалобы прокурор был вправе отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в течение 48 часов с момента его вынесения следователем, дознавателем. Однако данная редакция ч. 6 ст. 148 УПК РФ не вступила в действие, так как Федеральным законом от 29.05.2002 г. № 58-ФЗ в нее были внесены изменения, каких-либо «ограничительных» сроков для прокурора не предусматривающие.

Однако нельзя сказать, что прокурор имел возможность отменить любое постановление органа предварительного расследования в любое время без каких-либо отрицательных последствий. Традиционно сроки для проверки законности принятых следователем, дознавателем процессуальных решений устанавливались приказами Генерального прокурора РФ.

Контроль над своевременностью принятия прокурором процессуальных решений осуществлялся вышестоящими прокурорами. Например, Генеральный прокурор РФ требовал от подчиненных прокуроров проверять законность прекращения уголовных дел и приостановления расследования не позднее одного месяца со дня вынесения соответствующего постановления [1]. Однако нарушение этих сроков могло повлечь только дисциплинарную ответственность прокурора, но само по себе не ставило под сомнение законность принятого им решения об отмене постановления следователя о прекращении уголовного дела по истечении месячного срока после вынесения отмененного постановления.

Федеральный закон от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [2] лишил прокурора полномочий по непосредственной отмене большинства незаконных и необоснованных постановлений следователя, оставив такую возможность только для отмены постановлений дознавателя. Этим же законом установлено право прокурора отменить вынесенное любым органом предварительного расследования постановление о возбуждении уголовного дела в срок не позднее 24 часов с момента получения материалов.

Установление любого «ограничительного» срока для отмены незаконного и необоснованного постановления о возбуждении уголовного дела представляется весьма странным, так как «материалы» могут поступить в прокуратуру и через несколько часов, а с учетом размера территории и неразвитости транспорта в некоторых субъектах РФ, и несколько суток после принятия решения о возбуждении уголовного дела. В этот период, особенно при расследовании преступлений «по горячим следам», возможно, уже будут проведены задержание подозреваемого, следственные действия.

Полагаю, что при регулировании вопроса об отмене постановления о возбуждении уголовного дела возможно учесть опыт регулирования данного вопроса в УПК РСФСР 1960 г., согласно которому если дело возбуждено следователем или органом дознания без законных поводов и оснований, прокурор своим постановлением вправе был отменить постановление следователя или органа дознания, отказывая в возбуждении уголовного дела, либо прекратить дело, если по нему были произведены следственные действия (ч. 2 ст. 116).

С одновременным расширением полномочий прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса Федеральным законом от 28.12.2010 г. № 404-ФЗ восстановлено право прокурора на отмену некоторых незаконных и необоснованных постановлений следователя. Однако законодатель установил конкретные сроки для принятия прокурором такого решения.

При положительной оценке наличия у прокурора полномочий по отмене незаконных и необоснованных постановлений следователя, например об отказе в возбуждении уголовного дела, вызывает сомнение целесообразность установления конкретного срока принятия такого решения – в течение 5 суток с момента получения материалов про-

верки сообщения о преступлении (ч. 6 ст. 148 УПК РФ). Сведения о незаконности постановления могут стать прокурору известны и после истечения указанного срока, в том числе по результатам проверки жалобы участника процесса. Однако на шестые сутки незаконное изначально постановление следователя не становится «законным».

Остается открытым также вопрос о возможности вышестоящего прокурора по истечении установленного 5-суточного срока отменить незаконное постановление следователя после того, как оно оставлено без отмены нижестоящим прокурором. До момента проверки уголовного дела в вышестоящей прокуратуре, например по жалобе участника процесса, может пройти значительное время, так как первоначальный ответ на жалобу будет дан нижестоящим прокурором.

Своеобразное «вступление в силу» постановления следователя, что предусматривает невозможность его отмены по истечении какого-либо срока, ограничивает не только возможность прокурора принять эффективные меры по устранению нарушений закона, но и реализацию гарантированного ч. 1 ст. 52 Конституции РФ права потерпевшего на доступ к правосудию и установленного ст. 6 УПК РФ назначения уголовного судопроизводства, которым, в том числе, является защита законных прав и интересов лиц, потерпевших от преступлений.

По этим же причинам автор критически относится к позиции законодателя об установлении 14-суточного срока с момента поступления материалов уголовного дела для отмены незаконных и необоснованных постановлений следователя о приостановлении предварительного следствия, прекращении уголовного дела (ч. 1.1. ст. 211, ч. 1 ст. 214 УПК РФ соответственно).

На уровне ведомственного приказа Генеральный прокурор РФ установил, что в случае несогласия с решением нижестоящего прокурора о признании законным постановления об отказе в возбуждении уголовного дела вышестоящий прокурор в срок не позднее 5 суток с момента поступления проверочных материалов при наличии оснований вправе отменить решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Аналогичные полномочия (в течение 14 суток с момента поступления материалов дела) предусмотрены для вышестоящего прокурора и в случае несогласия с решением нижестоящего прокурора о признании законным постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) либо постановления о приостановлении предварительного следствия [3].

Однако при всей рациональности приведенного толкования уголовно-процессуального закона меняется смысл анализируемых правовых норм – ограничение для прокурора возможности отмены даже незаконных и необоснованных постановлений следователя по истечении установленного законодателем срока после их вынесения. Обозначенные проблемы носят системный характер, связаны с ошибочным пониманием законодателем правового значения постановлений прокурора об отмене незаконных постановлений следователя при осуществлении надзорной деятельности, и, соответственно, возможность их решения на уровне подзаконных правовых актов представляется весьма сомнительной.

Кроме того, для руководителей следственных органов предельный срок принятия решений об отмене незаконных постановлений следователей в УПК РФ не предусмотрен. Подобное различие в нормативном регулировании имеющих одинаковые процессуальные последствия полномочий прокурора и руководителя следственного органа без какого-либо доктринального или логического обоснования укрепляет процессуальный статус именно ведомственного руководителя, и без того обязанного осуществлять постоянное процессуальное руководство деятельностью следователя.

Не связан прокурор процессуальными сроками и при отмене незаконного и необоснованного постановления дознавателя, что в полной мере отвечает назначению прокурора в уголовном процессе как должностного лица, в силу п. 31 ст. 5, ст. 37 УПК РФ, ст.ст. 4 и 29 федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» осуществляющего единый по своим базовым принципам надзор за процессуальной деятельностью как органов дознания, так и предварительного следствия.

Полагаю, что установление уголовно-процессуальным законом конкретных сроков для отмены прокурором незаконных и необоснованных постановлений следователя, препятствующих дальнейшему движению уголовного дела, доступу потерпевшего к правосудию, недопустимо. Такие сроки действительно должны устанавливаться, но не законом, а правовыми актами Генеральной прокуратуры РФ, и иметь исключительно организационную цель. Нарушение подобных сроков может повлечь дисциплинарную ответственность конкретного прокурора, а не процессуальные последствия в виде невозможности для прокурора соответствующего звена устранить выявленные нарушения закона.

В целях повышения процессуальных полномочий прокурора, в том числе по устранению допущенных следователем нарушений закона, необходимо исключить законодательное ограничение сроков принятия прокурором решения об отмене незаконного или необоснованного постановления следователя. Такой подход будет в полной мере соответствовать принципам уголовного судопроизводства, в том числе требованию о законности, обоснованности и мотивированности любого постановления следователя (ч. 4 ст. 7 УПК РФ).

ЛИТЕРАТУРА

1. Об организации прокурорского надзора за расследованием и раскрытием преступлений : приказ Генпрокуратуры РФ от 21.02.1995 (утратил силу). П. 1.10 (документ опубликован не был).
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» : федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.
3. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : приказ Генпрокуратуры РФ от 02.06.2011 № 162 // Законность. № 11. 2011.

DEADLINES FOR CERTAIN PROSECUTOR'S DECISIONS ESTABLISHED IN THE RF CODE OF CRIMINAL PROCEDURE: THE RULE OF LAW OR...?

Dmitriy P. Chekulaev, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: dm_ch@inbox.ru

Keywords: prosecutor's supervision over preliminary investigation, prosecutor's powers in pre-trial proceedings.

DOI: 10.17223/9785946216111/43

Before Federal Law 404-FZ of December 28, 2010 came into force, the prosecutor was not bound by statutory deadlines in making procedural decisions on the abolition of unlawful and unreasonable regulations of regulated authorities and officials in charge of preliminary investigation. Time to examine the legality of procedural decisions the investigator, the inquiry officer made was established by the orders of the RF Prosecutor General. However, the violation of these deadlines could only lead to a disciplinary responsibility of the prosecutor, but did not cast doubt on the legitimacy of the prosecutor's decisions.

Federal Law 87-FZ of June 5, 2007 first established deadlines for the adoption of certain decisions by the prosecutor (the prosecutor's right to cancel the decision to initiate a criminal case no later than 24 hours from receiving the materials). It seems inex-

pedient since the prosecutor can receive materials in a few hours or a few days after the decision to initiate a criminal case, when the suspect may have already been detained, investigative activities started. A more adequate legal regulation in this part was fixed in the RSFSR Code of Criminal Procedure. According to it, the prosecutor had the right to cancel the decision to initiate a criminal case or dismiss it if investigative activities have already been done.

Federal Law 404-FZ of December 28, 2010 sets a specific time (five days) for the prosecutor to cancel some unlawful and unjustified decisions of the investigator (Art. 6, Art. 148 of the RF Code of Criminal Procedure). This legal regulation seems inexpedient. The prosecutor can learn information about the unlawfulness of the decision of the investigator after the expiration of that time, from the results of examining the complaint of a participant of the case. On the sixth day the initially unlawful decision of the investigator does not become "lawful". This limitation reduces the guarantees of the implementation of the rights of the victim to access justice and the initiation of a criminal case established by Art. 6 of the RF Code of Criminal Procedure. This limitation is particularly doubtful given that there are no deadlines established in the Code of Criminal Procedure for the investigative agency executives to make a decision to cancel the unlawful decision of the investigator. Such a difference in the normative regulation of the powers of the prosecutor and the head of an investigative body, drawn without any doctrinal or logical grounds, reduces the status of the prosecutor as a body of supervision over legality. When cancelling the unlawful and unjustified decision of the investigator, the prosecutor is not bound by the procedural deadlines, which fully corresponds to the function of the prosecutor in the criminal procedure.

REFERENCES

1. The General Prosecutor's Office of the Russian Federation. (1995) *Punkt 1.10. Prikaza Genprokuratury RF ot 21.02.1995 № 10 «Ob organizatsii prokurorskogo nadzora za rassledovaniyem i raskrytiyem prestupleniy» (utratil silu)*. [Item 1.10. Order of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation from 21.02.1995, number 10 "On the organization of prosecutor's supervision over the investigation and detection of crime" (repealed)].
2. Russian Federation. (2007) *O vnesenii izmeneniy v Ugolovno–protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Federal'nyy zakon «O prokulture Rossiyskoy Federatsii»: Federal'nyy zakon ot 05.06.2007 № 87–FZ (red. ot 22.12.2014 g.)* [On the Introduction of Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the Federal Law "On Prosecutor's Office of the Russian Federation": The Federal Law of 05.06.2007. 87-FZ (as amended on 22.12.2014 g.)]. *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Code of Laws of the Russian Federation]. 24. Art. 2830.
3. The General Prosecutor's Office of the Russian Federation. (2011) *Punkty 1.3, 1.12 Prikaza Genprokuratury RF ot 02.06.2011 № 162 «Ob organizatsii prokurorskogo nadzora za protsessual'noy deyatel'nost'yu organov predvaritel'nogo sledstviya»* [Items 1.3 and 1.12 of the Order of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation of 02.06.2011 number 162 "On the organization of prosecutor's supervi-

sion over procedural activity of bodies of preliminary investigation"]. *Zakonnost'* [The Legality]. no. 11

DOI: 10.17223/9785946216111/44

Д.Г. Янин

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СТАТЬИ 73 УПК РФ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Анализируется практика назначения и исполнения уголовного наказания в виде штрафа. Обосновано, что одной из причин неэффективности данного наказания является отсутствие у суда возможности для решения вопросов о наличии возможности назначить обвиняемому наказание в виде штрафа; об установлении справедливого и посильного для оплаты размера штрафа; о наличии имущества, на которое может быть обращено взыскание. Предложено внести соответствующие дополнения в перечень обстоятельств, подлежащих установлению по делу.

Ключевые слова: наказание в виде штрафа, определение размера штрафа, обстоятельства, подлежащие установлению по делу, предмет доказывания.

Изучение практики показало, что суды при назначении наказания и определении штрафа не мотивируют основания, по которым судья по уголовному делу определил конкретный размер штрафа. Верховный Суд обращает внимание судов на данный негативный момент. 11 января в 2007 г. Верховный Суд в своём Постановлении № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» указал, что размер штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления, *имущественного положения осужденного* (выделено мной. – Д.Я.) и его семьи, а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода (ч. 3 ст. 46 УК РФ) [1]. При этом остаётся практикой, когда и Конституционный Суд в своих решениях на важность учёта данного обстоятельства внимание судов не обращает [2].

Следует разделить мнение учёных и практиков: «Судьи, решая вопрос о назначении уголовного наказания в виде штрафа, должны

принимать во внимание возможность его последующего реального исполнения... суд обязан исходить из того, что имущественное обременение виновного будет справедливым последствием совершенного деяния (ч. 1 ст. 60 УК РФ, п. 6 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), а штраф в назначенном размере посилен для уплаты его осужденным лицом» [3].

При наличии тенденции увеличения санкций статей Особенной части УК РФ штрафом (федеральные законы от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ, 07.03.2011 г. № 26-ФЗ, 07.12.2011 г. № 420-ФЗ, 28.06.2013 г. № 134-ФЗ и др.) учёт финансового положения подсудимого особенно важен.

Как показывает изучение практики, эффективность этого наказания недостаточная. Причина главным образом кроется именно в отсутствии рекомендаций о выборе адресатов штрафа, не разработанности правил оценки имущественного положения осужденного для цели определения размера штрафа. Ещё одной причиной является необеспеченность дисциплины исполнения приговоров [4]. Многие приговоры с назначением штрафа остаются неисполненными, а следовательно, нарушается важный принцип уголовного законодательства – принцип социальной справедливости [5].

При назначении штрафа важно понимать: имущественные ресурсы преступника не безграничны. Реальная взыскиваемость штрафов, назначенных приговором суда, составляет не более 40%. Поэтому встает вопрос об эффективности такого наказания. Нередко причиненный потерпевшему вред не находит своего адекватного возмещения [6]. Так, сложившаяся судебная практика показывает, что назначаемые сбытчикам наркотиков наказания не достигают своих целей – ни восстановления социальной справедливости, ни общего и специального предупреждения преступности (ч. 2 ст. 43 УК РФ) [7].

Выяснение причин недостаточно эффективного применения уголовного наказания в виде штрафа выявило ряд причин создавшейся ситуации.

На одну из таких причин при опросе указывают следователи. В целом они справедливо утверждают, что рамки обстоятельств, подлежащих установлению и процессуальному закреплению в материалах уголовного дела, установлены ст. 73 УПК РФ [8]. В ней приведён исчерпывающий перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию [9].

В отношении же возможности и необходимости применения судом мер принудительного характера следователь в досудебном производстве должен установить сведения относительно законно-

сти имущества, находящегося во владении подозреваемого (обвиняемого). Он обязан установить наличие (отсутствие) обстоятельств, подтверждающих, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества, либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления, либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Как видно, в данной норме нет предписания следователю устанавливать обстоятельства, раскрывающие имущественное положение обвиняемого. Соответственно, у суда отсутствуют предпосылки для правильного решения ряда вопросов. К ним следует отнести вопросы о наличии (отсутствии) возможности назначить обвиняемому наказание в виде штрафа, установлении справедливого и посильного для оплаты размера штрафа [10], наличии имущества, на которое в случае непогашения штрафа может и должно быть обращено взыскание. Отсутствие сведений об имущественном положении подсудимого на практике приводит к ситуациям, когда в отношении подсудимого постановляется приговор с назначением наказания в виде лишения свободы и без назначения штрафа [11].

Отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве требования устанавливать материальное положение подсудимого – один из проблемных вопросов, который может быть решён путем включения в перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ), п. 8.1 в следующей редакции: «...обстоятельств, раскрывающих имущественное положение осужденного и определяющих условия обеспечения исполнения приговора, взыскания штрафа в части гражданского иска, других имущественных взысканий». При рассмотрении в судебном заседании уголовного дела по существу и постановлении приговора о назначении наказания реализация нашего предложения о дополнении ст. 73 УПК РФ указанным пунктом позволит судье точно определить имущественное положение подсудимого. С учётом установленных в процессе разбирательства степени и характера общественной опасности совершённого преступления судья может назначить штраф, размер которого будет соизмерим с содеянным, посильным для уплаты осужденным.

ЛИТЕРАТУРА

1. О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 № 2 (в ред. от 03.12.2013) // Российская газета. 2007. № 13, 24. янв.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филатова Матвея Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом «и» части первой статьи 61 и частью второй статьи 68 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 1592-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 5.
3. Грицай О.В. Актуальные проблемы применения штрафа как меры имущественного взыскания, установленной приговором суда // Российская юстиция. 2008. № 10. С. 66–71.
4. Кленова Т.В., Тукмаков П.А. О взаимосвязанных проблемах назначения и исполнения уголовного наказания в виде штрафа // Мировой судья. 2015. № 1. С. 20–27.
5. Кузнецов А.П., Изосимов С.В., Бокова И.Н. Проблемы назначения и исполнения наказаний по преступлениям, совершаемым в сфере экономической деятельности // Юрист. 2000. № 2.
6. Архипенко Т.В. Имущественная ответственность за уголовные преступления как залог безопасности государства и реализации защиты личности от преступных посягательств // Юридический мир. 2008. № 10. С. 27–30.
7. Евланова О.А., Павловская Н.В. Практика применения новых норм УК России в части назначения наказания за сбыт наркотических средств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 56–62.
8. Никулочкин Е.О., Сергеев А.Б. Правовая обусловленность закрепления пункта 8 в части 1 статьи 73 УПК РФ // Проблемы права. 2012. № 4. С. 195–198.
9. Никулочкин Е.О., Сергеев А.Б. Главные и доказательственные факты в системе доказательственного права: соотношение и взаимообусловленность // Социум и власть. 2012. № 3. С. 50–52.
10. Сергеев А.Б., Савченко А.Н. О моральной и правовой справедливости при рассмотрении судами вопроса о возможности прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 19 (348). С. 58–64.
11. См.: Приговор Пермского Краевого суда. Дело № 2-43-11 // Справочно-правовая система по судебным решениям судов общей юрисдикции, мировых и арбитражных судов РФ. URL: <https://rospravosudie.com/court-permskij-kraevoj-sud-permskij-kraj-s/act-104430502> (дата обращения: 27.11.2015).

IMPROVEMENT OF ARTICLE 73 OF THE RF CODE OF CRIMINAL PROCEDURE AS A MEANS TO ENHANCE THE EFFICIENCY OF THE SENTENCE ENFORCEMENT STAGE

Dmitry G. Yanin, Sverdlovsk Bar Association (Yekaterinburg, Russian Federation).
E-mail: dmitry.g.yanin@gmail.com

Keywords: fine as penalty, determination of size of fine, circumstances to be established in case, subject of proof.

DOI: 10.17223/9785946216111/44

The study of the legal practice has shown that when courts rule to fine as a penalty and determine its size, they do not motivate grounds for it. With the tendency to increase the number of crimes for which the imposition of a fine is a penalty, account of the defendant's financial situation is particularly important. As the study of the practice shows, effectiveness of this punishment is low. The reason mainly lies in the undeveloped rules for estimating the convicted person's financial situation for the purpose of determining the size of the fine. Another reason is the lack of sentence enforcement discipline: many sentences of a fine remain unenforced. No more than 40 % of fines imposed by court decisions are actually collected, which can be explained by a number of reasons.

Interviewed investigators indicated one of these reasons. Art. 73 of the RF Code of Criminal Procedure has no prescription for the investigator to establish the circumstances that reveal the property status of the accused. Accordingly, the court has no opportunity to properly address a number of issues, which include the possibility to appoint a fine as a penalty to the accused (or lack of it); the determination of a fair and feasible size of a fine; the possession of property which can be seized in case of no payment of the fine. The lack of information about the financial situation of the defendant in practice leads to situations where the defendant is sentenced to imprisonment, not a fine.

The absence of requirements to establish the defendant's financial situation in the criminal procedure law is one of the problematic issues that can be solved by supplementing the list of circumstances to be established in the case fixed in Paragraph 8.1 of Art. 73 of the RF Code of Criminal Procedure.

In the court hearing of the criminal case on the merits and decision on a sentence, introduction of the author's proposal to supplement Paragraph 8.1 of Article 73 of the RF Code of Criminal Procedure will allow the judge to determine the exact financial situation of the defendant. Given the extent and nature of the social danger of the crime established during the trial, the judge can impose a fine, the size of which will be commensurate with the offence and feasible for the convicted.

REFERENCES

1. Rossiyskaya gazeta. (2007) *O praktike naznacheniya Sudami Rossiyskoy Federatsii ugolovnogo nakazaniya: Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda Ros. Federatsii. 2007. № 2 (v red. ot 03.12.2013 g.)* [On the practice assignment of criminal penalties by the courts of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of Russian Federation. 2007. № 2 (as amended on 12.03.20130)].
2. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2015) *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Filatova Matveya Nikolayevicha na narusheni-*

- ye yego konstitutsionnykh prav punktom «i» chasti pervoy stat'i 61 i chasti yu vtoroy stat'i 68 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 16.07.2015 g. № 1592–O [On the refusal to accept for consideration the complaint of the citizen Matthew N. Filatov about violation of his constitutional rights item "i" Part 1 of Article 61 and part 2 of Article 68 of the Criminal Code of the Russian Federation: Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 07.16.2015, 1592–O]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF* [The Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation]. 5.
3. Gritsay, O.V. (2008) Actual problems of the application of fine as a measure of a material established by a court sentence penalty. *Rossiyskaya yustitsiya = The Russian Justice*. no. 10. pp. 66-71. (In Russian).
 4. Klenova, T.V., Tukmakov, P.A. (2015) On interconnected problems of assignment and execution of a criminal punishment in the form of fine. *Mirovoy sud'ya = The Magistrate*. no. 1. pp. 20-27. (In Russian).
 5. Kuznetsov, A.P., Izosimov, S.V., Bokova, I.N. (2000) Problems of assignment and execution of punishments for committed in the sphere of economic activity crimes. *Yurist = The Lawyer*. no. 2. (In Russian).
 6. Arkhipenko, T. V. (2008) Property responsibility for criminal offenses as a pledge of state security and the implementation of protection of the individual from criminal encroachments. *Yuridicheskiy mir = The Legal World*. no. 10. pp. 27-30. (In Russian).
 7. Evlanova, O.A., Pavlovskaya, N.V. (2013) Practice in Applying New Rules of the Criminal Code of the Russian Federation Concerned with Imposition of Penalty for Narcotic Drugs Sale. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, and practice*. no. 10. pp. 56-62. (In Russian).
 8. Nikulochkin, E.O., Sergeev A.B. (2012) Legal stipulation of the consolidation of item 8, part 1, section 73 of Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Problemy prava = The Problems of Law*. no. 4. pp. 195-198. (In Russian).
 9. Nikulochkin, E.O., Sergeev A.B. (2012) The principal and evidentiary facts in the law of evidence: correlation and interdependence. *Sotsium i vlast' = The society and authority*. no. 3. pp. 50-52. (In Russian).
 10. Sergeev, A.B., Savchenko, A.N. (2014) About moral right and justice in consideration of the possibility of vessels dismiss the criminal case reconciliation of the parties. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bulletin of Chelyabinsk State University*. no. 19 (348). pp. 58-64. (In Russian).
 11. Spravochno-pravovaya sistema po sudebnym resheniyam sudov obshchey yurisdiktsii, mirovykh i arbitrazhnykh sudov RF. (2015) *Prigovor Permskogo Kraevogo gosuda. Delo № 2–43–11* [The judgment of the Perm Regional Court. Case № 2-43-11]. [Online]. Available from: <https://rospravosudie.com/court-permskij-kraevoj-sud-permskij-kraj-s/act-04430502>. (Accessed: 27 November 2015).

DOI: 10.17223/9785946216111/45

Е.И. Коваль

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ИСПОЛНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЗАПРОСОВ О ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ

Рассматривается ситуация, сложившаяся в связи с направлением Российской Федерацией Украине ряда запросов о международной правовой помощи и отказами Украины в их удовлетворении. Делается вывод о том, что данные запросы оказались в конкретной ситуации неисполнимыми.

Ключевые слова: международная правовая помощь, исполнение запроса о международной правовой помощи.

Влияние политики на исполнение международных запросов о правовой помощи при расследовании уголовных дел является актуальной темой исследования ученых и практикующих юристов. Политика как инструмент воздействия общественной воли на государство помогает определить важнейшие цели и задачи, которые должны быть реализованы с помощью правовых механизмов, тем самым достигая наибольшего результата воплощения общественных интересов, существующих в определенном государстве и обществе. Зачастую правовые инструменты оказываются неэффективными в результате их столкновения с государственно-политическим противодействием. Нельзя не заметить, что на сегодняшний день данная проблема приобретает все более широкие масштабы, затрагивая все отрасли права, в частности нормы, регулирующие институт запросов о международной правовой помощи [1].

Одним из примеров, иллюстрирующих вышеуказанную проблему, является взаимодействие органов предварительного расследования Российской Федерации и других государств. В настоящих условиях мирового политического кризиса, связанного с политическими и экономическими ограничениями в отношении РФ в связи с коллапсом

политического режима на Украине, государственная международно-правовая политика в сфере международного сотрудничества в расследовании уголовных преступлений теряет свою эффективность.

В частности, в сентябре 2015 г. в Следственном комитете Российской Федерации было проведено совещание, на котором обсуждались вопросы противодействия нарушениям прав гражданского населения юго-востока Украины. На совещании были доложены результаты работы управления по расследованию уголовных дел о преступлениях, связанных с применением запрещенных средств и методов ведения войны, ГСУ СК РФ. В ходе совещания обсуждались задачи Следственного комитета и представителей общественности России по защите прав человека и интересов гражданского населения юго-востока Украины, нарушенных в результате вооруженного конфликта, и привлечению внимания мировой общественности и международных правозащитных структур к последствиям украинской трагедии.

Следователями СК РФ в рамках расследуемых уголовных дел во исполнение вышеперечисленных задач были отправлены 23 запроса о международной правовой помощи в компетентные органы, из которых 20 запросов – в компетентные органы Украины, а еще по одному запросу – в компетентные органы Германии, Кипра и США. В ответ на указанные запросы получены 6 ответов от украинской стороны, согласно которым запросы фактически оставлены без исполнения. Мотивировка стандартная: с отказом в предоставлении запрашиваемых сведений в связи с тем, что, по мнению украинской стороны, оказание помощи якобы может нанести ущерб суверенитету и безопасности Украины [2].

Вместе с тем, согласно п. 1 ст. 4 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. (далее – Конвенция), учреждения юстиции договаривающихся сторон оказывают правовую помощь по гражданским, семейным и уголовным делам в соответствии с положениями Конвенции, ратифицированной Украиной 14.04.1995 г. Согласно Протоколу от 28.03.1997 г. к Конвенции, Украина обязана соблюдать дополненный п. 19 Конвенции, который закрепляет обязанность сторон по незамедлительному уведомлению о причинах отказа в исполнении международного запроса о правовой помощи. Таким образом, можно сделать вывод о том, что отсутствие детального описания юридических обязанностей, а также юридический формализм, присущий меж-

дународным правоотношениям, отрицательно сказываются на достижении положительных результатов при расследовании уголовных дел, имеющих потребность в использовании международных юридических механизмов.

Если проблемы в политических отношениях государств преобладают над целью исполнения межгосударственных договоренностей, направленных на борьбу как с государственными, так и с международными преступлениями, а сам предмет международного запроса политизировался, то это не устраняет возможности эффективного взаимодействия по решению юридически значимых проблем, однако наводит на мысль о допущении тезиса о том, что «определенный спор не может быть разрешен на основе права», при этом ставится под сомнение «ценность современного международного права в качестве адекватного средства мирного урегулирования» [3. С. 93, 97].

Невозможность достижения эффективного урегулирования данных вопросов в рамках международных процедур правовой взаимопомощи не является следствием их несовершенства и ограниченных возможностей права как такового для решения вопросов, в которых имеет место политический конфликт, либо затрагиваются политические интересы государств. Сложности исполнения международных запросов связаны, прежде всего, с особенностью международных отношений, выраженной в зависимости соблюдения согласованных международно-правовыми актами процедур от политических настроений, преобладающих в отношениях между государствами-участниками международных соглашений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сергеев А.Б., Янин Д.Г. Один из аспектов соотношения международного и национального права по вопросу передачи лица, осужденного судом Российской Федерации за экстремизм, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является // Соотношение национального и международного права по противодействию национализму, фашизму и другим экстремистским преступлениям : материалы Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. выдающемуся российскому учёному Николаю Сергеевичу Алексееву (Москва, 30 октября 2015 г.) / под ред. А.И. Бастрыкина. М. : ЮНИТА-ДАНА, 2015. С. 212–216.
2. Официальный сайт СК РФ. URL: <http://sledcom.ru/news/item/963906>
3. Каламкарян Р.А. Проблема разделения споров на «юридические» и «политические» в доктрине и практике Международного суда и Международного арбитража // Государство и право. 1996. № 10. С. 88–98.

IMPACT OF INTERNATIONAL RELATIONS ON THE EXECUTION OF INTERNATIONAL REQUESTS FOR LEGAL ASSISTANCE

Evgeniy I. Koval, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: franklin_91@inbox.ru

Keywords: international legal assistance, execution of request for international legal assistance.

DOI: 10.17223/9785946216111/45

The author considers the situation when the Russian Federation has sent a number of requests for international legal assistance to Ukraine, and Ukraine failed to satisfy them. A conclusion is made that these requests were unenforceable in this particular situation.

REFERENCES

1. Sergeev, A.B., Yanin, D.G. (2015) One aspect of the correlation between international and national law on the transfer of convicted by a court of the Russian Federation for extremism person, to serve sentence in the state. *Sootnosheniye natsional'nogo i mezhdunarodnogo prava po protivodeystviyu natsionalizmu, fashizmu i drugim ekstremistskim prestupleniyam: materialy Mezhdunar. nauch.-praktich. konf., posvyashch. vydayushchemusya rossiyskomu uchonomu Nikolayu Sergeyevichu Alekseyevu* = *The correlation of national and international law to counteract nationalism, fascism and other extremist crimes: Materials Intern. scientific-practical. conf., is dedicated. The outstanding Russian scientist Nikolai Sergeyeovich Alekseev* (Moscow, October 30, 2015). pp. 212-215. (In Russian).
2. The official website of the Investigative Committee of the Russian Federation: <http://sledcom.ru/news/item/963906>.
3. Kalamkaryan, R.A. (1996) The problem of division of disputes on "legal" and "political" in the doctrine and practice of the International Court and the International Arbitration. *Gosudarstvo i pravo* = *The State and law*. no. 10. pp. 88-98. (In Russian).

DOI: 10.17223/9785946216111/46

Д.Ю. Ладвез

АКТУАЛЬНОСТЬ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК СРЕДСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Рассматриваются понятие и виды судебной экспертизы, ее роль в расследовании преступлений на современном этапе.

Ключевые слова: судебная экспертиза, следственные действия.

Во все времена для совершения преступлений использовались технические новшества и ухищрения. И начиная с первой половины прошлого столетия появилась необходимость в создании специальных помощников, оказывающих содействие расследованию дел, так как перед органами расследования встали проблемы, связанные с недостаточной базой научно-технических знаний следователей. Так возникли статус нового специального субъекта расследования – эксперта и новое особое процессуальное действие – судебная экспертиза.

Само понятие судебной экспертизы всегда трактовалось разными теоретиками по-разному. Так, например, в свое время Н.А. Терновский экспертизу определял как «обстоятельный отчет о произведенном освидетельствовании или испытании, объяснение, на основании данных науки, явлений и фактов, подлежащих разрешению суда» [1].

Однако сегодня существует четко прописанное законодательное определение данного термина: «Судебная экспертиза – процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем или прокурором, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу» [2].

Итак, судебная экспертиза – это особое самостоятельное процессуальное действие, смыслом которого является исследование материалов дела в целях установления обстоятельств, имеющих значение для его разрешения, осуществляемое на основе специальных научных знаний. Это наиболее квалифицированная форма применения специальных познаний в уголовном процессе. Она значительно расширяет познавательные возможности следствия, суда и часто выступает де-факто единственным способом установления подлинных обстоятельств расследуемого дела.

Судебную экспертизу проводит эксперт – лицо, обладающее специальными познаниями в области науки, техники, искусства или ремесла.

Следует отметить, что по численности исполнителей судебные экспертизы подразделяются на единоличные и комиссионные. Единоличную экспертизу проводит один эксперт, комиссионную – комиссия, состоящая из двух или более экспертов, специализирующихся в одном или различных родах или видах экспертизы [2]. Как правило, комиссионные экспертизы назначаются в особо сложных случаях, а

также при производстве повторных экспертиз. Отдельный случай комиссионной экспертизы – комплексная экспертиза – производится экспертами разных специальностей, каждый из которых проводит исследование дела в пределах своих специальных знаний. Думается, что это способствует более точным и верным выводам и в итоге повышению раскрываемости преступлений.

Таким образом, судебная экспертиза позволяет использовать в ходе уголовного процесса весь арсенал актуальных научных средств, без которых раскрытие многих преступлений в современном обществе практически невозможно, и служит основным источником внедрения в уголовно-процессуальную практику новых научных и технических достижений.

Очевидно, что сегодня судебная экспертиза переживает бурное развитие, так как успешно развиваются наука и техника. Благодаря применению новейших научных методов и специальных знаний появилась возможность успешно расследовать и раскрывать многие сложные уголовные дела и сокращать сроки проведения расследования.

В настоящее время отмечается закономерный рост проведения экспертиз в процессе уголовного судопроизводства. На наш взгляд, это связано с тем, что повышается число преступлений в таких сферах, которые требуют обязательных специальных познаний в науке и технике, например по делам, связанным с оборотом и употреблением наркотических веществ, дорожно-транспортными происшествиями, в области компьютерных технологий (так называемая киберпреступность) и многих других.

Так, при расследовании преступлений, связанных с причинением вреда здоровью, или убийств незаменимой является судебно-медицинская экспертиза, а в отдельных случаях – и судебно-психиатрическая; также очень широко в уголовно-процессуальной практике применяется экспертиза материалов, веществ и изделий, имеющая обширный круг объектов исследования (материалы документов, ткани, металлы и др.), и т.д.

Обобщая все вышесказанное, можно смело утверждать, что с развитием науки возможности судебной экспертизы в рамках правосудия будут возрастать. В наши дни, когда совершаются многочисленные преступления в области высоких технологий, террористические акты, растет киберпреступность, невозможно расследовать уголовные дела без помощи специальных познаний в науке и технике. Можно сказать, что судебная экспертиза позволяет уголовному судопроизводству идти в ногу со временем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Терновский Н.А. Юридические основания к суждению о силе доказательств и мысли из речей Председательствующего по уголовным делам : пособие для юристов-практиков и присяжных заседателей. Тула : Тип. В.Н. Соколова, 1901.
2. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (в ред. от 08.03.2015) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

RELEVANCE OF FORENSIC EXAMINATION AS A SOURCE OF EVIDENCE IN THE CRIMINAL PROCEDURE

Dariya Yu. Ladvez, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

Keywords: forensic examination, investigative activities.

DOI: 10.17223/9785946216111/46

The concept and types of forensic examination, its role in the investigation of crimes at the present stage are considered.

REFERENCES

1. Ternovskiy, N.A. (1901) *Yuridicheskiye osnovaniya k suzhdeniyu o sile dokazatel'stv i mysli iz rechey Predsedatel'stviyushchego po ugovolnym delam* [The Legal grounds for the judgment of the strength of the evidence and ideas from the speeches of the Chairman in criminal cases] Tula: Tipografiya V.N. Sokolova
2. Russian Federation. (2001) «*O gosudarstvennoy sudebno–ekspertnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii*» (v red. ot 8 marta 2015 g.) *Federal'nyy zakon ot 31 maya 2001 g.* ["On State forensic activity in the Russian Federation" (as amended on 08.03.2015): the Federal Law of 31.05.2001, 73-FZ]. *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Code of Laws of the Russian Federation]. 23. Art. 2291.

DOI: 10.17223/9785946216111/47

М.В. Осипова

ОТСУТСТВИЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОТКАЗА В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Рассматриваются элементы состава преступления, делается вывод о том, что правоприменительная практика не всегда верно решает вопрос о наличии / отсутствии состава преступления при решении вопроса о возбуждении уголовного дела.

Ключевые слова: состав преступления, основания для возбуждения уголовного дела, основания прекращения уголовного дела, отсутствие состава преступления.

Одной из важных причин, на мой взгляд, в отказе в возбуждении уголовного дела и уголовного преследования является так называемый состав преступления, т.е. признаки и элементы, свойственные преступлению. Проще говоря, можно прибегнуть к поговорке «нет тела – нет дела»... Но так как в нашей жизни все возможно, то хочу заметить, что и возбудить уголовное дело, и передать его в суд с учетом собранных доказательств и материалов дела, конечно же, возможно. И практике известно множество таких случаев. Но не будет ли бесполезна такая работа следственных органов, так как в данном случае, раз мы заговорили про «тело», убийство в суде будет достаточно трудно доказать без «главной» улики.

В качестве примера возьмем ситуацию, которая заставляет суд задуматься в виновности лица. Итак: в суде с речью выступает адвокат, который просит оправдать своего подзащитного, обвиняемого в убийстве его знакомой. По мнению защитника, следствию не удалось доказать не только вину обвиняемого в убийстве, но и сам факт убийства. В деле нет улик, указывающих на то, что данная гражданка мертва. На месте предполагаемого избавления от трупа не было найдено биологических следов (веществ) предполагаемого убийцы. Из чего и следует вопрос: а было ли совершено преступление, которое инкриминируют обвиняемому?

Что такое состав преступления, и что входит в это понятие? Состав преступления представляет собой совокупность объективных и субъективных признаков, закреплённых в уголовном законе, которые в сумме определяют общественно опасное деяние как преступление. В число признаков состава преступления входят признаки, характеризующие объект преступления, его объективную сторону, субъект преступления и субъективную сторону.

Объект преступления – это совокупность охраняемых законом общественных отношений, на которые направлено преступное посягательство, причиняющее или создающее угрозу причинения им вреда (это то, на что посягают). К объективным признакам, характеризующим деяние как преступление, относится и объективная сторона преступления. Она представляет собой совокупность внешних при-

знаков преступного поведения, составляющих общественно опасное противоправное деяние, которое совершается в определенное время, в конкретном месте, определенным способом, с помощью конкретных орудий или средств и в определенной обстановке, в результате чего наступают общественно опасные последствия.

Таким образом, объективную сторону преступления составляет совокупность взаимосвязанных обязательных элементов, к которым относятся: деяние (волевой акт поведения человека, выраженный в запрещенном уголовным законом действии (либо бездействии)), наступившие общественно опасные последствия (либо которые могли бы наступить в результате деяния) и причинная связь между ними.

В соответствии со ст. 19 УК РФ под *субъектом* преступления понимается физическое лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние (бездействие), достигшее возраста, установленного уголовным законом, с которого наступает уголовная ответственность. Субъектом преступления может быть только физическое лицо, т.е. человек. Юридические лица (предприятия, учреждения, организации и объединения), а также животные субъектом преступления быть не могут. Субъектом преступления может быть только лицо, обладающее способностью осознавать фактический характер своих действий и руководить ими. Эти обстоятельства в уголовном праве признаются критериями вменяемости.

Не стоит забывать также о достижении физическим лицом возраста наступления уголовной ответственности и о субъективной стороне преступления, которая представляет собой внутреннее отношение лица к содеянному, выраженное в понимании своих действий и их оценке, а также в желании наступления определенных последствий. Субъективная сторона выражается в вине, а также дополнительно характеризуется целью и мотивом. Вина является одним из основных признаков преступления (ст. 14 УК РФ). Без вины никто не может быть привлечен к уголовной ответственности. Вина – это предусмотренное уголовным законом психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемым им действиям (бездействию) и их общественно опасным последствиям, выражающее отрицательное отношение к интересам личности и общества.

Таким образом, основание для принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела связано с тем, что событие, о котором идет речь в заявлении (сообщении) о преступлении, на самом деле проис-

ходило, но оно не является преступлением, так как отсутствует какой-либо из элементов его состава.

От себя лично хочу добавить, что на практике преступления небольшой тяжести так и остаются безнаказанными. В возбуждении уголовного дела по таким преступлениям, на мой взгляд, чаще всего отказывают, ссылаясь именно на отсутствие состава преступления, каких-либо признаков состава преступления. Но, невзирая на степень тяжести, преступление остается преступлением, а с преступностью надо бороться.

LACK OF EVIDENCE AS GROUNDS FOR REFUSAL TO INITIATE A CRIMINAL CASE

Maria V. Osipova, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Keywords: corpus delicti, grounds for initiating criminal case, grounds for dismissal of criminal case, absence of corpus delicti.

DOI: 10.17223/9785946216111/47

The author considers the elements of corpus delicti and concludes that the law enforcement practice does not always correctly rule on the presence / absence of corpus delicti in deciding whether to initiate a criminal case.

DOI: 10.17223/9785946216111/48

К.А. Чибизов

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРОКУРОРУ ПОЛНОМОЧИЙ ПО ВОЗБУЖДЕНИЮ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Анализируется объем полномочий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела, практика вынесения прокурором мотивированных постановлений о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании. Делается вывод о необходимости возвращения прокурору полномочия по возбуждению уголовного дела при наличии достаточных данных, свидетельствующих об обнаружении скрытого преступления.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, прокурорский надзор за предварительным расследованием, полномочие прокурора по возбуждению уголовного дела.

В связи с внесением в 2007 г. поправок в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и федеральный закон

«О прокуратуре Российской Федерации» сократились полномочия прокурора по надзору за предварительным следствием. Вследствие этих изменений прокурор не указан в числе должностных лиц, уполномоченных проверять сообщения о преступлении и принимать по ним решения.

В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор в стадии возбуждения уголовного дела уполномочен проверять исполнение требований закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях. Это не позволяет прокурору в срок устранить выявленные нарушения в связи с лишением его права на возбуждение уголовного дела. Данное положение значительно противоречит международному эталону деятельности прокурора, предопределяющему ему главную роль в уголовном судопроизводстве. Прокурор может лишь выносить мотивированные постановления о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных непосредственно им нарушений уголовного законодательства [1].

В свете указанных изменений уголовно-процессуального закона ситуация, когда более чем по трети материалов уголовные дела не возбуждаются, вряд ли может быть признана удовлетворительной с точки зрения соответствия требованиям законности, обоснованности и аргументированности [2]. Отсутствие у прокурора полномочия на возбуждение уголовного дела приводит к укрывательству преступлений и безнаказанности виновных лиц.

С нашей точки зрения, для борьбы с укрыванием преступлений необходимо предоставить прокурору полномочие возбуждения уголовного дела при наличии достаточных данных об обнаружении скрытого преступления.

Хочется отметить, что некоторые сотрудники правоохранительных органов всюду стараются внести в информацию, полученную ими в ходе осуществления прокурорской деятельности в указанной сфере, нужные им сведения с тем, чтобы обосновать непринятие предусмотренных законом мер.

В юридической литературе приводятся следующие примеры: 1) списание заявлений о преступлениях в наряд как не получивших подтверждение; 2) подтасовка материалов проверки; 3) заведомо неправильное отражение в документах обстоятельств происшедшего, наступивших последствий, стоимости похищенного; 4) отказ в воз-

буждении уголовного дела со ссылкой на неправильное поведение потерпевшего, незначительность материального ущерба, причиненного преступлением, нецелесообразность розыска и другие обстоятельства, не предусмотренные законом.

Такие нарушения всегда вызывают неблагоприятное отношение к деятельности правоохранительных органов, способствуют созданию видимости безнаказанности для лиц, склонных к правонарушениям, что всегда опасно неоправданными последствиями.

Следует заметить, что безнаказанность вызывает неоправданные последствия, такие как: 1) сомнение потерпевших в правоохранительных органах; 2) высокую степень роста преступности; 3) разочарование следственных кадров. Иными словами – бесправие порождает бесконтрольность и безответственность.

В настоящее время в Государственной Думе Российской Федерации находится законопроект № 872311-6 о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ в части расширения полномочий прокурора на досудебном производстве. Согласно указанному законопроекту существенно расширяются полномочия прокурора в сфере надзора за предварительным следствием. В частности, прокурор будет наделен правом принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела и о возбуждении уголовного дела при наличии повода и основания, предусмотренного законодательством.

Исходя из вышеизложенного, считаю, что указанные изменения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации являются актуальными, поскольку внутриведомственный контроль малоэффективен. Представляется уместным расширение полномочий прокурора в досудебном уголовном производстве, что повысит эффективность работы органов предварительного расследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исламова Э.Р., Чубыкин А.В. Реализация полномочий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2011. № 4. С. 28–29.
2. Полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Цивилист. 2011. № 4, июль–август.

RETURN OF THE POWER TO INITIATE A CRIMINAL CASE TO THE PROSECUTOR

Kirill A. Chibizov, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

Keywords: initiation of criminal case, prosecutor's supervision over preliminary investigation, prosecutor's power to initiate criminal case.

DOI: 10.17223/9785946216111/48

The author analyses the scope of the powers of the prosecutor in initiating a criminal case, the practice of the prosecutor's issuing reasoned decisions about filing relevant materials to investigation or inquiry bodies to address the issue of criminal prosecution. A conclusion is made about the need to return to the prosecutor the power to initiate a criminal case if there is sufficient evidence about a hidden crime.

REFERENCES

1. Islamova, E.R., Chubykin, A.V. (2011) Implementing prosecutor authorities at the stage of initiation of a criminal case. *Zakonnost' = The Legality*. no. 4. pp. 28-29. (In Russian).
2. Tsvilist. (2011) Prosecutor authorities at the stage of initiation of a criminal case. *Tsvilist = The civilian*. no. 4. (July - August). (In Russian).

НАШИ АВТОРЫ

Андреева Ольга Ивановна – доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Томского государственного университета (Томск, Россия).

Бондарева Ирина Юрьевна – начальник отдела по надзору за процессуальной деятельностью органов Следственного комитета Российской Федерации управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Томской области (Томск, Россия).

Брестер Александр Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Юридического института Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия).

Быкова Анастасия Вячеславовна – аспирант Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия).

Власов Игорь Игоревич – аспирант кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

Гаврилин Геннадий Гаврилович – кандидат юридических наук, адвокат Алтайской палаты адвокатов (Барнаул, Россия).

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского психолого-социального университета (Москва, Россия).

Данилюк Марина Гарриевна – практикующий юрист, магистр юриспруденции (Москва, Россия).

Дейко Виктор Евгеньевич – подполковник юстиции, заместитель начальника 2-го отдела СЧ СУ УВД по СВАО ГУ МВД России по г. Москве, соискатель кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Диваев Александр Борисович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета (Новокузнецк, Россия).

Дудко Нина Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия).

Желева Ольга Викторовна – аспирант Юридического института Томского государственного университета (Томск, Россия).

Зникин Валерий Колоссович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета (Томск, Россия).

Ивлева Ася Владимировна – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия).

Исаченков Семён Борисович – старший следователь следственного отдела по Советскому району г. Красноярска ГСУ Следственного комитета России по Красноярскому краю (Красноярск, Россия).

Калугин Алексей Геннадьевич – кандидат юридических наук, заместитель начальника Сибирского юридического института ФСКН России по учебной работе (Красноярск, Россия).

Караваева Елена Николаевна – начальник отдела государственных обвинителей уголовно-судебного управления прокуратуры Томской области (Томск, Россия).

Кириллова Наталия Павловна – доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Коваль Евгений Игоревич – аспирант кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности Института права Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

Козырев Владимир Игоревич – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия).

Комкова Наталья Васильевна – старший дознаватель отдела организации дознания УМВД России по Томской области (Томск, Россия).

Краснолуцкая Татьяна Степановна – начальник отдела организации дознания УМВД России по Томской области (Томск, Россия).

Куклина Наталья Сергеевна – адвокат Первой Красноярской краевой коллегии адвокатов (Красноярск, Россия).

Куряхова Татьяна Владимировна – преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России (Омск, Россия).

Ладвез Дарья Юрьевна – аспирант Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия).

Лонь Сергей Леонтьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Томского государственного университета (Томск, Россия).

Мезинов Дмитрий Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Томского государственного университета (Томск, Россия).

Михайлов Александр Александрович – кандидат юридических наук, доцент ТСХИ (филиала) Новосибирского государственного аграрного университета (Томск, Россия).

Муравьев Кирилл Владимирович – кандидат юридических наук, докторант адъюнктуры Омской академии МВД России (Омск, Россия).

Нехороших Михаил Евгеньевич – аспирант Юридического института Томского государственного университета (Томск, Россия).

Осипова Мария Владимировна – аспирант Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия).

Петрушин Артем Игоревич – кандидат юридических наук, помощник прокурора г. Стрежевого (Стрежевой, Россия).

Писаревский Илья Игоревич – аспирант кафедры уголовного процесса Юридического института Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия).

Пиюк Алексей Валерьевич – кандидат юридических наук, председатель Мегионского городского суда ХМАО-Югры Тюменской области (Ханты-Мансийск, Россия).

Попова Ирина Павловна – старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института Байкальского государственного университета, председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области, в почетной отставке (Иркутск, Россия).

Ромашова Алена Игоревна – прокурор кассационного отдела уголовно-судебного управления прокуратуры Томской области (Томск, Россия).

Сарычев Евгений Александрович – аспирант кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности Института права Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

Седельников Павел Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России (Омск, Россия).

Сидорова Наталия Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Скоблик Константин Владимирович – ассистент кафедры уголовного процесса Юридического института Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия).

Соколовская Наталья Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Юридического факультета Томского университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия).

Трефилов Александр Анатольевич – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия).

Халилова Виктория Леонидовна – аспирант кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия).

Чаднова Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Томского государственного университета (Томск, Россия).

Чекулаев Дмитрий Петрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Чибилов Кирилл Андреевич – аспирант Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия).

Шаталов Александр Семенович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминалистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

Шейфер Семен Абрамович – доктор юридических наук, профессор Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева (Самара, Россия).

Янин Дмитрий Геннадьевич – адвокат Свердловской Палаты адвокатов (Екатеринбург, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ЧАСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

<i>Андреева О.И.</i> Теоретические и практические проблемы психофизиологического исследования в уголовном судопроизводстве	4
<i>Быкова А.В.</i> Гражданский иск в уголовном судопроизводстве	12
<i>Власов И.И.</i> Отвод следователя-криминалиста	15
<i>Гаврилин Г.Г.</i> К вопросу разрешения конфликта интересов прав потерпевших в уголовном процессе	21
<i>Григорьев В.Н.</i> Статус подозреваемого: благо с неблагоприятными последствиями	29
<i>Данилюк М.Г.</i> Показания как источник доказательств в уголовном процессе России и Украины	36
<i>Дейко В.Е.</i> Уголовно-процессуальная форма по делам в отношении несовершеннолетних	43
<i>Диваев А.Б.</i> Дифференциация формы уголовно-процессуального доказывания	49
<i>Желева О.В.</i> Формы злоупотребления правом на обжалование в суд действий (бездействия) и решений должностных лиц и государственных органов, осуществляющих уголовное преследование	55
<i>Зникин В.К.</i> Профессиональная сыскная деятельность в России: диагноз, прогноз, развитие	62
<i>Зникин В.К.</i> Частный сыщик в российском уголовном процессе	73
<i>Исаченков С.Б.</i> Роль адвоката подозреваемого и обвиняемого в российском уголовном процессе	78
<i>Козырев В.И.</i> Прокурорский надзор за обеспечением разумного срока досудебного уголовного производства	85
<i>Краснолуцкая Т.С., Комкова Н.В.</i> Изменения в законодательстве Российской Федерации и их влияние на состояние и результаты правоохранительной деятельности	92
<i>Лонь С.Л.</i> Об отдельных аспектах пределов правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса	96
<i>Мезинов Д.А.</i> О классификации уголовно-процессуальных доказательств на прямые и косвенные	104
<i>Петрушин А.И.</i> Возраст как критерий определения уголовно-процессуальной дееспособности частного обвинителя	113
<i>Пилюк А.В.</i> Постулаты современного уголовного процесса	122
<i>Сидорова Н.А.</i> Современные проблемы избрания меры пресечения в виде содержания под стражей	128
<i>Скоблик К.В.</i> Достаточность при принятии уголовно-процессуальных решений и ее виды	135

<i>Соколовская Н.С.</i> К вопросу о допуске родственников обвиняемого и иных лиц в качестве защитников в уголовном судопроизводстве	142
<i>Трефилов А.А.</i> Классификация участников уголовного процесса по УПК Швейцарии 2007 года	148
<i>Халилова В.Л.</i> Органы дознания в современных Вооруженных Силах Российской Федерации (военная полиция)	153
<i>Шаталов А.С.</i> Результаты исследований в сфере уголовно-процессуального права как фактор развития научной, педагогической и законотворческой деятельности	160
<i>Шейфер С.А.</i> Проверка доказательств в системе доказывания	171

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

<i>Бондарева И.Ю.</i> Проблемные вопросы применения норм уголовно-процессуального законодательства при реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве	176
<i>Брестер А.А., Куклина Н.С.</i> О некоторых препятствиях к заявлению прокурором отказа от обвинения	183
<i>Дудко Н.А.</i> О количественном составе коллегии присяжных заседателей	197
<i>Ивлева А.В.</i> Соотношение оснований отмены или изменения судебных решений судами апелляционной и кассационной инстанций по уголовным делам	202
<i>Калугин А.Г.</i> Новое основание прекращения уголовного преследования: размышления над законопроектом Верховного Суда Российской Федерации	206
<i>Караваева Е.Н.</i> Отдельные вопросы прекращения судами уголовных дел по реабилитирующим основаниям	212
<i>Кириллова Н.П.</i> Проблемы компетенции суда при рассмотрении ходатайства следователя о заключении под стражу	218
<i>Куряхова Т.В.</i> Возможность усиления обвинения при установлении судом фактических обстоятельств, существенно отличающихся от указанных в обвинительном заключении	225
<i>Михайлов А.А.</i> Способы легитимации приговора в обществе	232
<i>Муравьев К.В.</i> Снижение процессуальной нагрузки как условие для реформирования первоначального этапа судопроизводства	239
<i>Нехороших М.Е.</i> Отграничение справедливости приговора от его законности и обоснованности	247
<i>Писаревский И.И.</i> Обоснованность приговора при особом порядке судебного разбирательства	255
<i>Попова И.П.</i> Проблемы постановления обвинительного приговора	258
<i>Ромашова А.И.</i> Особенности судебного разбирательства дел, расследованных в сокращенной форме дознания	266

<i>Сарычев Е.А.</i> К вопросу о способах защиты подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве	275
<i>Седельников П.В.</i> Правовое регулирование производства органом дознания неотложных следственных действий	281
<i>Чаднова И.В.</i> Расследование преступления как информационно-познавательная деятельность	288
<i>Чекулаев Д.П.</i> Установление в УПК РФ конкретных сроков вынесения прокурором некоторых постановлений: торжество законности или...?	292
<i>Янин Д.Г.</i> Совершенствование статьи 73 УПК РФ как средство повышения эффективности стадии исполнения приговора	29

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

<i>Коваль Е.И.</i> Влияние международных отношений на исполнение международных запросов о правовой помощи	305
<i>Ладвез Д.Ю.</i> Актуальность судебной экспертизы как средства доказывания в уголовном процессе	308
<i>Осипова М.В.</i> Отсутствие состава преступления как основание для отказа в возбуждении уголовного дела	311
<i>Чибизов К.А.</i> Возвращение прокурору полномочий по возбуждению уголовного дела	314
Наши авторы	318

CONTENTS

GENERAL PART OF CRIMINAL PROCEEDINGS

<i>Andreeva O.I.</i> Theoretical and practical problems of psychophysiological examination in criminal proceedings	4
<i>Bykova A.V.</i> Civil suit in criminal proceedings	12
<i>Vlasov I.V.</i> Challenge of a forensic investigator	15
<i>Gavrilin G.G.</i> On settling the conflict of interest of the rights of victims in a criminal procedure	21
<i>Grigoriev V.N.</i> The status of the suspect: a benefit with adverse effects	29
<i>Danilyuk M.G.</i> Testimony as a source of evidence in the criminal procedure of Russia and Ukraine	36
<i>Deiko V.E.</i> The criminal procedural form in cases on minors	43
<i>Divayev A.B.</i> Differentiation of the form of criminal procedure proving	49
<i>Zheleva O.V.</i> Forms of abuse of the right to appeal in court against actions (inaction) and decisions of prosecuting officials and state authorities	55
<i>Znikin V.K.</i> Professional detective activities in Russia: diagnosis, prognosis, development	62
<i>Znikin V.K.</i> Private investigators in the Russian criminal procedure	73
<i>Isachenkov S.B.</i> The role of lawyers of the suspect and the accused in the Russian criminal procedure	78
<i>Kozyrev V.I.</i> Prosecutor's supervision over the reasonable time of pre-trial criminal proceedings	85
<i>Krasnolutskaya T.S., Komkova N.V.</i> Changes in the laws of the Russian Federation and their influence on the state and results of law enforcement	92
<i>Lon S.L.</i> On certain aspects of the limits of legal regulation of relations in the sphere of criminal procedure	96
<i>Mezinov D.A.</i> Classification of criminal procedure evidence as direct and indirect	104
<i>Petrushin A.I.</i> Age as a criterion for determining the criminal procedural capacity of the private claimant	113
<i>Piyuk A.V.</i> Postulates of the modern criminal procedure	122
<i>Sidorova N.A.</i> Contemporary issues of detention as a measure of restraint	128
<i>Skoblik K.V.</i> Sufficiency in the making of criminal procedure decisions and its types	135
<i>Sokolovskaya N.S.</i> On the admission of relatives of the accused and other persons as defence counsels in criminal proceedings	142
<i>Trefilov A.A.</i> Classification of participants of criminal proceedings in the 2007 Swiss Criminal Procedure Code	148
<i>Khalilova V.L.</i> Inquiry bodies in the modern Armed Forces of the Russian Federation (Military Police)	153

<i>Shatalov A.S.</i> Results of research in the criminal procedure law as a factor of the development of scientific, educational and legislative activities	160
<i>Sheyfer S.A.</i> Examination of evidence in the system of proving.....	171

SPECIAL PART OF CRIMINAL PROCEEDINGS

<i>Bondareva I.Yu.</i> Issues of criminal procedure law application in the exercise of the prosecutor's powers when concluding a pre-trial cooperation agreement with the suspect (the accused)	176
<i>Brester A.A., Kuklina N.S.</i> Some obstacles to the prosecutor's request to drop charges	183
<i>Dudko N.A.</i> On the number of members of the jury.....	197
<i>Ivleva A.V.</i> Correlation of grounds for cancelling or modifying judgments on criminal cases by courts of appeal and cassation	202
<i>Kalugin A.G.</i> New grounds for termination of prosecution: reflections on the draft law of the Supreme Court of the Russian Federation	206
<i>Karavaeva E.N.</i> Specific issues of dismissal of criminal cases by the court on non-rehabilitating grounds	212
<i>Kirillova N.P.</i> The court's competence when considering the investigator's request for detention	218
<i>Kuryakhova T.V.</i> The opportunity to gain in charges when the court establishes factual circumstances essentially different from those in the indictment	225
<i>Mikhailov A.A.</i> Methods of sentence legitimation in society	232
<i>Muravyov K.V.</i> Reduction of procedural load as a condition for reforming the initial stage of proceedings	239
<i>Nekhoroshikh M.E.</i> Delimitation of fairness of the sentence and its legality and validity	247
<i>Pisarevskiy I.I.</i> Validity of sentence in a special order of the trial	255
<i>Popova I.P.</i> Problems of making a conviction	258
<i>Romashova A.I.</i> Features of trial in cases investigated in a simplified form of inquiry	266
<i>Sarychev E.A.</i> On the protection of the suspect (the accused) that concluded a pre-trial cooperation agreement	275
<i>Sedelnikov P.V.</i> Legal regulation of urgent investigative activities by inquiry bodies	281
<i>Chadnova I.V.</i> Investigation of crimes as an information-cognitive activity	288
<i>Chekulaev D.P.</i> Deadlines for certain prosecutor's decisions established in the RF Code of Criminal Procedure: the rule of law or . . . ?	292
<i>Yanin D.G.</i> Improvement of Article 73 of the RF Code of Criminal Procedure as a means to enhance the efficiency of the sentence enforcement stage	299

SCIENTIFIC REPORTS

<i>Koval E.I.</i> Impact of international relations on the execution of international requests for legal assistance	305
---	-----

<i>Ladvez D.Yu.</i> Relevance of forensic examination as a source of evidence in the criminal procedure	308
<i>Osipova M.V.</i> Lack of evidence as grounds for refusal to initiate a criminal case	311
<i>Chibizov K.A.</i> Return of the power to initiate a criminal case to the prosecutor	314
About the authors	318

Научное издание

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 71/1

Сборник статей

Редакторы К.В. Полькина, Е.Г. Шумская
Компьютерная верстка А.И. Лелююр, Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 25.01.2017 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 19,2. Тираж 250 экз. Заказ № 2454.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–53-15-28
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978–5–94621–611–1

